

ҚАЗАҚСТАН
ТӘУЕЛСІЗДІГІНЕ

30 ЖЫЛ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2021:

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына
және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
30 жылдығына арналған
«Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала»
атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференция материалдары

Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.

3-том

Алматы
2021

ӘОЖ 902/904

КБЖ 63.4

М 21

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

З. Самашев, тарих ғылымдарының докторы, профессор
М.Қ. Хабдулина, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
В.Г. Ломан, тарих ғылымдарының кандидаты

Редакциялық алқа:

И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); З.М. Төленова, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент; А.Е. Рогожинский, тарих ғылымдарының кандидаты;
Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ж.Қ. Мықтыбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; А.А. Горячев; Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты;
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); А.К. Айтқали, философия докторы (PhD);
М.С. Шағырбаев, Я.С. Шаяхметова

М21 Марғұлан оқулары – 2021: Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 30 жылдығына арналған «Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.). 3 томдық. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. 3-том. 272 б.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

Жинақтың үшінші томына далалық материалдарды теориялық талдау нәтижелері және пәнаралық зерттеу қортындыларына арналған мақалалар, сонымен қатар өнер, қолөнер және костюмдерді зерттеу мәселелері кіргізілді. Ғылыми айналымға жаңа мәліметтер енгізілуде.

Шығарылым отандық және шетелдік археологияның өзекті мәселелерін зерттеумен айналысатын мамандарға арналған.

ӘОЖ 902/904

КБЖ 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2021

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021:

материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований»,
посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана

г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.

Том 3

Алматы
2021

УДК 902/904

ББК 63.4

М 21

Сборник издается в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук

Рецензенты:

З. Самашев, доктор исторических наук, профессор
М.К. Хабдулина, кандидат исторических наук, доцент
В.Г. Ломан, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:

И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD); З.М. Толенова, кандидат
исторических наук, доцент; А.Е. Рогожинский, кандидат исторических наук;
Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; Ж.К. Мыктыбаева, кандидат исторических
наук; А.А. Горячев, А.М. Манапова, кандидат исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат
исторических наук; Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD);
Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук; Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD); А.К. Айткали, доктор философии (PhD); М.С. Шагирбаев, Я.С. Шаяхметова

М21 Маргулановские чтения–2021: материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию
Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана
(г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах. Алматы: Институт археологии
им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 3. 272 с.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

В третий том сборника вошли статьи, посвященные результатам теоретического осмысления
полевых материалов и итогам междисциплинарных исследований, а также вопросам изучения
искусства, ремесла и костюма. Впервые в научный оборот вводятся новые данные.

Издание адресовано специалистам, занимающимся изучением актуальных вопросов
отечественной и зарубежной археологии.

УДК 902/904

ББК 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A. Kh. MARGULAN ARCHAEOLOGY INSTITUTE

MARGULAN READINGS – 2021:

Proceedings of the International scientific and practical conference
“The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”,
dedicated to the 30th anniversary of Independence
of the Republic of Kazakhstan
and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute

Almaty, October 26–27, 2021

Volume 3

Almaty
2021

UDC 902/904

LBC 63.4

M 21

The is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan,
URN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

Z. Samashev, Doctor of Historical Sciences, Professor
M. Khabdulina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
V. Loman, Candidate of Historical Sciences

Editorial board:

I. Merz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); Z. Tolenova, Candidate of Historical Sciences; A. Rogozhinskiy, Candidate of Historical Sciences; G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; Zh. Myktybayeva, Candidate of Historical Sciences; A. Goryachev, A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aytqaly, Doctor of Philosophy (PhD); M. Shagirbayev, Ya. Shayakhmetova

- M21** Margulan readings–2021: proceedings of the International scientific and practical conference “The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”, dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute (Almaty, October 26–27, 2021). In 3 volumes. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2021. Vol. 3. 272 p.

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

The third volume of the collection includes articles on the results of theoretical understanding of field materials and the results of interdisciplinary studies, as well as issues of studying art, craft and costume. For the first time, new data are being introduced into scientific circulation.

The publication is addressed to specialists engaged in the study of topical issues of domestic and foreign archaeology.

UDC 902/904

LBC 63.4

ISBN 978-601-7312-85-5

ISBN 978-601-7312-86-2

© A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2021

ӨНЕР, ҚОЛӨНЕР
және
КОСТЮМДЕРДІ
ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

*Вопросы изучения искусства,
ремесла
и костюма*

**А.Ш. АҚҚАЛИЕВА,
А.Т. НЕСІПБАЙ**

**Аққалиева Айбобек Шыныбекқызы,
Несіпбай Асқар Темірғалиұлы,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан;
aybobek.akkaliyeva@gmail.com;
askar.nesipbay@mail.ru**

ШІРІКРАБАТ МӘДЕНИЕТІНЕ ТӘН АҢ СТИЛІНДЕГІ БЕЙНЕЛЕР

Аннотация. Мақалада шірікрабат мәдениеті ескерткішінен табылған (б.д.д. IV–II ғғ.) аң стилінде жасалған үш бұйым сарапталады. Олар қабан (?) бейнесіндегі тас мүсінше, жолбарыс бейнеленген алтын жапсырма және жыртқыш аң мен шөпқоректі жануар бейнесі бар сүйек қасық. Алғашқы бұйым 1961 жылы Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (жетекшісі С.П. Толстов) Буланды 1 қалашығында жүргізген қазбадан табылды. Қазіргі таңда тас мүсіншеде нақты қандай жануар бейнеленгендігін анықтау қиындық туғызып отыр. Қалған екі бұйым Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Шірік Рабат археологиялық экспедициясы (жетекшісі Ж. Құрманқұлов) Шірік-Рабат қалашығында 2012 және 2017 жылдары жүргізілген қазбадан алынды. № 2 обадан мысық тәрізді жыртқыш бейнесі табылса, № 1 обадан сүйек қасық алынды. Сарапталған бұйымдардың кең көлемдегі аналогтары Қазақстан мен жақын шетел материалдарында кездеседі.

Түйін сөздер: Сырдария, Шірікрабат, аң стилі, тас мүсінше, алтын жапсырма, сүйек қасық

**Аққалиева Айбобек Шыныбекқызы,
Несіпбай Асқар Темірғалиұлы,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан
aybobek.akkaliyeva@gmail.com;
askar.nesipbay@mail.ru**

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗВЕРЕЙ В МАТЕРИАЛАХ ЧИРИКРАБАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируются три находки, выполненные в зверином стиле и происходящих из памятников чирикрабатской культуры (IV–II вв. до н.э.): каменная скульптурка в виде кабана (?), золотая бляшка с изображением тигра и костяная ложка с изображением хищных и травоядных животных. Первое изображение происходит из раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (рук. С.П. Толстов) 1961 г. на городище Буланды 1. В настоящее время сложно определить какое именно животное изображено на камне. Два других предмета происходят из раскопок Чирикрабатской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Марғұлана (рук. Ж. Курманкулов), проводившихся в 2012 г. и 2017 г. на городище Чирикрабат. Изображение кошачьего хищника выявлено в материалах кургана № 2, костяная ложка – в кургане № 1. Проанализированные предметы находят широкий круг аналогий среди материалов Казахстана и стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: Сырдария, Чирик рабат, звериный стиль, каменная скульптурка, золотая бляшка, костяная ложка

Aibobek Akkaliyeva,
Askar Nessipbay,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan;
aybobek.akkaliyeva@gmail.com;
askar.nesipbay@mail.ru

ANIMAL STYLE IMAGES TYPICAL OF THE CHIRIKRABAT CULTURE

Abstract. The article analyzes several finds made in the animal style and originating from the monuments of the Chirikrabat culture (IV–II centuries BC): a stone sculpture in the form of a boar (?), a gold plaque with the image of a tiger and a bone spoon with the image of carnivorous and herbivorous animals. The first image comes from the excavations of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition (leader S.P. Tolstov) in 1961 at the Bulandy 1 settlement. At present, it is difficult to determine which animal is depicted in the stone. Two other items come from the excavations of the Chirikrabat archaeological expedition of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute (leader Zh. Kurmankulov), held in 2012, 2017 in Chirik-rabat. An image of a feline beast was found in materials from mound № 2, a bone spoon – in mound № 1. The analyzed objects find a wide range of analogies among materials from Kazakhstan and neighboring countries.

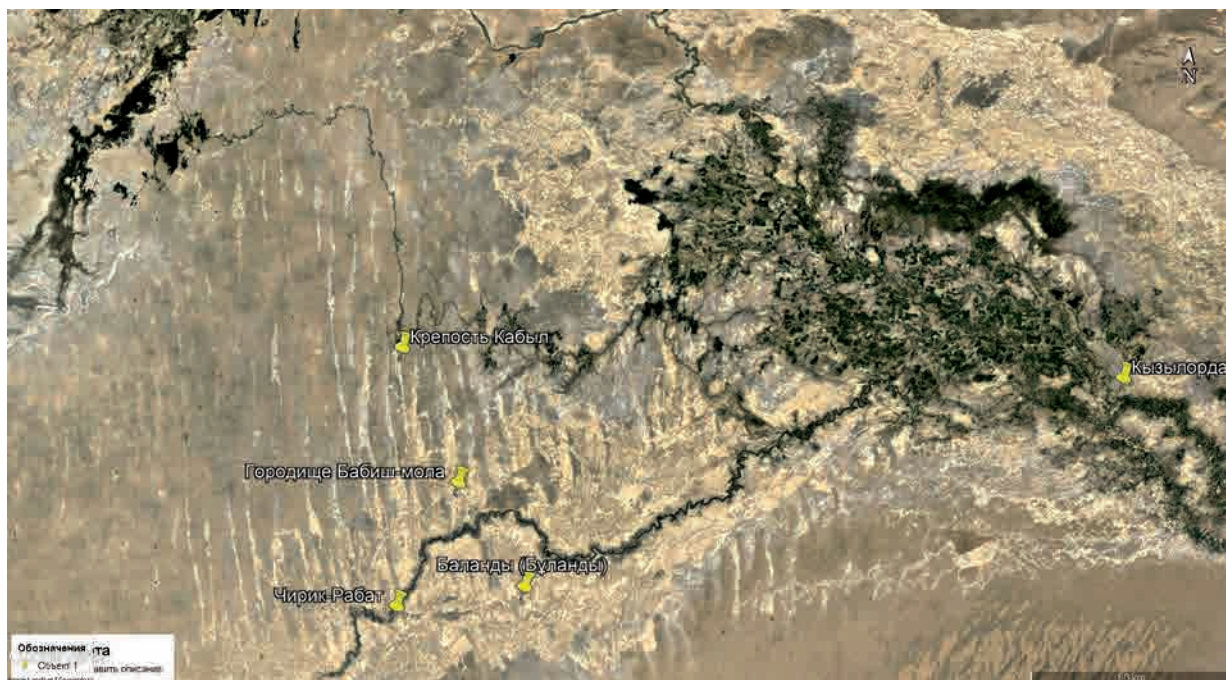
Keywords: Syrdaria, Chirik rabat, animal style, stone sculpture, golden plaque, bone spoon

Кез келген өнердің басты шартында оның ерекшелігі мен стилі маңызды болып саналады. Сол арқылы оның хронологиясы мен мәдениетін анықтауға мүмкіндіктер туады. Зерттеу тақырыбымызға сәйкес келетін шірікрабат мәдениетінің басты өнеріне аң стилі жатады. Қазіргі таңда аң стилі туралы елеулі ақпараттардың ғылыми айналымда көп болғандығына қарамастан, әлі де толыққанды зерттеуді қажет етеді. Соның ішінде, зооморфтық бейнелердің эволюциясы мен дамуындағы заңдылықтарды іздеу өзекті тақырыптардың бірі болып отыр. Алайда, археологиялық материалдарды зерттеу кезеңінің жұмыстары ескерткіштердің ерекшеліктерін анықтау, жүйелеу және талдау кезеңдерінен де маңызды.

Аң стилінде жасалған алғашқы бұйымға жататын тас мүсіншені 1961 ж. Бұланды 1 қалашығынан С.П. Толстов жетекшілік еткен Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы анықтады [Толстов, 1962, с. 174]. Кейін, 2012 жылы Ж. Құрманқұловтың басшылығымен Шірік Рабат археологиялық экспедициясы Шірік Рабат қалашығында қазылған алты обаның № 2-обасынан кездейсоқ алтын жапсырманы тапқан болатын (сур. 1) [Курманкулов, Утубаев, 2017, с. 195–199]. Ал 2017 ж. аталған экспедицияның Шірік 4 қорымына археологиялық қазба жүргізу сәтінде № 1 обадан зооморфты бейнеленген сүйек қасық табылды [Құрманқұлов және т.б., 2020, 275 б.].

Жалпы, Бұланды 1 қалашығы салтанатты безендірілген бірнеше бөлмелері бар үлкен бекіністі үйге жатады. Осы бөлмелерден табылған бұйымдар арқылы аталған ескерткішті б.д.д. III–II ғғ. мерзімдеген [Толстов, 1962, с. 170–171]. Табылған олжалардың қатарына сызу арқылы өрнектелген сүйек пластиналар, шыны ыдыстың бөліктері, үлкен қола айна және т.б. жатқызуға болады. Соның ішінде, тастан жасалған зооморфты мүсінше тақырыбымызға сәйкес келеді. Кварциттен жасалған бұл мүсіншенің ұзындығы 19,5 см, биіктігі 10,5 см, ал, енінің өлшемі 6,5 см-ді құрайды (сур. 2, 1). Қазіргі таңда, тас мүсінде қандай жануардың бейнеленгендігін анықтау қиынға соғып отыр. С.П. Толстов өз еңбегінде бұл тас мүсінді арыстанның бейнесі қашалу арқылы жасалған деп тоқталып өтеді [Толстов, 1962, с. 174, рис. 99].

Жануар өзінің алдыңғы және артқы аяқтарын бауырына алып жатқан дене тұрқымен көптеген зерттеушілердің назарын аударды. Бұндай кейіптегі жануар ежелгі скиф-сібір аң стилінде және оңтүстік-шығыс Арал маңында кеңінен таралған [Итина, Яблонский, 1997, с. 174, рис. 78]. Біздің пікірімізше, аталған тас мүсінде қабан (?) болуы мүмкін. Е.Е. Кузьмина қабанның кескінін Авеста құдайларының біріне табынумен байланыстырады және осетиндік эпоста бұл образдың

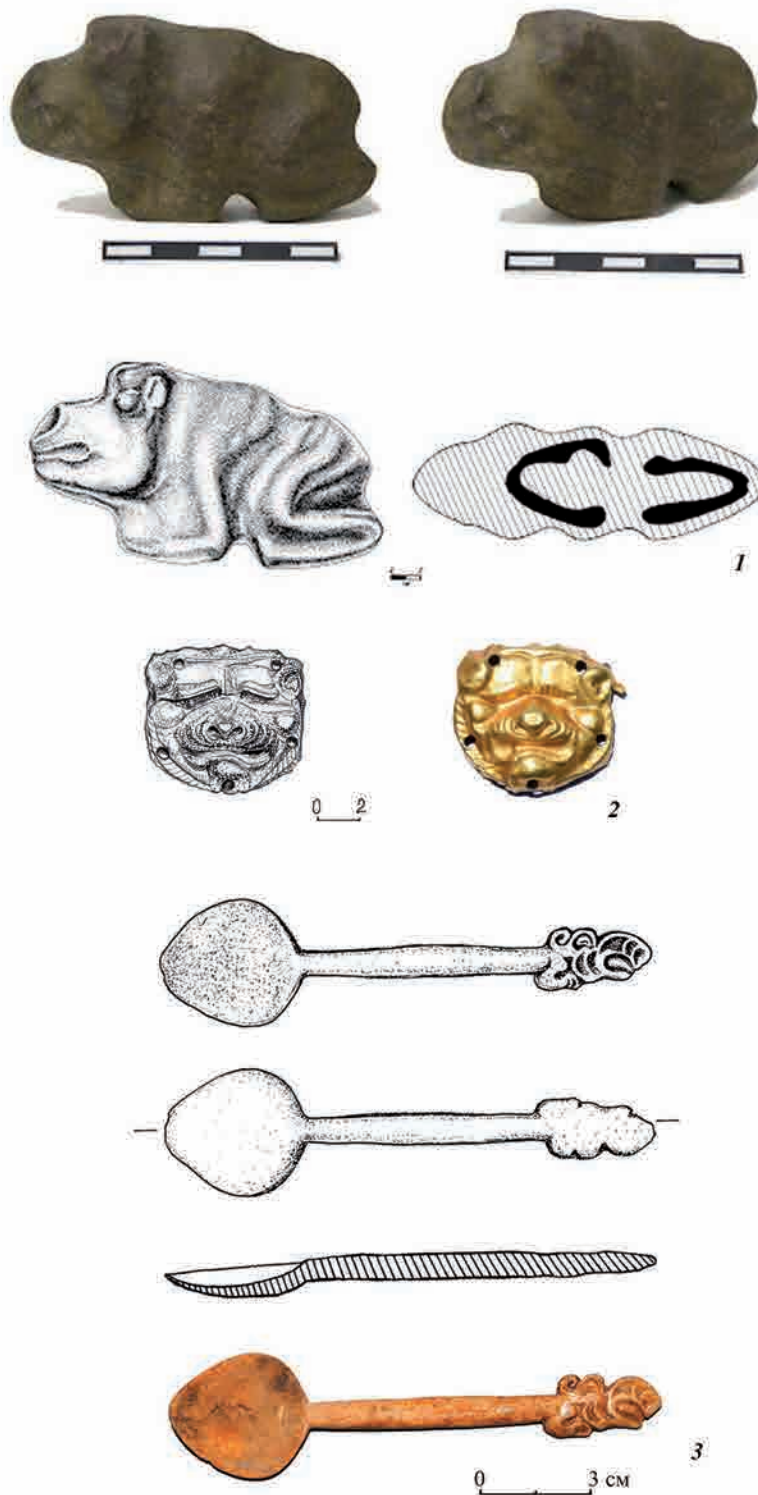

Сур. 1. Шірік 4 және Бұланды ескерткіштерінің орналасу аймағы. ©Google Earth

жануарларға және желге айналатын қабілеті бар екендігін көрсетеді [Кузьмина, 1977, с. 105–106]. Бұланды 1 қалашығынан табылған зооморфты тас мүсіншенің аналогы Орталық Азияның шекарасынан тыс аумақтардан табылып отыр. Соның ішінде, оны Украинаның Шпола қаласының маңынан анықталған ғұрыптық ыдыстың бөлігімен салыстыра аламыз. Тастан жасалған ғұрыптық табақтың сынығы сопақша пішінде келген және сыртқы ернеу жиегі үшбұрышты өрнектермен безендіріліп салынған. Ал ыдыстың жоғарғы бөлігінде құлағы дөңгеленіп, тұмсығы төмен қарап бейнеленген, алдыңғы және артқы аяқтарын кеудесіне басып жатқан жыртқыш аңның (арыстан немесе аю) мүсіні қашалып салынған. Бұл ғұрыптық ыдыстың қарама-қарсы бетінде де зооморфты мүсін дәнекерленген болуы мүмкін. Осы арқылы зооморфты тас мүсіндерді табақтың тұтқасы ретінде пайдаланған деген тұжырым жасауға болады [Бобринский, 1894, с. 135–136, рис. 21]. Жалпы, қазіргі кезде зооморфты тас ыдыстар Алдыңғы Азия елдерінен көптеп табылып отыр. Соның бірі, Солтүстік Ирак жеріндегі б.д.д. VII ғ. құлаған Ассирияның астанасы Ниневия қаласының орнынан анықталды. Солтүстік Қара теңіз аймағындағы көшпелілерге жоғарыда аталған артефактілер Алдыңғы Азия елдері жорық жасаған кезде келді деп болжаймыз [Махортых, 2019, с. 351–352, рис. 2].

Бұланды I мен Шпола қаласының маңынан табылған тас мүсіндердің негізгі айырмашылығына тоқталатын болсақ: біздегі жануардың тұмсығы жоғары, ал украиналық зооморфты бейненің тұмсығы төменге қарай бағытталған.

Қабан мүсіншесі бейнеленген келесі бұйымға 1952 ж. Алматы қаласынан кездейсоқ табылған ғұрыптық ыдыс жатады. Қоладан құйылған бұл ыдыс б.д.д. V–III ғғ. мерзімделеді. Цилиндр пішіндес ғұрыптық ыдыс бүйірінің орта тұсында қабан мүсіндеріне ұқсас доға тәрізді екі ілмек дәнекерленген. Оның бірі бүйірінен шығарылған араны ашылған қабанның басы тәрізді шүмек, ал, екіншісі қабанның басы іспетті қимасы дөңгелек келген, қатпарлы ұзын тұтқа. Қабанның құлақтарының арасына және тұмсығының астына саңылаулар ойылып салынған [Сенигова, 1967, с. 59–60].

Сур. 2. Шірікрабат мәдениетіне тән аң стиліндегі бейнелер:
 1 – аң стиліндегі тас мүсінше; 2 – жолбарыс бейнесіндегі алтын жапсырма;
 3 – зооморфты бейнедегі сүйек қасық.
 Сурет Ж.Р. Утубаевтың жеке мұрағатынан алынды

Келесі аң стиліндегі бұйымға жататын – жолбарыс бейнесіндегі жапсырма (сур. 2, 2) қалыпталу техникасы арқылы жасалған. Сақталуы жақсы деңгейде. Биіктігі 1,6 см, ені 1,7 см. Жапсырманың асты, үсті және бүйір бөліктерінде бес саңылау бар. Жыртқыш ашулы кейіпте бейнеленген. Оны көздерінің қысыңқы және тұмсық пен ауыз бөліктеріндегі қатпарлардан, маңдайындағы тік түскен сызықтардан анық байқауға болады. Жолбарыстың маңдайы ашық әрі кең. Маңдайдағы әжімдер терең, иілген сызықтармен ерекшеленеді. Құлақтары кішкентай, дөңгелек жатыңқы болса, ал көздері қысыңқы келген. Тұмсығының тыржыған кейпі үш жақша түріндегі сызықтармен анық көрсетілген. Ауыз қуысы созылыққы, бет сүйектері тамшы тәріздес дөңес етіп бейнеленген. Жақ сүйектерінің түктері (сақал) тікірейген күйде бейнеленген. Сондай-ақ әшекейде аң бейнесімен қатар антропоморфты белгілер де байқалады. Осы бейнені Есік қорғанынан табылған жолбарыстың бет-пішіні түріндегі цилиндрлі әшекейлермен ұқсастыруға болады [Акишев, 1978, с. 22]. Ол шамамен б.д.д. V–IV ғасырлармен мерзімделеді. Жолбарыстың тұмсығы, көзі, ауыз қуысы, жағы, мұрты, қастары және маңдайындағы әжімдері анық көрсетіліп, құлақтары симметриялы орналасқан. Есік қорғанынан табылған осы әшекейді шекпен матасына тігу үшін, оның бұрыштарына төрт тесік салынған. Жыртқыш аңның тұмсығы жолақтардың орналасуына байланысты ерекшеленіп тұрады. Мысалы, тұмсық тік жолақтардың (59 дана) ішінде созылыққы, көлденең жолақтардың (54 дана) арасында тегістелген күйде кездеседі. Жапсырмалар қалыпталу әдісі арқылы жасалған [Акишев, 1978, рис. 31, 32].

Есік қорғанынан табылған аң стилінде жасалған әшекей бұйымдарда жолбарыспен қатар арыстанның бет-пішіні де бейнеленген. Жалпы, арыстан бейнесіндегі алты дана жапсырма анықталды. Оның пішіні дөңгелек, бүйірі шығыңқы келген. Сыртқы жарты шар пішіні төмен рельефтік техниканы қолданып жасалған толық жүзді арыстанның бетін бейнелейді. Кескіндер өте стильдендірілген, антропоморфты бейнеге де ұқсайды. Ауыз, тұмсық, мұрт, көз бөлшектері мұқият өңделген және құлағы түзу орналасқан. Жапсырма шеттерінде тігуге арналған алты тесігі бар және оның ішкі жағында мыс оксидінің іздері сақталған. Барлық жапсырмалар бірдей жасалған, ал, ұсақ бөлшектерде кездесетін айырмашылықтар кейінгі өндеудің нәтижесінде пайда болған. Өлшемдері: 2,2×2,6 [Акишев, 2006, с. 186].

Аң стилінде бейнеленген алтын әшекейлерден бөлек, ағаштан жасалған бұйымдар да зерттеушілердің ерекше қызығушылығын тудырды. XVIII ғ. аяғы мен XIX ғ. бірінші ширегінде инженер П.К. Фролов Алтай аумағынан көптеген ағаштан жасалған бұйымдарды анықтады [Артамонов, 1972, с. 50]. Ағаш бұйымдар алтыннан жасалған тоғаларға, әрі олардағы аң стиліндегі бейнелерге қатты ұқсас болып келген. Өз кезегінде олардың археология саласы үшін берер жаңашылдығы мол болмақ. Сол себептен тоғалар ерекше назар аударуды қажет етеді.

Шірік Рабат қалашығының №2 обасынан табылған жолбарыс бейнесіндегі жапсырмаға аналог ретінде б.д.д. IV–III ғасырлармен кезеңделетін Берелдің №11 обасынан табылған бұйымдарды жатқызуға болады [Самашев, 2011, 53 б.].

Шірік 4 қорымының №1 обасының диаметрі 30 м, биіктігі 0,50–1,30 м керіш аралас топырақтан тұрғызылған. Ортасында диаметрі 17 м, тереңдігі 1 м болатын шұңқыр бар [Құрманқұлов және т.б., 2020, 281 б.]. Тақырыбымызға сәйкес келетін зооморфты қасық сүйектен нақышталып, жылтырату әдісі арқылы жасалған (сур. 2, 3). Сүйек қасықтың сабы кішкентай тостаған ыдысқа ұқсатылып әзірленген және сабының ұшында ақбөкеннің бейнесі бедерленіп салынған. Ақбөкенге ұқсас қоңқиған тұмсығы, тамшы тәріздес аузы бейнеленген. Сонымен бірге шығыңқы, жартылай дөңгелек ойықта орналасқан көзі және оның артында шиыршықталып салынған мүйіздің суреті бар. Ал иек жағы екі ойыс пішіндермен бөлінген. Артқы бөлігінде «жер бауырлап жатқан» мысық тұқымдас жыртқыш аңның аяғы суреттелген. Осы арқылы зооморфты бейнедегі сюжетті байқауға болады. Ұқыпты істелген сүйек қасықтың ұзындығы 11 см, ені 3 см.

Осындай шөпқоректі жануар мен жыртқыш аңдар бейнеленген сюжетті сүйек қасықтардың аналогы ретінде савромат-сарматтық жерлеу орындарынан анықталған қасықтарды алуға болады.

Алғашқылардың бірі болып К.Ф. Смирнов өзінің «Савроматы» атты еңбегінде сүйек қасықтар туралы мәліметтер келтіреді [Смирнов, 1964, с. 160–161]. Еділ аумағындағы прохоровтық кезеңге жататын әйелдер жерлеу орнынан сүйектен және мүйізден жасалған қасықтар табылды. Қасықтардың сабының ұшында жыртқыш аңның (аю, қасқыр, бүркіт) басы, не бедерлі өрнектер бейнеленген. Ең алғашқы сүйек қасықтар б.д.д. VI ғ. мерзімделетін Биш-Оба қорғанынан табылды. Биш-Обалық қасықта гравировка әдісімен мысық тұқымдас жануардың бейнесі енгізілген аю суреттелген. Ал б.д.д. IV ғ. қасықтың сабы өз күрделілігін жоғалтып жануар бейнесі әртүрлі схемаларға ауыса бастайды. Кейде бедерлі өрнектер салынбаған қасықтарда кездеседі.

Кейін М.Қ. Қадырбаев пен Ж. Құрманқұлов Ақтөбе облысындағы Сынтас қорымынан зооморфты бейнелермен өрнектелген сүйек қасықтарды анықтайды. Орталық жерлеу орнының екінші обасынан киіктің басы салынған барельефті бейнелі қасық табылады. Бірінші обаның үшінші жерлеу орнынан кездескен қасықтың сабында (ұзындығы 8,5 см, ені 2,3 см) бірнеше жануарлардың суреті өрнектеліп жасалынған. Бірінші – тұмсығы ақсиып, басы бұрылып жатқан күйдегі қасқыр бейнесі сипатталған. Келесі фигура – басы кері бұрылып, аяғы (табаны) сақина сияқты ойықталған қыран бейнесі, үшіншісінде – қасқырдың алдыңғы аяғына тірелетін киіктің басы өрнектелген. Қасықтың сабының артқы жағынан дәл осы көрініс байқалады. Бұл қасық – «зоологиялық бас қатырғыш» стилінде суреттелген сирек кездесетін үлгі. Бұл жерде сүйек қасықтар негізінен әйелдердің бояғыш заттарын ұнтақтауда қолданылған [Қадырбаев, Құрманқұлов, 1976, с. 155]. Бірақ Сынтас қорымының ерлер жерлеуінің жебе ұштары орналасқан жерінен де сүйек қасықтар табылды. Қазіргі таңда қасықтың қорамсақпен бір байланысы болуы мүмкін деген жорамалдар айтылып жүр [Қадырбаев, Құрманқұлов, 1976, с. 152–156].

Жалпы ғалымдар сүйек қасықтың жебе ұштарымен, қорамсақпен байланысын зерттеуді 1990 жылдан бері қарай ғана қолға ала бастады. Солардың бірі В.К. Федоров болды [Федоров, 2013, с. 44]. Сүйек қасықтар негізінен Дон мен Жайық бойын мекендеген ерте көшпелілердің жерлеу орындарынан кездесті. Оларға б.д.д. VI ғ. мерзімделетін Төменгі Дон – Новоалександровка 7/8, Красногоровка 4/3 қорғандарынан анықталған қасықтар жатады. Б.д.д. VI–IV ғғ. қорамсақтар белгілі бір тәртіп бойынша орналастырылмады: жерленген адамның оң жағына, кейде сол жағына, басы, аяғы мен кеуде тұстарына да қойылды. Зерттелінген қасықтардың жоғарғы бөлігінен көп жағдайда тотыққан мыстың қалдықтары анықталған. Бұлар сүйек қасықтардың жебе ұштарына жақын жерде немесе қылшанның түбінде жатқанына дәлел бола алады. Линевка мен Шумаево қорғандарынан табылған қорамсақта сүйек қасықтар сақталған. Қасықтар жебе ұштарынан 20–40 см биік жерде (Шумаево), сонымен қатар, қорамсақтың сағасында (Линевка) орналасқан [Федоров, 2013, с. 58]. Бұл арқылы әскери адам өзінің өмір сүрген кезінде қасықты қорамсақтың ішіне салмағандығын және оның тек қайтыс болғаннан кейін ғана жерлеу рәсімін өткізу барысында қорамсақтың ішіне жебелермен бірге қойылғандығын көруге болады [Федоров, 2011, с. 85]. Сонымен бірге, қасықтар жебе ұштарына жақын жерден және қорамсақтың сыртынан да табылды. Мысалы: Новоузенск 2/8 қорымында жерленген адамның аяғының тұсынан бір-бірінің жанында жатқан екі қорамсақ жиынтығы және үш қасық табылды [Ким, 1977, с. 27]. Бұл арқылы қасықты рәсім аяқталатын сәтте ғана қорамсаққа салған немесе жақын жерге қойған деген тұжырым жасауға болады [Аққалиева, 2021, 113–114 бб.].

Қорытындылай келе, шірікрабат мәдениетінің зооморфты жәдігерлері әлі тыңғылықты зерттеуді қажет етеді. Ондағы жаңашыл деректерді әлемдік ғылым саласына енгізу мақсатында осындай мақалалардың берер пайдасы орасан деп ойлаймыз. Өмір сүрген аумағына байланысты шеберлер Сырдария өзенінің бойын мекендеген жануарларды суреттей білді десек болады. Бұйымдардың аналогтары б.д.д. IV–II ғасырлар аралығында Еуразия аумағының барлық дерлік

жерлерінде кездесетіндігі олардың ерекше сұраныста болғандығын білдіреді. Бұл әлеуметтік, тұрмыстық, ғұрыптық аспектілермен байланысты болуы мүмкін.

Қазіргі таңда аң стиліне байланысты зерттеушілер қолданатын типологиялық әдіс жеке олжаларды зерттеуге бағытталған ғылыми бағдар ретінде қарастырылады. Жалпы, аң стиліндегі бейнелерді толық зерттеу арқылы бөлек классификация беріп, оның ғылыми құндылығын ашу қазіргі ғылымның басты мақсаты. Тек осы шарттар орындалғанда ғана басқа жәдігерлермен салыстырып, оның басқа мәдениеттермен байланысын анықтауға мүмкіндік туады.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: «Искусство», 1978. 129 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана // Евразийский народ саки «Анналы истории, археологии и космогонических представлений народов Евразии». Алматы: «Болашақ балапандары», 2006. 248 с.

Аққалиева А.Ш. Шірікрабат мәдениетіне тиесілі сүйек қасықтар // Омаров Ғани Қалиханұлының 60 жылдық мерейтойына арналған «Орталық Азияның ежелгі және ортағасырлық археологиясы: мәдениеттер сабақтастығы және трансформациясы» атты халықар. ғыл. конф. м-ры (Алматы, 5 маусым 2021 ж.). Алматы: «Қазақ университеті», 2021. 112–115 бб.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: «Искусство», 1972. 269 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. В 3-х т. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1894. Т. 2. 232 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.

Ким М.Г. Отчет о полевых археологических исследованиях у ст. Новоузенск Саратовской обл., произведенных Кимом М.Г. в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6773.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: «Наукова думка», 1977. С. 96–119.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. Чирикратская культура Восточного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 191–211.

Құрманқұлов Ж., Утубаев Ж., Сүіндікова М., Қасенова Ә. Шірік 4 кешеніне жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелері (2017 жылғы қазба негізінде) // Марғұлан оқулары–2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 2 том. 274–285 бб.

Махортых С.В. Каменные блюда VII–VI вв. до н.э. из скифских памятников лесостепного Поднепровья // Маргулановские чтения – 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Евразийский национальный университет, 2019. С. 346–359.

Самашев З. Берел. Алматы: «Таймас», 2011. 236 б.

Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / отв. ред. Алма-Ата: Ғылым, 1968. С. 51–67.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 324 с.

Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // Российская археология. 2013. № 2. С. 44–61.

Федоров В.К. Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками // Нижневолжский археологический вестник. 2011. Вып. 12. С. 76–94.

**Б.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ,
О.Н. СТУПИН,
В.Л. ЖЕЛЕЗНЯКОВА**

Железняков Борис Анатольевич,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; boriszheleznyakov@mail.ru;
Ступин Олег Николаевич,
Независимый исследователь,
г. Алматы, Казахстан; riri.decor@gmail.com;
Железнякова Вера Леонидовна,
ТОО «Остров Крым»,
г. Алматы, Казахстан, jeweller_22.06.05@mail.ru

ПЕТРОГЛИФЫ КЕРБУЛАКА (хребет Малайсары)

Аннотация. В статье публикуются первые данные об обнаруженном в 2021 г. местонахождении петроглифов в 30 км к востоку от р. Иле/Или, в урочище Кербулак, в центральной части хребта Малайсары. Кербулак находится приблизительно в 20 км к северо-западу от крупного местонахождения петроглифов Архарлы. Памятник Кербулак насчитывает чуть более 200 петроглифов. Набор сюжетов и изображений, в целом, достаточно типичен для других памятников среднего течения р. Иле. Основная часть изображений относятся к раннему железному веку и средневековью. Весьма распространены сцены с охотой на животных, относящиеся к этим периодам истории данного микрорегиона. Редкие изображения относятся к эпохе бронзы: изображения антропоморфной личины и колесницы. Встречаются изображения поздней бронзы (многофигурные композиции). Микрорегион изучается 125 лет, но еще не все памятники наскального искусства выявлены, документированы, изучены. Безусловно, каждый рисунок (штрих) имеет значение для составления адекватного представления о культуре населения среднего и нижнего течения р. Иле.

Ключевые слова: Илейская долина, наскальное искусство, личина, колесница, эпоха бронзы

Железняков Борис Анатольевич,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан; boriszheleznyakov@mail.ru;
Ступин Олег Николаевич,
Тәуелсіз зерттеуші,
Алматы қ., Қазақстан, riri.decor@gmail.com;
Железнякова Вера Леонидовна,
«Остров Крым» ЖШС,
Алматы қ., Қазақстан, jeweller_22.06.05@mail.ru

КЕРБҰЛАҚ ПЕТРОГЛИФТЕРІ (Малайсары жотасы)

Аннотация. Мақалада Іле өзенінен шығысқа қарай 30 шақырым жерде Кербұлақ шатқалында, Малайсары жотасының орталық бөлігінен 2021 жылы табылған петроглифтердің орналасқан жері туралы алғашқы деректер жарияланады. Кербұлақ Арқарлы тауының солтүстік-батысына қарай шамамен 20 шақырым жерде орналасқан. Кербұлақ ескерткіші 200 астам петроглифтерді құрайды. Сюжеттер мен суреттер жиынтығын, тұтастай алғанда Іле өзенінің маңындағы басқа ескерткіштерге ұқсас. Суреттердің негізгі бөлігі ерте темір дәуірі мен орта ғасырға жатады. Осы шағын аумақ тарихының осы кезеңдеріне қатысты аң аулау көріністері өте кең таралған. Антропоморфты адам бейнесіндегі кескін мен арбалар қола дәуіріндегі сирек кездесетін

бейнелерге жатады. Кейінгі қола дәуіріндегі суреттерде кездеседі (көп пішінді композициялар). Бұл аумақ 125 жылдан бері зерттеліп келеді, бірақ жартас өнерінің барлық ескерткіштері толықтай анықталып, құжатталып, зерттелмеді. Әрине, әр сурет (штрих) Іле өзенінің орта және төменгі ағысындағы халықтың мәдениеті туралы түсінік қалыптастыру үшін маңызды.

Түйін сөздер: Іле алқабы, жартас өнері, бейне, арба, қола дәуірі

Boris Zheleznyakov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, boriszheleznyakov@mail.ru;
Oleg Stupin,
Independent Researcher,
Almaty, Kazakhstan, riri.decor@gmail.com;
Vera Zheleznyakova,
«Ostrov Krym» LLP,
Almaty, Kazakhstan, jeweller_22.06.05@mail.ru

PETROGLYPHS of KERBULAK SITE (Malaysary Ridge)

Abstract. The article publishes the first information about the location of petroglyphs discovered in 2021, 30 km to the East from Ile River, in the mountain boundary of Kerbulak, in the central part of the Malaysary Ridge. Kerbulak is located approximately 20 km northwest of the recently widely known large Rock Art sites of archaeological complex of Arkharly. The petroglyphs of site of Kerbulak numbering a little more than 200 images. The repertoire of plots and images, in general, is quite typical with other sites of the middle reaches of Ile River. Most of the images relate to the Early Iron Age and the Middle Ages. Animal hunting scenes relating to these periods of the history of this microregion are very common. Rare images date back to the Bronze Age: images of an anthropomorphic mask (maskoid) and the chariot. Also there are images of the Late Bronze (multi-figure compositions). The micro region has been studied for 125 years, but not Rock Art sites have been identified, documented, studied. Of course, each drawing (stroke) is important for compiling an adequate idea of the culture of the population of the Middle reaches of Ile River.

Key words: Ile River Valley, rock art, mask, chariot, Bronze Age

История изучения петроглифов Средней Иле

Хребет Малайсары является практически самым северным по берегам р. Иле (далее к северу ландшафт понижается и переходит в песчаную пустыню с барханами, тянущуюся до оз. Балхаш). Это наиболее северный микрорегион долины р. Иле со значительными скальными выходами и пересеченным ландшафтом, водными источниками, где были распространены памятники наскального искусства. Это обстоятельство «провоцировало» население разных периодов истории к тому, чтобы оставить свой след в наскальном искусстве этого хребта. Местность вдоль правого берега р. Иле неоднократно исследовалась на наличие археологических памятников и наскального искусства. В сентябре 1897 г. Н.Н. Пантусов посетил урочище Капчагай с целью изучения памятника Тамгалы-Тас, расположенного в 25 верстах к северо-западу от поселка Илийского* (*ныне не существующий поселок, затоплен – прим. авт.), на правом берегу р. Или [Пантусов, 1899а, с. 52–57]. В ту же поездку Н.Н. Пантусов посетил урочище и перевал Аир-кезен (Айыр кезен) и ущелье Тайгак в горах Чулак/Шолак. В урочищах Тайгак и Айыр кезен были обнаружены петроглифы. В основном на плоскостях были изображены фигуры маралов и горных козлов [Пантусов, 1899б, с. 59–62]. Знания о памятниках наскального искусства на правобережье р. Иле, в западных отрогах Жетысу/Джунгарского Алатау (хребет Шолак), были значительно расширены несколько десятилетий назад группой А.Н. Марьяшева. Петроглифы местонахождений Тайгак, Теректы, Караеспе, расположенных к северо-западу от могильника Бесшатыр, исследовались А.Н. Марьяшевым и А.А. Горячевым [Марьяшев, Горячев, 1998]. Неоднократно исследовался и публиковался А.Н. Марьяшевым и С.А. Потаповым Тамгалы-Тас с буддийскими изображениями,

расположенный на расстоянии немногим более 40 км по прямой от местонахождения Кербулак. В дальнейшем памятник привлек внимание ученых (И.В. Ерофеевой, Ф.П. Григорьева, А.Е. Рогожинского, Б.А. Железнякова), специалистов по прочтению текстов, которые детально разобрались в хронологии и культурной принадлежности этого памятника [Ерофеева, 2010]. Тем самым микрорегион привлекал внимание археологов и историков: именно с целью изучения наскальных изображений.

Относительно много памятников было обнаружено к востоку от нашего микрорегиона и, прежде всего, такой крупный памятник как Ешкиольмес в долине р. Коксу, также изучавшийся в 1980-х гг. группой А.Н. Марьяшева [Марьяшев, Рогожинский, 1991]. Расстояние до Ешкиолмеса составляет около 110 км (по прямой). В последние годы проводились исследования и документация оставшегося наследия в горах Архарлы благодаря усилиям «народной экспедиции» – инициативной группы, координируемой О.Н. Гумировой, продолжившей многолетние исследования А.Н. Марьяшева. Местонахождение Архарлы находится на соседнем одноименном хребте, приблизительно в 20 км от Кербулака.

Значительная часть территории, прилегающая к правому берегу р. Иле (ущелья, урочища со скалистыми выходами), уже была обследована ранее, но оставалась территория, не в полной мере охваченная археологическими разведками, главным образом, к северу от исследованных хребтов. Ч.Ч. Валиханов сообщал, что в сентябре–октябре р. Или так мелеет, что прогон скота возможен через три основных брода между устьями Чилика и Тургеня (Өгіз өткел – Бычий брод), между Иссыком и Талгаром (Қыз өткел – Девичий брод) и в урочище Танбалытас [Валиханов, 1984, с. 178–179]. Ч.Ч. Валиханов указывал, что с октября казахи останавливались на зимовки по всему среднему течению р. Или [Валиханов, 1984, с. 179]. Очевидно, что сезонное использование угодий долины этой крупной реки, связанное, в том числе, с возможностью перехода речки вброд, было долгой традицией на протяжении веков и тысячелетий. Принимая во внимание низкую воду в р. Иле в осенний и, судя по всему, в зимний период, наиболее вероятно, что правый берег р. Иле могли использовать именно для зимовок, где снег был крайне редким явлением.

История обнаружения петроглифов Кербулака

Отдельные, в том числе и яркие изображения этого местонахождения, были обнаружены одним из авторов весной 2021 г. (изучение археологических древностей, главным образом, наскальных изображений, стало хобби для представителя одной из творческих профессий О.А. Ступина). Немного позже состоялся основной выезд, в ходе которого были обследованы и задокументированы все петроглифы центрального скопления. Также были проведены разведки округи (хребта Малайсары), было найдено еще одно скопление петроглифов, правда, уже на значительном удалении от первого. Публикация по материалам второго памятника будет готовиться отдельно.

В защищенных от северного ветра уголках небольшой, уютной долины с южной экспозицией крутых склонов расположены многочисленные зимовки, которые могут быть датированы век – полтора от нашего времени (были встречены фрагменты фарфора без штампов, но, главным образом, по сохранности фундаментом жилых и хозяйственных помещений). Ранние поселения, которые, безусловно, были заняты населением, располагаются ниже этих культурных слоев, расположенных в самых благоприятных местах, где отмечаются следы родников.

Авторами были исследованы все скалы с патинированными поверхностями центрального ущелья (рис. 1). В результате были зафиксированы петроглифы местонахождения Кербулак, расположенного недалеко от населенного пункта с тем же названием, основанного у места соединения родников, бьющих у южного подножия в центральной части хребта Малайсары. Местность расположена близ границы между Кербулакским и Талгарским районами Алматинской области на территории последнего. В границы этого северного «отдела» Талгарского района входит и известный Танбалытас с буддийскими изображениями и надписями на правом берегу р. Иле.

*Рис. 1. Вид на скальные выходы в верхней части гор ущелья Кербулак, в том числе алтарные плоскости.
Фото Б.А. Железнякова*

Описание памятника

На нескольких сопках, образующих центральную часть ущелья Кербулак (у выхода ущелья на долину), было обнаружено и зафиксировано чуть более 200 изображений. Как и в других местонахождениях петроглифов правобережья р. Иле, преобладали изображения горных баранов – архаров и оленей – маралов, выбитых на начальном этапе раннего железного века. В обоих случаях подчеркивались/гипертрофировались рога самца, являвшиеся либо «солярным» знаком, либо «мировым деревом» – главными древними символами, как минимум, начиная с периода ранней бронзы. Олени, увенчанные огромными рогами, занимают часто центры огромных и удобных плоскостей (что заставляет думать, что они были выбиты чуть раньше). Зато архары выделяются толщиной своего силуэта, видимо, «внутренней силой», скрытой в «спирали» мощных рогов. Именно последние составляют значительно большее число выбивок по числу, подходя под символ «фарна».

Ущелья урочища Кербулак ныне испещрены сухими глубокими руслами водных источников, обильно питавшихся изродников, свидетельствующих о наличии относительно богатых, сезонных(?) источников воды в периоды древней, средневековой и совсем недавней истории, когда местное население выбивало на скальные рисунки, восхваляя жизнь в самых положительных ее проявлениях. В первую очередь, это эпоха бронзы, главным образом, поздней, но есть изображения колесницы среднего этапа, есть изображения архаичных быков на одной плоскости, уже плохо различимых под патиной, с эпохи ранней бронзы, если не палеометалла (?). Значительное число изображений было выбито в древнетюркское время. Самым главным сюжетом был всадник, также охотник – пеший лучник, сцены повседневной жизни, например, наездники на верблюдах. Верблюды на памятнике изображались с эпохи поздней бронзы. Иногда ранее изображенный человек оказывался над схематичным «линейным» двугорбым верблюдом (рис. 2). Сцена, запечатленная в древнетюркское время со всадником, управляющим лошадей, очевидно, подразумевает охоту на архара (рис. 3).

Относительно многочисленны изображения конца XIX – начала XX в., чаще всего это конные всадники с предметами вооружения, обычно рядом изображены объекты охоты, козлы, бараны

(дикие). Все это свидетельствует о высоком значении этих территорий для сезонных перекочевок, зимовок, охоты.

Изредка встречаются отдельные изображения этого позднего периода, главным образом, это «линейно прочерченные» изображения животных. Много схематичных рисунков козлов и архаров, предположительно «усуньского» периода (более 120 изображений по всему урочищу). Они составляют порядка 55–60% от всего количества рисунков. Зафиксировано более 15 плоскостей, где изображено не менее пяти архаров разных размеров и разной степени старательности исполнения художника. Большинство изображений произведено в самой распространенной манере: в профиль, недлинные, но мощные ноги, закрученные спиралью рога. Есть и более грациозные изображения с четырьмя длинными ногами, датируемые переходным этапом от эпохи поздней бронзы. Вместе с животными иногда выбивались бегущие лучники (сако-усуньского или древнетюркского времени, различаются как манеры изображения, так и формы луков). Изображения мелких животных, скорее всего, поздней бронзы зачастую трудно различимы на неровных (с неровной же патиной) сколах скал.

В центральной части ущелья, напротив входа в него, отмечена центральная часть скопления петроглифов – основное число изображений, в том числе наиболее крупных. Оно сосредоточено на отдельных скальных выходах в средней и выше средней части склона. Наибольшее число петроглифов – на скальном выходе с патинированными зеркальными плоскостями в верхней части. Плоскости крупных размеров, с хорошим «загаром», южной экспозицией можно назвать «алтарными». На одной плоскости в 3–3,5 м в высоту может быть нанесено несколько ярусов изображений и сцен, относящихся к разным периодам истории. На одной из них отмечены несколько схематичных изображений всадников раннесредневекового времени – выбитые и конца XIX в. – прочерченные многократно тонким острым инструментом. Всадники или лучники – активные участники охоты на животных (баранов, козлов). На отдельных валунах может быть выбито/прочерчено до 10 животных, часто изображалась и собака, очевидно, преданный помощник хозяина-охотника или пастуха.

*Рис. 2. Кербулак. Изображения двугорбого верблюда и человека. Эпоха поздней и средней бронзы.
Фото Б.А. Железнякова*

Рис. 3. Кербулак. Изображение тюркского всадника, охотящегося на архара, другие изображения.
Фото Б.А. Железнякова

Изображения как исторические источники – свидетельства ушедших эпох

Отдельно необходимо сказать о весьма характерных единичных изображениях, весьма красноречиво свидетельствующих о своем творце – носителе культуры исторического общества. Плоскость с изображениями пяти тучных быков (и еще одного животного, возможно, собаки), выполненные в единой манере, с короткими ножками и такой же шеей и маленькой головкой, тучными туловищами, датируемые, скорее всего, поздним этапом ранней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.), были выбиты на отдельной плоскости (единственной для этого периода) (рис. 4). Изображение на плохо патинированной поверхности скалы выделяется по рельефу. Датировка этих ранних изображений свидетельствует о том, что начало выбивкам на этом местонахождении петроглифов начато еще в то далекое время (вторая половина, скорее всего, конец III тыс. до н.э.). Хотя датировка подобного единственного изображения на памятнике не дает полной уверенности – нет «плотной сюжетной линии», как это обычно происходит на значительных по числу изображениях археолого-изобразительных комплексов.

Изображение колесницы, датируемое нами по разработанной В.А. Новоженовым и целой плеяды других исследователей типологии конструкции [Новоженков, 2012, с. 305–308], нам представляется выбито в период расцвета средней бронзы: XVIII–XVI вв. до н.э. (рис. 5). Это было время массовых изображений на скалах регионов подобных «чудо»-средств древней коммуникации и миграции. Также изображались антропоморфные «солнцеголовые» и «личины-маски», видимо, в зависимости от принадлежности к той или иной древней традиции, которые встретились на широких пространствах (центра) Евразии, в том числе в Жетысу, Илейской долине в эпоху средней и поздней бронзы. Мигрировали и художественные стили.

Два человека (лучник-великан, запечатленный на повозке, и второй антропоморфный персонаж «обычных» размеров рядом с ней на переднем плане) устраивают охоту на двух крупных животных: быка и оленя крупных размеров,двигающихся в направлении людей и колесницы. Размеры колесницы (изображения): длина, вместе с тягловыми животными (лошадьми), – 7 см. Рост «героя», управляющего колесницей, – 9 см. Рост быка-тура, на которого устроена охота, вместе с рогами –

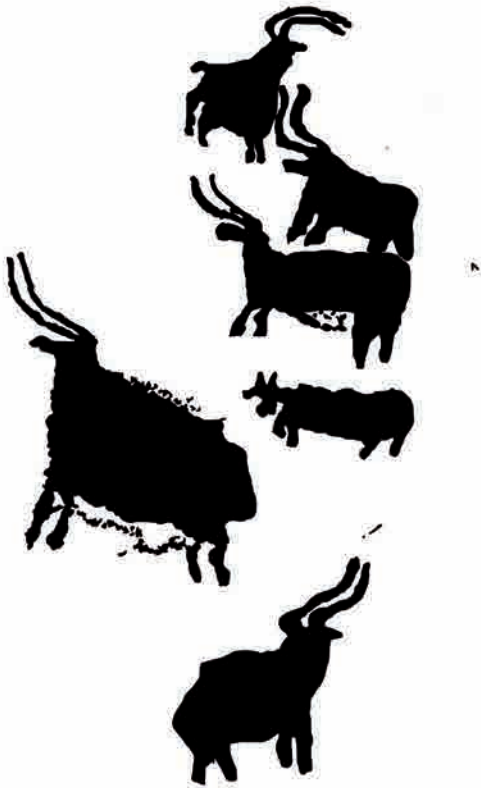

Рис. 4. Кербулак. Четыре «архаичных» быка и собака. Ранняя бронза. Рисунок В.Л. Железняковой

может быть развернуто как история об умирающем герое – охотнике, воине и вожде, который, стремясь обрести воскресение и новое царство, отправляется в далекий путь на подобающей его статусу быстроходной колеснице, управляемой его колесничим, а направляет ее священный олень. Герой, преодолевая различные препятствия на своем пути и преображаясь, достигает заветной цели – берега реки, где под деревом ждет его страшная женщина, которой он боится и о которой мечтает, ибо, заключив с ней священный брак, может рассчитывать на воскресение и обретение вечной

почти 15 см. К примеру, длина тяглового животного – 4 см, а диаметр колеса – около 3 см. У колесницы изображено значительное число спиц, не менее восьми. Главный персонаж – великан на колеснице запечатлен в «геройской» стойке с луком наизготовку. Но скорее линиями показаны не полет стрел, а веревки, которыми ловили этих двух животных. Герой носил невысокий, колпакообразный головной убор, также у него было значительно выдающееся вперед лицо, нос. Второй персонаж, видимо, также был с луком и какой-то предмет подвешен сзади, по-видимому, был одет в короткий «кафтан», возможно, в кожаную обувь. Тем самым детализация изображения достаточно высокая, особенно учитывая совсем небольшие размеры всей сцены: 30×20 см. Все это в полном смысле делает уникальным не только отдельные рисунки, но и сакрализирует все местонахождение наскального искусства.

Достаточно многочисленные аналогичные изображения-сюжеты Евразии – «герой на колеснице с близнецом преследуют «путеводного оленя» – были систематизированы Н.Ю. Смирновым. Исследователь заключает свои рассуждения, в том числе по поводу двух охотников, в некоторых случаях со звероподобной внешностью, как и в нашем случае, что главный герой преследует не только оленя, но и тура. Наше повествование

Рис. 5. Кербулак. Мифологическая сцена: герой на колеснице, его спутник «охотятся» на тура и оленя. Эпоха средней бронзы. Рисунок В.Л. Железняковой

жизни» [Смирнов, 2018, с. 79]. В данном случае, мифопоэтическое повествование описываемого нами изображения во многом «укладывается» в подробную «расшифровку» Н.Ю. Смирнова, возможно, дополняя изображением крупного быка с длинными «лировидными» рогами, по-видимому, несколько усложняя расшифровку текста этого изображения. Вместе с тем отсутствует изображение страшной женщины. Н.Ю. Смирнов пишет о том, что основным регионом распространения изображений с колесницами и «путеводным оленем» являлись Алтай и весьма ограниченно Западная Монголия и Тува, а также Закавказье [Смирнов, 2018, с. 79]. Временем формирования этого мифа Н.Ю. Смирнов считает позднюю бронзу, также он был распространен и в раннесакское время [Смирнов, 2018, с. 79].

Судя по всему, описываемый сюжет из Кербулака обладает также всеми мифопоэтическими признаками того, что герой и его помощник с помощью охоты на чудо-колеснице стали обладателями двух мифических (путеводных) животных: тура и оленя, которые олицетворяли, некие мифологические цели, стоявшие перед героями-пассионариями общества этапа средней бронзы, отстоявшими минимум на полтысячелетия вглубь от «путеводных оленей» на скалах Саяно-Алтая. Герои, скорее всего, уже проделали огромный и длительный путь и затрачивают огромные усилия для поимки этих огромных мифических животных, означающих достижение высоких целей. Рискнем предположить, что в корне этого сюжета был выбор между образами (изображенного на переднем плане) «тура» и (отдаленно) «оленя» у племени, чьим выразителем был художник, выбивший этот сюжет. Также рискнем предположить, что победа была одержана быком, олицетворенная большей длиной рогов именно у этого животного. Несколько осторожно относясь к применимости интерпретации в полном объеме, высказанной Н.Ю. Смирновым (главным образом из-за некоторой разницы в хронологии изображений), в полной мере согласимся с Е.Е. Кузьминой. Изображения с колесницами она предлагает датировать, отталкиваясь от датировок подлинных колесниц Синташты (XXI–XVIII вв. до н.э.) [Кузьмина, 2011, с. 124]. В божественных изображениях той эпохи исследователь предлагает видеть Митру, изображенного в «солнечном сиянии» над быком в Тамгалы [Кузьмина, 2011, с. 125]. И самое главное для нас, по мнению Е.Е. Кузьминой, есть все основания видеть их в любых изображениях колесниц с двумя возницами: Индру и Варуну либо двух близнецов Насатьев (Ашвинов) [Кузьмина, 2011, с. 126]. При условии, если один из упомянутых героев пешим помогает в поимке животных.

Пожалуй, самым редким изображением среди всех зафиксированных на памятнике является **антропоморфная личина**. Ее размеры 23×14 см. Изображение представляет собой весьма схематический круглый контур лица, выбитый крупной выбивкой. Показаны лишь два небольших глаза. Личину знаменует некая корона, состоящая из трех рогов или антенн (рис. 6).

Долгие годы и десятилетия исследованием личин-масок на просторах Южной Сибири и еще шире занималась М.А. Дэвлет. Она выделила три основных типа масок в наскальном искусстве. Во-первых, подобные мугур-саргольским с бычьими рогами и антенной или выступом на макушке; во-вторых, сердцевидные и, наконец, «солнцеликие» с ореолом лучей [Дэвлет, 1997, с. 241–242]. Поскольку «кербулакская» личина наиболее всего тяготеет к своим рогатым предшественникам, то нас в данном случае интересует прямой материализованный аналог бронзовому ритуальному предмету в виде головы человека Даянчжоу в уезде Синьгань, содержавшему именно два рога и «антенну» на макушке [Дэвлет, 2013, с. 19–23]. Эта интерпретация относится к аналогичному типу изображений масок с рогами и антенной.

Долина р. Иле находится на значительном отдалении от центров распространения изобразительной культуры личин-масок. Центрами этой традиции являлись Южная Сибирь, Алтай, Саяны и Дальний Восток. Можно привести весьма близкую графическую аналогию нашей личины из Центрального Казахстана, опубликованную А.Х. Маргуланом [Маргулан, 2003, с. 65]. Изображение «солнца с тремя лучами» (круг – солярный знак с короной) в верхней части наскального рисунка, в нижней – человек с собакой и животными было найдено автором на памятнике Батпаксу (по

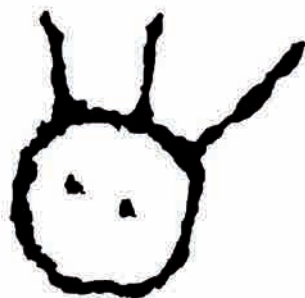

Рис. 6. Кербулак. Изображение личины.
Переходный этап к раннему
железному веку – сакский период.
Рисунок В.Л. Железняковой

А.Х. Маргулану), Шунак (по А.Н. Марьяшеву), расположенного в северной Бетпакдале (рис. 7). А.Х. Маргулан не датировал этот сюжет, но по стилистике изображений животных его можно датировать переходным этапом от поздней бронзы к раннему железу или началом сакского периода (X–VIII вв.).

Еще одна аналогия – изображение личины также с округлым овалом лица, небольшими глазами, «улыбающимся ртом», а также двумя (дугообразными) рогами (рис. 8) [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 106–107]. А.Н. Марьяшев писал, что для детального определения времени изображения «личины» в Ой-Джайляу важен тот факт, что эта сцена находится в композиционном единстве с изображениями оленей с «клювовидными» мордами, расположенными непосредственно рядом [Марьяшев, Горячев, 2008, с. 107]. То есть это раннесакское время.

Еще одно изображение не вполне четкое, но явно «личины», имеющей «ромбовидную», по определению авторов публикации, форму, зафиксировано среди петроглифов памятника Шокпар. Изображение шокпарской «личины» несколько схематичное (сохранилось не полностью) приведено в публикации К. Егоровой, датировано эпохой бронзы [Егорова, 2014]. Типологически оно полностью отличается от «луноликости» личины трех перечисленных памятников Ой-Джайляу–Шунак–Кербулак. Подобные аналоги встречены на керамике раннего железного века Ангари-Енисейского бассейна, что может свидетельствовать не только об

аналогичной датировке фрагмента личины из Шокпара, но и о связях [Сенотрусова и др., 2021, с. 277]. Предварительно ее можно датировать переходным этапом от эпохи бронзы к раннему железу или началом последнего, то есть X–VIII вв. до н.э. Наиболее раннее изображение личины в Жетысу было встречено нами в Кайши и датировано эпохой бронзы [Амиргалиев и др., 2019, с. 187], наиболее вероятно, на стыке среднего и позднего этапов (рис. 9). Ее можно отнести к «сердцевидным» личинам, по классификации М.А. Дэвлет, о чем мы писали выше. Ее аналоги в Северных Гималаях исследователи тех памятников связывают с окуневской культурой. Только в долине Нубра имеется около 10 изображений «масок» [Bruneau, 2010, р. III, IV-4]. В последнее время имеется общая тенденция к омоложению подобных рисунков, хотя консультантом этого

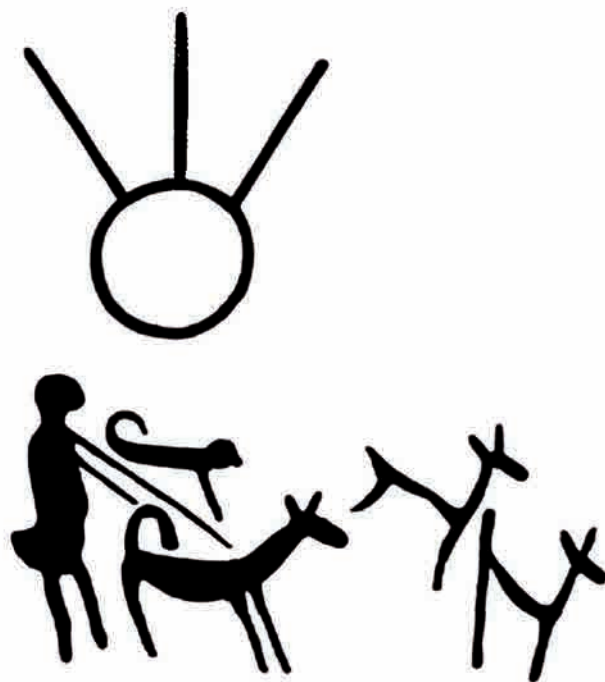

Рис. 7. Шунак, Центральный Казахстан.
Изображение личины, человека и животных
(по: [Маргулан, 2003])

исследования выступил А.-П. Франкфорт, который ранее относил их к эпохе бронзы. Он в составе авторов датировал изображения масок Северных Гималаев III–II тыс. до н.э. Они представляли собой более архаичные изображения, скорее напоминающие маску из Кайши, правда, авторы приводили аналогии из Мугур-Саргола (маски, имевшие «рога и антенну», а также и звериные уши) [Francfort et al., 1990, p. 8]. По-видимому, маски имели принадлежность к головному убору шамана на протяжении многих веков и нескольких тысячелетий. В этом смысле типология костюма и головного убора шаманов и жрецов эпохи бронзы и раннего железа, как нам представляется, не разработана к настоящему времени в достаточной степени.

Изображение «соляной личины» в Кербулаке единично, как и на большинстве памятников региона. Кроме того, здесь оно без других сопровождающих рисунков на крупной плоскости, не имеющей сильной патинированности. Вопросы, связанные с аналогиями изображений из Шунака и Ой-Джайляу переходного этапа или начального этапа сакского времени, крайне важны для уточнения датировок. Многочисленные крупные изображения оленей с ветвистыми рогами, столь распространенные к северо-востоку от р. Иле (на правобережье), могут свидетельствовать

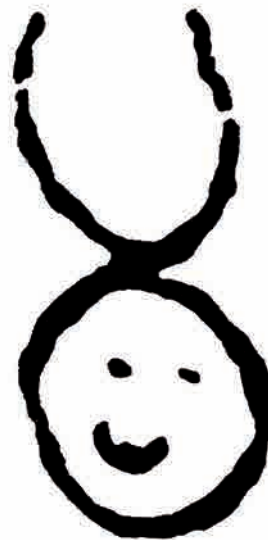

Рис. 8. Ой-Джайляу.
Изображение личины.
Раннесакский период
(по: [Марьяшев, Горячев, 2008])

Рис. 9. Кайши. Личина. Эпоха средней бронзы (по: [Амиргалиев, Железняков и др., 2019])

о миграции со стороны Алтая носителей культуры, в наскальном искусстве которой были подобные личины и олени. Как известно, это мотивы и сюжеты, приносимые с Востока. Это и является, пожалуй, самым ярким проявлением в изобразительном комплексе Кербулака. Было бы несправедливым не отметить, что изображение личин практически всегда сопровождалось какими-либо мифологическими признаками: расходящиеся лучи – признаки «солярности», нимб (серп) – «луноликости», также «быкоголовые» персонажи, ну и «остроголовые» персонажи [Ковтун, 2021].

Еще один публикуемый здесь рисунок не уникален. Наоборот, он более типичен, относится к разному времени. Два изображенных козла относятся к позднесакскому или раннеусуньскому времени (выделены черным цветом). К древнетюркскому периоду относится сцена охоты конного всадника на крупного оленя (серым цветом). В верхней части плоскости изображен олень с крупными ветвистыми рогами, охотящийся на него лучник с луком крупных размеров. Также с задней части оленя к нему направляется всадник на схематично изображенной лошади. Изображения (светло-серого цвета) относятся к XIX – началу XX в. (рис. 10).

Таким образом, памятник наскального искусства Кербулак – не просто новый памятник наскального искусства правобережья р. Иле, но и обладает в полном смысле уникальными изображениями, которые были выбиты на его скалах, ставящих его в один ряд с крупными и наиболее известными памятниками региона Жетысу (несмотря на относительную малочисленность основного числа петроглифов и явную малочисленность редких изображений). Это имеет отношение, прежде всего, к северо-западной провинции распространения изображений личин и редких изображений колесниц, изображенных со всеми деталями конструкции (и, по-видимому, в движении/применения колесницы и лука со стрелами с целью охоты на крупных обитателей местного животного мира), несмотря на число всех петроглифов. Трудно интерпретировать это местонахождение даже небольшим святилищем тех эпох, к которым относится основная часть изображений. Особенно на начальном этапе нанесения изображений на поверхности скал этой местности художник «повествовал» о прохождении многотрудного маршрута или о том, что предстояло сделать, возможно, в благодарность Небу за его благосклонность в пути. На этапах нанесения относительно массовых изображений – усуньское и древнетюркское время – местонахождение, по-видимому, было одним из пунктов периферии крупного и интересного комплекса святилищ Архарлы.

Выражаем надежду, что на карту Алматинской области и Талгарского района будет нанесен еще один небольшой по числу изображений памятник, крайне важный для реконструкции истории торговых путей, начиная с эпохи бронзы. Кербулак находится недалеко от Архарлы и может также стать в дальнейшем центром притяжения туристов,

Рис. 10. Кербулак.
Разновременное изображение охоты, архаров.
Рисунок В.Л. Железняковой

памятником, где проводятся меры по охране и управлению наследием. Среди изображений Кербулака имеется небольшое число совершенно уникальных изображений, чему и посвящена значительная часть этой публикации. Несмотря на относительно небольшое число петроглифов, чуть более 200, совместно с памятниками археологии: зимовками Нового времени и современности, а также расположенными, возможно, ниже поселениями ранних этапов заселения этого урочища, все это составляет вполне значительный археологический комплекс Кербулак.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирғалиев М.О., Железняков Б.А., Херманн Л., Шарипов Р.К.* Наскальное искусство Жетысу. Алматы: Жамбыл, 2019. 280 с.
- Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в 5-и томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 2-е изд. Т. 1. 432 с.
- Дэвлет М.А.* Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 240–250.
- Дэвлет М.А.* Бронзовый прототип наскальных изображений личин-масок в Саянском каньоне Енисея // Вестник Тувинского гос. ун-та. 2013. № 1 (16). С. 19–23.
- Егорова К.* Петроглифы ущелья Шокпар // Qazaqstan tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/e-resources/show/13101/> (дата обращения 07.05.2021)
- Ерофеева И.В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677–1771 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. мат-лов Межд. научн. конф. (г. Алматы, 23–24 апреля) Алматы: S-Print, 2010. С. 490–529.
- Ковтун И.В.* Остроголовые персонажи эпохи палеометалла в изобразительном искусстве Южной Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2 С. 69–88.
- Кузьмина Е.Е.* Образ Митры в наскальном искусстве азиатских степей // Древность: историческое знание и специфика источника. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского (г. Москва, 12–14 декабря 2011 г.). М.: ИВ РАН, 2011. Вып. V. С. 124–126.
- Маргулан А.Х.* Сочинения. Т. 3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Т. 4. Каменные изваяния Улытау / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. 50 с. + вкл. 246 с.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения в горах Ешкюльмес Алма-Ата: Гылым, 1991. 80 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Гылым, 1998. 264 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайлау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 101–109.
- Новожинов В.А.* Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии / под ред. Е.Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Пантусов Н.Н.* Тамгалы-Тас (Урочище Капчагай Копальского уезда, Балгалинской волости) // ПТКЛА (1898–1899). 1899а. IV. С. 52–57.
- Пантусов Н.Н.* Аир-кезень и Тайгак (Копальского уезда) // ПТКЛА (1898–1899). 1899б. IV. С. 59–62.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В.* Антропоморфные и зооморфные изображения на сосудах раннего железного века и средневековья лесной зоны ангаро-енисейского бассейна // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2. С. 275–291.
- Смирнов Н.Ю.* Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции Востока и Запада Евразии второй половины II – рубежа II–I тыс. до н.э. и некоторые фольклорно-эпические параллели // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (18). С. 63–91.
- Bruneau L.* Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'âge du Bronze à l'introduction du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre: thèse de Doctorat de l'Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne. 2010. 328 p.
- Françfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G.* Pétroglyphes archaïques du Ladakh et du Zanskar In: Arts asiatiques. Tome 45, 1990. pp. 5-27. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/arasi_0004-3958_1990_num_45_1_1275 (дата обращения 16.07.2021).

М.Қ. СҮЙІНДІКОВА

Сүйіндікова Мақпал Қожахметқызы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан; makpal1226@mail.ru

БАБИШ МОЛА ОАЗИСІ ЕГІСТІК КЕСЕНЕСІНЕН ТАБЫЛҒАН АҒАШ ЫДЫСТАР

Аннотация. Мақалада Бәбіш мола оазисіндегі Егістік кесенесіне жүргізілген археологиялық қазба негізінде табылған ағаш ыдыстар жайлы баяндалады. Мақалаға арқау болған ағаш ыдыстардың түрлеріне сипаттама берілді. Олар: тостаған, қақпақ, астау секілді ыдыс түрлері. Олардың жалпы сипаттамасымен қатар ұқсастарыда жан-жақты қарастырылады. Жалпы ағаш ыдыстар пайдалану мақсаттарына байланысты: 1) күнделікті тұрмыста, 2) жерлеу рәсімдерін өткізуде қолданылған.

Түйін сөздер: Бәбіш мола оазисі, Егістік кесенесі, қазба жұмыстары, олжалар, ағаш ыдыстар, тостаған, қақпақ, астау

Суюндикова Макпал Кожахметовна,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; makpal1226@mail.ru

ДЕРЕВЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ МАВЗОЛЕЯ ЕГИСТИК в ОАЗИСЕ БАБИШ МОЛА

Аннотация. Статья посвящена анализу деревянных сосудов, найденных в ходе раскопок мавзолея Егистик в оазисе Бабиш мола. Приводится характеристика видов деревянной посуды: чаша, крышка, блюда. Подробно рассматриваются их аналоги. Деревянная посуда использовалась: 1) в быту, 2) в ритуальной практике.

Ключевые слова: оазис Бабиш мола, мавзолей Егистик, раскопки, находки, деревянная посуда, чаша, крышка, астау

Makpal Suyundikova,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan; makpal1226@mail.ru

WOODEN VESSELS FOUND in the EGISTIK MAUSOLEUM in the BASHISH MOLA OASIS

Abstract. The article describes the wooden vessels found of archaeological excavations in the Egistik mausoleum in the Babish Mola oasis. The article shows the types of wooden dishes. The paper delineates the characteristics of the types of wooden dishes: as a bowl, lid and saucer and also discusses in detail their analogues. Common wooden utensils were used depending on the purpose of use: 1) in everyday life, 2) during funeral ceremonies.

Keywords: Babish Mola oasis, Egistik mausoleum, excavations, artifacts, wooden dishes, bowl, lid, saucers, astau

Бәбіш мола оазисі Сырдариядан бөлініп шыққан Жаңадария арнасының оң жағалауын толық камтып жатыр. Бұл өлкедегі ескерткіштерді 1946 ж. Хорезм археологиялық және этнографиялық экспедициясының барлау тобы ашып, кейін 1958–1960 жж. аралығында Бәбіш мола 1 қаласы мен Бәбіш мола 2 жерлеу ғимаратына қазба жұмыстарын жүргізді [Толстов, 1948, с. 57; Толстов и др., 1960; с. 40; Вайнберг, Левина, 1993, с. 23–30]. 1957–1960 жж. Б.В. Андрианов өзінің жеке тобымен қала маңайында жете барлау жүргізіп, 150-ге тарта жекелеген елді мекендер мен суландыру құрылыстары сақталған егін алқаптарының орындарын тапты [Андрианов, 1969, с. 192–199]. Соның ішінде, Б.В. Андрианов жүзге жуық ауылдың бір кезеңде өмір сүрген болуы мүмкін екендігін айтады [Андрианов, 1958].

2006 ж. Ж. Құрманқұловтың жетекшілігімен Шірік Рабат археологиялық экспедициясы барлау жұмыстарын жүргізіп, ескерткіштерге сипаттама беріп, координаттарын алды [Қурманкулов и др., 2007, с. 216–217].

2020 ж. аталмыш оазистегі Егістік кесенесіне археологиялық қазба жұмыстары жүргізілілді. Кесене Бәбіш мола қалашығынан оңтүстікке қарай 23 шақырымда, Жаңадария арнасының оң жағалауында орналасқан. Ескерткіштің пішіні дөңгелек, шошайған төбешік тәрізді. Оның диаметрі – 12,5 м, сақталған биіктігі – 1,4 м. Ішкі құрлысында солтүстіктен оңтүстікке және батыстан шығысқа қарай созылып жатқан, өзара перпендикуляр қабырғалар арқылы бөлінген төрт бөлме сақталған. Қам кесектерден қаланған бұл қабырғаның бүгінгі күнгі сақталған қалыңдығы – 1,55×1,65 м. Бөлмеден бөлмеге кіретін үш дәліз бар. Қазба барысында адам сүйектерімен бірге жануар сүйектері, қыш ыдыстар, әшекей бұйымдар, қару жарақтар және сүйек пен түрлі металдардан жасалған археологиялық олжалар табылды.

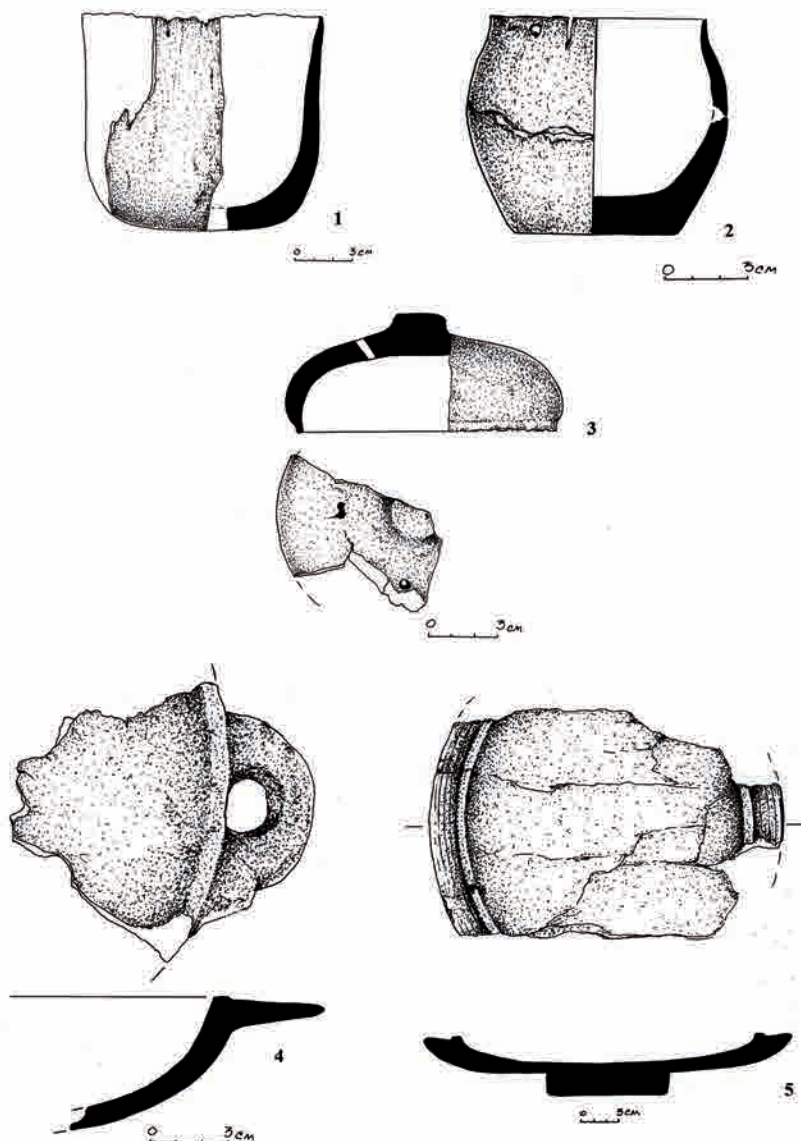
Солардың ішінде мақалаға негіз болған ағаш ыдыстардың үш түрі анықталды. Олар: тостаған, қақпақ және астау.

Тостаған. Бұл түрдегі ыдыстардың екі данасы табылды. Шағын келген шұңғыл тостағандардың түбі тегіс әрі жайпақ. Түбінен бүйіріне қарай кеңейіп, аузына қарай қайтадан тарыла түскен. Ернеуі сәл сыртқа иілген. Қимасы дөңгелек. Өлшемі: биіктігі 11 см, ернеу диаметрлері 8–12 см, түбінің диаметрлері 6 см (сур. 1, 1, 2). Осы ыдыстарға өте ұқсас күміспен құрсауланған ағаш тостаған Шірік-Рабат қалашығындағы № 1 нысанға жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде табылған болатын [Құрманқұлов және т.б, 2005, 88–91 бб].

Жерлеу орындарынан табылған ағаш ыдыстардың, соның ішінде, тостағандардың қандай мақсаттарға пайдаланылғандығы жөнінде зерттеушілер арасында әртүрлі пікірлер бар. Археологиялық әдебиеттерде бұл ыдыстарды ғұрыптық рәсімдерді өткізу үшін пайдаланатындығы жөнінде ойлар бар. Зерттеушілер ағаш ыдыстарды б.д.д. V–IV ғғ. сақ-скиф ескерткіштерімен де байланыстырады. Ғалым Е.Е. Фиалко ағаш тостағандарды жауынгерлердің жерлеу орындарына тиесілі бірегей олжа деп топшыласа [Фиалко, 2004, с. 269–272], ал, Е.Ф. Королькова ерте көшпелілердің қайтыс болған адамды шығарып салу және жерлеу рәсімдерінде, сонымен қатар неке қию кезінде пайдаланылған деп тұжырымдайды [Королькова, 2003, с. 50–51]. А.П. Медведев бұл түрдегі ыдыстар абыздардың ғұрыптық рәсімдерімен қатар күнделікті тұрмыста да қолданылғандығын ерекше атап көрсетеді [Медведев, 1997, с. 167–168].

Қақпақ. Пішіні жарты шар тәрізді қақпақтың диаметрі 12 см, биіктігі 5 см. Қақпақтың орта тұсында диаметрі 2 см болатын, дөңес келген, ұстауға арналған тұтқасы сақталған. Тұтқаның сол жақ тұсына диаметрі 0,5 см болатын екі жақты саңылау түсірілген (сур. 1, 3).

Қақпақтың көлемі 1, 2-суреттегі тостағанның ернеу диаметрімен сәйкес келгендіктен бұл пиксида ыдысы болуы мүмкін (?). Осыған ұқсас қақпақ 2004 ж. Шірік Рабат маңындағы № 3 ескерткішке (кесене) жүргізілген қазба барысында табылған болатын [Қурманкулов және т.б, 2005, 53–56 бб]. Әртүрлі материалдардан жасалған пиксида ыдыстарында әйелдердің әшекей бұйымдары, жақпа майлар мен тәттілер сақталған [Дружинина, 2004, с. 98–106].

Сур. 1. Егістік кесенесінен табылған ағаш ыдыстар:
1, 2 – тостаған; 3 – қақпақ; 4, 5 – астау. Суретшіі С. Садықов

Астау. Ағаш астаудың екі түрі табылды. 1) Пішіні сопақша келген. Түбі жайпақ әрі тегіс. Ернеуі тік. Ернеуден төмен бүйірінде көлденең орналасқан жалпақ құлағы бар. Оның орта бөлігі ұстауға ыңғайлы етіп ойылған. Өлшемі: сақталған ұзындығы 11 см, қалыңдығы 1,5 см, тереңдігі 3,5 см (сур. 1, 4).

2) Диаметрі 14,5 см астаудың ернеуі тегіс, әрі жалпақ. Ол қатты заттың көмегімен сызылған горизонталь сызықтармен безендірілген. Астаудың диаметрі 10 см болатын тұғыры бар (сур. 1, 5).

Пішіндері тіктөртбұрыш және сопақша тәрізді құрамалы аяқтары бар тұтас және күрделі ағаштардан жасалған астауға ұқсас табақтар Берел қорымындағы № 11 обадан табылған. Жәдігерлер б.д.д. IV–III ғғ. мерзімделеді [Самашев, 2011, 139 б.]. Сондай-ақ 1969–1970 жылдары Есік обасына (б.д.д. V–IV ғғ.) жүргізілген қазба барысында тіктөртбұрыш пішінді табақ табылды. Табақ ернеуі тік әрі жалпақ етіліп аққайыңның тұтас бөлігінен жасалған [Акишев, 1978]. Егістік кесенесінен табылған астауларға өте жақын балама ретінде «Три брата» қорымының № 2 обасынан табылған ернеулері жайпақ, тегіс және көлденең ұстауға арналған құлақтары бар астауларды алуға болады. Аталмыш кешен б.д.д. IV ғ. мерзімделген [Бессонова, 1973, с. 245–248].

Зерттеушілер Ю.В. Болтрик және Е.Е. Фиалко өз еңбектерінде жерлеу орындарынан табылған ағаштан жасалған табақтар мен астаулардың сақ-скиф кезеңдеріне тән екендігін айтады [Болтрик, Фиалко, 2010, с. 290–291].

Ғалымдар ағаш ыдыстардың пайда болуын олардың тұрмыстық ыдыс ретінде кең қолданылуымен тікелей байланыстырады. Себебі, біріншіден ол морт сынатын қыш ыдыстарға қарағанда жеңіл әрі пайдалануға қолайлы болса, екіншіден көшпелі өмірде басты рөл атқаратын сүт өнімдерінің ағаш ыдыстарда дәмін жоғалтпай ұзақ уақыт сақталатындығында. Бұл тұрмыстық ыдыс түрлерін пайдалану басқа ыдыстарға қарағанда қолжетімді болды [Гаврилюк, 1989, с. 60].

А.А. Дудин ағаш ыдыстарға деген жоғары сұраныс көшпелі өмірде бастау алғандығын, аталмыш ыдыстар өсімдік тамырынан дайындалатын мәңгілік өмір сыйлайтын Хаома/Сома ғұрыптық сусындарын дайындауда пайдаланылған, – деп атап көрсетті [Дудин, 2009, с. 34–36].

Бірқатар зерттеушілер бұл ыдыс түрлерін жерлеу орындарынан көп табылатын ыдыстар қатарына жатқызады. Осылайша жерлеу ғұрыптарында қолданылатын қыш және тастан жасалған ыдыстар қатарына ағаш ыдыстар да қосылды [Антонова, 1986, с. 40–45].

Б.А. Литвинскийдің «Древние кочевники крыши мира» еңбегінде ағаш ыдыстарды дайындайтын станоктар б.д.д. IV–II ғғ. пайда болғандығын ғалым А.Н. Бернштам айтты деп көрсетеді. Сақ кезеңіндегі ағаш ыдыстардың дайындалу техникасының дамығандығын сұлбасы анық, ұқыпты жасалған ыдыстардың табылуымен түсіндіреді. Сондай-ақ ғалым бірінші кезекте ыдыстың түріне қарай ағаштың діңі таңдалып, сұлбасы ойылады. Кейін пышақ көмегімен жону және станокка салу арқылы дайындалып, жасалатындығын баяндайды [Литвинский, 1972, с. 42–43].

Қазақ халқының ағаш оймыштау өнерін жан-жақты зерттеген ғалым, археолог-этнограф Ә.Х. Марғұлан Сырдария өңірінде ағаш оюда жаңғақ, қайың, алмұрт, шынар жиде, қараған т. б. ағаш түрлері пайдаланылғандығын айтады. Қайың, жаңғақ ағаштарының тамыр және діңгек бөліктері жиі қолданыста болған. Әсіресе қайың тамырынан жасалған бұйымдарды өңдегенде олардың құрылымы ерекше әдемі шығатындығына тоқталады [Марғұлан, 1986, с. 188–205].

Қ.И. Сәтбаев атындағы Геология институтының «Мезозой және кайнозой геологиясы» зертханасының жетекшісі, геология-минерология ғылымдарының докторы С.А. Нигматова шірікрабат мәдениетіне тән ескерткіштердің табиғи жағдайлары мен палеографиялық үрдістері жайлы лабораториялық талдау (анализ) жұмыстарын жүргізді. Талдау нәтижесінде бұл өлкеде сол кезеңде қандыағаш (тораңғыл), қайың, қарағай және жиде ағаштары өскендігі анықталды. Осыған сәйкес мақаламызға арқау болған ыдыс түрлері жоғарыда аталған ағаш түрлерінен жасалған болуы мүмкін (?) деген ой туындайды.

Қорыта келгенде, Егістік кесенесінен табылған ағаш ыдыстар пайдалану мақсаттарына қарай күнделікті тұрмыста және жерлеу рәсімдерінде ғұрыптық мақсаттарда қолданылған деп тұжырымдаймыз. Алайда, ағаш ыдыстарға толық талдамалар жасау, жан-жақты зерттеу жұмыстарын жүргізу алдағы уақыттың еншісінде. Атқарылған бұл жұмыс Бәбіш мола оазисіндегі ағаш ыдыстардың таралу аймағын анықтауда жасалған алғашқы әрекет болып табылады.

ӘДЕБИЕТ

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: «Искусство», 1978. 129 с.
- Андрианов Б.В. Отчет о работе археолого-топографического отряда в бассейне Жанадары в 1958 г. // Архив Института этнологии и антропологии РАН, ф. 142, оп. 2, ед. хр. 37.
- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука 1969. 253 с.
- Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука 1986. С. 36-65.
- Бессонова С.С. Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 243-252.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Stratum plus. 2010. № 3. С. 289-323.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикватская культура. Низовья Сырдарьи в древности. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. Вып. I. 129 с.
- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989. 112 с.
- Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 98-106.
- Дудин А.А. К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII в.в. до н.э. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму: в 16 т. / отв. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2009. Т. XV. С. 34–37.
- Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Археологический сборник ГосЭрмитажа. 2003. № 36. С. 28-59.
- Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т., Абдикаликов Ш.М. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 216-217
- Курманкулов Ж., Утубаев Ж., Бирмуханова А., Калиева Ж. Шірік рабат қала жұртымен оның маңындағы археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2005. 53-56 бб.
- Курманкулов Ж., Жетібаев Ж., Утубаев Ж., Байтілеу Д., Искаков А. Шірік рабат ескерткіштер кешені мен оның айналасындағы ескерткіштерге жүргізілген археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2005. 88-91 бб.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: ГРВЛ, 1972. 272 с.
- Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: «Өнер», 1986. Т. I. 256 с.
- Медведев А.П. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных номадов III–I тысячелетий до н.э. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж: Воронежский государственный ун-т. 1997. С. 167-168.
- Самашев З. Берел. Алматы: «Таймас» Баспа Үйі, 2011. 236 б.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1948. 328 с.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. / Материалы Хорезмской экспедиции. М.: изд-во АН СССР, 1960. Вып. 4. С. 3-62.
- Фиалко Е.Е. Деревянные чаши – знаки воинской доблести у скифов // Старожитності Степого Причорномор'я і Криму / отв. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2004. Т. XI. С. 269–272.

Н.В. ЖИЛИНА

Жилина Наталья Викторовна,
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия, nvzhilina@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОСТЮМА и УБОРА из УКРАШЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ IX–XII веков

В статье выделены черты костюма и убора из украшений кочевников: облегченный вариант металлического убора, длительное сохранение черт натурального, появление отдельных черт убора ювелирной стадии.

Ключевые слова: костюм, убор, украшения, натуральный, металлический, ювелирный

Жилина Наталья Викторовна,
РГА Археология институты,
Москва к., Ресей, nvzhilina@yandex.ru

IX–XII ғасырлардағы ЕУАЗИЯ КӨШПЕНДІЛЕРІНІҢ ӘШЕКЕЙЛЕРІНЕН ЖАСАЛҒАН ОРТАҒАСЫРЛЫҚ КОСТЮМ мен БАС КИІМНІҢ НЕГІЗГІ СИПАТТАМАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада көшпелілердің әшекейлерінен жасалған костюм мен бас киімнің ерекшеліктері: металл киімнің жеңіл нұсқасы, табиғи белгілердің ұзақ сақталуы, зергерлік бұйымдардың жеке белгілерінің пайда болуы көрсетілген.

Түйін сөздер: костюм, киім, зергерлік бұйымдар, табиғи, металл, зергерлік

Natalya Zhilina,
Institute of Archaeology of RAS,
Moscow, Russia, nvzhilina@yandex.ru

GENERAL CHARACTERISTICS of MEDIEVAL COSTUME and ATTIRE of ADORNMENTS of the NOMADS of EURASIA in 9th–12th centuries

Abstract. The article highlights the features of nomadian costume and attire of adornments: a lightweight version of the metal attire, long-term preservation of natural one, the appearance of particular features of the jewelry stage attire.

Keywords: costume, dress, attire of adornments, natural, metal, jewelry

Определение общих черт убора кочевников помогает выявить их особенности по сравнению с уборами других народов и оценить возможность связей и заимствований.

В работе рассматриваются материалы нескольких исторических этапов: IX–X вв. (хазарского), X – начало XI (печенежского) и XI – первой половины XII в. (половецкого) [Плетнева, 1981, с. 213;

Жилина, 2017]. Убор из украшений и одежда изучаются в соответствии с основными стадиями их развития: убор – натуральный, обильно-металлический, ювелирный; одежда – драпированная, накладная, распашная [Zhilina, 2016]¹.

Хазарский костюм и набор из украшений отчасти продолжили тюркскую традицию, хазарская знать была связана с аристократией Тюркского каганата [Степи, 1981, с. 65]. Хазарский костюм как престижный эталон повлиял на костюм знати народов Хазарского каганата – на северокавказское аланское население [Равдоникас, 1990, с. 62–102; Доде, 2001, с. 13].

Основой образования мужского *головного убора* является легкая и мягкая башлыкообразная заостряющаяся форма, защищающая голову сзади и с боков, соответствующая условиям кочевого быта. Так называемые «кривые шапки» известны в кочевом мире с гуннской эпохи и начала н. э. [Равдоникас, 1990, с. 62, 63, рис. 17] (рис. 1, 1). Тканевый головной убор из одного или двух подтреугольных полотнищ образует округлый верх, если заостренный конец отведен назад, или – заостренный верх, если он поднят. На тюркских каменных изваяниях есть несколько форм уборов: заостряющаяся шапка с отогнутым вперед концом, пологая, с отогнутыми лопастями (рис. 1, 2–5) [Евтюхова, 1952, с. 102–104]. Головной убор имел четырехклинную конструкцию и полусферический или конический верх, подкладку из ткани и кожи (рис. 1, 6, 7). Затылочная лопасть доходила до плеч, использовалась оторочка из полос разноцветного меха (рис. 1, 8–13). Важной знаковой частью убора вождя или воина было высокое навершие в виде стержня, обтянутого позолоченной кожей. Такая форма отражена рельефами гробниц XI в. (рис. 1, 14–16) [Доде, 2001, с. 15, 16, 30–34, рис. 27, 31, ил. 1–4]. Вершина головного убора всадника или всадницы оказывается выше головы коня, даже если конь находится во вздыбленном положении или прыжке и воспринимается издалека.

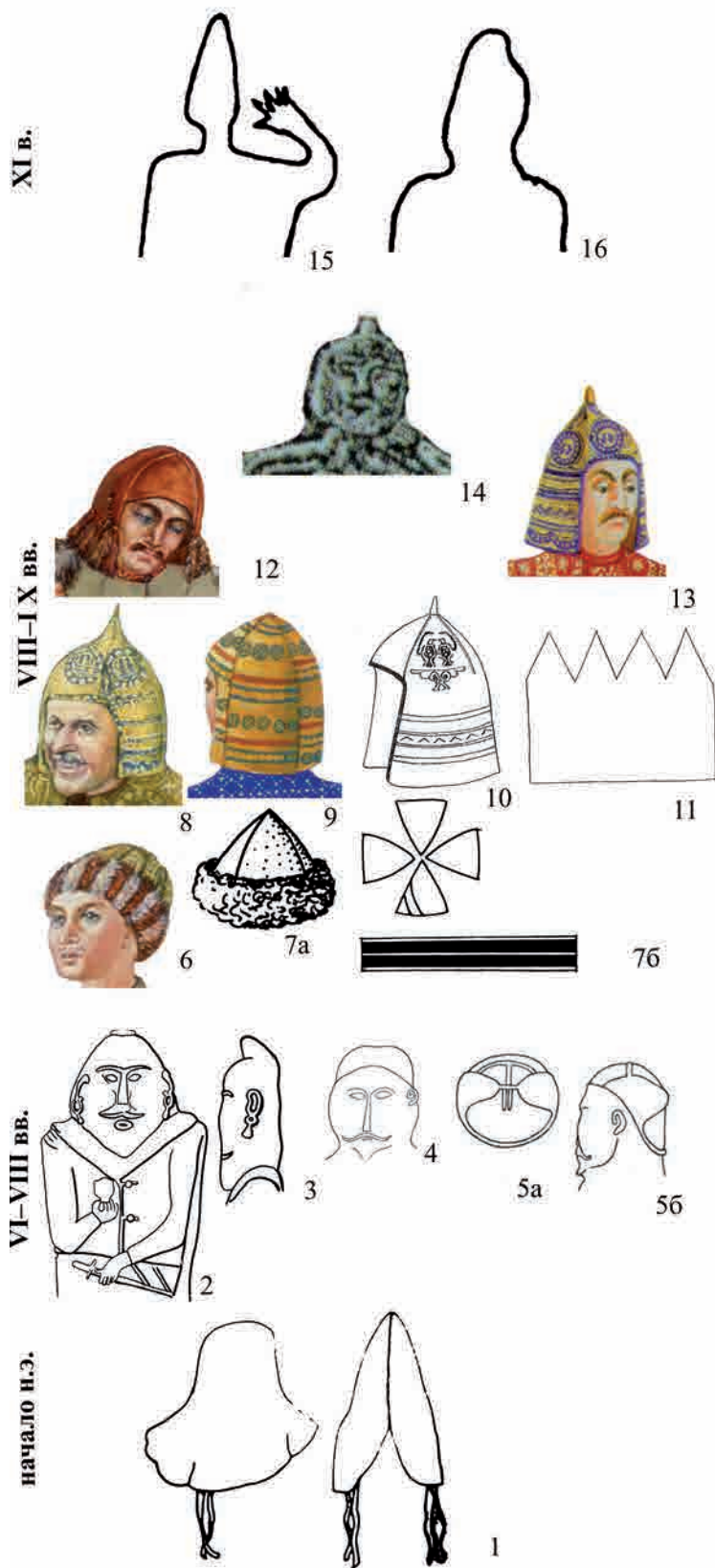
В девичьем уборе хазарского комплекса присутствует венок: легкая ленточная диадема из шелковой или шерстяной ткани с нашитыми украшениями (Доде, 2001, с. 20, ил. 5) (рис. 2, 4).

Тканевый башлык или капюшон был и частью плаща, и отдельным головным убором. Треугольное покрывало как основа конструкции известно из находок в аланском могильнике Амгата [Доде, 2001, с. 26, рис. 20] (рис. 2, 1). Частями полотнища голова закрывается с затылка и боков. Различные варианты кроя платка являются предпосылкой для форм шапок девушек, молодых женщин и, возможно, детей.

Низкую шапку можно предполагать по тюркскому изображению на Кудыргинском валуне на Алтае [Степи, 1981, рис. 21, 2]. На полусферическом верху головы ребенка линия выше бровей, возможно, намечает низ убора, волос не показано, но отчетливо видны серьги и, скорее всего, шнурки от завязки (рис. 2, 5). Интересен и факт коронообразного головного убора, возможно, лежащий в основе дальнейшего развития высоких уборов (рис. 2, 13).

Невысокие мягкие шелковые шапки образовывались с помощью собирания полотнища в налобной части, на краю располагалась лента-диадема, выделенная кожей, рядами мелких нашитых бронзовых бляшек и центральной брошью (рис. 2, 6, 7). Как отмечает З. Доде, собирание головного убора в центре налобной части придает ему сходство с башлыком, шапки приспособлены для плотного завязывания и подтягивания [Доде, 2001, с. 20, рис. 17; рис. 60, 8–11]. Они зафиксированы и реконструированы по археологическим материалам Северного Кавказа VII–XI вв.: городищ Адиух и Нижне-Архызского могильников у станицы Старокорсунской и в Мощевой Балке [Иерусалимская, 1978, с. 93; Каминский, 1984, с. 20, рис. 4, 1; Равдоникас, 1990, рис. 28;

¹Характеристики стадий: 1) натуральный убор – с украшениями из природных материалов, приспособленных к телу, от первобытности до этнографического костюма; 2) обильно-металлический – из тяжелых и многочисленных украшений, кованых и литых, в том числе – шумящих, скрепляющих драпированную одежду, связанных в единую конструкцию, эпох овладения металлом и раннего Средневековья; 3) ювелирный – с украшениями из благородных и драгоценных материалов, в тонких ювелирных техниках, связанными конструктивно и стилистически, эпохи развитого Средневековья.

Орфинская, 1991, с. 115, 116, рис. 8, 3–5]. Сходные тканевые шапки с лопастями и завязками известны у киданей и монголов [Горелик, 2010, с. 33, 37, табл. IX, 1, 6], по этнографии казахов (рис. 2, 12). О головном уборе примерно такой же конструкции сообщает «Сокровенное сказание монголов», где расхваливает-ся трудолюбивая мать Темучжина (Чингисхана). Плотнo подвязанная повседневная (вдовья) шапка позволяет ей активно заниматься домашней работой [Козин, 1941, с. 88, 89] (рис. 2, 10, 11).

Нарядная и высокая башлыкообразная девичья шапка имела шлемообразный верх, как и мужской убор. Варианты высоких шапок известны по аланским могильникам Эшканон и Подорванная Балка (рис. 2, 8, 9). В первом случае головной убор выполнен из цельного прямоугольного куска холста, завязанный в центре длинной стороны узел показывает родственность с формой низкой шапки. Во втором случае наблюдается более сложный крой: шелковый желто-красный верх четырехклинной структуры украшен кожаной аппликацией в виде ажурного геометризованного раститель-

Рис. 1. Мужские головные уборы: гуннский и тюркский этапы: 1 – курган Ноин-Улы [Евтюхова, 1952, рис. 60]; VI–VIII вв., Тува – 2 – Кызыл-Тей; 3 – р. Хам-Дыт [Степи, 1981, рис. 22: 10, 11]; 4 – Деспен; 5 – Эльте-Кежиг [Евтюхова, 1952, рис. 55: 1; 57: 2]; хазарский этап по аланским материалам: 6 – могильник Хасаут, 7 – могильник Подорванная Балка; 8–10, 12, 13 – могильник Мощевая Балка [Доде, 2001, рис. 27, ил. 2–4; 1991, рис. 4]; 11 – Нижне-Архызское городище [Орфинская, 1991, рис. 8: 1]; 14 – изображения аланского правителя на гробнице XI в. [Доде, 2001, ил. 17]; 15, 16 – Кяфарская гробница XI в. [Доде, 2001, рис. 31]

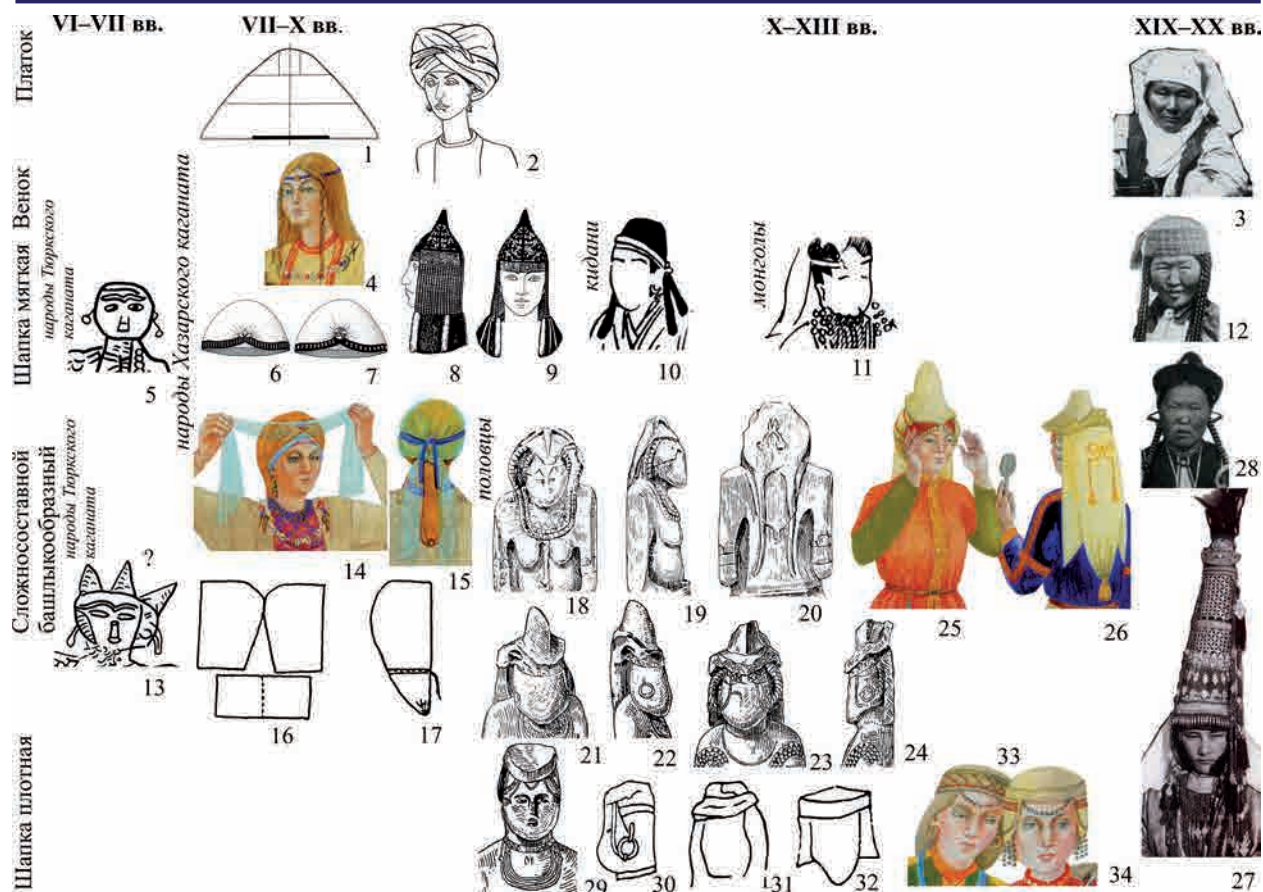

Рис. 2. Головной убор кочевых народов: платок – народы Хазарского каганата – 1 – головное покрывало, Северный Кавказ, могильник Амгата; 2 – женский полотенчатый убор, реконструкция по росписи Пенджикента, VII в. [Доде, 2001, рис. 20, 21]; 3 – казахи, начало XX в. [Nomads, 1989, с. 131]; венок – 4 – народы Хазарского каганата [Доде, 2001, ил. 5]; шапка мягкая – 5 – народы Тюркского каганата, Кудыргинский валун, Алтай [Степи, 1981, рис. 21: 2]; народы Хазарского каганата, Северный Кавказ – 6, 7 – девичьи шапки, могильники Адиух и станицы Старокорсунской; 8, 9 – башлыкообразная шлемовидная шапка, могильник Подорванная Балка, реконструкция Л.Н. Глушкова [Доде, 2001, рис. 17, 18]; 10, 11 – девичьи шапки киданей X в. и монголов XIII–XIV вв., стенопись [Горелик, 2010, табл. IX: 1, 6]; 12 – казахи, начало XX в. [Nomads, 1989, с. 89]; сложносоставной башлыкообразный – 13 – народы Тюркского каганата, Кудыргинский валун, Алтай [Степи, 1981, рис. 21, 2]; народы Хазарского каганата, Северный Кавказ – 14–17 – могильник Подорванная Балка [Доде, 2001, ил. 5, 6, рис. 19]; половцы – 18–24 – каменные статуи № 37, 36, 34 [Плетнева, 1958, рис. 32, 36, 33]; 25, 26 – реконструкция по каменным статуям [Доде, 2001, ил. 20]; 27, 28 – казахи и буряты конца XIX–начала XX в. [Nomads, 1989, с. 113, 89]; шапка плотная – 29–32 – каменные статуи [Плетнева, 1958, рис. 34: 1; 38: № 33, 63, 65]; 33, 34 – реконструкция по каменным статуям [Доде, 2001, ил. 21]

ного орнамента, снизу пришит шелковый назатыльник, а к нему, в свою очередь, – опушка из ку-сков темного и светлого меха [Доде, 2001, с. 20–22, рис. 18, ил. 8, 9]. Продуманный крой второго варианта шапки позволяет закрыть голову и плечи с трех сторон.

На базе башлыкообразной формы выработались составные сложные головные уборы замужних женщин, зафиксированные в могильниках Мощевой и Подорванной Балок (рис. 2, 14, 15). Скругленным и собранным верхом они сходны с девичьими шапками, но в отличие от них имеют накосник (рис. 2, 16, 17). В варианте из Мощевой Балки основная часть выполнена из цельного куска ткани, из Подорванной Балки – сшита из отдельных деталей. В составе таких уборов находились две диадемы, нижняя и верхняя относительно шапки. В качестве нижней, видимо,

Рис. 3. Костюм кочевников: хазарский этап – 1 – костяная накладка щита, конец VII – начало VIII в. [Путешествие, 2016, № 172]; 2, 3 – серебряный сосуд, IX – первая половина X в. [Путешествие, 2016, № 190]; 4, 5 – реконструкции мужского и женского костюма алан [Доде, 2001, ил. 1, 5]; половецкий этап – 6 – сцена половецкой клятвы на рельефе, Кубачи [Доде, 2010, рис. 62]; 7–9 – реконструкции мужского и женского костюма [Доде, 2001, ил. 19–21]

сохранялся вариант девичьей, а в качестве верхней использовали жгут из неплотной ткани. Сверху накладывалось полотнище с красивой каймой и иногда сложно драпировалось. 3. Доде связывает распространение чалмообразных конструкций с восточным, среднеазиатским влиянием [Доде, 2001, с. 22, 35, рис. 19–21, ил. 5]. Следует все же отметить, что данный способ верхнего покрытия очень распространен и мог выработаться и самостоятельно (рис. 2, 2, 3).

Таким образом, в хазарском мире основную формообразующую роль в создании головного убора играет полотнище, на основании усложнения кроя которого, возникают различные шапки. Легкие тканевые или кожаные ленты-диадемы имеют вспомогательное и декоративное значение.

В *костюме* кочевников и народов Хазарского каганата в IX–X вв. существует распашная одежда на пуговицах, хотя продолжают использоваться фибулы, развита и туникообразная конструкция [Доде, 2001, с. 26, 27; Степи..., 1981, рис. 37: 23, 135; Прошкин, 2017, рис. 9: 11–15] (рис. 1, 2; 3, 1–5).

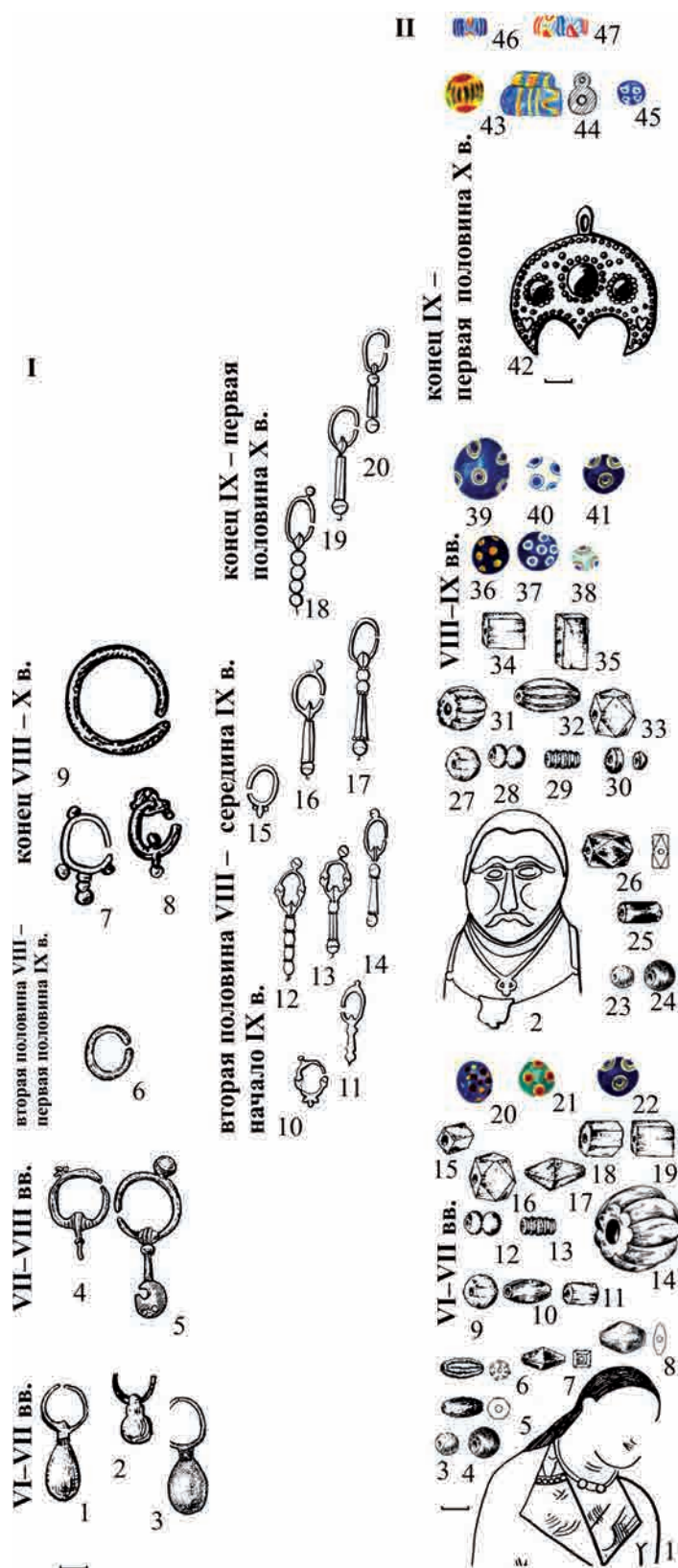
Убор из украшений. Головные украшения. В головном уборе населения салтово-маяцкой культуры известны металлические нашивки на шапки [Плетнева, 1999, с. 39, рис. 19, 20].

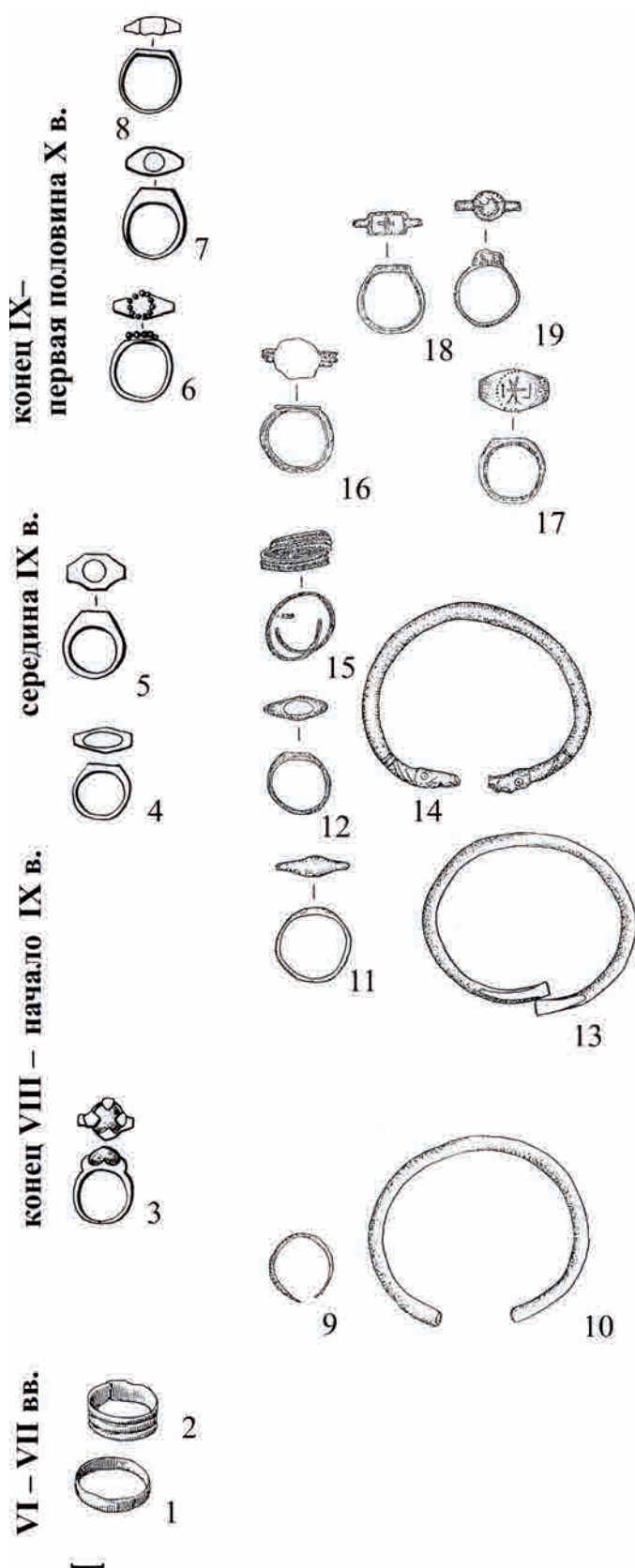
Мужчины и женщины носят серьги, как правило, некрупные и нетяжелые [Плетнева, 1967, с. 137–140, рис. 36]. Крепежная деталь тюркских серег сохраняет округлую форму (рис. 4, 1, 1–9).

Хазарские серьги, как правило, имеют более узкую овальную крепежную деталь, что удобно для закрепления в ухе (рис. 4, I, 10–20). На кольце находится удлиненная подвеска или деталь, ее основные формы: удлиненно-каплевидная (рис. 4, I, 1–3); из нескольких шариков (рис. 4, I, 7, 8, 12, 18); соединение удлиненной, округлой или граненой части с шариками сверху и снизу (рис. 4, I, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20). Можно также выделить формы, подражающие филигранным украшениям, по всей видимости, византийским (рис. 4, I, 10, 15).

Воздействие форм развитого византийского ювелирного убора

Рис. 4. Украшения головного и нагрудного яруса: I – головной ярус, народы, связанные с кочевыми государственными объединениями – тюрки Саяно-Алтая, серьги – 1–3 – могильник Кудыргэ, серебро; 4, 5 – Катанда II (курган 5), Курай VI (курган 1), медь [Степи, 1981, рис. 19: 86, 87]; 6 – Курай IV (курган 1), золото [Степи, 1981, рис. 19: 117]; 7–9 – серьги и височное кольцо (?), Катанда II (большой курган, впускная могила 2), медь [Степи, 1981, рис. 24: 28–30]; Хазарский каганат (салтово-маяцкая культура): 10–20 – серьги [Степи, 1981, рис. 37: 1–5, 97–99, 139–141]; II – ожерелья и их детали VI–VIII/IX вв. – тюрки – 1 – Афросиаб (Самарканд); 2 – Корумды, оз. Иссыккуль [Степи, 1981, рис. 22: 1, 4]; Северный Кавказ, бусы – 3–8 – сердоликовые [Деопик, 1961, рис. 2: 1, 2, 5, 7, 13]; 9–19 – стеклянные одноцветные [Деопик, 1961, рис. 3: 1а, 2а, 3а, 8, 9, 11б, 13, 14, 15, 18, 23]; 20–22 – стеклянные разноцветные [Деопик, 1961, рис. 5: 1, 5, 11]; салтово-маяцкая культура: 23–26 – сердоликовые [Деопик, 1961, рис. 2: 1, 3, 6]; 27–35 – стеклянные одноцветные [Деопик, 1961, рис. 3: 1а, 8–12, 14, 23, 24]; 36–41 – стеклянные разноцветные [Деопик, 1961, рис. 5: 2, 6, 7, 9–11]; IX–X вв. – салтово-маяцкая культура – 42 – филигранная лунница [Степи, 1981, рис. 37: 137]; 43–47 – стеклянные многоцветные бусы [Деопик, 1961, рис. 5: 22, 33, 44, 52, 59]

привело к появлению лучевых серег, лучи которых происходят от филигранных треугольников (рис. 4, I, 10). Аналогичный процесс происходил и в славянском уборе.

Шейно-нагрудные украшения. В данное время, судя по изображениям, какие-либо ожерелья или нагрудные подвески фигурируют довольно редко (рис. 4, II, 1, 2).

В археологическом материале Северного Кавказа с VI–VII вв. наблюдаются каменные, в основном, сердоликовые, а также стеклянные и пастовые бусы (рис. 4, II, 3–22). В VIII–IX вв. в материале салтово-маяцкой культуры возрастает количество стеклянных бусин, связываемых с возникновением местного северо-кавказского производства [Деопик, 1961, с. 231, 232, табл. 2–6] (рис. 4, II, 23–41). Ожерелья составлялись из амулетов, перламутровых дисков, в них могли участвовать и бусы. Бусы не всегда входили в состав ожерелий, они также хранились в кошельках на груди, играя роль обменного средства [Плетнева, 1999, с. 39].

Рис. 5. Украшения рук: народы, связанные с кочевыми государственными объединениями – тюрки Саяно-Алтая – 1, 2 – пластинчатые перстни [Гаврилова, 1965, табл. XX: 4, 5]; Хазарский каганат (салтово-маяцкая культура): перстни – 3 – со вставкой и крапанами, 4 – с цельным ромбическим щитком, 5 – со вставкой в гнезде и многоугольным щитком, 6 – с округлым щитком в обрамлении зерни, 7 – со вставкой в гнезде и высоким овально-ромбическим щитком [Степи, 1981, рис. 37: 6, 7, 100, 138, 142, 143]; аланские могильники Средней Кубани VIII–IX вв., бронза – перстни – 9 – дротовый; 11 – с уплощенным щитком, 12, 19 – со стеклянными вставками; 15 – пластинчатый с заходящими концами; 16 – с круглым щитком; 17, 18 – перстни-печатки [Каминский, 1984, рис. 1: 10; 7: 12, 17, 15, 16; 8: 27, 28; 7: 14]; браслеты дротовые – 10 – с обрубленными концами; 13 – с четырехгранными концами; 14 – со звериноголовыми окончаниями [Каминский, 1984, рис. 1: 11; 3: 24; 7: 10]

В конце IX – первой половине X в. появляются ювелирные филигранные лунничные подвески, предназначенные для элитарного костюма (рис. 4, II, 42). Общий характер убора средних слоев населения, видимо, существенно не меняется (рис. 4, II, 43–47). В целом в хазарском мире использование отдельных ювелирных изделий является спорадическим.

Копоушки, вероятно, также были подвесками, их формы в VIII–IX вв. менялись в сторону более декоративно оформленных [Степи, 1981, с. 75, рис. 37, 8, 9, 101, 102, 104].

Украшения рук. Металлические браслеты не являются самым характерным украшением кочевников. Распространены более легкие браслеты из неметаллических бусин [Плетнева, 1999, с. 39].

В тюркском и хазарском уборе наиболее представлены перстни. Просты пластинчатые и рифленые формы VI–VII вв. (рис. 5, I, 2). Литые перстни со вставкой и четырьмя крестообразно расположенными крапанами конца VIII – начала IX в. создают впечатление более дорогого ювелирного изделия (рис. 5, 3). В IX–X вв. возникают перстни с более изящно оформленными щитками со вставками и без них, а также – с филигранью (рис. 5, 4–8).

В уборе алан браслеты представлены: дрововые с обрубленными, сужающимися и зооморфными концами (рис. 5, 10, 13, 14). Перстни проходят путь от простых проволоочных и пластинчатых форм (рис. 5, 9, 15) к щитковым, перстням-печатам (рис. 5, 11, 12, 16–18), к перстням со вставками (рис. 5, 19). Браслеты есть в погребениях Дмитриевского могильника, оставленного аланским населением [Плетнева, 1989, с. 113–115, рис. 60].

Таким образом, для кочевников не характерны тяжелые металлические украшения рук, в основном используются менее крупные – перстни. Очевидна тенденция к появлению и развитию ювелирного убора – ношение перстней со вставками, украшенных филигранью.

Разнообразны и развиты *амулеты*. Возможно, роль амулетов играли бубенчики, привешиваемые как к конской сбруе, так и к одежде (рис. 6, а–е). Во второй половине VIII – первой половине IX в. используются металлические амулеты: солярные кольцевидные с включением изображений животных и птиц; в виде изображений животных, коней и птиц; кости и клыки животных (рис. 6, I–8). Амулеты найдены на груди или в районе пояса. Они входили в состав поясных подвесок, делались специальные колодки для их крепления. К IX – первой половине X в. фигурки животных перестали использоваться, отсутствовало и поясное крепление. Главную роль играли натуральные материалы: кусочки янтаря, каменные привески, просверленные грецкие орехи, зубы, когти, пястные кости лисы и собаки [Плетнева, 1967, с. 140, 172–179]. В VIII–IX вв. у хазар и алан в качестве амулетов широко распространены просверленные перламутровые диски из раковин моллюсков. Их носили в ожерельях на шнурке, подшивали к одежде, вдевали в петли платьев из тесьмы, подвешивали к ним бусины и другие амулеты. В погребениях их находят в районе головы, верхней половины тела, включая пояс. Предполагается, что они могли быть пришиты к головному убору, вплетены в косы [Аксенов, 2015] (рис. 6, 9–13).

У алан Северного Кавказа в качестве амулетов использовались также медвежьи зубы и когти. Сугубо женскими талисманами являются кости зайца и лисы, орехи. В погребениях Мощевой Балки кости зайцев находились в карманах платьев или в шкатулках, пришивались с изнанки у боковых разрезов. В могильнике Эшканон плоды грецкого ореха с просверленной скорлупой входили в состав ожерелий. В Мощевой и Подорванной Балках найдены просверленные зубы оленя, имитация зуба из стекла. Зафиксированы обереги, нашитые на одежду или закрепленные в мешочках на поясе у мужчин или левом плече платья у женщин [(Доде, 2001, с. 22–24]. Таким образом, при изготовлении амулетов довольно велика доля натуральных материалов.

Для *костюма* кочевников *печенежского периода X – начала XI в.* есть интересное письменное свидетельство об укорачивании рукавов до плеч и общей длины костюма до колен, сделанное, согласно легенде, для того, чтобы отразить отличие от соплеменников, от которых они отделились [Плетнева, 2003, с. 117]. Сам факт укорачивания между тем указывает на наличие в прежней одежде

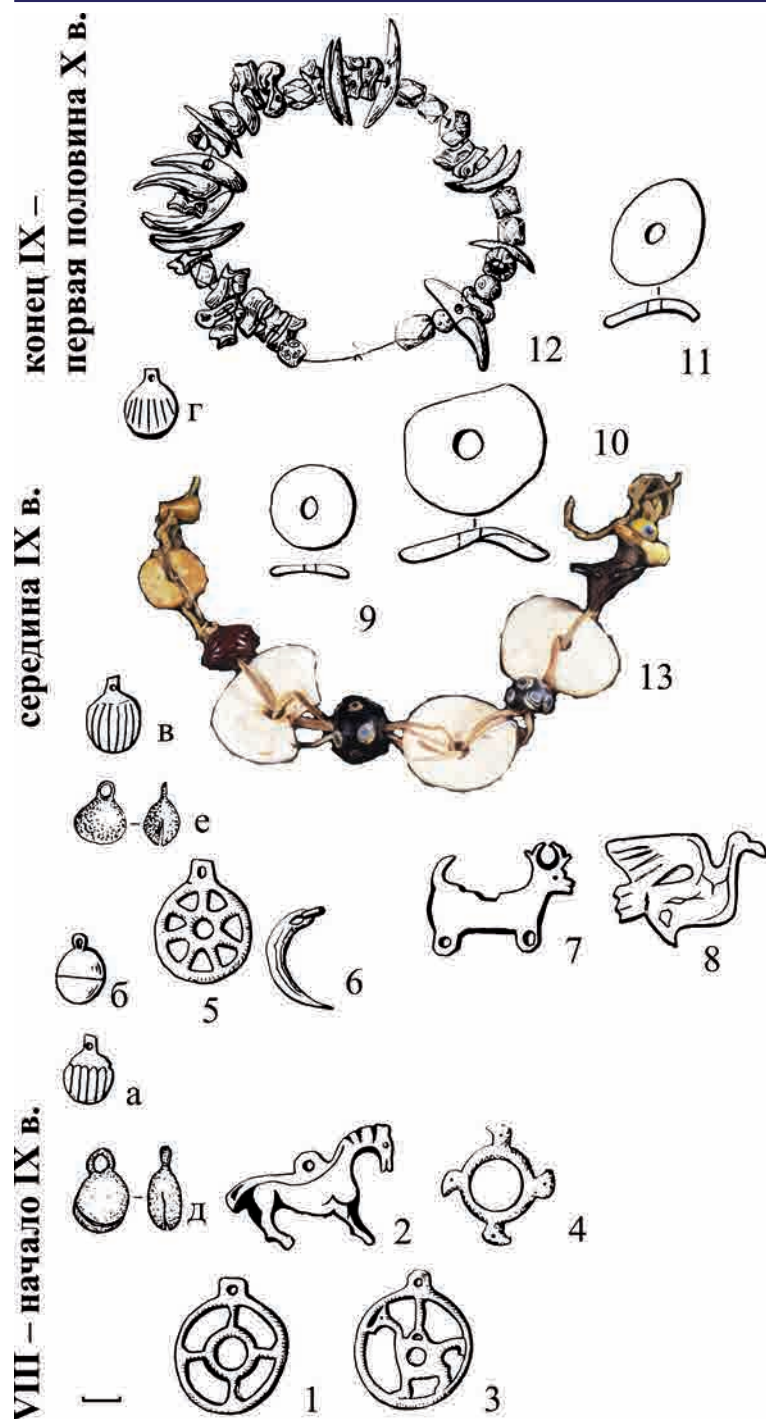

Рис. 6. Амулеты: Хазарский каганат – 1–4 – вторая половина VIII – начало IX в. [Степи, 1981, рис. 37: 46, 52, 55, 56]; 5–8 – середина IX в. [Степи, 1981, рис. 37: 62, 66, 71, 73, 105, 106]; 9, 10 – конец IX – первая половина X в. [Степи, 1981, рис. 37: 136, 155]; 13 – ожерелье из перламутровых дисковидных амулетов, аланы, Северный Кавказ, могильник Подорванная Балка; а–е – бубенчики [Степи, 1981, рис. 37: 18–21, 147; Прошкин, 2017, рис. 9: 7, 8]

лишнего (возможно, лишних драпировок), с чем можно расстаться без потери функциональности одежды. Вероятно, «под прикрытием легенды» происходит рационализация костюма. Одежда женщин, видимо, мало отличалась от мужской, характерно использование поясных наборов с металлическими накладками [Гарустович и др., 1998, с. 247].

По археологическим материалам заволжских печенегов выявляется крайне малое количество украшений убора, что можно связывать с подвижным существованием [Плетнева, 2003, с. 129]. Судя по материалу погребений могильника у Саркела – Белой Вежи, довольно большая часть бедного населения не имела никаких украшений [Плетнева, 1990, с. 13, 40]. В IX–X вв. украшения в погребениях более скромны и их немного (рис. 7, 1), в X–XI вв. появляется больше дорогих и более крупных [Плетнева, 1958, рис. 3, 4, 8].

Головными украшениями являются простые кольца, часто с напускными бусинами, в том числе и лазуритовыми (рис. 7, 2–8).

С печенежско-торческим кругом связываются довольно простые вещи, которые могли использоваться в нагрудном ярусе: зооморфные нашивки или подвески, бубенчики, игравшие и охранительную роль; копоушки, из которых также делались амулеты [Федоров-Давыдов, 1966, с. 141, 142; Плетнева, 1981, с. 217; Гарустович и др., 1998, с. 247, табл. XXIX, 7–9, 11] (рис. 8, 1–4). В ожерельях используются лазуритовые бусы

(рис. 8, 5–7), а также бусы из других материалов (рис. 8, 8–18).

Богатые погребения членов семей воинов-всадников остаются редкими. В них содержатся бронзовые подвески, золотые серьги, серебряные браслеты и перстни, гривны, имевшие престижный характер (рис. 7, 6; 8, 20; 9, 1–5). В X–XI вв. у осевших кочевников в Саркеле – Белой Веже и Поросье, местах соприкосновения с русским населением распространяются серебряные браслеты [Макарова, 1962, с. 133] (рис. 9, 2, 3).

Нехарактерность для кочевников шейных гривен подчеркивается тем, что из половины серебряной гривны был изготовлен жезл власти для женщины (рис. 8, 19). В одном мужском погребении прослежен охранительный от болезни набор украшений-амулетов: лазуритовые подвески, костяная лунничная подвеска, янтарная бусина. В другом мужском погребении на обувь наклеены хрупкие костяные накладки, которые вряд ли могли использоваться при жизни [Плетнева, 1990, с. 18, 26, 33, 34; 2003, с. 126, рис. 45].

В качестве амулетов в данный период распространяются лазуритовые подвески, имеющие в основе две геометрические формы, треугольную, как полагают, символизирующую женскую фигуру, и ромбическую – мужскую (рис. 10, 8, 9). Эти формы усложняются, орнаментируются и получают большую антропоморфность (рис. 10, 10–15) [Макарова, 1962, с. 130–134, рис. 2, 3]. В X в. в Поволжье и могильнике Саркела распространены бронзовые под-

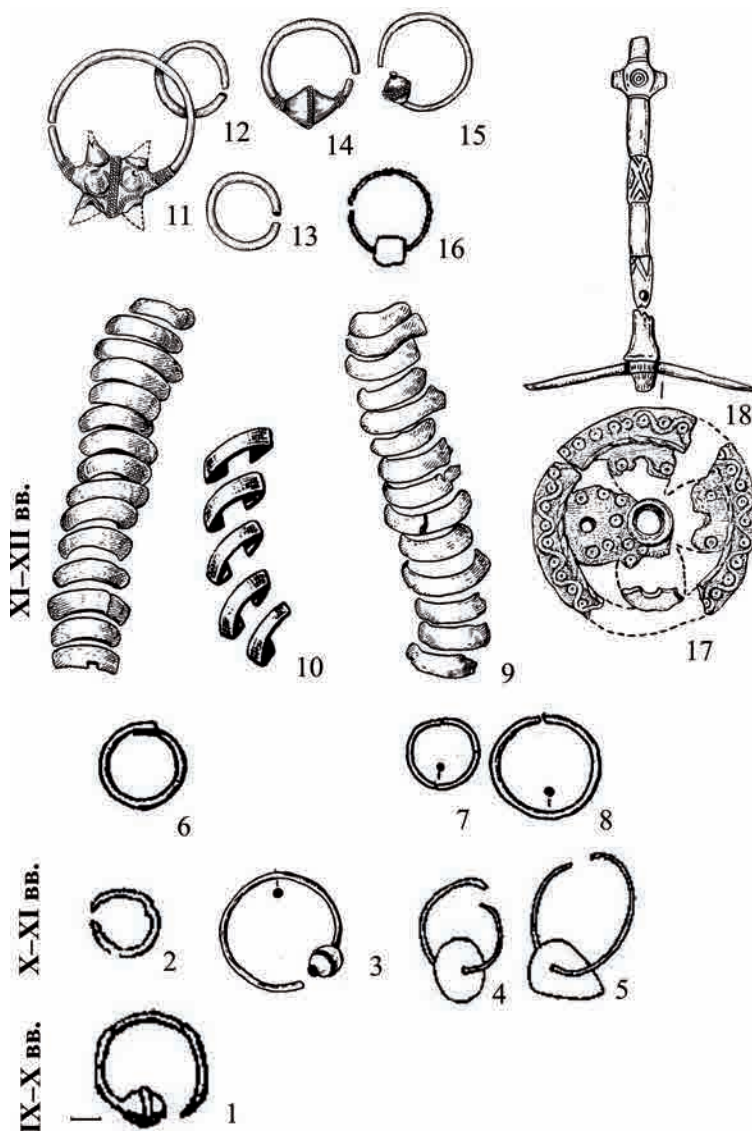

Рис. 7. Головные украшения кочевников IX–XII вв.: печенежского этапа, кольца или серьги – 1 – Кишиневская обл., Екатериновка, IX–X вв. [Плетнева, 1958, рис. 3: 3]; X–XI вв. – 2 – Киевская обл., Зеленки, курган 305 [Плетнева, 1958, рис. 4: 5]; могильник у Саркела-Белой Вежи – 3 – курган 37 [Плетнева, 1990, рис. 21: 2]; 4, 5 – с лазуритовыми бусинами, урочище Басандайка близ Томска, курган 54 [Макарова, 1962, рис. 2: 106, 107]; XI–XII вв. – 6 – серьга, золото, курган 19/56 [Плетнева, 1990, рис. 10: 2]; 7, 8 – кольца, насыпь 19 [Плетнева, 1990, рис. 27: 6, 7]; половецкого этапа – 9, 10 – дужки на валики, имитирующие косы [Степи, 1981, рис. 84: 3; 82: 100]; серьги, подвески – 11–13 – бусинные с конусообразными выступами, кольцевидные [Степи, 1981, рис. 84: 1, 2]; 14 – бусинные с биконическими бусинами [Степи, 1981, рис. 84: 6]; 15 – бусинные с шарообразной бусиной на конце [Степи, 1981, рис. 84: 7]; 16 – с лазуритовой бусиной, Саркел [Макарова, 1962, рис. 2: 65 – опубликовано без масштаба]; 17, 18 – комплект деталей для головного убора [Степи, 1981, рис. 84: 4]

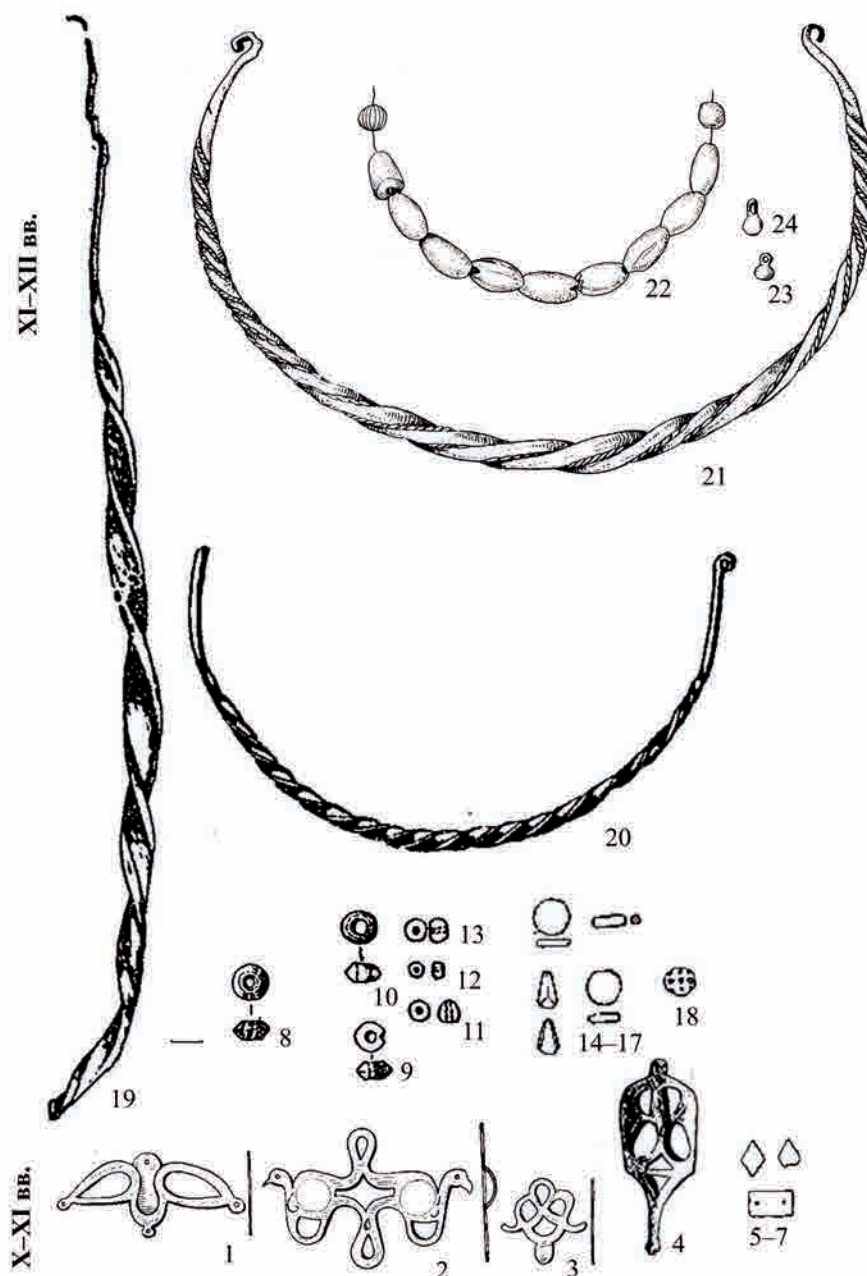

Рис. 8. Украшения шейно-нагрудного яруса и детали костюма: печенежского этапа/круга X-XI вв. – 1–3 – нашивки, металл [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 12: 1 – ДП–ДІV – опубликовано без масштаба]; 4 – копоушка, бронза, могильник Заяры, курган 1 [Гарустович и др., 1998, табл. XXIX: 9 – опубликовано без масштаба]; 5–7 – бусины, лазурит, урочище Басандайка близ Томска, курган 54 [Макарова, 1962, рис. 2: 112, 114 – опубликовано без масштаба]; XI–XII вв. – могильник у Саркела-Белой Вежи; 8 – янтарная бусина, погребение 15, насыпь 19 [Плетнева, 1990, рис. 26: 12]; 9–13 – бусины, п. 19/26 [Плетнева, 1990, рис. 27: 8–12]; бусины, лазурит – 14–17 – могильник у Саркела-Белой Вежи, к. 24/6; к. 17/10; 18 – Саркел [Макарова, 1962, рис. 2: 67–70, 50 – опубликовано без масштаба]; 19, 20 – части гривен, электр, серебро, к. 19/56 [Плетнева, 1990, рис. 10: 2, 5]; половецкого этапа, XI–XII вв.: 21 – гривна витая [Степи, 1981, рис. 84: 5]; 22 – нить бус [Степи, 1981, рис. 84: 22]; 23, 24 – пуговицы [Степи, 1981, рис. 84: 10, 11]

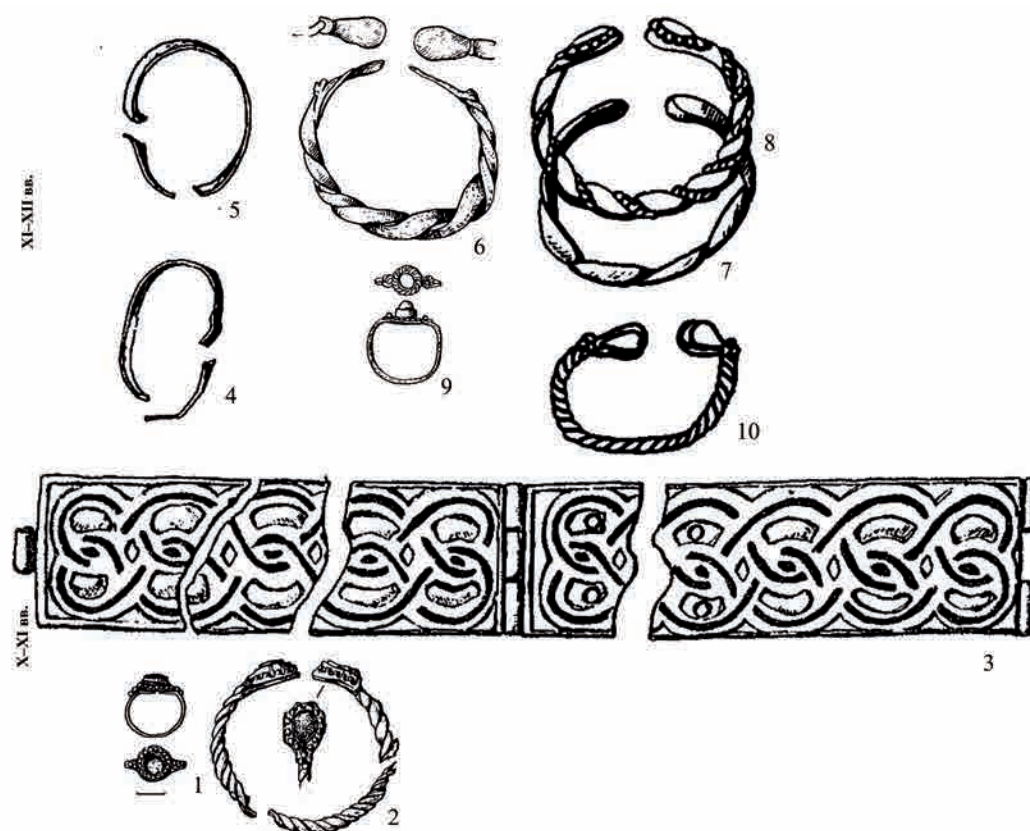

Рис. 9. Украшения рук: X–XI вв., печенежского периода, могильник у Саркела-Белой Вежи, к. 37 – 1 – перстень, золото, 2, 3 – браслеты, серебро [Плетнева, 1990, рис. 21: 2, 7, 8]; XI–XII вв. – печенежского круга – 4, 5 – курган 19/56 [Плетнева, 1990, рис. 10, 4]; половецкого этапа – 6–8 – браслеты, 9 – перстень [Степи, 1981, рис. 82: 94, 95; 84: 23, 24]; 10 – браслет с лазуритовой вставкой, Саркел [Макарова, 1962, рис. 2: 66 – опубликован без масштаба]

вески-амулеты в виде четырехлепестковых розеток и стержней (рис. 10, 1, 4, 5). Используются бубенчики и переделанные копоушки (рис. 10, 2, 3, 6, 7). Амулеты, видимо, укреплялись на одежде и символизировали семейных и частных онгонов-покровителей.

В использовании украшений не прослеживается системы убора, набор и функции их разнообразны, некоторые являются инокультурными, а другие были предназначены только для погребений.

В середине XI в. в степи вторглись половцы, подойдя к юго-восточным границам русских княжеств (согласно восточным письменным источникам – кипчаки, западным – команы). В середине XII в. возникший в Поросье полукочевой союз Черных Клобуков (печенеги, торки, берендеи, часть половцев, другие племена) оказался в вассальной зависимости от Руси. Выделились богатые феодальные семьи, владевшие землями, прежняя патриархальная и хозяйственная система разрушалась, происходил переход на полукочевой и оседлый образ жизни. Существовали и «дикие половцы», находившиеся на службе у русских князей. Этнографические особенности отдельных племен в данный период терялись, этот процесс усиливался межэтническими родственными связями [Плетнева, 1973, с. 24–26; 1981, с. 213, 214].

Женский и мужской костюм на половецком этапе также были сходны. В него входили: кафтан, нательная рубаша, штаны, короткие юбки поверх кафтана (для сохранения тепла во время

верховой езды), сапоги. Кафтаны плотно облегали торс, имели длинные рукава, полы распахивались от талии до колен. Относительно запаха половецких кафтаны в литературе высказаны разные характеристики: левый запах, свойственный тюркским народам; стыкующиеся полы. Известны варианты с закатанными или с короткими рукавами. Женские кафтаны имели округлый ворот или стоячий воротник, более богатый декор, чем у мужских: отделялись вышивкой и аппликацией из кожи и ткани. Женский костюм отличался разнообразием головных уборов (рис. 3, 7–9). Штаны составлялись из двух отдельных штанин (штаны-чулки); известны штаны традиционного покроя. Кожаные сапоги с мысообразным выступом закреплялись на поясе с помощью крючка и ремней.

На мужских изваяниях показаны шлемы, по более поздним источникам можно предполагать остроконечные шапки. На одном из кубачинских рельефов с изображением половецкой клятвы у двух

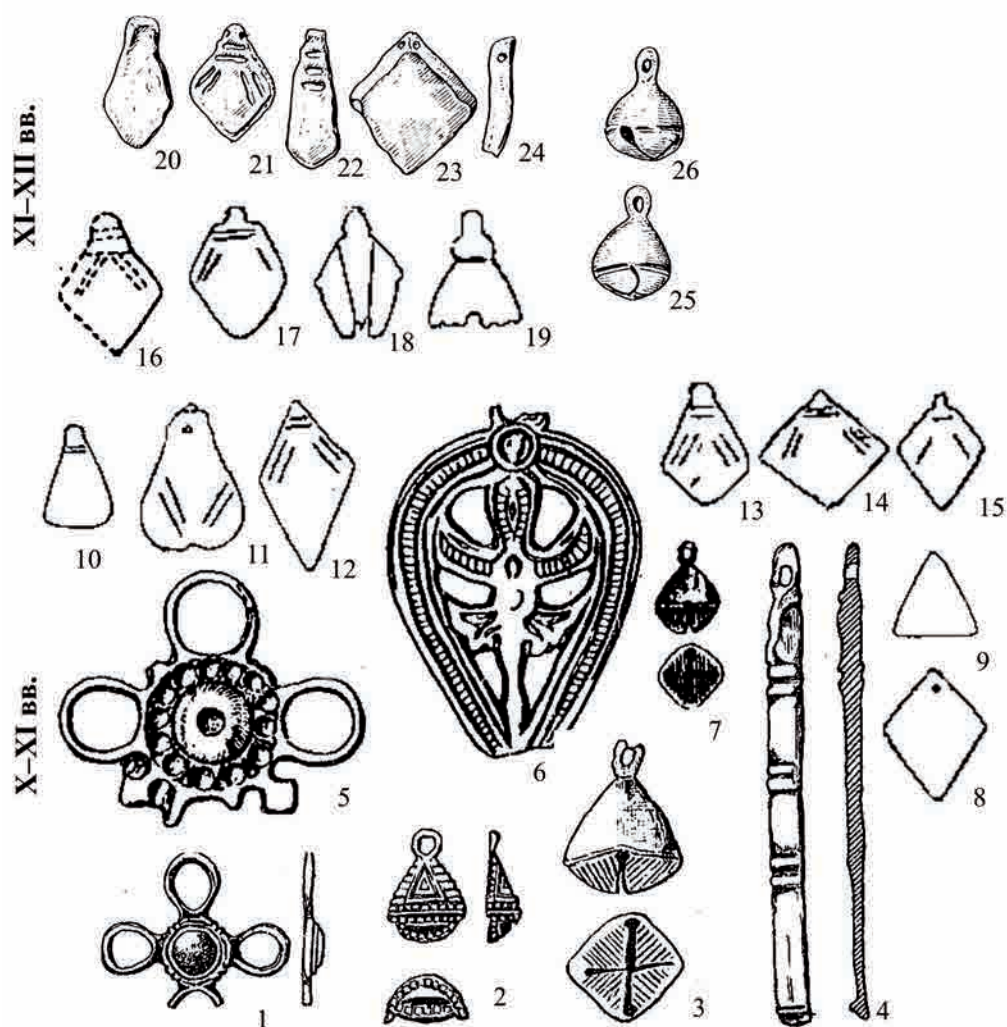

Рис. 10. Амулеты кочевников: X–XI вв., печенежский этап, могильник у Саркела-Белой Вежи, курган 37, бронза – 1 – подвеска; 2, 3 – бубенчики; 4 – стержень [Плетнева, 1990, рис. 21: 1, 4, 6, 5]; курган 59 – 5 – подвеска, 6 – подвеска из копоушки, 7 – бубенчик [Плетнева, 1990, рис. 26: 6, 5, 7]; 8–15 – подвески, лазурит, урочище Басандайка близ Томска, курганы 77, 66(5), 25/3, 54 [Макарова, 1962, рис. 2: 78, 92, 99, 101, 73, 87–89]; XI–XII вв., половецкий этап, печенежский круг, лазуритовые подвески, Саркел – 16 – п. 15, насыпь 19 [Плетнева, 1990, рис. 26: 11]; 17–24 – типичные примеры [Макарова, 1962, рис. 2: 55, 56, 40 – опубликованы без масштаба; Степи, 1981, рис. 84: 14–18]; 25, 26 – бубенчики [Степи, 1981, рис. 84: 8, 9]

мужчин показаны треугольные шляпы с отогнутыми вверх треугольными полями, завязанные под подбородком, треугольные бороды, бритые головы. Одежда на рельефе соответствует изображениям мужского костюма на половецких изваяниях XI – начала XIII в. (рис. 3, 6) [Плетнева, 1981, с. 216, 217; Доде, 2001, с. 52–54; 2010, с. 102–104, рис. 63].

В одежде применялись костяные и металлические пуговицы (рис. 8, 23, 24). Костяные имели 1–2 отверстия в центре, бронзовые были полыми, в виде бубенчиков из двух половин, с петлей сверху, прямой и крестовидной прорезью [Плетнева, 1981, с. 217].

Типы женского *головного убора* выделены С.А. Плетневой на основании анализа половецких каменных изваяний, они соответствуют и материалам погребений. Реконструкции по этим материалам сделаны З.В. Доде. Головное убранство представляло собой сложное соединение головного убора и прически.

Выделено три основных типа:

1) шляпы с высокой тульей, полями и наспинной лопастью, прикрывающей косы в футлярах; валики по сторонам лица, продетые в серебряные дужки, нашитые на войлочные или деревянные валики (рис. 2, 21–26);

2) круглые плоские шапки с затылочным козырьком на ленте и цепочками, опускающимися сверху к ушам (рис. 2, 29, 30);

3) низкие плоские шляпы (рис. 2, 31–34).

Сходные конструкции сохранились в этнографическом костюме бурят и казахов (рис. 2, 27, 28). По некоторым каменным изваяниям можно судить, что существовала и тканевая конструкция, сходная с хазарской (рис. 2, 18–20) [Плетнева, 1958, с. 210, 211; 1981, с. 220, рис. 88, 89; Доде, 2001, с. 54].

Характеристика основных категорий кочевнического *убора из украшений* данного этапа содержится в работах Г.А. Федорова-Давыдова и С.А. Плетневой [Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева, 1973; 1981]. Так же как, и в других сферах жизни, в уборе и костюме кочевников происходило смешение и породнение черт. Использовался приблизительно одинаковый набор украшений.

По погребениям выявлены *детали женских головных уборов* в виде войлочных валиков с нашитыми на них полукруглыми выпуклыми серебряными дужками-пластинками (рис. 7, 9, 10). В погребениях Поросья дужки выполнены из бронзы, обтянуты серебром и позолочены, наложены на деревянные валики, обтянутые толстой тканью. В комплекте одного убора насчитывается по 16–20 дужек, надетых на два валика. Валики помещались надо лбом, в основании тульи головного убора, сходились на линии переносья, не охватывая всю голову вокруг [Корзухина, 1954, с. 60].

В комплект деталей для высокого головного убора входили стержень и бляха (рис. 7, 17, 18)².

В *головном ярусе* носили серьги или кольца. Наиболее типичная форма: незамкнутые кольца (золото, серебро и бронза) (рис. 7, 12, 13). В XI–XII вв. известны кольца с напусковой шаровидной бусиной (рис. 7, 15). Для более богатого убора XII – начала XIII в. характерны довольно крупные серебряные кольца с биконической бусиной с коническими шипами, декорированные сканью (рис. 7, 11, 14) [Плетнева, 1973, с. 15; 1981, с. 216]. Эти украшения распространились у кочевников, они известны и в древнерусскихкладах из Киевской губернии. В кладе из Княжей Горы 1897 г. пара серебряных серег с одной биконической бусиной встречена с древнерусскими трехбусинными украшениями, энколпионом и нательными крестами [Жилина, 2014, № 122/4]. В двух других небольших по составу кладах из Пишки 1891 г. и Пивцы 1887 г. также имеется по две аналогичных серьги с отдельными древнерусскими вещами [Жилина, 2014, № 130/2; 132/1]. Продолжают бытовать кольца с напусковыми лазуритовыми бусинами [Макарова, 1962, с. 131–133] (рис. 7, 16).

²Благодарю коллегу С.А. Пилипенко за уточнение и консультацию.

В качестве *ожерелий* распространились гривны, витые и с подражанием витью, с петлями на концах (рис. 8, 21). В погребениях гривны в целом редки, по всей видимости, они распространились под воздействием древнерусского населения и не были характерны. Бусы использовались также редко, они не составляли крупных ожерелий, в одном женском погребении бусины располагались кучно по несколько штук (рис. 8, 22) [Плетнева, 1981, с. 216, 217]. Распространение гривен отличает данный этап убора от предшествующих.

Более обильный нагрудный набор украшений отразили и половецкие каменные изваяния (рис. 2, 18, 29) [Степи, 1981, рис. 89, 3].

Украшения рук. Известны витые браслеты из двух жгутов и подражающие витью. Концы их оформляются петлевидно, имеют вставки из лазурита [Плетнева, 1981, с. 216, 217, рис. 82, 94, 95; 84, 23] (рис. 9, 6–8). В качестве вставок в окончания браслетов используются и каплевидные лазуритовые бусины (рис. 9, 10) [Макарова, 1962, с. 131]. Носили и ювелирно оформленные перстни (рис. 9, 9).

Лазуритовые подвески-амулеты продолжают бытовать, связываются с племенем берендеев, у половцев их немного [Макарова, 1962, с. 128–131, 134, рис. 3] (рис. 10, 16–24).

Роль амулетов продолжали выполнять и бубенчики (рис. 10, 25, 26). Амулеты, вероятно, закреплялись на шее и перемежались с бусинами.

Можно привести примеры конкретных погребений с предметами убора с территории союза Черных Клобуков [Плетнева, 1973]. Убор нельзя назвать обильным, максимум украшений – это пара серег, остальные категории украшений мало представлены. В могильнике у д. Зеленки Каневского у. Киевской губ., погребены, возможно, половецкие родственники печенегов. Инвентарь женского погребения в кургане 297, совершенного по обряду печенежского, содержит: бронзовую серьгу с бусиной с коническими выступами с правой стороны черепа; на шее – три лазуритовые подвески и три бусины; другие бусины и пуговица – в районе грудной клетки; рядом с черепом – серебряные дужки для косы, расположенные спирально [Плетнева, 1973, с. 26, 35, табл. 5: 1–11]. Аналогично по сохранившемуся убору женское погребение из кургана 365: одна серьга с биконической бусиной и одна лазуритовая подвеска у левой ключицы [Плетнева, 1973, с. 36, табл. 13: 1, 2]. Вероятная дата погребений: XI–XII вв.

Печенежскими, судя по западной ориентировке, являются женское и мужское погребения из кургана 271 могильника у Краснополки. Убор женского: две серьги на бронзовых кольцах (сохранилась одна биконическая серебряная бусина), две позолоченные шаровидные пуговицы на петлях, остатки парчи в районе ног [Плетнева, 1973, с. 37, 38, табл. 17: 1–7]. Вероятная дата погребений XII – начало XIII в.

Погребение мальчика или юноши в кургане 260 из могильника Бурты содержит серебряную гривну и остатки ткани [Плетнева, 1973, с. 39, табл. 24: 1–6].

В женском погребении кургана 272 в убор входили пять янтарных бусин, два золотых проволочные кольца (серьги), несколько серебряных нашивных и подвесных бляшек и дужек [Плетнева, 1973, с. 40, табл. 26: 1–22]. Бляшки имеют кринообразный и зооморфный орнамент, находящий аналогии среди орнаментации древнерусских украшений XII в. Погребение отражает связи с древнерусским населением.

Таким образом, у кочевников издревле существует распахная одежда на пуговицах. Тканевый головной убор развивается на основе усложняющегося кроя полотнища, дополняемого легкими тканевыми составными частями и небольшими металлическими бляшками.

Убор из украшений не отличается обилием, а иногда даже сводится к минимуму. Из металлических украшений, в основном, используются серьги, носимые мужчинами и женщинами, и небольшие перстни. Изначально не характерны гривны и браслеты, их ношение распространяется под воздействием контактов с оседлым населением, в частности, с древнерусским.

Не распространен тяжелый обильно-металлический убор, наблюдаются лишь его отдельные признаки: поясные наборы с металлическими накладками, амулеты из металла на ранней стадии, шумящие бубенчики. В уборе используются копоушки (бытовые предметы). Облегченный вариант кочевнического убора с использованием металла резко отличен от обильно-металлической стадии славянского и финно-угорского уборов, сохранявших традиции ношения нагрудных цепей и крупных височных колец [Жилина, 2020].

В ожерельях и браслетах и серьгах кочевников используются каменные и стеклянные бусины. Развитая культура амулетов, соответствующих сферам солярных и лунарных культов, плодородия, животного мира, духов-онгонов, также связана с использованием природных материалов. С X в. распространяются лазуритовые амулеты, символизирующие мужскую и женскую сферы. Все это иллюстрирует сохранение стадии натурального убора, признаки которой даже усиливаются со временем. Некрупные амулеты могли находиться в специальных скрытых местах костюма, подвешиваться к плечам и поясу, входить в состав культовых ожерелий.

Существует тенденция распространения в парадном варианте убора ювелирных филигранных украшений, происходит выработка их местных форм к X в. В XI–XII вв. убор становится более обильным: известны более крупные бусинные головные украшения с биконическими бусинами и филигранью.

В половецкий период в парадном уборе используется больше металлических деталей: косы охватываются обоймами-дужками. Несмотря на появление гривен и продолжение распространения браслетов, эти украшения остаются очень редки.

Собственного ювелирного убора ювелирной стадии создано не было. Только отдельные украшения (серьги, браслеты и перстни) показывают продолжение развития к ювелирной стадии: вставки из лазурита, филигрань. Перемены в уборе связаны с социальным развитием (ощутимым выделением элиты), контактами с окружающими народами, а также переменой образа жизни, переходом к оседлости.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. 2015. Т. 13. С. 65–80.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV в.). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: АН СССР, 1965. 112 с., 12 л. ил.

Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная одежда народов Евразии. 2010. № 1. С. 16–79.

Деолик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // Советская археология. 1961. № 1. С. 202–232.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. М.: Восточная литература РАН, 2001. 124 с., 24 л. цв. ил.

Доде З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. X. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 248 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24 / Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I. / Под. ред. С.В. Киселева. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120.

Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 391 с.

Жилина Н.В. Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 127–156.

Жилина Н.В. Средневековый убор из украшений финских народов. Общие тенденции и своеобразие регионов // Волго-уральский регион. От древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Междунар. археолог. науч. конф. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 175–181.

Иерусалимская А.А. Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа // VIII Крупновские чтения (тез. докл.). Нальчик: Кабардино-Балкарский ордена «Знак Почета» Институт истории, филологии и экономики, 1978. С. 93–95.

Каминский В.Н. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1984. С. 11–28.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Т. I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник ГосЭрмитажа. 1962. № 4. С. 127–134.

Орфинская О.В. Реконструкция одежды населения Нижне-Архызского городища VII–IX веков // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкессии. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ института истории, филологии и экономики, 1991. С. 112–123.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 151–226.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. САИ. Е1-19. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 213–223.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 285 с., 1 л. ил.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону: (По материалам кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи). М.: ИА РАН, 1990. 102 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2000. 239 с. + 124 с. ил.

Прошкин О.Л. Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки // Археология Подмосковья. М-лы науч. семинара. Вып. 13 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017. С. 33–44.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара / Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль». М.: Издательский дом Марджани, 2016. 559 с.

Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 138 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева М.: Наука, 1981. 300 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 274 с.

Nomads of Eurasia. V.N. Basilov (ed.). Los Angeles: Natural History Museum of Los Angeles County [and] University of Washington Press; California; Tokyo: Dai Nippon Printing Co., 1989. XIII, 192 p.

Zhilina N. Attire of the adornments: the main historical stages: natural, heavy metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Vilnius / A. Zilinskaite (ed.). Vinius: Saulius Jokuzys Publishing-Printing House, 2016. P. 87.

**С.А. ПИЛИПЕНКО,
Э.В. КАМАЛЕЕВ**

Пилипенко Сергей Алексеевич,
Новосибирский государственный университет
экономики и предпринимательства,
г. Новосибирск, Россия; pilipenkosergej@mail.ru;
Камалеев Эльвир Винарович,
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева,
г. Уфа, Россия; kamaleev-ilvir@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ БОККИ из РАСКОПОК Н.А. МАЖИТОВА в ОРЕНБУРЖЬЕ

Аннотация. Изучение головных уборов средневековых кочевников, в частности, бокк из музейных коллекций и введение их в научный оборот является важной задачей для выявления региональных особенностей населения золотоордынского периода.

Ключевые слова: Золотая Орда, средневековые кочевники, бокка, береста

Пилипенко Сергей Алексеевич,
Новосібір мемлекеттік экономика және кәсіпкерлік университеті,
Новосібір қ., Ресей, pilipenkosergej@mail.ru;
Камалеев Эльвир Винарович,
Р.Г. Кузеев атын. Этнологиялық зерттеулер институты,
Уфа қ., Ресей, kamaleev-ilvir@mail.ru

Н.А. МАЖИТОВТЫҢ ОРЫНБОРДАҒЫ ҚАЗБАЛАРЫНАН АЛЫНҒАН БОККАНЫ ҚАЙТА ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ

Аннотация. Музей жинақтарынан ортағасырлық көшпенділердің бас киімдерін, атап айтқанда бокканы зерттеу және оларды ғылыми айналымға енгізу Алтын Орда кезеңіндегі халықтың аймақтық ерекшеліктерін анықтау үшін маңызды міндет болып табылады.

Түйін сөздер: Алтын Орда, ортағасырлық көшпенділер, бокка, қайың қабығы

Sergey Pilipenko,
Novosibirsk State University of Economics and Entrepreneurship,
Novosibirsk, Russia; pilipenkosergej@mail.ru
Elvir Kamaleev,
R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research,
Ufa, Russia; kamaleev-ilvir@mail.ru

RECONSTRUCTION of BOKKA from EXCAVATION of N.A. MAJITOV in the ORENBURG REGION

Abstract. The study of the headdresses of medieval nomads, in particular the bokka from the museum collections of Bashkiria and their introduction into scientific circulation is an important task for identifying the regional features of the formation of the population of the Golden Horde period.

Keywords: Golden Horde, medieval nomads, bokka, birch bark

Памяти Н.А. Мажитова посвящается...

Изучение средневекового наследия кочевого населения Золотоордынского периода степей Евразии является одной из актуальных проблем современной археологии.

Целью нашей работы является ввод в научный оборот материалов погребения средневековой погребения с деталями женского головного убора бокки периода Золотой Орды из кургана 1 III курганного могильника у с. Имангулово 2-е.

Одним из статусных женских головных уборов Золотой Орды являлась бокка. Головной убор представлял собой сложную систему, состоящую из нескольких самостоятельных частей: а) нижней шапочки с назатыльником, лентами, украшенными ромбами и жемчугом; б) берестяной верхней частью, обшитой шелком и украшениями. Поверх этих частей на голову накладывались шапочки с ушами, с разрезом по линии затылочного шва, имевшие веревочные завязки, стягивавшие шапочки на затылке.

Бокки имеют различную степень сохранности. Для систематизации выявленных нами бокк мы условно разделили все выявленные случаи на две стадии. К первой стадии относятся бокки с большей степенью сохранности берестяных конструктивных элементов. Ко второй мы относим случаи, когда в основном сохранились элементы оформления бокки и незначительная часть берестяных элементов.

История изучения памятника

III курганный могильник у с. Имангуловского 2 расположен в 4 км к югу от д. 2-е Имангулово, на мысу, образованном левым берегом р. Салмыш, состоит из 11 курганных насыпей. В 1974 году Н.А. Мажитовым был исследован курган 1 [Мажитов, Рутто, 1974, Ф. 1, оп. 6, д. 56.].

Курган № 1 диаметром 7,5 м, высотой 0,40 м. В центре кургана выявлено женское погребение с подбоем вдоль западной и южной стенок размерами 2,35×0,90 м, глубиной 1,9 м. Костяк взрослого человека (женщины?) лежал у южной стенки могилы у входа в подбой, в вытянутом положении на спине, головой на запад. В районе головы отмечены обломок бронзового зеркала, фрагменты бересты и бусины.

После исследования погребения материалы были переданы в научные фонды ИЭИ УФИЦ РАН, где и хранятся в настоящее время (номер по Госкаталогу РФ № 23696833).

Знакомство с коллекцией и информативно-графическим потенциалом полевого отчёта позволило нам приступить к реконструкции бокки, найденной Н.А. Мажитовым. К оформлению бокки относятся три бусины (рис. 1, 1–4). На данный момент бокка представляет собой разрозненные берестяные фрагменты разных её частей, не составляющих единого целого изделия (рис. 2, 1–9).

Реконструкция бокки

Изучаемая нами бокка относится к группе второй стадии сохранности головных уборов этого вида (сложно сказать, хорошей или плохой сохранности бокка). Справа от черепа были найдены детали бокки и обломок зеркальца (рис. 1, 1а, 1). Чуть выше, у височной кости, были зафиксированы берестяные детали корпуса бокки (рис. 2, 3–9). Сверху над черепом были найдены три крупные стеклянные бусины *in situ* (рис. 1, а1). Расположение бусин в линию, перпендикулярно скоплению берестяных фрагментов бокки, позволяют нам предполагать, что они украшали внешнюю часть колонны-цилиндра, от которого сохранились значительные фрагменты берестяного корпуса со следами двойной вертикальной прошивки (рис. 2, 6, 8, 9).

Двойные вертикальные ряды отверстий предполагали наличие внутреннего вертикального каркаса из 2–3 прутьев и двух круглых запирающих колонну-цилиндр кольца. Листы бересты

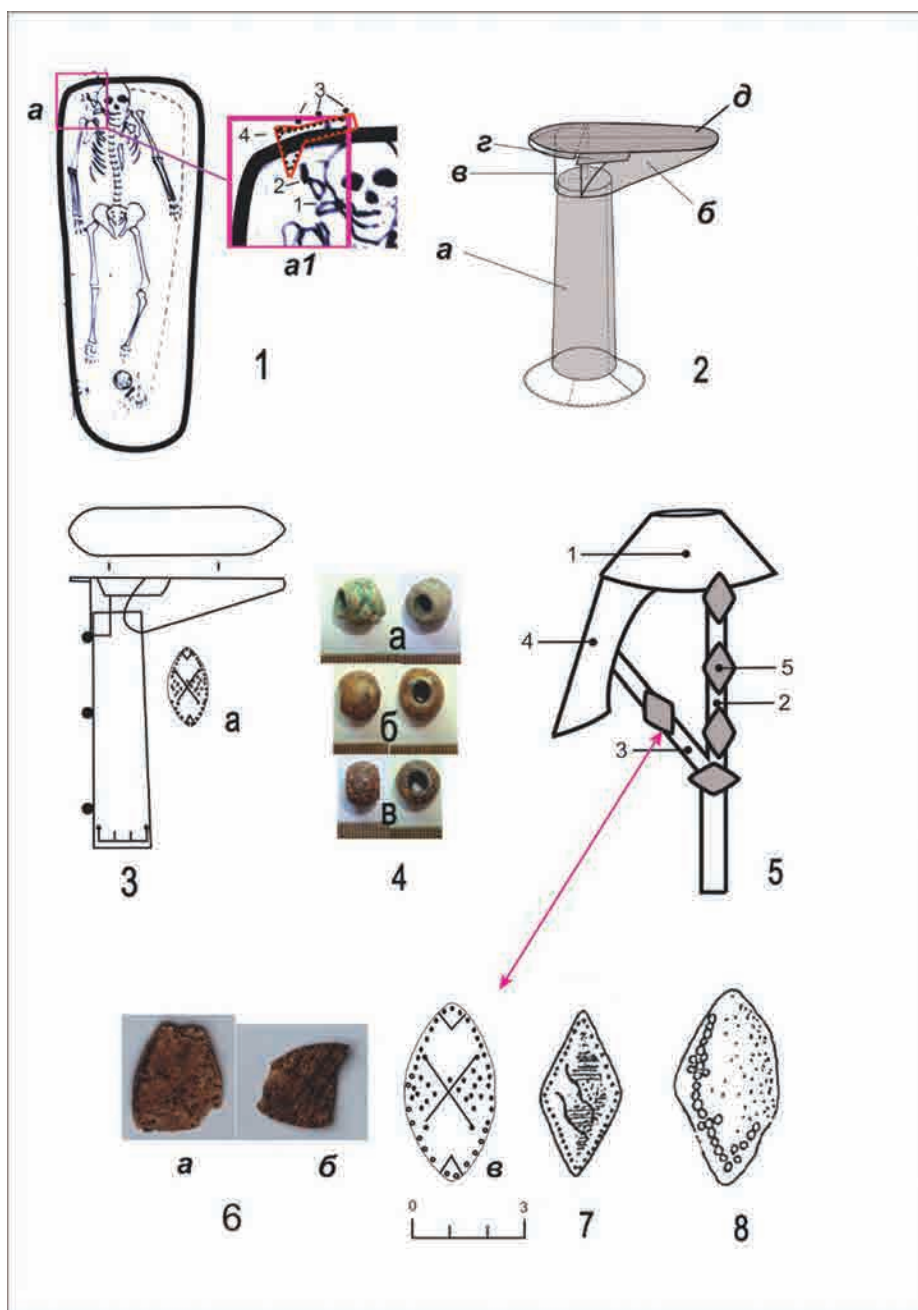

Рис. 1. Бокка из I Имангуловского могильника: 1 – план погребения I Имангуловского 2 могильника, 1а – положение находок в районе черепа: 1 – обломок бронзового зеркала, 2 – берестяные фрагменты бокки, 3 – размещение трех бусин in situ, 4 – реконструкция размещения бокки в погребении; 2 – схема сохранившихся частей бокки золотоордынской разновидности: а – колонна-цилиндр, б – лицевая пластина, в – задняя фронтальная пластина, г – боковой элемент стяжка, д – крышка; 3 – реконструкция бокки, а – берестяного ромбика их погребения I кургана I Имангуловского 2 могильника; 4 – бусины, украшавшие бокку; 5 – схема размещения ромбов на нижней шапочке бокки: 1 – нижняя шапочка, 2 – височная лента, 3 – затылочная лента, 4 – покрытие затылка, 5 – декоративный элемент оформления лент; 6 – а, б фрагментированные детали ромбиков, в – и их реконструкция; 7, 8 – берестяные ромбики из могильника Новый Кумак. Фото С.Н. Заседателевой

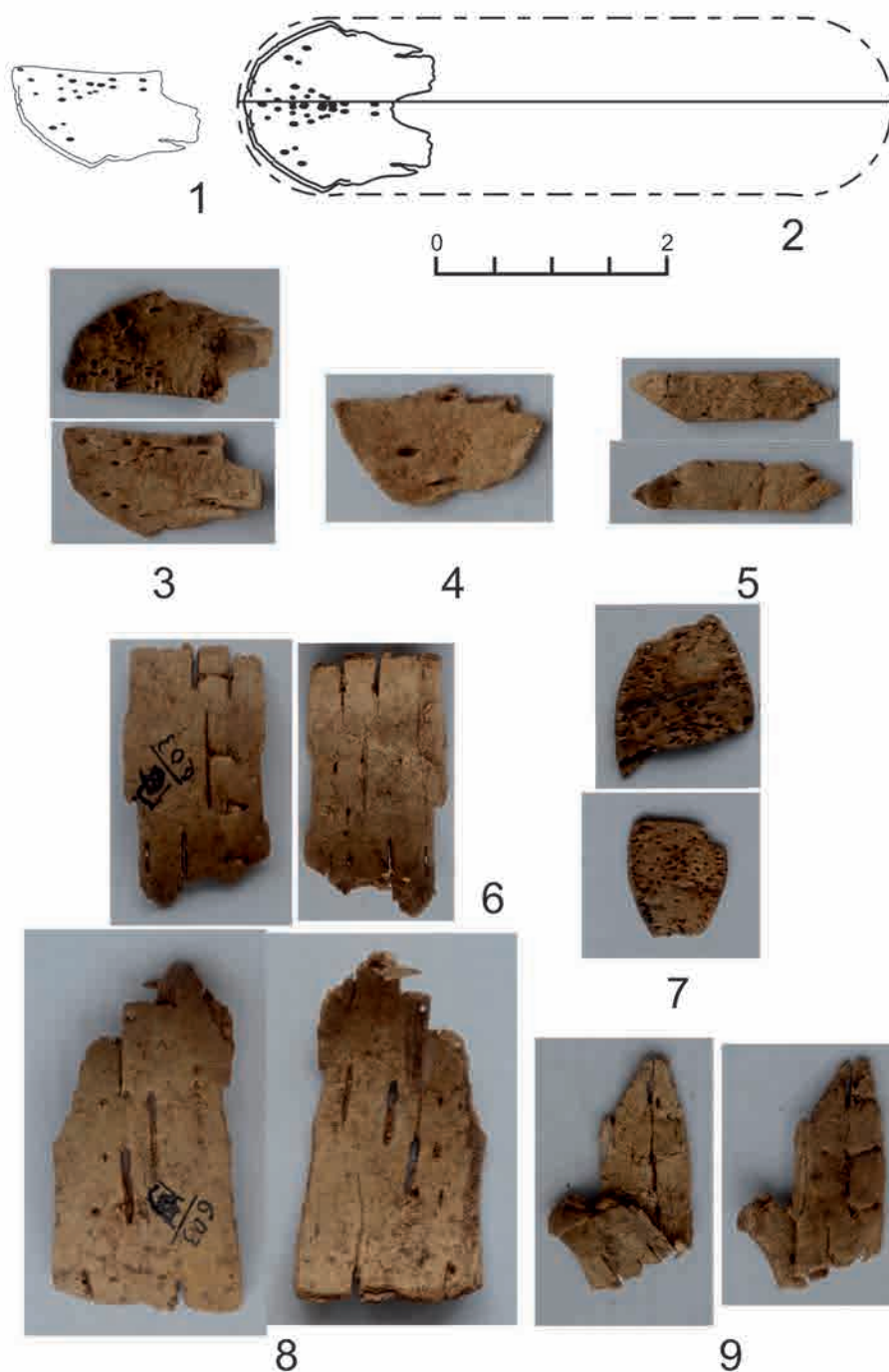

Рис. 2. Детали бокки: 1, 2 – реконструкция внешнего вида крышки бокки; 3 – фрагмент задней части крышки бокки; 4 – фрагмент берестяной капители бокки; 5 – фрагмент бокового элемента стяжки капители; 7 – берестяные ромбики от нижней шапочки бокки; 6, 8, 9 – фрагменты колонны-цилиндра бокки с прошивкой. Фото Э.В. Камалеева

расположены рисунком коры перпендикулярно для лучшего удержания формы берестяной части бокки. Кора снята пластовым методом в весенне-летний период (определение С.А. Пилипенко). Добавляя 1–1,5 см к нижней части для пришива и 2,5 см в верхней части колонны-цилиндра с добавлением 2 см высоты задней торцевой пластины, мы получаем первоначальную высоту бокки в $17 \text{ см} \pm 1 \text{ см}$. Учитывая выявленную нами закономерность соотношения высоты цилиндра-колонны и крышки, длина крышки составляет $17 \text{ см} \pm 1\text{--}2 \text{ см}$. Из сохранившихся деталей мы выявили детали колонны-цилиндра (рис. 1, 2а; 2, 6, 8–9), фрагмент крышки (рис. 1, 2д; 2, 3), бокового элемента-стяжки (рис. 1, 2з; 2, 5), лицевой пластины капители золотоордынской разновидности (рис. 1, 2б; 2, 4).

Одним из информативных фрагментов бокки является четвертинка задней части крышки (рис. 2, 1–3). С учетом восстановления первоначального размера ширина крышки составляла 3 см. Фрагмент задней части крышки имеет следы от прошивки для крепления продольного осевого прутика внутреннего каркаса и следы от пришивания заднего выступающего элемента, длина которого составляла 1 см (рис. 2, 2) [Пилипенко, Жадаева, 2017, с. 46]. В большинстве выявленных нами случаев бокк, относящихся к первой стадии, ширина крышки была ненамного шире диаметра верхней части колонны-цилиндра, с учетом расширения на 0,5 см книзу мы получаем нижний диаметр в 3–3,5 см.

Таким образом, восстанавливаемая бокка по общим параметрам соотносится с бокками из Башкирберкутских курганов [Мажитов, 1977, табл. I, 376] и Тлявгуловского кургана 4 [Иванов, Кригер, 1988, рис. 13, 30], выявленных на территории Башкортостана (Кугарчинский район, дер. Башкир-Беркутово). Размещение бусин параллельно верхнему торцу могилы и наличие берестяных фрагментов бокки ниже и правее черепа позволяет восстановить положение бокки в погребении. Берестяная часть бокки была положена выше черепа погребенной, носиком сапожка капители вниз, в сторону правого уха (рис. 1, а1, 4).

Берестяные ромбы как элемент украшения нижней шапочки. Среди обрывков бокки нами были отмечены два не полностью сохранившихся берестяных элемента (рис. 1, 6а, б) украшения на лентах нижней шапочки (рис. 1, 5). На Южном Урале берестяные ромбы известны в материалах могильника Новый Кумак из кургана 16 погребение 2 (рис. 1, 8) [Иванов, Кригер, 1988, рис. 2, 15] и из кургана 28 погребение 1 (рис. 1, 8) [Иванов, Кригер, 1988, рис. 11, 40].

Берестяные ромбы, украшавшие ленты нижней шапочки бокки, располагались на височных (рис. 1, 5, 2) и теменных (рис. 1, 5, 3) лентах. Ромбы из женского погребения III курганной группы могильника Имангуловского 2 немного отличаются от всех известных нам ромбов более плавными линиями боковых выступов ромбов (рис. 1, 6).

Ромбы изготавливались из разных материалов: бересты, кожи, дерева, золота и серебра. Ромбы известны в погребениях средневековых кочевников от Монголии [Тишкин и др., 2002, рис. 57, 2] до Поволжья [Мыськов, 2015, рис. 77, 16]. В нашем случае мы видим бытование как минимум двух берестяных разновидностей декоративных ромбов.

Система украшения бокки. От украшений корпуса бокки остались три крупные стеклянные (?) бусины размером 1,2–1,6 см (рис. 1, 4а–в). Они были нашиты с задней части колонны-цилиндра. Бусины располагались в ряд длиной 12 см (рис. 1, а1, 3) на расстоянии 6–7 см друг от друга. Украшение бокк крупными бусинами с задней и передней частей, возможно, является региональной особенностью кочевников Южного Урала. Об этом позволяет судить бокка из погребения 1 кургана 7 Новокумакского могильника (III северо-западной группы) [Бытковский и др., 2014, рис. 8]. При расчистке бокки были зафиксированы *in situ* две крупные бусины размером 1,5 см: одна располагалась в нижней композиционной зоны задней части колонны-цилиндра; вторая – была зафиксирована на стыке носика сапожка капители и верхней части капители-колонны.

Мы предполагаем, что в данном случае крупная бусина под выступом носика капители выполняла функцию оберега взамен пластинчатого или трубчатого тумара (амулетницы).

Вертикальное расположение композиции задних частей бокки, выполненные из бисера и бус разного размера, в сочетании с металлическими украшениями, продиктовано вертикальной структурой самого объекта. Его архитектура тянется от нижней шапочки с лентами, расшитыми ромбами из берестяного корпуса, представляющего собой цилиндр с разными видами капителей, и завершается крестовиной на крышке бокки со съёмным плюмажем.

В ходе проделанной работы мы пришли к ряду выводов, актуальных для дальнейшей работы в изучении женских головных уборов монгольского времени – бокк:

1. Впервые введена в научный оборот, изучена и реконструирована бокка из погребения 1 кургана 1 III курганного могильника у с. Имангулово 2-е с территории Оренбургской области.
2. В ходе реконструкции была восстановлена форма берестяной части бокки и определена ее принадлежность к золотоордынской разновидности.
3. Было восстановлено первоначальное размещение бокки в момент погребения.
4. Проанализированы элементы украшения бокки (ромбы и бусы) и установлены общие черты оформления (ромбы) и региональные (бусы большого размера).

Дальнейшие исследования памятников средневековых кочевников Южного Урала подтвердят или опровергнут наши наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. Вып. 11. С. 214-226.

Государственный каталог музейного фонда РФ. goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23829509.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.

Мажитов Н.А., Рутто Н.Г. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1974 г. // Научный фонд ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 1, оп. 6, д. 56.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волого-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Пилипенко С.А., Жадаева А.В. Конструктивные особенности бокк из собраний музеев Волгограда и Волгоградской области: к постановке проблемы (по материалам могильников Царев, Солодовка I-II) // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. Т. 18. № 2. С. 41-46.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

И.Р. КАМАЛДИНОВ

Камалдинов Ильяр Рамильевич,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, kamaldinov-ilyar@mail.ru

ЧАША с ПОДГЛАЗУРНОЙ РОСПИСЬЮ из ОТРАРА (раскопки 2018 г.)

Аннотация. Чаша с подглазурной росписью в виде изображения птицы (степного орла) и эпиграфическим декором найдена в стратиграфическом раскопе северной части шахристана средневекового городища Отрар. Чаша обнаружена в слое X–XI вв., т. е. относится к караханидскому периоду. В статье представлены некоторые аналогии изображению птицы, а также дана орнитологическая атрибуция. Изображение орла нетипично для глазурованной керамики караханидского периода. Отрарская чаша относится к числу очень редких и интересных находок.

Ключевые слова: средневековье, Караханиды, Отрар, глазурованная керамика, орнитоморфный и эпиграфический декор

Камалдинов Ильяр Рамильевич,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан, kamaldinov-ilyar@mail.ru

ОТЫРАДАН ТАБЫЛҒАН ЖЫЛТЫРАТЫЛҒАН СЫРЛЫ ТОСТАҒАН (2018 жылғы қазба)

Аннотация. Ортағасырлық Отырар қаласы шахристанының солтүстік бөлігіндегі стратиграфиялық қазбадан құс бейнесі (дала қыраны) түріндегі және эпиграфиялық декормен салынған сырлы тостаған табылды. Тостаған Қараханидтер кезеңіне жататын, X–XI ғғ. тән қабаттан алынған. Мақалада құс бейнесінің кейбір ұқсастықтары, сонымен қатар орнитологиялық атрибуция берілген. Қыранның бейнесі Қарахан дәуіріндегі жылтыратылған керамикаға тән емес. Отырар тостағаны өте сирек кездесетін және қызықты олжалардың біріне жатады.

Түйін сөздер: орта ғасырлар, Қараханидтер, Отырар, жылтыратылған керамика, орнитоморфты және эпиграфиялық декор

Ilyar Kamaldinov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, kamaldinov-ilyar@mail.ru

BOWL with UNDERGLAZE PAINTING from OTRAR (excavated in 2018)

Abstract. A bird bowl (steppe eagle) with underglaze painting and epigraphic decor was found in a stratigraphic excavation in the shakhristan's northern part of the medieval city-site Otrar. The bowl was found in the

layer of the 10th–11th centuries; refers to the Karakhanid period. The article presents some analogies of bird image and an ornithological attribution. The image of an eagle is not typical for glazed ceramics of the Karakhanid period; the Otrar bowl is one of the rare and interesting finds.

Keywords: Middle Ages, Karakhanids, Otrar, glazed ceramics, ornithomorphic and epigraphic décor

Отар – широко известный на средневековом Востоке город Южного Казахстана. В IV–XII вв. был главным городом округа Фараб. Средневековые арабские и персидские авторы – историки и географы писали об этом городе как о политическом, торговом и культурном центре, игравшем важную роль в истории Центральной Азии [Байпаков, 2014, с. 83].

В XI–XIII вв. городская культура Оттарского оазиса достигает своего наивысшего расцвета. В городах появляются кварталы гончаров, происходит усовершенствование технологии керамического производства. В это время появляется и получает широкое распространение керамика, покрытая глазурью. Усиление культурно-экономических связей в XI – начале XIII в. между областями Средней Азии, Ближнего Востока и Казахстана обеспечивало быстрое распространение не только совершенных технологических приемов, но и моды на новые художественные изделия, в том числе из керамики.

Художественная керамика этой эпохи отвечала возросшим запросам развитого средневекового общества. Изменяются формы сосудов, их пропорции, детали, усиливается декоративность, которая составляет одну из главных черт всего средневекового искусства Средней Азии. Мастера вводят новые элементы орнамента, новые композиции и цветовые гаммы.

В 2018 г. исследование городища Оттар (рис. 1, 1), начатое в 2015 г. было продолжено по проекту «Археологическое изучение городища Оттар» (рук. К.М. Байпаков). В изучении памятника принимали участие А.К. Авизова, И.Р. Камалдинов, Н.О. Сералы, А.А. Сералиев. Стратиграфический раскоп площадью 500 кв.м был доведен до глубины 6,5 м, до уровня культурного слоя X–XI вв. (рис. 1, 2).

Археологически целое блюдо с зооморфным изображением найдено на полу помещения № 6А стратиграфического раскопа. Строительный горизонт № 9, в котором найдена чаша представлен материалом характерным для Оттара и Оттарского оазиса караханидского периода (X–XII вв.). В коллекции поливной керамики присутствуют одно целое блюдо и светильники. Они изготовлены на гончарном круге, из хорошо отмученной глины, черепок в изломе розовый, обжиг полный. Помимо поливной и неполивной посуды в слое выявлены бусы, изделия из кости, камня и металла, курильницы, дастарханы, светильники-чираги, очажные подставки (напольные переносные алтари), глиняные изделия санитарно-гигиенического назначения и др.

Чаша с широкой закраиной (диаметр 31 см) на слегка вогнутом вовнутрь дисковидном поддоне (11 см) (рис. 2, 1). Поверхность изделия покрыта бесцветной свинцовой глазурью поверх росписи по белому ангобу. Полихромная подглазурная роспись, выполненная черной, зеленой и коричневой краской различных оттенков, занимает целиком внутреннее пространство дна чаши. Черной краской выполнен контур изображений, а силуэт – зеленой и коричневой. В центре блюда в окружении эпиграфического орнамента изображена хищная птица, фигура которой выглядит довольно реалистично. Мастер подчеркнул характерные признаки: острый клюв с горбинкой, оперенные ноги до самых пальцев («штаны»), заостренные когти.

Эпиграфический орнамент представляет собой реалистично повторяющиеся стилизованные арабские буквы, которые выполняют, очевидно, декоративную функцию. Рисунок дополнен круглыми пятнами зеленого цвета, которые расположены между псевдобуквами. Широкие и тонкие полосы изящно окаймляют блюдо. Необходимо отметить, что имитации арабских букв размещены верхушками к центру сосуда, это характерно для конца X в., так как начиная с XI в. буквы стали размещаться верхушками к краю сосуда; эту специфическую черту для керамики Тогда впервые проследила и отметила Г.В. Шишкина [Шишкина, 1979, с. 56; Брусенко, 1986, с. 54].

Рис. 1. Городище Отрар: 1 – аэрофото; 2 – общий вид раскопа 9.
Фото И.Р. Камалдинова

Рис. 2. Чаша с городища Отрар с изображением птицы (1) – фото И.Р. Камалдинова; степной орёл (2) – фото Р. Уразалиева; фрагмент керамики с изображением птицы с городища Ахсикент (3) – по: [Анарбаев, 1999, с. 58]

По мнению Руслана Уразалиева орнитолога, научного сотрудника Казахстанской ассоциации сохранения биоразнообразия (АСБК), доктора PhD, изучившего изображение по фото и переписке с автором, изображение на чаше передает ряд атрибутирующих признаков, позволяющих идентифицировать образ:

- «1) Габитус (общее телосложение) и положение тела соответствует крупному орлу;
- 2) клюв с характерной горбинкой, острый на конце; пропорции клюва близки к реальным;
- 3) над глазом художник пытался изобразить характерное орлам надбровье, которое придает им тот самый “хищный взгляд”;
- 4) характерные для орлов “штаны”; здесь очень хорошо подмечена одна из ключевых особенностей морфологии орлов – оперенные ноги до самых пальцев;
- 5) пальцы с заостренными когтями; пропорция такая в пользу орла;
- 6) окраска тела однотонная, концы крыльев темные».

Таким образом, по мнению специалиста, оформитель чаши пытался изобразить крупную хищную птицу рода Орлов (семейства Ястребиных), вероятнее всего, степного орла (рис. 2, 2), который нередко имеет окрас песочного цвета.

Зооморфные и орнитоморфные изображения на глазурованной керамике караханидского времени встречаются крайне редко, и в целом данный тип декора не характерен для традиции местных гончаров этого периода. Так известные орнитоморфные образы на керамике Отрарского оазиса представлены преимущественно изображениями павлинов, журавлей, птиц с хохолками и водоплавающих [Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 22].

Практически идентичное изображение птицы (рис. 2, 3) имеется на блюде из комплекса керамики средневекового городища Ахсикент в Узбекистане. Правда, автор находки указывает, что на блюде изображен попугай. Фрагмент донной части глазурованного сосуда обнаружен в северо-западной части городища при раскопках мастерской, в бадрабе в пределах помещения № 3; блюдо датируется XI–XII вв. [Анарбаев, 1999, с. 58].

Образ фазана встречается в глазурованной керамике Согда (IX–X вв.) и Чача (X–XII вв.) Декор отличается сходством композиционной схемы: в центре блюда помещалось изображение фазана, а закраина украшалась эпиграфическим орнаментом и крапинами [Брусенко, 1986, с. 71; Ильясова и др., 2010, с. 170–173].

Отметим, что зооморфный сюжет занимает большое место в декоративном оформлении художественной керамики Средней Азии и Ирана X–XIII вв. Например, в Хорасане и Самарканде в это время изображения птиц входили в сложение орнаментальных композиций [Lane, 1947, с. 17–19].

В богатейшем комплексе глазурованной керамики Чача IX – начала XI в. явно прослеживается пристрастие мастеров к изображению четко определенного круга тем и чаще всего встречаются птицы. Их образы далеко не всегда поддаются точной орнитологической идентификации, хотя в отдельных случаях четкость деталей и цветового решения позволяют достаточно уверенно определить конкретный вид пернатых существ [Ильясова и др., 2016, с. 72].

Помимо Чачского оазиса широко известно изображение птиц в Самарканде, Афрасиабе, Газневидском Азербайджане, однако на подобной посуде нигде мы не встречаем образа орла. Среди известных нам аналогий не удаётся найти изображения, которые уверенно интерпретируются исследователями как изображения орлов.

Близкой аналогией изображению орла на чаше из Отрара, могут служить изображения птиц описанные в статье Н.Ю. Вишневской «Штампованные изображения орла на керамических сосудах XI–XII вв. из Самарканда». В ней представлены три фрагмента керамических сосудов, два из которых происходят из коллекции Б.Н. Кастальского и собраны в Самарканде и его окрестностях (местонахождение не установлено), один фрагмент происходит из сборов с поверхности кешка цитадели городища Афрасиаб. Автор публикации указывает, что в средневековом искусстве Средней Азии изображения орла в подобной манере не известны. Сходство с изображением орла на чаше из Отрара наиболее ярко выражено в форме клюва, хвоста, ног и когтей, однако на данных оттисках орлы даны во фронтальной проекции; кроме того на туловище орла помещено изображение сосуда с двумя произрастающими побегами [Вишневская, 2004, с. 342–343].

Образы орлов встречаются в изобразительном искусстве Евразии с глубокой древности. К отрарской чаше могут иметь отношение две средневековые изобразительные традиции. Это, условно говоря, западная, т. е. греко-римско-византийская и восточная, в первую очередь, иранская линии. Обе традиции переплетались на разных этапах истории: взаимовлияния прослеживаются при Ахеменидах, в эпоху эллинизма, в сасанидский период. Западную линию отличала, прежде всего, реалистичность изображений и семантика. Орел – это птица власти, спутник или символ верховного божества, птица победы.

Образ орла широко известен в художественном металле Востока и Запада, для него характерны многофигурные сюжетные композиции (лавровые ветви, сцены терзания, триумфы и др.). В качестве примера, можно отметить серебряную статуэтку из Нескребовского кострища датируемую VII в. (Запорожская обл., Украина) [Мацулевич, 1959, с. 185–205]. Статуэтка представляет собой

скульптурную группу: сидящий орёл и поднимающаяся большая змея, которая оплела его ноги и, вытянув голову, почти припадает к груди птицы.

Вероятно, чаша из Отрара изготовлена в одной из местных мастерских и является прекрасным образцом эклектики в изобразительном искусстве караханидского периода. Как указано выше изображение степного орла нетипично для глазурованной керамики государства Караханидов, и подобное изделие найдено на территории Казахстана впервые.

Благодарности. Пользуясь случаем, благодарю заведующего отделом тюркской археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана А.Е. Рогожинского и орнитолога Р. Уразалиева, оказавших помощь при подготовке публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Анарбаев А.А. Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1999. С. 256–263.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. 3, ч. 2. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 534 с.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика Средневекового Отрара. Алматы: Өнер, 1990. 212 с.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: Фан, 1986. 122 с.

Вишневская Н.Ю. Штампованные изображения орла на керамических сосудах XI–XII вв. из Самарканда // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (СПб., 2–5 ноября 2004 г.) / отв. ред. В.П. Никоноров. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2005. С. 342–343.

Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р., Имамбердыева Р.А., Исхакова Е.А. «Нет блага в богатстве...». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. 596 с.

Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я. Зооморфный декор в глазурованной керамике Бинката IX–X вв. // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию со дня рожд. академика НАН РК К.М. Байпакова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2010. С. 170–173.

Мацулевич Л.А. Войсковой знак V в. // Византийский временник. 1959. Т. XVI. С. 183–205.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент: ФАН, 1979. 165 с.

Lane A. Early islamic pottery // Mesopotamia. Egypt and Persia. London: Feber, 1947. P. 17–19.

А.К. ТӨЛЕГЕНОВ

Төлегенов Абылай Көпбергенұлы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Алматы, Нұр-Сұлтан, Қазақстан, abylai_24_12_94@mail.ru

МЕРКІ, ҚҰЛАН және ҚАСТЕК ҚАЛАЛАРЫНАН ТАБЫЛҒАН ҚЫШ БҰЙЫМДАРЫНА ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада ортағасырлық Меркі, Құлан және Қастек қалаларынан табылған қыш бұйымдарына сипаттама беріледі. Археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған материалдардың басым бөлігін – қыш бұйымдар құрайды. Жыл сайын жүргізілген қазба жұмыстары барысында көптеген қыш бұйымдарының түрлері табылып, сол арқылы ортағасырлық қаланың қыр-сыры ашылуда. Қыш бұйымдар ортағасырлық қалалар мен қоныстардың мәдени қабатын мерзімдеудегі басты дерек болып табылады. Қыш бұйымдарды дайындауда жергілікті шикізат – табиғи қоспалар (саз, дала шпаттары, кварц) қолданылған. Қыш бұйымдар қалаларды зерттеудегі көптеген сұрақтарға жауап беретін бірден бір дереккөз болып табылады.

Түйін сөздер: Ортағасыр, Қастек, қыш бұйымдар, өркениет, сырланған ыдыстар

Төлегенов Абылай Көпбергенұлы,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Алматы, г. Нур-Султан, Казахстан, abylai_24_12_94@mail.ru

АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ из МЕРКЕ, КУЛАНА и КАСТЕКА

Аннотация. В статье дается характеристика керамических изделий, найденных при раскопках средневековых городов Мерке, Кулан и Кастек. Большую часть найденного в ходе археологических раскопок материала составили керамические изделия. Из памятников происходят различные виды керамики. Керамические изделия являются важным индикатором для определения хронологии культурного слоя средневековых городов и поселений. При изготовлении керамики использовалось местное сырье – природные добавки (глина, полевой шпат, кварц). Керамические изделия позволяют получить являются единственным источником, который отвечает на многие вопросы при изучении городов.

Ключевые слова: Средневековье, Кастек, керамика, цивилизация, расписная посуда

Abylay Tolegenov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
L.N. Gumilev Eurasian National University,
Almaty, Nur-Sultan, Kazakhstan, abylai_24_12_94@mail.ru

ANALYSIS of CERAMIC PRODUCTS FOUND in MERKE, KULAN and KASTEK SETTLEMENTS

Abstract. The article describes the characteristics of ceramic products found in the medieval cities of Merke, Kulan and Kastek. Most of the material found during archaeological excavations was made up of ceramic products. Local raw materials were used in their manufacture. During the annual excavations, numerous types of ceramic products were discovered, thanks to which a view of the medieval city opens. Ceramics is the main source of periodization of the cultural layer of medieval cities and settlements. In the manufacture of ceramic products, local raw materials were

used – natural additives (clay, feldspar, quartz). Ceramic products are the only source that answers many questions when studying cities.

Keywords: Medieval, ceramics, pottery, civilization, painted vessels.

Kіріспе. Ортағасырлық қалаларға жүргізілген қазба жұмыстары кезінде табылған артефактілердің көп бөлігін – қыш бұйымдар құрайды. Олар қазба жұмыстары кезінде бүтін немесе сынық бөлшектер ретінде табылып, ыдыстың жасалу технологиясы, пішіні және түсіне байланысты бір-бірінен ерекшеленіп тұрады. Ыдыстардың сыртқы безендірілуі, формасы, жасалған материалы мен бұйымның жасалған өндіріс орындарына қарап қолданылуы аясын зерттеуге болады. Оңтүстік-шығыс Қазақстанның ортағасырлық қалаларында VI–XIII ғғ. жасалған қыш бұйымдар Орта Азиядан табылған қыш бұйымдардан өзгешеленетін ерекшеліктерге ие. Мұндай ерекшеліктердің қатарына ыдысты жасауда пайдаланған материал, сыртқы безендірілуі мен жасалу технологиясын жатқызуымызға болады.

Қыш (керамика) өндірісі ортағасырлық қалалар мен қоныстарда арнайы шеберханаларда өндірілген. Ортағасырлық Отырар маңында біртұтас көзешілер қонысы болған. Орта ғасырларда қыш өндірісі тұрмыстық тұтынудың негізгі өнімі болғандықтан, қыш өндірумен арнайы шеберлер айналысқан. Өндіруші ұста және оның шәкірттері немесе отбасылық династиясы, бұл жұмыс түрін атадан-балаға мұра ретінде қалдырып отырған. Қыштан жасалған өнімдер қалалар мен қоныстарды зерттеудегі көптеген сұрақтарға жауап беретін бірден бір дереккөз болып табылады. Сол себепті, қыш бұйымдарын зерттеу өте маңызды және өзекті мәселе болып қала бермек.

Ғылыми мақаланы жазуда ортағасырлық Меркі, Құлан және Қастек қалаларынан археологиялық қазба жұмыстары кезінде табылған қыш бұйымдардың жалпы сипаттамасы, түрлері, қолдану ерекшеліктері мен ұқсастықтарына қатысты зерттеу жұмысы жүргізілді. Аталған ортағасырлық қалалардың қыш бұйымдарының технологиялық-қызметтік белгілеріне байланысты жіктеуде және жинақталған керамикаларды сипаттау отандық археологтардың еңбектерін негізге ала отырып жасалынды. К. Байпақов, М.С. Мерсчиев, Т.М. Тепловодская, Е. Смағұлов, А. Нұржанов, Д. Талеев, О.В. Кузнецова, Е. Ақымбек және т. б. зерттеушілердің еңбектеріндегі қыш бұйымдардың түрлері, сипаттамасы мен қолдану аясына қатысты мәліметтер алынды.

Ең алдымен ортағасырлық қалаларға қатысты зерттеулерге назар аударсақ:

Меркі қаласы XIX ғ. 90 жылдары археологтардың зерттеу нысанына айналды (сур. 1). 1894 жылы қаланы В.В. Бартольд зерттеді [Бартольд, 1966, с. 40]. Ал 1936 жылы А. Бернштам қаланың топографиялық құрылымын зерттеп, цитадельдің батыс жағында тазарту жұмыстарын жүргізген, қаланың топографиялық құрылымын сыртқы жал, төртбұрышты бекініс, цитадель, цитадельдегі мұнараға бөліп, олардың сақталу барысын көрсеткен [Бернштам, 1939, с. 170]. 1964 жылы археолог К. Байпақов басқарған Жетісу археологиялық экспедициясының Құлан-Сүмбе тобы қаланың шахристанының солтүстік жағындағы кірпіш зауытына топырақ қазып алу кезінде бұзылған жерде тазарту жүргізіп, VII–VIII ғғ., IX–X ғғ., XI–XII ғғ. кезіндегі мәдени қабаттарды ашқан болатын [Байпақов, 1966, с. 53]. Осылайша, жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде қаланың орны мен өмір сүрген кезеңі анықталды.

1985 жылы С.М. Киров атындағы ҚазМУ археологиялық экспедициясының тобы (жетекшісі М. Елеуов) Меркі қаласының орталық бөлігін қоршап жатқан қамалдың солтүстік жағындағы бұзылған жерде ұзындығы 12,5 м кесік қазып, үш кезеңде салынған құрылыстардың қалдықтарын ашты [Елеуов, 1999, 155-б.].

Еліміз тәуелсіздік алғаннан кейін қалаға 2006–2007 жылдары Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының экспедициясы (жетекшісі А. Нұржанов) қазба жұмыстарын жүргізді. Қазба жұмыстары барысында цитадельдің солтүстік қабырғасына іргелес жерде 31×31,5 м қазбадан XIX ғ. 1-ширегінде салынған үлкен аулалы екі тұрғын үй құрылыстарының қалдықтары ашылып, алты бөлменің орны анықталды [Кузнецова, Нұржанов, 2009, с. 75].

Сурет 1. Қазақстан картасында ортағасырлық Меркі, Құлан және Қастек қалаларының орналасқан жері

Құлан қаласы VIII ғасырға тиелісі жазба деректерден белгілі. Бұл қала қазіргі Құлан ауылының шығыс шетінде орналасқан. Ортағасырлық Құлан қаласынан археологтар VII–XII ғасырларға тән қыш бұйымдар жинағын тапты. Олар Қазақстан тұрғындарының өнері мен діни дүниетанымымен танысуға мүмкіндік береді. Құмыралар өсімдік қоспасы бар саздан жасалуымен ерекшеленеді. Бұйымның сырты әдетте жеңіл ангобпен жабылған, мойын мен иыққа сызықтық толқынды өрнекпен ою салынған. Жоғарғы бөлігінде ерекше иілуге ие жоғары цилиндрлік мойны бар құмыралар бар. Құмыралардың сыртқы жағындағы жалпақ түбінде ұсақ құмды төсемнің іздері бар [Нуржанов, 2016, 247-б.].

Қастек қаласының атауына қатысты мәліметтер Әмір Темір жорығы суреттелген XV ғасырдағы жазба деректерде кездеседі. 1375 жылы Темір әскері Қара-Қасман (Қастек) асуы арқылы Іле өңірінен Атбашыға өткені тарихтан мәлім [Бартольд, 1966, с. 81]. Ал қаланың тарихы мен оның зерттелу кезеңдері туралы мәліметтер археолог А. Нұржановтың еңбектерінде кездеседі және «Урунг-Ардж» қаласымен теңестіріледі. Қала аумағына 2013 жылдан бері кешенді түрде қазба жұмыстары жүргізіліп келеді. 2020 жылға дейін жүргізілген қазба жұмыстарының жалпы аумағы – 8000 м².

Талдау. Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениетін зерттеуші ғалым-археолог К. Байпаков өз еңбегінде ортағасырлық қыш өндірудің негізі үш топқа бөлінетіндігін көрсетеді, олар: жапсырма әдісі, шарықта және станокта дайындау [Байпаков, 2009, с. 70]. Жапсырма арқылы қыш ыдысты станоксыз қолмен жасау барысында өнім тұрпайы, дөрекі көрінетін болған. Бұл ыдыстарды қарапайым халық өздеріне шаруашылыққа қолдану мақсатында жасауы мүмкін. Ал станокты және сырланған ыдыстар сапасы мен әдемілігі бойынша ерекшеленді. Қыштан жасалынған бұйымдардың жеті типін атап көрсетуге болады:

- 1 – жапсырма арқылы жасалынған қыш ыдыс;
- 2 – станокты шеңберде дайындалған ас үй қыш ыдыстары;
- 3 – станокты шеңберде дайындалған тұрмыстық ыдыс;
- 4 – хумдар;
- 5 – сырланған ыдыстар;
- 6 – ерекше технологиялық жағдайларда дайындалған арнайы мақсаттағы қыш бұйымдар (сфероконусты ыдыстар, қосымша өткізгіш құбырлар);

7 – құрылыс материалдары кірпіш, тандыр жапқыштары, қаптау тақталары (плиталар) [Байпаков, 2009, с. 71].

Қыш бұйымдардың нақты қолданылу қызметі қажеттілігінен туындаған морфологиялық-технологиялық сипатымен, оның пішіндік ерекшелігі және технологиясымен тікелей байланысты болмақ. Көзелік саздан жасалған бұйымдардың негізгісі болған қыш ыдыстар мағыналық жағынан алғашқы болып табылғандықтан, оларды топтау мәселесі қарастырылып отыр [Ақымбек, 2016, 22-б.].

1-ден 4-ші типке жататын қыш бұйымдар сырланбаған бұйымдар болып табылады. Сырланған ыдыстарды ортағасырларда жасаудың өзіндік технологиясы болған, көп жылдан бері қыш-керамика тарихын зерттеумен айналысатын Е.Ш. Ақымбек бірнеше мәрте эксперимент жасаған болатын. Ол өзінің зерттеулерінде нәтижеге қол жеткізген, сырланған ыдысты шебер, қыздыру пешіне салмас бұрын сырлап алып, содан кейін пешке салып күйдірген. Күйген ыдыс немесе бұйымға жапсырылған бояу дәл шыны сияқты жылтыр және сапалы шығатын болған [Ақымбек, 2015, 60-б.].

Ортағасырлық қалалар мен қоныстарда қолданылған қыш ыдыс түрлерін асханалық, салтанатты және ғұрыптық ыдыстар деп қарастыруға болады. Оларға әртүрлі көлемдегі сұйықтық құятын және ас сақтайтын ыдыстар жатады. Ондай ыдыстарға көзелерді жатқызуға болады. Саздың құрамына құм және майда қиыршық тас қосылып сапалы жасалған көзелер көбінде ошақта (тандырда) ас дайындауда, ал сазға аз мөлшерде құм, ұсақталған қыш қосылып, сапалы жасалып күйдірілген көзелер асханада пайдаланылған. Олар сыртындағы от күйігіне және саздың құрамына қарай ажыратылады. Осындай белгілеріне байланысты асүйлік және асханалық ыдыстар тек асханалық деп те беріледі.

Салтанаттық ыдыстар көп жағдайда бөлмені безендіру мақсатында пайдаланылған болуы керек. Олар сырланған және лакталған болып келеді, көп жағдайда табылған мұндай материалдар сырланған (глазурленген). Ғұрыптық ыдыстарды әдетте арнайы діни мерекелер мен ғұрыптарды орындау кезінде қолданған.

Ортағасырлардағы қыш өндірісінің тарихы үш хронологиялық кезең бойынша қарастырылады: VIII ғасырдың соңы мен X ғасырдың басы, X–XIII ғасырлар және XIII–XIV ғасырдың басы ортағасырлық қыш бұйымдары мерзімі жағынан әр түрлі болып келеді.

VII–XIII ғасырлардағы қалаларға тән қыштан жасалынған тұрмыстық ыдыстар үш уақыт кезеңі бойынша бөліп қарастырылады. Ол Түргеш, Қарлұқ және Қарахан мемлекеттерінің өмір сүру уақытына келеді. Бірқатар қазба жұмысы жүргізілген қалалардың көбісі Қарлұқ және Қарахан мемлекеттерінің тұсында өмір сүрген, олардан қазылған қыш материалдардың өзіндік ерекшелігі бар. Бұл туралы Е. Ақымбектің мақаласында келтірілген. VI–XIII ғғ. басы аралығындағы Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен қоныстарының қыш бұйымдарын даму үдерісінің сабақтастығында байқалатын кезеңдік ерекшеліктер мен күрт өзгешеліктерін және қауырт нышандарын көрсететін ыдыс-аяқтардың сыртқы пішіні мен тұрқында, бәдізделуі мен ойылып өрнектелуінде, нақышталуы мен әрленуінде, әсемделуі мен әшекейленуінде аңғарылған белгілері бойынша негізінен үш кезеңге бөлініп қарастыруға болады: 1. VI–VIII ғғ. Түрік, Батыс түрік, Түргеш қағанаттары. 2. VIII–X ғғ. Қарлұқ қағанаты. 3. X–XIII ғ. басы Қарахан мемлекеті [Ақымбек, 2015, 70-б.].

Қыш ыдыстардың бірінші типіне жататын жапсырма әдісімен жасалынған асүйлік ыдыстарына қазандар, құмыралар, хумдар және табалар жатады. Олардың формалары әртүрлі ернеулі, бүйірі және дөңгеленген түбі бар болып келеді. Кейбір қазандардың түбі дөңес болып келеді. Мұндай ыдыстарды жасау үшін жергілікті дала шпаты, кварц, қоңыр әктас және слюда сияқты шикізат көзі қолданылған [Нуржанов, 2015, с. 100]. Алайда бір-біріне жақын орналасқан аудандарда бірыңғай шикізаттық материалдар қолданылған, ал шалғай аумақтарда Сыр бойындағы қалалардың шеберлері қолданған материалдардан өзгешелігі бар. Мысалы тақырыпта аты аталған Меркі, Құлан және Қастек қалаларындағы қыштардың топтамасы Талас өңірінің, яғни Тараздық

үлгіде кездеседі. Мысалы, Қастек қалашығы Тараздан шалғай жатқанымен ондағы табылған материалдардың салыстырмалы тұрғыда Тараздан шыққан қыш бұйымдармен ұқсастығы бар.

Асүйлік ыдыстары қатарында көптеп табылған ыдыстардың бірі қазандар. Қазандардың қазба жұмыстары кезінде бүтін күйінде табылуы сирек, себебі жасалынған кезде ішіндегі тағамды тез пісіру мақсатында өте жұқа етіп жасалынған. Олардың ернеуі кең, дөңгелене айналдырылған, спираль тәрізді, кейде өрнектелген, ернеулері көбіне сәл артқа шығыңқы болып келеді. Қазандар шеңбер тәрізді, формасы жағынан алмұрт жемісіне және жұмыртқаның формасына ұқсас болып келеді. Көп жағдайда қазандар шеңберлі, бүйірі шығыңқы мойнына қарай кіріңкі ернеуі керсінше шығыңқы болып келеді. Қазандардың тұтқалары әртүрлі олар қазан бүйірінің үстіңгі, мойынның астыңғы жағына орнатылған. Қазан тұтқаларының формасы да әртүрлі болып келеді ширатпалы (спираль) тұтқа, таға және ілмек тәріздес тұтқалар.

Қазба барысында асүй бөлмелерінен ас пісіруге арналған тұтқасыз ыдыстар (горшоктар) да табылды. Мұндай ыдыстардың цилиндрлік пішіні жақсы көрінеді, ол түбіне қарай созылып, тарылады түбі тегіс болып келеді. Ондай ыдыстардың безендірілген ернеуінің бірнеше үлгілері бар: жақсы пішінделген, спираль тәрізді, ернеуі тегіс сыртына иілген, ернеуінде сопақша ойығы бар пішімделмеген ернеулер.

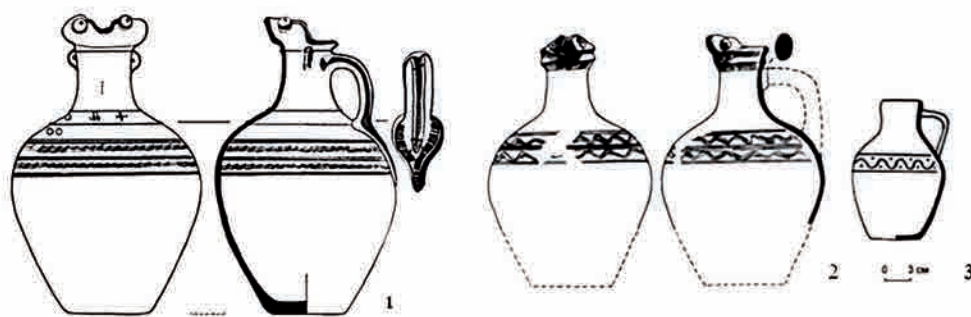
Қыштың жасалу технологиясының екінші типіне станокта жасалынған қыш бұйым жапсырма арқылы жасалынған қыш бұйымнан айырмашылығы бар. Ыдыстар станокта жасалуы кезінде қабырғалары тығыз болады, ыдыс біркелкі шығып ернеулері жақсы пішінделіп сәнді көрінеді.

Сұйықтық құятын ыдыстардың көлемі әр түрлі болып келеді. Бұл ыдыстарды көбіне асханалық және тұрмыстық жағдайда қолданылады. Олардың орташа биіктігі 40–50 см-ге дейін барады, диаметрі 80–90 см. Ондай ыдыстардың мойны өте ұзын емес, ернеу бүйірі шығыңқы, түбі ішке кіріңкі диаметрі 30–40 см-ге дейін барады. Көп жағдайда ыдыстардың тұтқасы болады, олар шебердің әр түрлі қиялымен жасалынған. Тұтқа кейде бір жағында, болмаса екі жағында орналастырылады, олардың ішінде көлемі орташа ыдыстарда жасалуы жағынан бір тұтқалы етіп жасалынады, тұтқалар ыдыстың ернеуі мен бүйіріне бекітіледі. Жетісу мен Шу-Талас аумағындағы қалалар мен қоныстарды қазу барысында зооморфты ыдыстар табылған болатын. Ондай ыдыстардың бірі Қастек қаласынан табылған X–XI ғғ. жататын жылан мен крест бейнеленген ыдысты айтуға болады. Бұл ыдыс 2019 ж. қазба кезінде бүтін күйінде табылды. Ерекше құмыра алмұрт формасына ұқсас, диаметрі 13,5 см. [Нуржанов, Терновая, 2020, с. 10] (сур. 2). Осы ыдысқа ұқсас құмыра ортағасырлық Талғар қаласынан да табылған.

Құмыраны жасауда ұсақ өзен құмының қоспасымен жақсы иленген, араластырылған саздан көзге көрінбейтін қоспалардан гончарлық шеңберде (станокта) жасалған. Кейбір Қарлұқтарға тиесілі қазбадан табылатын ыдыс қоспаларында құмнан ірі ұсақ тастардың қоспасы анық байқалады. Ондай тастардың қолданылуы ыдыс формасының беріктігін арттырады.

К.М. Байпақовтың еңбегінде көрсетілген қыш бұйымдардың 3-типіне жататын станокта жасалынған тұрмыстық ыдыстар жасалуы формасы жағынан әр түрлі болып келеді. Тұрмыстық және асханалық ыдыстар деп бөліп қарастырудың өзіндік ерекшеліктері бар. Мысалы асханалық ыдыстарға қазан, таба, тұтқасыз ыдыс (горшок) секілді ыдыстар ас пісіруге немесе сұйықтық қайнатуға арналған болса, ал тұрмыстық ыдыстар сұйықтық, дәнді дақылдарды сақтауға және басқада жағдайларда қолданылған. Тұрмыстық ыдыстар қатарына үлкен хумдар жатқызылады. Олар тек сұйықтық сақтау үшін ғана емес, астық сақтауда да қолданылған [Ақымбек, 2016, 224–б.].

Қыш өнімдерінің 5-типіне жататын сырланған ыдыстар. Сырланған ыдыстар X–XIII ғасырларға тән қазбалардан көптеп табылады. Олар көп жағдайда көлемі кішкене ыдыстар: табақ, кеселер, базалар, тұтқалы кеселер (кружка) және басқада шағын ыдыстар, құмыралар. Сырты және іші боялған ыдыстардың бояуы шыны секілді қатты жылтыр болып келеді. Ыдыстарға қолданылған бояу түстері жасыл, ашық жасыл, көк және ақ түстер. Сырлы ыдыстардың жасалуының өзіндік технологиясы бар, ұста ыдысты қалыпқа келтіргеннен кейін шала кепкен ыдысты, сырлап содан

Сурет 2. Жылан бейнесі бар құмыралар: 1 – Қастек, 2, 3 – Талғар ([Нуржанов, Терновая, 2020, с. 10]: бойынша)

кейін оны күйдіру пешіне салады. Күйдірілгеннен кейін ыдыстың сыртындағы бояу бірге күйіп түсін жоғалтпаған күйі шыны сияқты жылтыр болып шығады.

Тұтқалы кеселер (кружка) – жапсырма арқылы кейде станокта да дайындалған. Ыдыстың ернеулері сыртқа қарай бүгілген, шағын тұтқалары бар болып келеді. Олар сырланған, кейде сырланбаған болып келеді. Мұндай кеселер ірі қалалармен қатар, Қастек қаласынан бірнеше данасы табылды. Тұтқалы ыдыстар асханалық және салтанаттық жағдайда қолданылған болуы мүмкін [Ақымбек, 2011, 95-б.].

Қыш бұйымдардың 6-типіне жататын бұйымдар ерекше технологиялық жағдайларда дайындалған арнайы мақсаттағы қыш бұйымдар, сфероконусты ыдыстар, су өткізгіш құбырлар. Мұндай бұйым түрлерін жасау өте күрделі технологиямен жүзеге асырылған, оларды арнайы күйдіретін алып пештерде жасаған. Мұндай пештер Тараз және Талғар қалаларынан табылған. Құбырлар ортағасырлық қалаларда қолданылған, ондай құбырлардың бір данасы Қастек қаласынан табылды.

Қазбадан табылған қолмен жасалынған ыдыстардың қатарында қазандар көп. Қазба кезінде ыдыстар күлмен араласып көміліп қалған, түбі отқа күйген қазандар және ошақта сол күйі қалып қойған күйінде табылды. Қаланың үй-жайларынан табылған қазандар көбіне сынған күйінде кездеседі. Кейбір қазандардың ішкі қабырғаларына жабысқан бидай қабығы түріндегі тамақ қалдықтары табылды.

Құлан қаласынан табылған керамикалар жасалу технологиясы мен сыртқы пішіндерінің ерекшеліктеріне қарай Талас алқабының, Оңтүстік Қазақстанның және Жетісудың солтүстігіндегі ортағасырлық қалалардан табылған қыш бұйымдарға жақындығын айтуға болады.

Зерттеу нәтижесі. 2006 жылғы ортағасырлық Меркі қаласына жүргізілген археологиялық қазба кезінде солтүстік қабырғаға таяу жерден аумағы 50×50 м алаңқайдан XIX ғ. бірінші ширегінде салынған үлкен аулалы екі тұрғын үй құрылыстарының қалдықтары аршылды. Аумағы 31×31,5 м қазбаның ішінен алты бөлменің орны анықталды. 2-бөлменің оңтүстік-батыс бөлігінде еденнен 0,2 м көтеріліп тұрған және күйдірілген кірпіштен қаланған ошақ түбі тазаланды. Ошақ түбінің сырты кірпішпен қаланған. 3-бөлмеде аумағы 0,8×0,9 м сандалдың орны қазылды. Сандал 0,1 м тереңдікте жатыр, еденіне күйдірілген кірпіштер төселіп, қабырғалары тігінен қойылған кірпіштермен қаланған. Ені 0,5 м ашық ошақ солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан. Қазба барысында табылған арабша жазуы бар кірпіш, темір балта XIX ғасырға жататыны белгілі болды.

2007 жылғы қазба кезінде ортағасырлық Меркі қаласының орталық-батыс бөлігіне жүргізілген зерттеулер кезінде қазбадан құмыра, хумдар, ыдыстар және басқада бұйымдар аршылып

алынған, табылған қыш материалдарды талдау барысында X–XII ғасырларға тән екені анықталды [Нуржанов, 2007, с. 167]. Ал қазбаның 6 және 9 мәдени қабаттарынан табылған қыш бұйымдар IX–X ғасырларға тән. Шарықта жасалынған құмыра, кесе, хум, хумшалар және басқа да қыштан жасалынған дастархан, қазандар, қазан қақпақтары көптеп табылған [Елеуов, 2017, 190–б.].

Ортағасырлық Қастек қаласында қазба жұмыстары соңғы он жылда қарқынды жүргізілгендігінің арқасында табылған қыш бұйымдардың сандық мөлшері жағынан өте көп. Қала аумағынан табылған қыш бұйымдар жасалу технологиясы, қолдану ерекшелігі мен сыртқы формасына қарай Орта Азия аумағында кездесетін ыдыстардан біршама ерекшеленіп тұрады. Табылған қыш бұйымдардың негізгі сипаттамасы туралы мәліметтер 2011 жылдан бері жарияланып келеді. Жарияланған ғылыми мақалаларда қаладан табылған және түрлі мақсатта (тұрмыста, діни жоралғыларда) қолданылуына қарай ыдыстарды жекелеген түрлері талдап жазылған.

Қорытынды. Ортағасырлық қалалардан әртүрлі құрылыс горизонттарынан қызықты қыш ыдыс түрлері, оның ішінде ғұрыптық ыдыстар табылған болатын. Бірқатарының баламалық ұқсастықтарының күрделілігі туралы археолог-ғалымдар К. Байпақов, А. Нұржанов өз зерттеулерінде баяндаған. Қыш бұйымдардың атқаратын қызметі мен қолдану аясын анықтау арқылы, оларды топтауға, сипаттауға және жасалу технологиясын түсінуге мүмкіндік болады. Жалпы осы кезеңге дейін жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында жинақталған мәліметтерге сүйене отырып, ортағасырлық қалалардың қыш бұйымдарының коллекциясына сипаттама бердік.

ӘДЕБИЕТ

Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық төменгі Барысхан (Төрткүл) қаласының қыш ыдыстары // ҚР ҰҒА хабарлары: қоғамдық ғылымдар сериясы. 2009. № 1. Б. 93–99.

Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық Ақтөбе қаласы керамикасының зерттелу тарихы // ҚР ҰҒА Хабарлары: қоғамдық-ғылымдар сериясы, 2015. № 6 (304). Б. 61–73.

Ақымбек Е.Ш. Ортағасырлық қалалар мен қоныстардың керамикаларын топтау мәселесі (VI–XIII ғ. басы) // Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 25 жылдығына арналған «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев оқулары» халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры (Алматы қ., 2016 ж., 1–2 сәуір). Алматы: Қазақ университеті, 2016. Б. 223–226.

Байпақов К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII–XII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. 218 с.

Байпақов К.М. Великий шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: «Аруна», 2009. 496 с.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. Сочинения. М.: Наука ГРВЛ. Т. 4. 1966. 152 с.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9). С. 169–181.

Елеуов М.Е. Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI–XIII ғ. басы): тарих ғыл. докт. дис. Алматы, 1999. 360 б.

Елеуов М.Е. Ортағасырлық Меркі қаласы // ҚазҰУ Хабаршысы: Тарих сериясы. 2017. № 1 (84). Б. 191–195.

Кузнецова О.В., Нуржанов А.А. Средневековый город Мерке (Мирки). Алматы: Мектеп, 2009. 128 с.

Нуржанов А.А. Археологические раскопки городища Мерке в полевом сезоне 2007 г. // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1 (254). С. 165–171.

Нуржанов А.А. Исследования средневекового городища Кастека // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (298). С. 99–109.

Нуржанов А.А., Күлбек А. Новые коллекции керамики городища Кулан // Актуальные проблемы историко-культурного наследия Казахстана: прошлое, настоящее, будущее: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 6 мая 2016 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2016, Ч. 1. С. 245–250.

Нуржанов А.А., Терновская Г.А. Керамика с зооморфными и антропоморфными признаками с городища Кастек-1 // Народы и религии Евразии. 2020. № 1 (22). С. 7–29.

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ПӘНАРАЛЫҚ
және
ҚОЛДАНБАЛЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

*Междисциплинарные
и прикладные исследования
в археологии*

**А.С. ЕРМОЛАЕВА,
Ж. КУРМАНКУЛОВ,
Е.В. ДУБЯГИНА**

Ермолаева Антонина Сергеевна,
antonina4848@mail.ru;
Курманкулов Жолдасбек,
kurmankulov@gmail.com;
Дубягина Екатерина Викторовна,
dubyagina.yekaterina@mail.ru;
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
Алматы, Қазақстан

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ и ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ в МЕТАЛЛУРГИИ НЕКОТОРЫХ ИЗДЕЛИЙ из ГЛИНЫ на ПОСЕЛЕНИИ ТАЛДЫСАЙ

Аннотация. На поселении Талдысай осуществлялось не только медеплавильное, но и меднолитейное производство. Свидетельством металлообработки являются находки готовых медных изделий, каменных и глиняных литейных форм, керамических тиглей и льячек, костяных и каменных инструментов для доводки изделий после отливки. Исследовательской группой на материалах поселения решаются вопросы, связанные с технической стороной процесса производства металла. В результате раскопок накоплена коллекция «технологической» керамики, среди которой значительную часть составили плавильные емкости разной сохранности, ошлакованные фрагменты от глиняных тиглей. В статье дана морфологическая характеристика 26 экз. наиболее выразительных плавильных емкостей – целых и во фрагментах, имеющих характерные следы ошлаковки и высокого температурного воздействия на керамическое тесто, а также 4-х глиняных льячек. 14 образцов были исследованы с помощью микроструктурного анализа для определения технологии изготовления глиняных льячек и тиглей. С ошлаковки двух целых и трех фрагментированных тиглей были взяты пробы на атомно-эмиссионный полуколичественный спектральный анализ.

Ключевые слова: меднолитейное дело, металлообработка, металл, глиняные льячки, тигли, плавильные емкости, анализы

Ермолаева Антонина Сергеевна,
antonina4848@mail.ru;
Курманкулов Жолдасбек,
kurmankulov@gmail.com;
Дубягина Екатерина Викторовна,
dubyagina.yekaterina@mail.ru
Ә.Х. Марғұлан ат. археология Институты,
Алматы, Қазақстан

ТАЛДЫСАЙ ҚОНЫСЫНДАҒЫ БАЛШЫҚТАН ЖАСАЛҒАН КЕЙБІР БҰЙЫМДАРДЫ МЕТАЛЛУРГИЯДА ДАЙЫНДАУ ТЕХНОЛОГИЯСЫ және ФУНКЦИОНАЛДЫҚ МАҚСАТЫ

Аннотация. Талдысай қонысында мыс балқыту ғана емес, мыс құю өндірісі де жүзеге асырылды. Дайын мыс бұйымдары, тас және сазды құю қалыптары, керамикалық отбақырлар мен шөміштер, құйғаннан

кейін бұйымдарды жетілдіруге арналған сүйек және тас құралдарының табылуы метал өңдеудің дәлелі болып табылады. Зерттеу тобы елді мекен материалдары негізінде метал өндіру үрдісінің техникалық жағына байланысты мәселелерді шешуде. Қазба жұмыстарының нәтижесінде «технологиялық» керамика жиынтығы жинақталған, олардың едәуір бөлігін әр түрлі сақталған балқыту ыдыстары, саз балшықтан жасалған шлақталған тиглдердің фрагменттері құрайды. Мақалада керамикалық қамырға жоғары температуралық әсер етудің және шлақтауға тән іздері бар тұтас және бөлшек түріндегі балқыту ыдыстарының 27 данасының, сонымен қатар 4 саз балшықтан жасалған шөміштің морфологиялық сипаттамасы берілген. 14 үлгі микроқұрылымдық талдау көмегімен саз балшықтан жасалған шөміш пен тиглді жасау технологиясын анықтау үшін зерттелді. Екі бүтін және үш бөлшектелген тиглдердің шлактарынан атомдық-эмиссиялық жартылай сандық спектрлік талдауға сынамалар алынды.

Түйін сөздер: мыс құю ісі, метал өңдеу, метал, балшық шөміш, тиглдер, балқыту ыдыстары, талдаулар

Antonina Ermolaeva,
antonina4848@mail.ru;
Zholdasbek Kurmankulov,
kurmankulov@gmail.com;
Yekaterina Dubyagina,
dubyagina.yekaterina@mail.ru;
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan

MANUFACTURING TECHNOLOGY and FUNCTIONAL PURPOSE of CLAY PRODUCTS in METALLURGY at TALDYSAY

Abstract. In the settlement of Taldysay, not only copper-smelting, but also copper-casting production was carried out. Findings of finished copper products, stone, clay casting molds, ceramic crucibles, ladles, bone and stone tools for finishing the products after casting are evidence of metalworking. The research groups on the materials of the settlement are studying issues related to the technical side of the metal production process. As a result of the excavations, collections of «technological» ceramics have been accumulated, including a significant part of smelting vessels of different preservation, and slagged fragments from clay crucibles. This article gives the morphological characteristics of 26 specimens of the most significant melting vessels – intact and in fragments with characteristic traces of slagging and high temperature exposure to ceramic dough, as well as 4 clay pots. 14 samples were examined using microstructural analysis to determine the technology for making clay pots and crucibles. Samples were taken from the slag of two intact and three fragmented crucibles for atomic-emissive semi-quantitative spectral analysis.

Keywords: copper foundry, metalworking, metal, clay ladles, crucibles, melting pots, analyses

Многолетними исследованиями поселения Талдысай (Улытауский р-н, Карагандинская обл., поздний бронзовый век) подтверждена необходимость комплексного изучения памятников, оставленных древними металлургами. На поселении осуществлялся весь металлургический цикл: выплавка меди из руды, литье изделий, их кузнечная доработка. Исследовательской группой на материалах поселения решаются вопросы, связанные с технической стороной процесса производства металла.

В настоящее время с привлечением данных естественнонаучных исследований стало возможным восстановить полностью технологический процесс производства изделий, начиная от получения меди из руды до изготовления сложных предметов из меди и медных сплавов. Но уровень разработки проблематики, посвященной древнему металлопроизводству, свидетельствует о том, что наименее изученными являются вопросы, связанные с организацией металлургического производства [Григорьев, 2013, с. 5, 428–514].

Остатки теплотехнических сооружений, керамические сопла и тигли, металлургические шлаки, литейные формы и др. являются основными источниками информации по древней металлургии. Для осуществления собственно металлургического производства необходимо проведение целого ряда предшествующих операций, таких как пожар древесного угля, обогащение руды, изготовление теплотехнических сооружений, и соответствующих инструментов. Заключительным циклом металлургического процесса является металлообработка, включающая литье готовых изделий, кузнечную их доработку, а также: приготовление тиглей, льячек, литейных форм, каменных и костяных металлообрабатывающих инструментов.

Отдельную категорию находок на поселениях древних металлургов Атасу, Ак-Мустафа в Центральном Казахстане [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 143, рис. 110, 2; 144, рис. 111, 1–11; Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 66, рис. 24, 1–11], на поселении Новоникольское I в Северном Казахстане [Зданович, 1988, с. 41], на поселениях Верхне-Какрыбашевском, I Юмановском, III Юмановском, I Береговском, I Сергеевском в Приуралье [Горбунов В.С., 1989, с. 107] составляет «технологическая» керамика, связанная с металлургическим производством: сопла, тигли, льячки, литейные формы. У Ю.В. Горбунова в автореферате дана классификация плавильных емкостей, предложенная в свое время В.С. Горбуновым, которая представляет все известные типы плавильных чаш [Горбунов Ю.В., 2008а; 2008б, с. 504]. На поселении Талдысай осуществлялось не только медеплавильное, но и меднолитейное производство. Свидетельством металлообработки являются находки готовых медных изделий, каменных и глиняных литейных форм, керамических тиглей и льячек, костяных и каменных инструментов для доводки изделий после отливки. В результате раскопок накоплена коллекция «технологической» керамики, среди которой значительную часть составили плавильные емкости разной сохранности, ошлакованные фрагменты от глиняных тиглей.

В статье впервые дана морфологическая характеристика 26 экз. наиболее выразительных глиняных плавильных емкостей – целых и во фрагментах, с характерными ошлакованными поверхностями в виде застывшей стекловидной массы, являющейся побочным продуктом при различных металлургических процессах и следами высокого температурного воздействия на керамическое тесто, а также 4-х глиняных льячек. Глиняные льячки использовались в литейном производстве для заливки расплавленного металла в литейную форму.

1. Глиняная льячка удлиненной ложкообразной формы, с вертикальной ручкой, уплощенным дном изнутри и скругленным снаружи (поселение Талдысай, 2004 г., раскоп II, сборы. Здесь и далее указывается место обнаружения находки – прим. ред.) (рис. 10).

2. Глиняная льячка удлиненной ложкообразной формы, со скругленным дном (утрачена ручка) (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, бровка север–юг между кв. E17-Ж17, глубина 70 см) (рис. 11, 2).

3. Глиняная льячка (фрагмент ложки, утрачена ручка, обломан слив) (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. 318, глубина 40 см) (табл. 1–2).

4. Глиняная льячка (утрачена ручка, ложка склеена из трех частей) (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. M15, юго-восточный сектор, глубина 80–90 см) (рис. 11, 1), (табл. 1, 1).

5. Фрагмент боковой части глиняного тигля с остатками орнамента из двух горизонтальных линий и под ними заштрихованных треугольников, выполненных мелкозубчатым штампом. Обе поверхности в глине. Внутри поверхность полностью ошлакована и частично выходит с

одной стороны и на внешнюю часть поверхности. (поселение Талдысай, 2008, раскоп I, кв. Б 7, поверхность) (рис. 6, 3).

6. Глиняный тигель. Плоскодонный миниатюрный сосуд чашевидной формы, грубой лепки, с неровной внешней поверхностью, с прямыми неровными стенками, уплощенным срезом венчика (разрушен в результате использования в древности, склеен из частей). (Поселение Талдысай, 2006 г., раскоп I, западный производственно-жилищный комплекс, кв. С11, у стены) (рис. 2, 3), (табл. 1, 5).

7. Глиняный тигель, представленный тремя склеенными частями стенок, составившими половину сосуда. Дно отсутствует. Слегка вогнутый внутрь венчик имеет уплощенный срез. Снаружи поверхность светло-серого цвета в верхней части сосуда, ниже – темного. Изнутри поверхность одной склеенной части темно-серого цвета, а двух остальных – светло-серого и серого цвета (поселение Талдысай, 2012 г., раскоп I, восточный производственно-жилищный комплекс, северная стена, около очага, северо-западный сектор кв. Ж13, глубина 30–60 см) (рис. 4, 3).

8. Глиняный тигель. Сосуд чашевидной формы с вогнутыми вверх стенками, уплощенным срезом венчика. Снаружи поверхность неровная, с вмятинами, и углублениями разной формы и размеров. В одном месте снаружи разрушена стенка вверх, а от верха до дна идет сквозная трещина, которая внутри сосуда соединяется с кольцевой трещиной, образовавшейся на соединении дна со стенками. Снаружи уплощенное дно имеет черный цвет, который с одной стороны от дна поднимается до среза венчика. С противоположной стороны срез венчика также имеет черный цвет. В остальных местах стенки имеют красно-кирпичный цвет. Внутренняя поверхность тигля краснокирпичного цвета, за исключением черной полосы по срезу венчика изнутри. Вся внутренняя поверхность также во вмятинах и ямках разной формы и размеров. В двух местах в глине снаружи просматриваются включения зеленого цвета (медь?) (поселение Талдысай, 2014 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж15, глубина 37 см, (стена?) (рис. 1, 1), (табл. 2, 1).

9. Глиняный тигель чашевидной формы со слегка уплощенным срезом венчика и с легким скосом внутрь. Скругленные стенки сужаются вниз и плавно переходят в дно. Дно внутри плоское, снаружи – вогнутое. Тигель склеен из четырех частей, в одном месте часть стенки разрушена вверх. Поверхности стенок с обеих сторон имеют светло-коричневый или бежевый цвет, но местами имеются и темно-серые пятна. Такой же темно-серый цвет имеют донные поверхности (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, кв. Б14, глубина 40–60 см) (рис. 2, 1), (табл. 1, 9).

10. Глиняный тигель цилиндрической формы, с почти прямыми стенками, плоским дном внутри (часть стенки у дна и поверхность дна снаружи разрушены). Темно-серый цвет поверхности стенок снаружи перемежается с оранжевым оттенком, который локализуется по одной стороне тигля. Внутри поверхность стенок вверх имеет темно-серый цвет, который в срединной части сменяется кольцевой полосой коричневатого-красноватого цвета по всему периметру стенок. По дну цвет темно-серый с нагаром (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, трехсекционное теплотехническое сооружение, восточная камера, 140 см от устья) (рис. 1, 2), (табл. 1, 7; 2, 5).

11. Глиняный тигель (фрагмент дна со стенкой). Снаружи на поверхности стенки пятно серого цвета и до белесого оттенка, а по контуру пятно окаймлено бордовым цветом, который продолжается и на поверхность дна снаружи. Поверхность дна снаружи, видимо, разрушена под воздействием огня, имеет многочисленные выбоины и ямки. Внутри тигля фиксируется расслоение глины на стенке, а также ямки по дну. Внутренняя поверхность имеет местами красно-бордовый и

светло-серый цвет от воздействия сильного огня (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж21, около наземного теплотехнического сооружения) (рис. 2, 2).

12. Глиняный тигель (фрагмент дна со стенкой), баночный, плоскодонный. Изнутри поверхность дна и соединение со стенкой красно-коричневого цвета, остальная часть - темного закопченного цвета. Снаружи на приднище* (*место перехода от стенок ко дну) нанесены глубокие вертикальные линии, видимо, для уплотнения стенок сосуда на соединении с дном. Вся поверхность стенки снаружи черного цвета, а дна – серого с темными пятнами (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж19, 40–55 см) (рис. 3, 1), (табл. 1, 8).

13. Фрагмент верхней части глиняного тигля с бортиком от крупного толстостенного глиняного сосуда, с полностью ошлакованной, особенно наружной, стороной. Ошлакованный срез венчика, видимо, был уплощенный (поселение Талдысай, 2017 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Л19, зачистка в западной половине квадрата) (рис. 5, 2), (табл. 2, 2).

14. Фрагмент глиняного тигля с обрывками орнамента из двух горизонтальных прочерченных линий и частью заштрихованного треугольника из прочерченных линий (?). С внутренней стороны толстый ошлакованный слой (поселение Талдысай, 2017 г., раскоп I, западный производственно-жилищный комплекс, кв. Г9, теплотехническое сооружение шахтного типа в обрыве берега реки) (рис. 6, 2), (табл. 1, 12).

15. Фрагмент глиняного тигля (мелкий) с ошлакованной одной стороной (поселение Талдысай, 2018 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. 321, около теплотехнического сооружения наземного типа, 40–50 см) (табл. 1, 14; 2, 3).

16. Фрагмент глиняного тигля, полностью ошлакованного с обеих сторон. Поверхность серого цвета, в изломе – черного (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, западный участок, открытая производственная площадка, кв. Х16, серый слой) (рис. 8, 2), (табл. 1, 13).

17. Фрагмент шейки (?) глиняного тигля, ошлакованного с наружной (?) стороны (поселение Талдысай, 2014 г., раскоп I, кв. В16, глубина 60–70 см) (табл. 1, 11).

18. Половина основания глиняного тигля на подножке (?) (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Л22, глубина 60 см) (рис. 4, 1).

19. Половина глиняного тигля в виде чаши: плоскодонного, с невысокой отогнутой стенкой, обрезанной по всей окружности. Снаружи на приднище нанесен орнамент из равнобедренных заштрихованных треугольников резными линиями. На обеих поверхностях имеются сплошные слои прилипшей ошлакованной глины (керамзит?), под которой просматривается поверхность сосуда серого цвета (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. 317, глубина 70–85 см) (рис. 3, 2).

20. Фрагмент миниатюрного тигля с частью дна и стенок. Обе поверхности серого цвета. Ошлакован со всех сторон, кроме дна снаружи (поселение Талдысай, 2007 г., раскоп I, восточный производственно-жилищный комплекс, кв. Е11, глубина 5–20 см) (рис. 9, 3).

21. Фрагмент дна на поддоне от глиняного тигля (?). Внутри скруглен и не выделен переход от стенки ко дну. Поверхность внутри и в изломе черного цвета. Снаружи поверхность серого цвета с лощением (?) (поселение Талдысай, 2019 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, трехсекционное теплотехническое сооружение, глубина 120–140 см) (рис. 4, 2).

22. Фрагмент мелкий боковины глиняного сосуда (тигля?) с остатками орнамента в виде заштрихованного мелкозубчатый штампом треугольника (?). С внутренней стороны сосуда

ошлаковка стекловидного характера между пор, а внутри поры темно-красного или бордового цвета (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. E18, глубина 35–45 см) (рис. 7, 3).

23. Фрагменты мелкие (2) от дна тигля (?) с ошлаковкой (поселение Талдысай, 2015 г. раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж17, глубина до 30 см) (рис. 9, 1, 2).

24. Фрагмент шейки глинного сосуда (тигля?) с остатками сложного орнамента, видимо, пирамидки из прочерченных четырех горизонтальных линий и ниже обрывка меандра (?). Обе поверхности серого цвета. Снаружи сбоку ошлакованная поверхность, изнутри ошлакована почти вся поверхность (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. M15, глубина 60–75 см) (рис. 6, 1), (табл. 2, 4).

25. Фрагменты (2) мелкие с ошлаковкой от дна и боковины тигельного сосуда (?). (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. И16, глубина 180–185 см) (рис. 8, 1).

26. Фрагмент дна со стенкой от глиняного тигля баночной формы, плоскодонного. Внутренняя поверхность вся ошлакована (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, кв. K16, глубина 70–75 см, дно) (рис. 5, 1).

27. Фрагмент боковой части глиняного тигля с остатками орнамента из трех прочерченных линий. Внешняя поверхность серого цвета, внутренняя вся ошлакована и пористая. Ошлаковка излома с одной стороны имеет стекловидный характер (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, кв. Ф16–Ф17, дно) (рис. 7, 2).

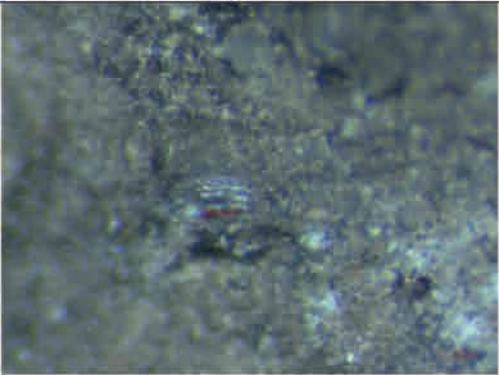
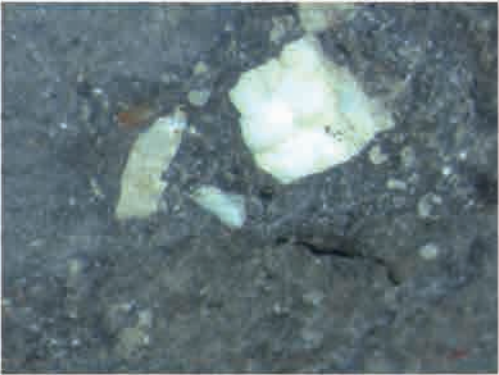
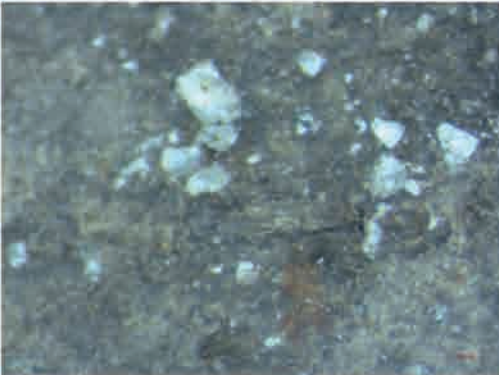
28. Фрагмент мелкий боковой части глиняного тигля, ошлакованного с одной стороны и пористого с разрушенной поверхностью с обеих сторон (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, кв. Д18, глубина 40–50 см) (рис. 7, 1).

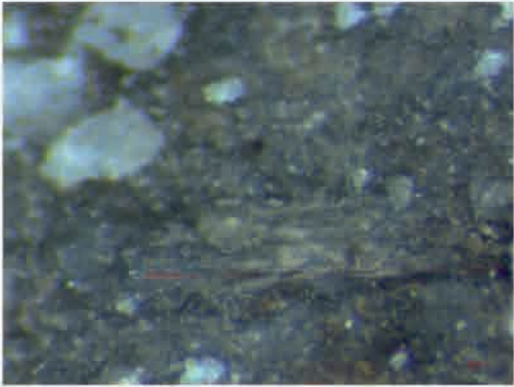
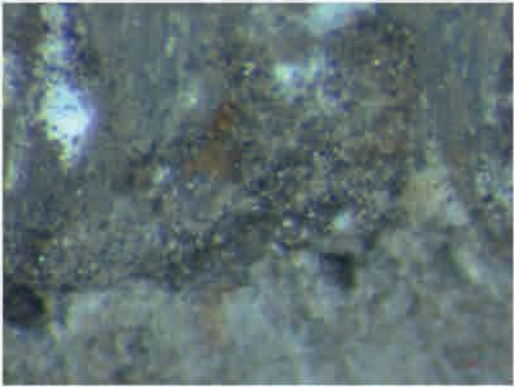
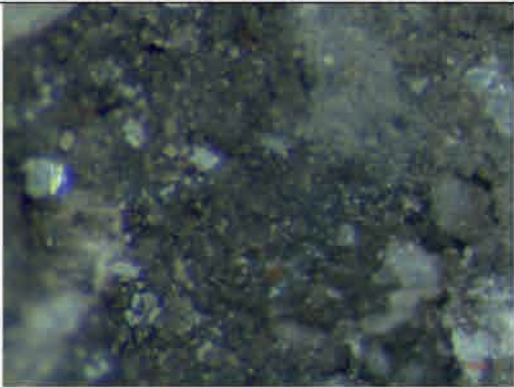
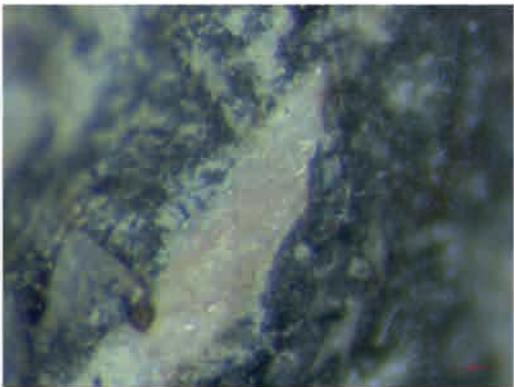
29. Фрагмент мелкий боковой части глиняного тигля, ошлакованного с внутренней стороны, с каплями меди и с разрушенной поверхностью с обеих сторон. В глиняном тесте большое количество дресвы (поселение Талдысай, 2016 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. K15, глубина 70–90 см) (рис. 8, 3).

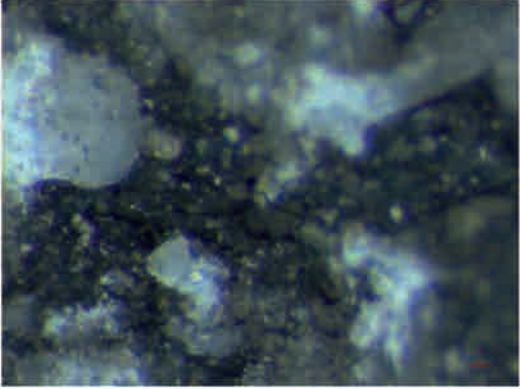
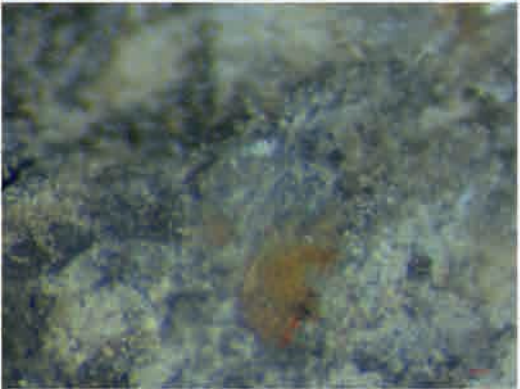
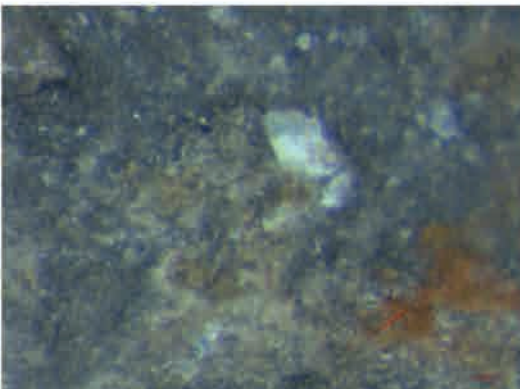
30. Фрагмент мелкий боковой части глиняного тигля. Тесто плотное, поверхности серого цвета. Снаружи в одном месте в виде лопнувшего пузырька выпирает ошлаковка с остатками металла (поселение Талдысай, 2015 г., раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж16–Ж17).

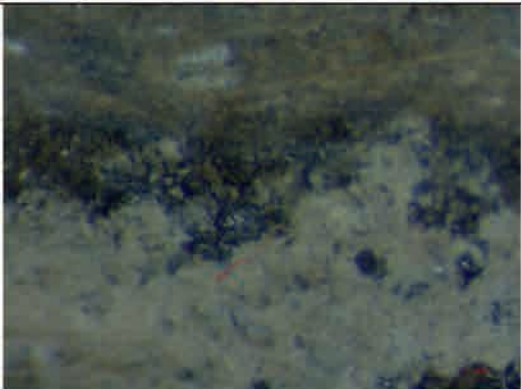
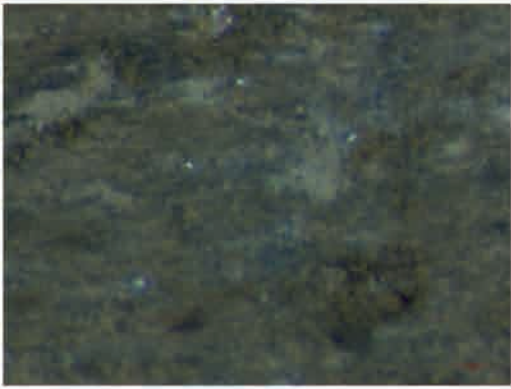
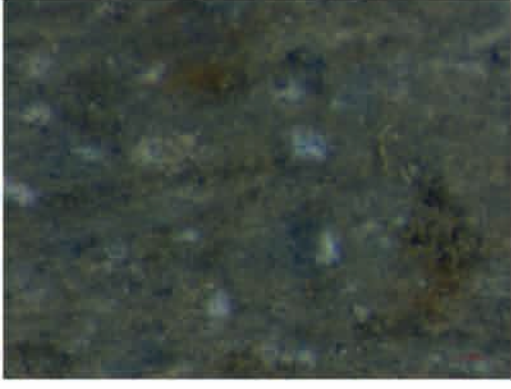
Проведение микроструктурного анализа технологической керамики необходимо для определения состава теста. К микроструктурному анализу были привлечены 14 образцов технологической керамики (ляльки, тигли) для выявления диагностируемых элементов в источниках сырья и состава искусственных добавок для огнеупорности изделий. Технологическая керамика, используемая в металлургическом производстве, имеет свои особенности в гончарстве, которые позволяют выделять ее из остальной массы керамического материала. В технологической керамике, которая подвержена высокому температурному воздействию, для огнеупорности в состав теста добавляли навоз жвачных животных и песок (табл. 1).

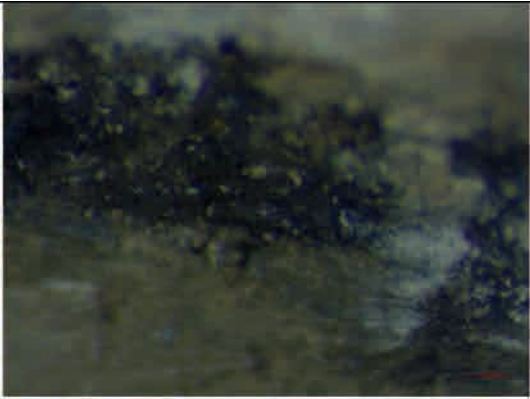
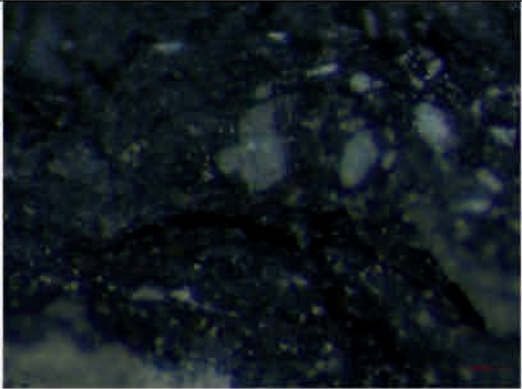
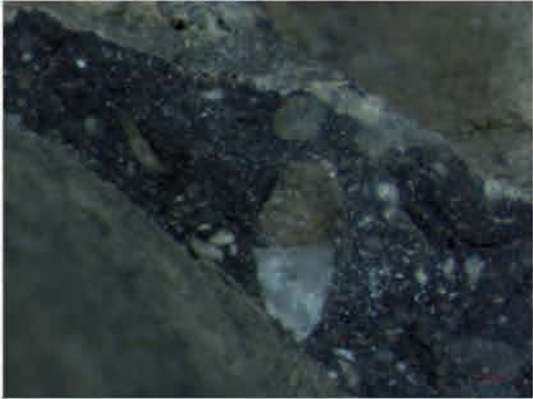
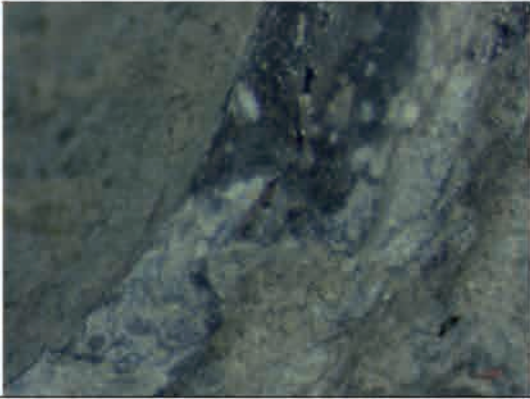
Таблица 1 – Микроструктурный анализ фрагментов керамики

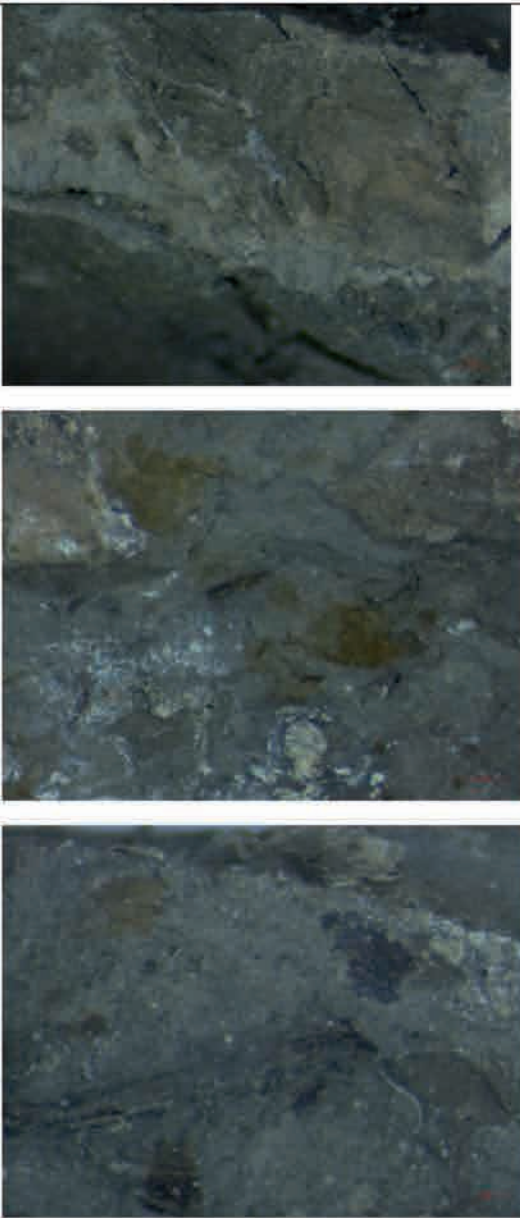
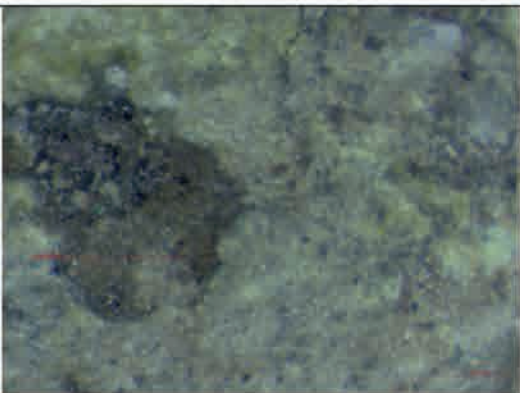
№	шифр	описание	фото
I	2016 г., поселение Талдысай, раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. М15, глубина 80–90 см, юго-восточный сектор.	Льячка – тесто плотное, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц, тесто выполнено из илистой глины, сохранены в очень незначительной концентрации ребристые раковины (размер 0,058 мм), и стебли сгнивших растений (размер 0,397 мм). Были зафиксированы пустоты в результате выгорания органических остатков. Прослеживаются следы окисленных зерен.	

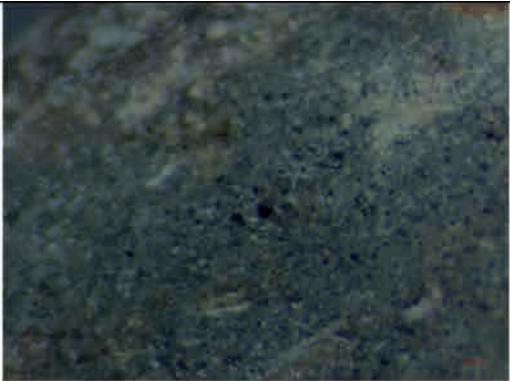
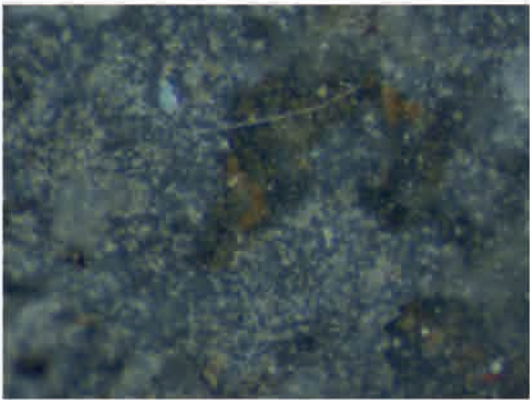
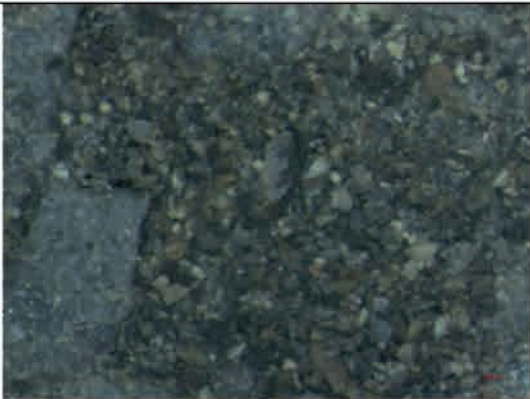
			
2	2016 г., поселение Талдысай, раскол I, кв. 318, глубина 40 см.	Льячка – тесто грубое, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц. Добавки – дресва мелкая и средняя. Прослеживаются следы окисленных зерен.	

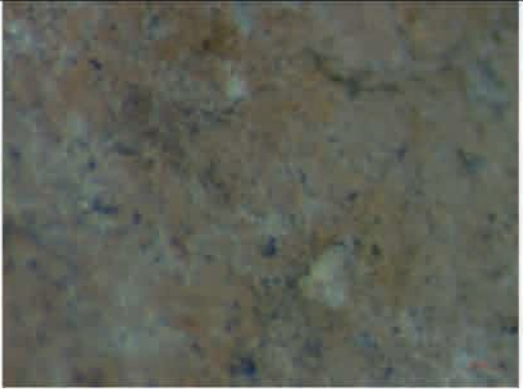
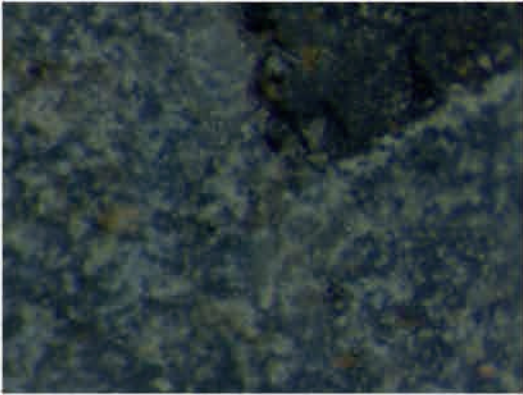
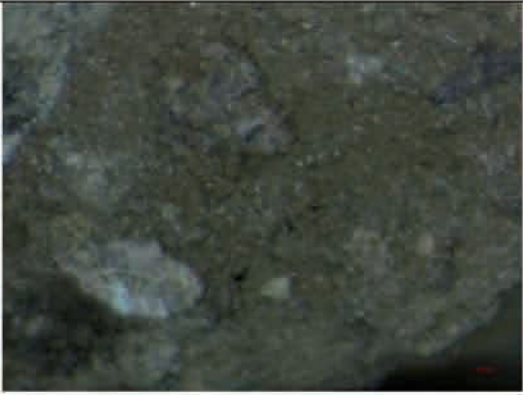
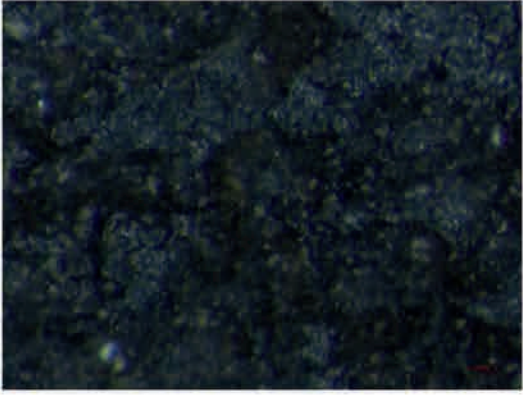
			
3	2013 г., поселение Талдысай, раскоп I, между кв. Д15–Д16, глубина 40 см, юго-западный сектор.	Тигель – тесто плотное, запесоченное, без кострового обжига, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц.	

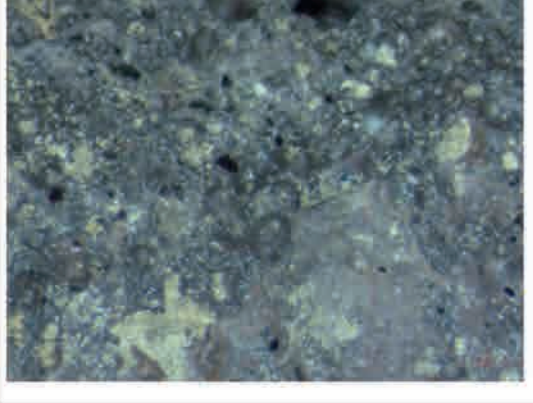
			
4	2015 г., поселение Талдысай, раскоп 1, бровка С-Ю между квадратами 317–И17, дно.	Тигель – тесто плотное, запесоченное, без кострового обжига, наличие углистой массы, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц, слюда. На внутренней поверхности и по венчику имеется наложение тонкого слоя, возможно галенита (?). Прослеживаются следы окисленных зерен.	

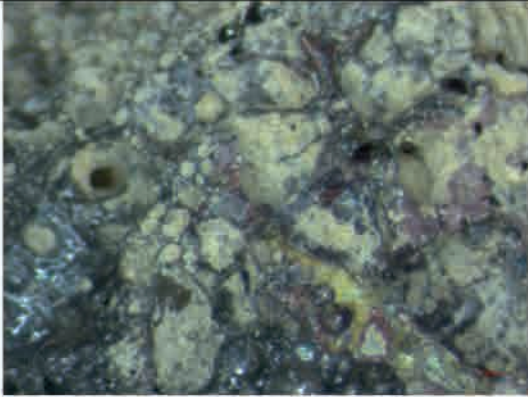
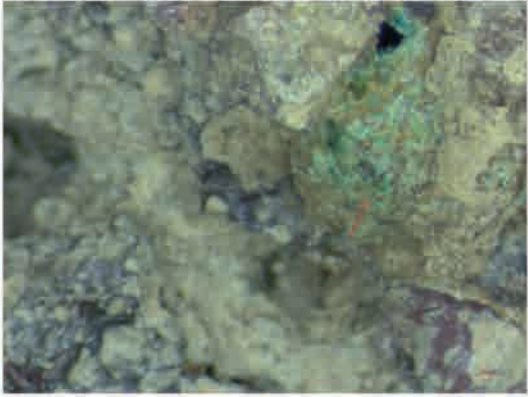
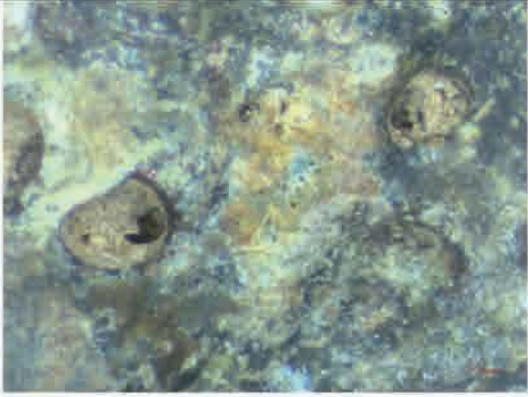
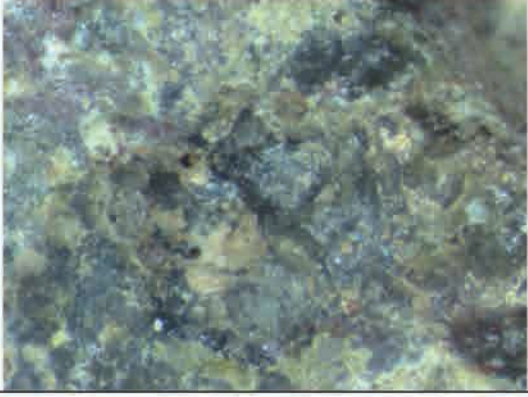
			
5	2016 г., поселение Талдысай, раскоп I, кв. И19, юго-западный угол, глубина 80–90 см.	Тигель – тесто грубое, обожженное, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц. Добавки – дресва крупная, зафиксированы пустоты в результате выгорания органических остатков. Ленточный налп, крепление днища к стенкам с внутренней стороны.	

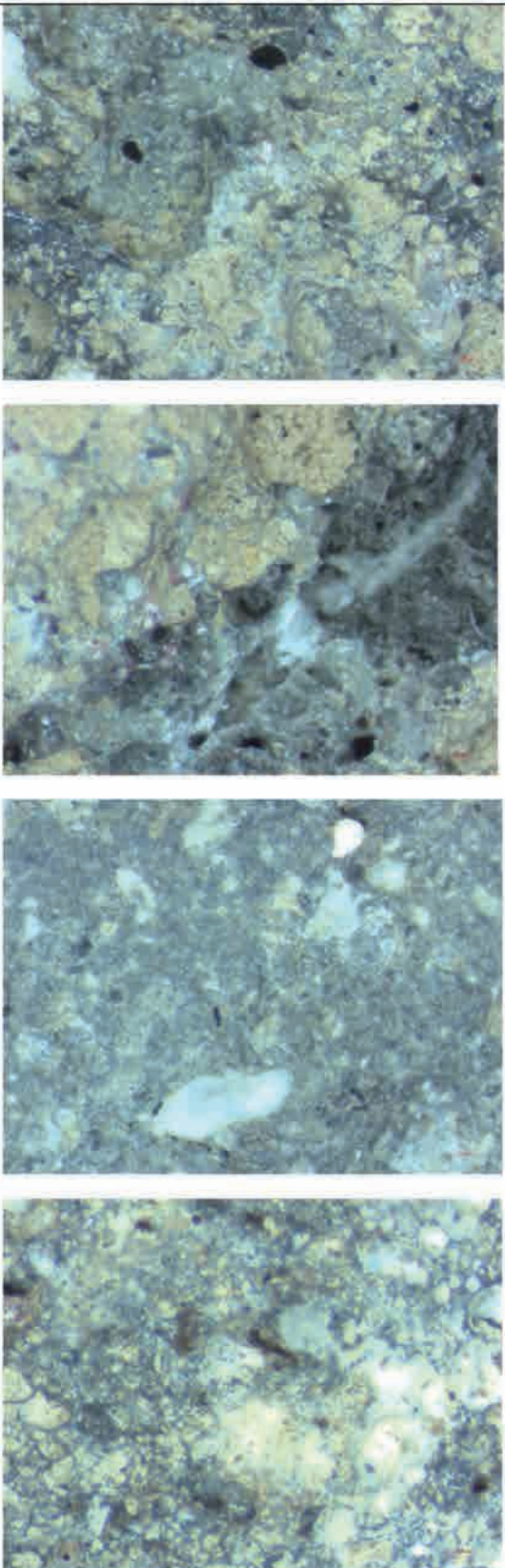
5	2006 г., поселение Талдысай, раскоп I, западный производственно-жилищный комплекс, кв. С11, у борта стены.	Тигель – тесто плотное, запесоченное, кратковременный обжиг, присутствие углистой массы. Естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц. Добавки – органика. Прослеживаются следы окисленных зерен. Ленточный налеп, крепление днища к стенкам с внешней стороны.	
6	2019 г., поселение Талдысай, раскоп I, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж11, дно, около теплотехнического сооружения наземного типа.	Тигель – тесто грубое, естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц. Добавки – дрсва крупная, зафиксированы пустоты в результате выгорания органических остатков. Прослеживаются следы окисленных зерен, вкрапления руды, вследствие воздействия высоких температур местами видна ошлаковка. Ленточный налеп, крепление днища к стенкам с внешней стороны.	

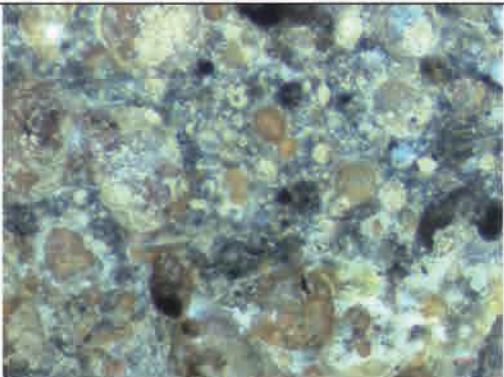
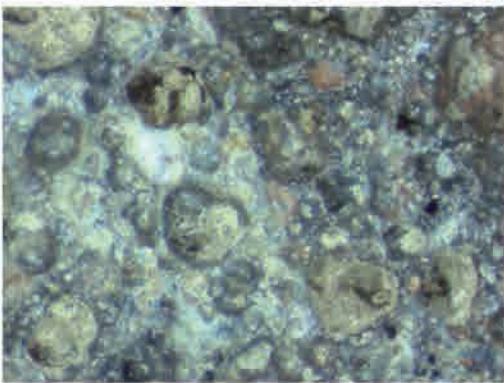
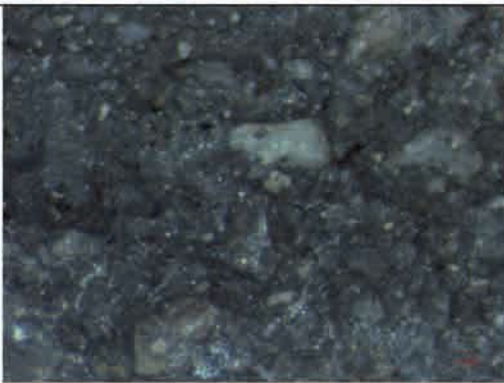
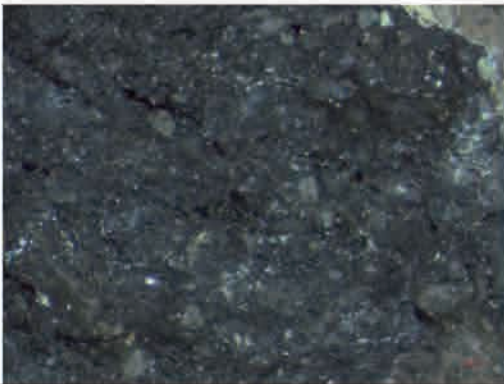
			
7	2019 г., поселение Талдысай, 3-х секционная печь, восточная камера, 140 см от устья.	Тигель – тесто запесоченное, обожженное. Естественная примесь – песок, полевые шпаты, кварц, гематит (?). Добавки – дресва.	

			
8	2019 г., поселение Талдысай, северный производственно-жилищный комплекс, кв. Ж19, глубина 40–50 см	Тигель (?) – тесто плотное, естественная примесь – песок, кварц, слюда. Добавки – дресва гранитная, органика. Нагар на внутренней и внешней стороне. Внешняя сторона залощена. Обжиг восстановительный, кратковременный. Орнаментация по внешнему краю придонной части – вертикальные продавленные линии. Жгутовой налеп, крепление днища к стенкам с внешней стороны, дополнительная лента с внутренней стороны.	

			
9	2015 г., поселение Талдысай, раскоп I, кв. Б14, глубина 40–50 см	Чашечка – тесто promешанное, тонкослоистое, без грубых непластичных включений. Естественная примесь – песок, кварц, слюда. Обжиг кратковременный. Жгутовой налеп.	
10	2017 г., поселение Талдысай, раскоп I, кв. Л19, зачистка западной половины.	Фрагмент керамики – сильно ошлакована.	

			
11	2014 г., поселение Талдысай, раскоп I, кв. В16, глубина 60–70 см	Фрагмент керамики – сильно ошлакована.	

12	2019 г., поселение Талдысай, раскоп I, кв. Г9, яма-печь.	Фрагмент керамики – сильно ошлакована (тигель?). Тесто запесоченное, естественная примесь – песок, кварц, полевые шпаты. Добавки – дресва крупная? Внешняя сторона орнаментирована.	
----	--	--	---

13	2015 г., поселение Талдысай, раскоп 1, кв. Х16 серый слой	Фрагмент керамики – сильно ошлакована (тигель?). Тесто запесоченное.	
14	2018 г., поселение Талдысай, кв. 321, глубина 40–50 см.	Фрагмент керамики – с ошлаковкой. Тесто обожженное, запесоченное.	

Примечание: Определения выполнены Е.В. Дубягиной, Институт археологии им. А.Х. Маргулана

На спектральный полуколичественный анализ были отобраны пять образцов: из них два целых тигля чашевидной и цилиндрической формы и еще от трех фрагментированных (табл. 2). Анализом подтверждено использование этой категории глиняных сосудов в металлургическом производстве в качестве плавильных емкостей.

Таблица 2 – Атомно-эмиссионный полуколичественный спектральный анализ

Элементы	Концентрация, %				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5 тигель цилиндрической формы
Cu	0.01	>1.0	0.015	0.02	0.015
Pb	0.003	0.07	0.007	0.01	0.01
Zn	0.03	0.1	0.007	0.04	0.025
V	0.015	0.02	0.02	0.02	0.015
Ni	0.003	0.01	0.002	0.005	0.005
Co	0.003	0.007	0.002	0.005	0.003
Cr	0.007	0.01	0.005	0.005	0.005
Sn	0.0015	0.002	0.0015	0.0005	0.001
Fe	>1.0	>1.0	>1.0	>1.0	>1.0
Bi	<0.0002	0.1	0.001	0.0005	<0.0002
Na	≤1.0	>1.0	>1.0	>1.0	≤1.0
Au	<0.0002	<0.0002	<0.0002	<0.0002	<0.0002
Ag	0.00007	0.002	0.00007	0.0001	0.0001
Mo	0.003	0.003	0.001	0.0007	0.0002
Y	0.002	0.015	0.007	0.005	0.004
Yb	0.00015	0.001	0.0005	0.0003	0.0003
Sr	0.02	0.05	0.05	0.07	0.05
Zr	0.03	0.025	0.015	0.015	0.02
La	<0.002	0.003	0.003	0.005	<0.002
Ti	0.4	0.4	0.3	0.5	0.5
Ga	0.004	0.003	0.003	0.004	0.002
Ge	<0.0002	<0.0002	<0.0002	<0.0002	<0.0002
K	<1.0	>1.0	>1.0	>1.0	<1.0
Mn	0.05	0.1	0.05	0.2	0.05
Be	0.0003	0.0005	0.001	0.0001	0.0003
Ba	0.03	0.05	0.05	0.15	0.1
As	<0.01	0.05	<0.01	<0.01	<0.01
Sb	<0.002	0.003	<0.002	<0.002	<0.002
Sc	0.001	0.0025	0.0015	0.0005	0.001
W	<0.002	<0.002	<0.002	<0.002	<0.002
P	0.1	>1.0	0.1	≤1.0	>1.0
Nb	0.001	0.001	0.002	0.0015	0.0015
Si	>>1.0	>>1.0	>>1.0	>>1.0	>>1.0
Ca	≥1.0	>1.0	>1.0	>1.0	>1.0
Mg	0.1	>1.0	>1.0	>1.0	>1.0
Al	>>1.0	>>1.0	>>1.0	>>1.0	>>1.0

Примечание: Определения выполнены Т.А. Озеровой, к.х.н., Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева

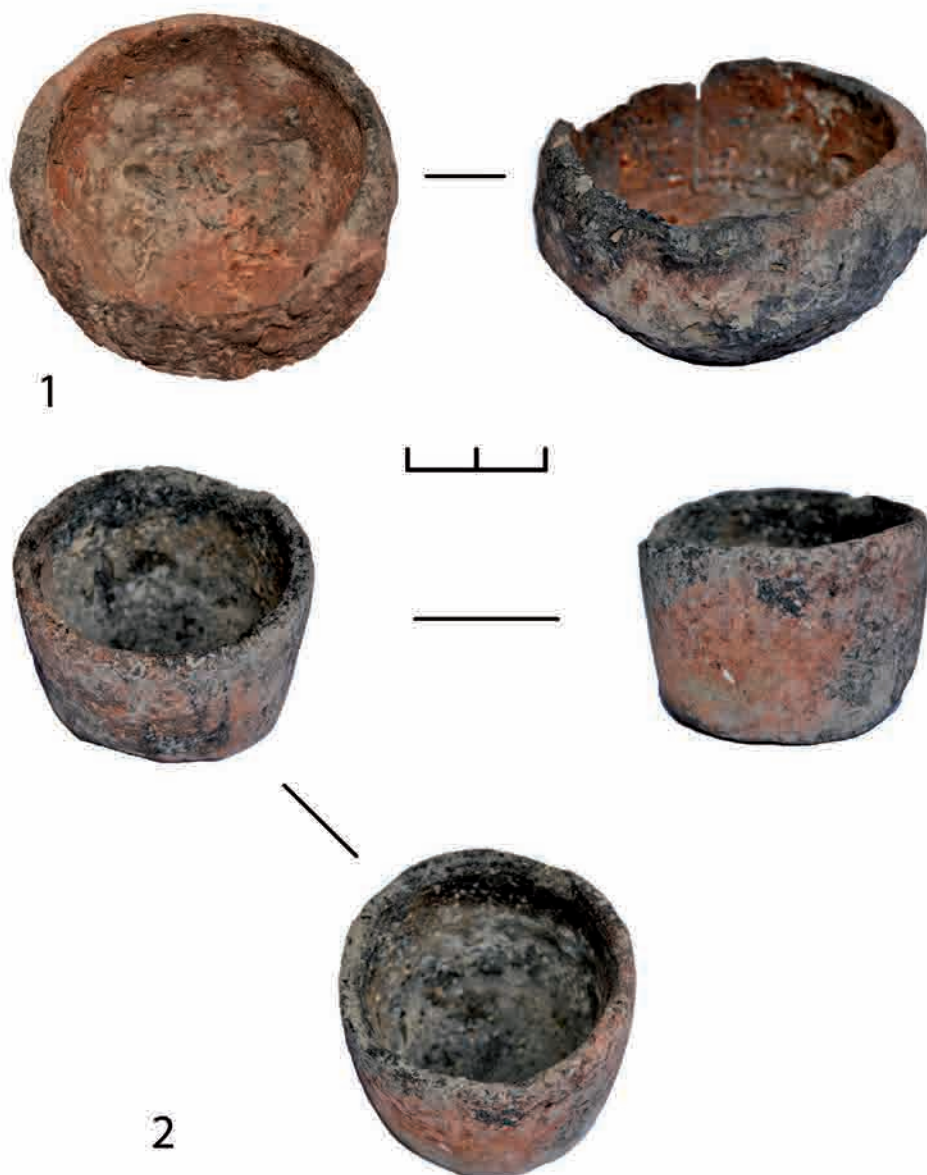

Рис. 1. Талдысай. Глиняные тигли.
Фото М.С. Шагирбаева

Рис. 2. Талдысай. Глиняные тигли.
Фото М.С. Шагирбаева

Рис. 3. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

Рис. 4. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

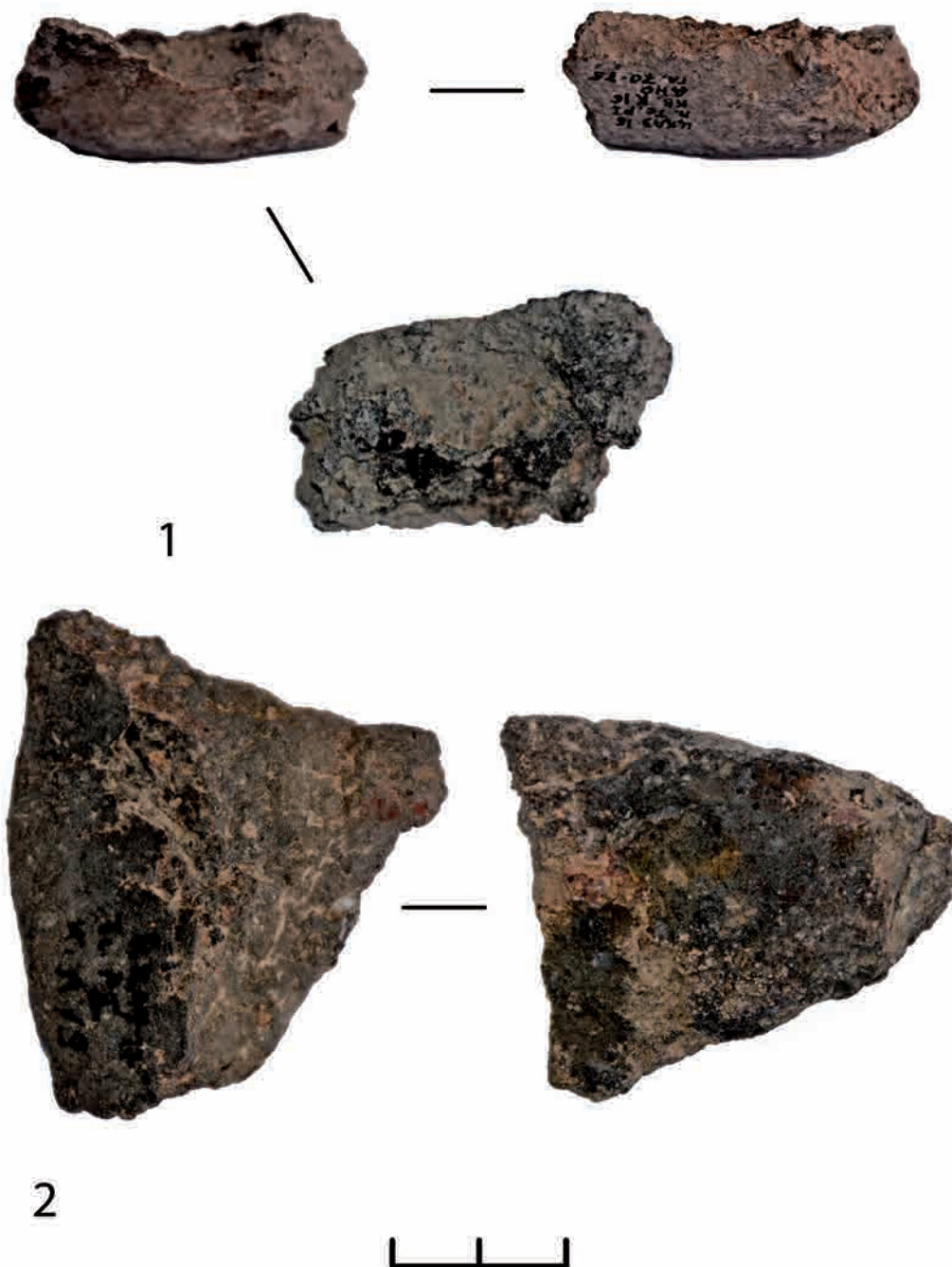

Рис. 5. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

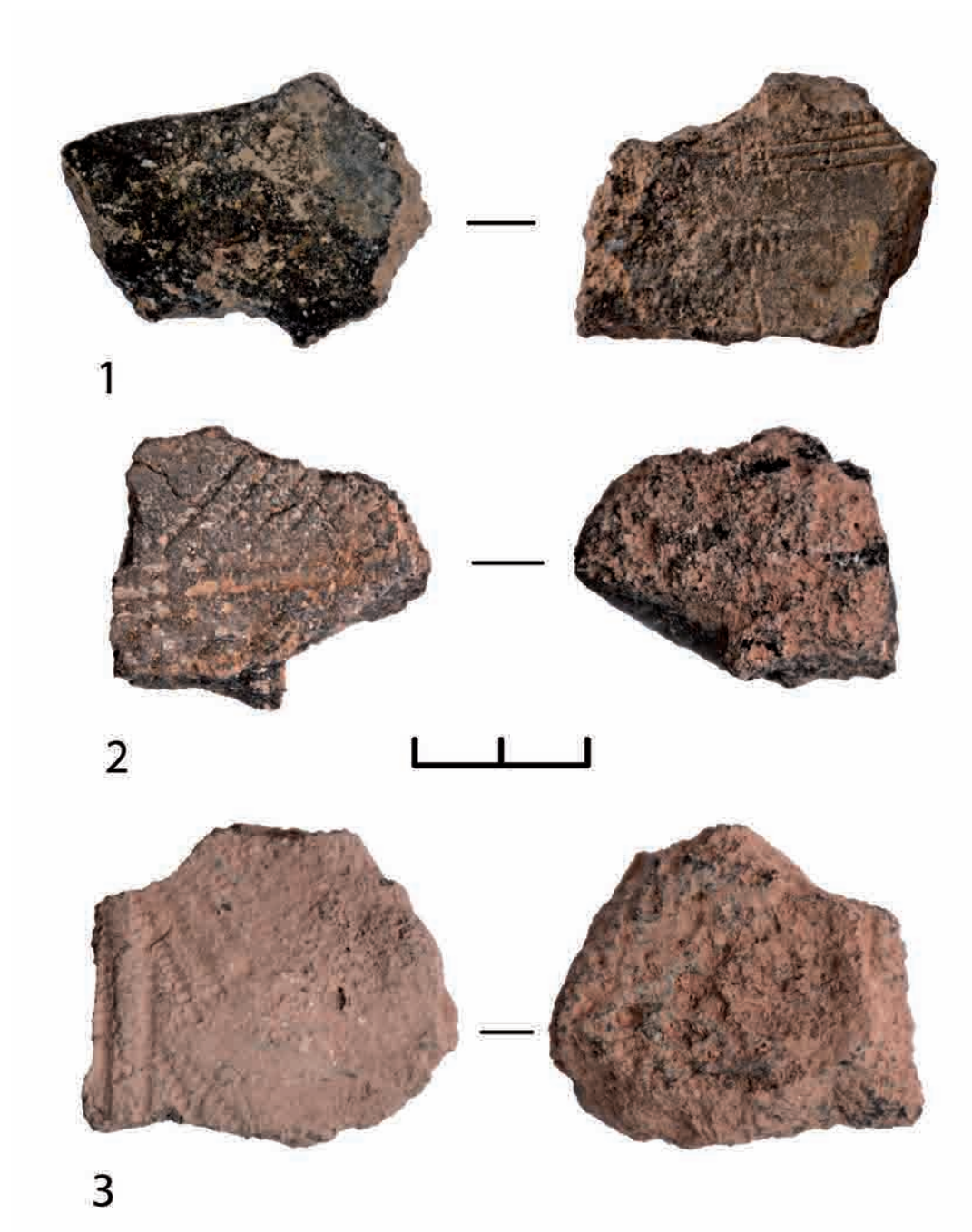

Рис. 6. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

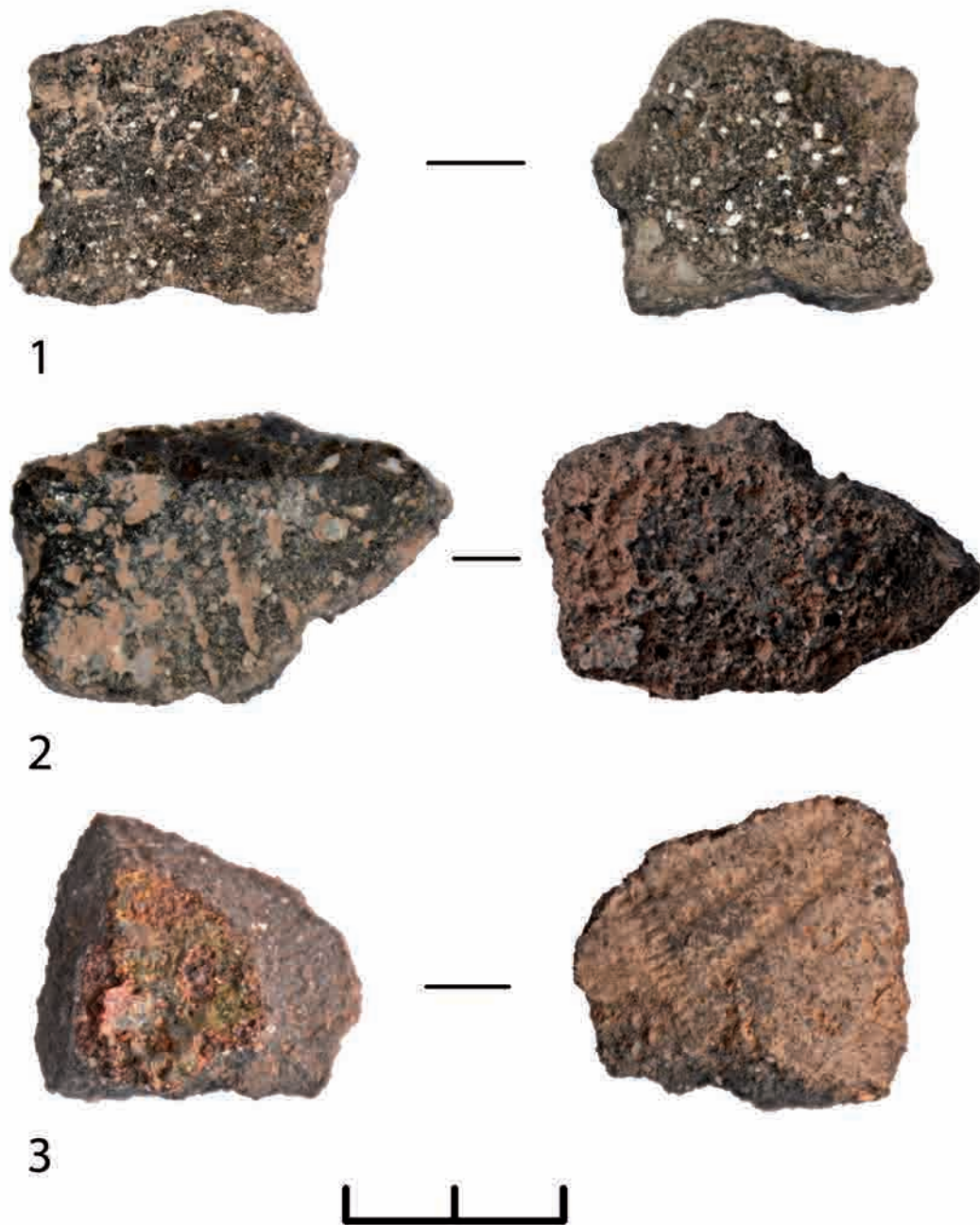
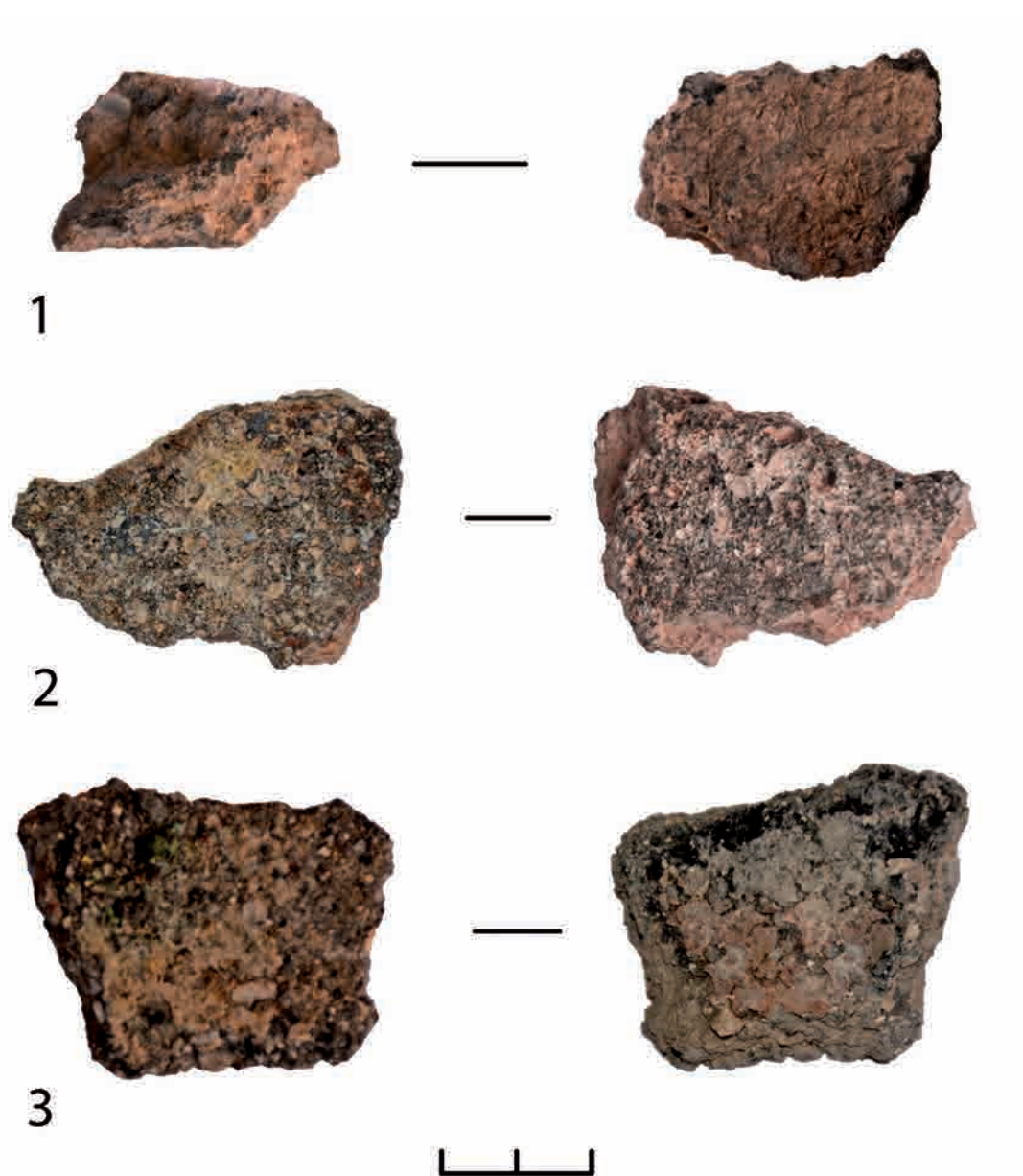

Рис. 7. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

*Рис. 8. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева*

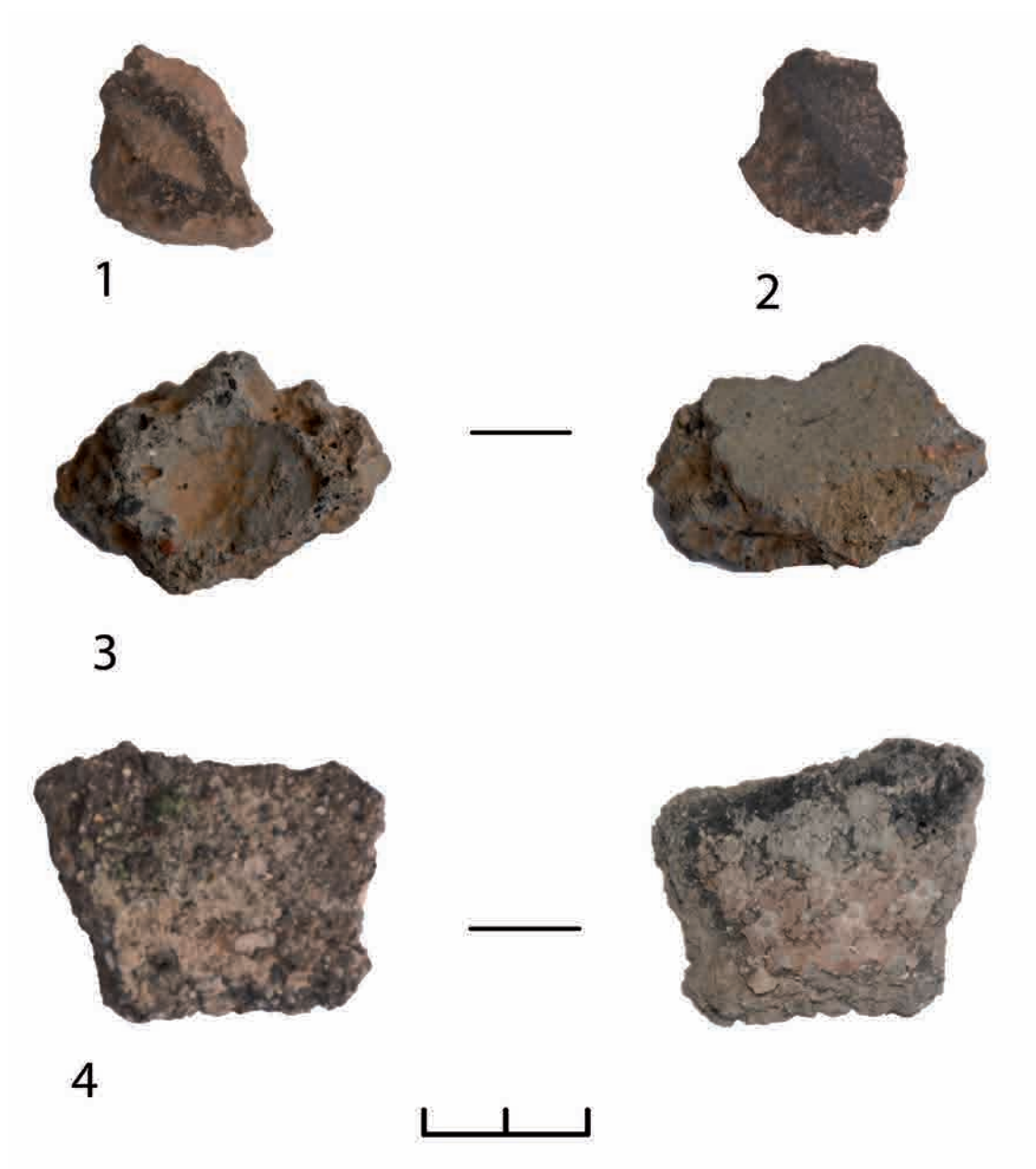

Рис. 9. Талдысай. Глиняные тигли, фрагменты.
Фото М.С. Шагирбаева

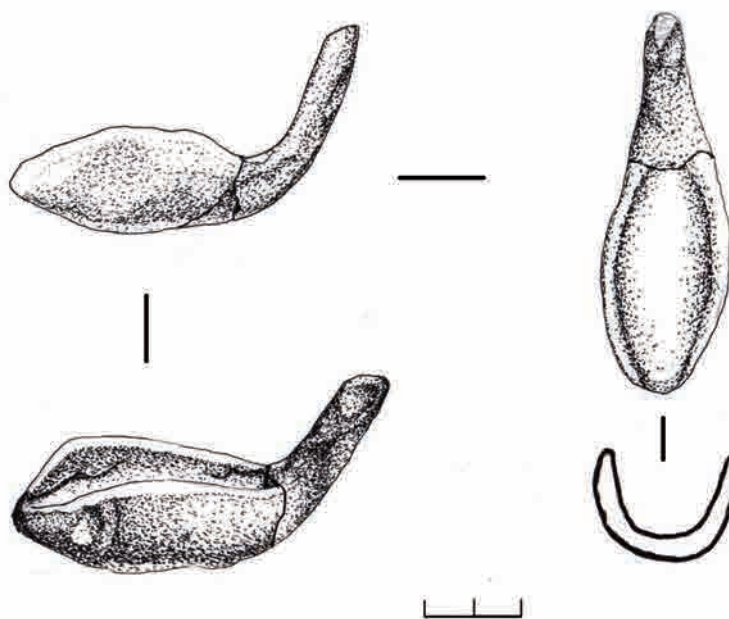

Рис. 10. Талдысай. Глиняная льячка.
Фото О.В. Белялова

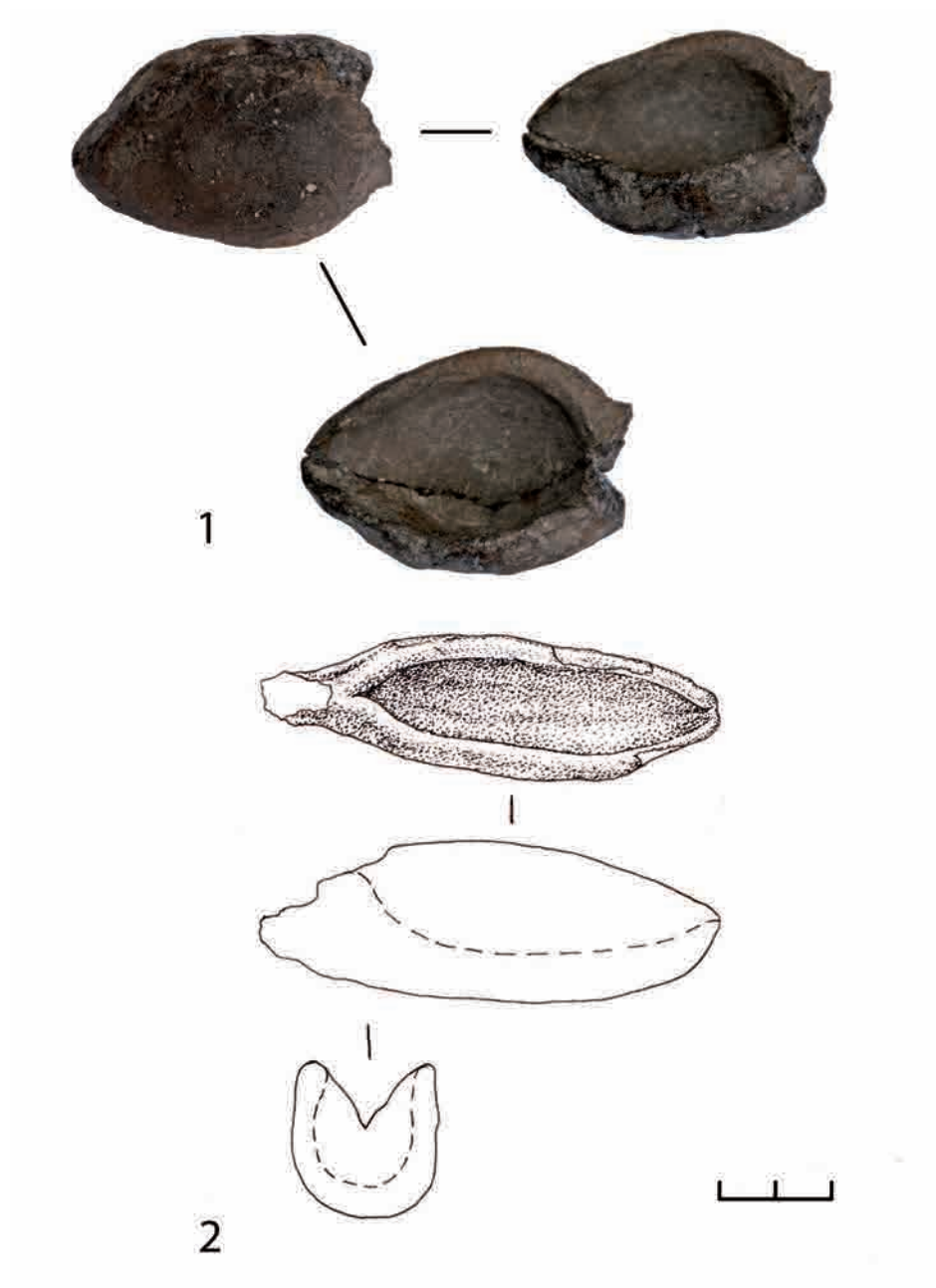

Рис. 11. Талдысай. Глиняные лячки.
Фото М.С. Шагирбаева

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро, 2013. 660 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 206 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье: Уч. пособие по спецкурсу. Куйбышев: Куйбышевск. гос. пед.ин-т им. В.В. Куйбышева, 1989. 134 с.

Горбунов Ю.В. Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры в Южном Приуралье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008а. 18 с.

Горбунов Ю.В. Металлопроизводство племен уральской абашевской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008б. № 21. С. 501-507.

**А.Е. ЕРЖАНОВА,
К.Ж. АУЕЗОВ**

Ержанова Альбина Ергешбаевна,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, erjanova_a@mail.ru;
Ауезов Кабдол Жандильдаевич,
Жезказганский историко-археологический музей,
г. Жезказган, Казахстан, kabdol.uezov.78@mail.ru

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ с ПОСЕЛЕНИЯ СОРКУДУК (по результатам трасологического анализа)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты трасологического исследования каменных орудий, найденных при раскопках поселения рудокопов эпохи бронзы Соркудук на территории Центрального Казахстана. Определены особенности техники обработки камня, определено функциональное назначение каменного инвентаря.

Ключевые слова: поселение, горное дело, металлургия, каменные орудия, трасология, классификация

Ержанова Альбина Ергешбайқызы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология Институты,
Алматы қ., Қазақстан, erjanova_a@mail.ru
Әуезов Кабдол Жандилдаұлы,
Жезқазған тарихи-археологиялық мұражайы,
Жезқазған қ., Қазақстан, kabdol.uezov.78@mail.ru

СОРҚҰДЫҚ ҚОНЫСЫНЫҢ ТАС ҚҰРАЛДАРЫ (трасологиялық талдау нәтижелері бойынша)

Аннотация. Мақалада Орталық Қазақстан аумағындағы қола дәуіріне жататын Сорқұдық кеншілер қонысына жүргізілген қазба кезінде табылған тас құралдарын трасологиялық зерттеу нәтижелері талқыланады. Тасты өңдеу техникасының ерекшеліктері анықталып, тас құралдарының функционалдық мақсаты зерттеледі.

Түйін сөздер: қоныс, тау кен ісі, металлургия, тасқұралдар, трасология, классификация

Albina Yerzhanova,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, erjanova_a@mail.ru
Kabdol Auezov,
Zhezkazgan Historical and Archaeological Museum,
Zhezkazgan, Kazakhstan, kabdol.uezov.78@mail.ru

STONE TOOLS from SORKUDUK SETTLEMENT (based on the result of trace analysis)

Abstract. The article discusses the results of a traceological study of stone tools found during the survey of the Bronze Age of the settlement of miners Sorkuduk in the territory of Central Kazakhstan. The peculiarities of the stone processing technique are determined, the functional purpose of the stone implements is studied.

Keywords: settlement, mining, metallurgy, stone tools, traceology, classification

К северу от Жезказгана в меридиональном направлении проходит широкая долина Соркудук сай. Во время исследования ее Н.В. Валукинским и А.В. Кузнецовым в 1945 г. в 1,5 км к северу от поселения Таскудук было обнаружено урочище Соркудук. Название, по словам старожилов, урочище получило по находящемуся там колодцу с солоноватой водой [Валукинский, 1945, л. 1]. В этом урочище и было обнаружено поселение Соркудук.

Поселение древних металлургов Соркудук расположено на правом берегу большого протока с многочисленными ответвлениями в 15 км к северу от пос. Милыкудук. В трех местах проток перегорожен системой плотин, где хранились запасы воды. Остатки поселения Соркудук в виде многочисленных ям, окруженных отвалами, «с плесков», расположены в северной части площадки в долине между протоками. На дне ям диаметром 67 м, глубиной 1,2 м находились крупные плиты песчаника, которыми когда-то были облицованы стены жилищ. Рядом со следами жилищ обнаружены остатки мастерских, восемь медеплавильных печей, а также груды дробленой руды, скопление шлаков [Маргулан, 2001, с. 63]. В культурном слое поселения выявлена обширная серия хорошо обработанных каменных орудий, применявшихся для измельчения руды, обломки тигля, груды окисленной руды, лопатка крупного животного, использовавшаяся в качестве совка для сгребания производственных отходов; огромное количество кремневого инвентаря - скребков, наконечников стрел и копий, нуклеусов, резцов, проколов, пилок и др. Состав инвентаря не оставляет сомнений в том, что культурный пласт Соркудука почти целиком относится к эпохе бронзы [Валукинский, 1945, л. 2].

О загрузке плавильных печей свидетельствуют огромные скопления шлаков. Анализ шлаков из пос. Милыкудук, Соркудук и Айнаколь показал, что шлаки Жезказгана разного качества: шлаки плотные (черные, темно-коричневые) и пористые. Химический анализ шлаков и руды, проведенный геологическим отделом Джезказганского медного комбината, показал содержание меди в процентах [Валукинский, 1949, л. 4].

В результате обследования памятника были собраны керамические, костяные и каменные артефакты, связанные с горным делом. Об этом свидетельствуют находки орудий из камня, специально изготовленные для дробления и измельчения, обогащения медной руды. Вероятно, для очищения руды от других примесей в основном использовались костяные орудия, сделанные из лопаток МРС. Для изготовления рудодробильных орудий использованы тонкозернистые плиты песчаника серого и коричневого цвета, разной формы.

Для изучения каменных орудий поселения Соркудук использовалась методика трасологической школы С.А. Семенова и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957]. Среди многочисленных камней различных размеров были отобраны предметы, на поверхности которых визуально отмечались следы сработанности (различного рода деформации поверхности). Все отобранные каменные орудия подвергались трасологическому изучению для установления комплекса следов, имеющих на их поверхности. Выявление микроследов изготовления и использования производилось с помощью стереоскопического микроскопа МБС-10.

На начальном этапе вся поверхность инвентаря визуально изучалась для определения сохранности предмета, на следующем этапе были выявлены дифференцирующие группы следов износа рабочей поверхности, лезвий и обушковой части орудий. Далее под микроскопом фиксировались следы и сделано описание признаков износа, а также проводился анализ этих следов. На последнем этапе производилась идентификация и интерпретация признаков износа. Были установлены функции орудий, кинематика и обрабатываемый ими материал.

В результате исследования функционального назначения каменного инвентаря с поселения Соркудук можно сказать, что эти орудия использовались для дробления руды (рис. 1).

В историко-промышленном музее корпорации «КазахМыс» находится 8 таких каменных орудий:

Рис. 1. Поселение Соркудук. Каменные орудия: 1 – молот; 2 – ручной молот; 3 – молот с перехватом; 4 – молот-пест; 5 – молот-зубило; 6 – кузнечный молот; 7 – рудотерка; 8 – терочный диск.
Фото А.Е. Ержановой

- Молот для дробления руды, изготовленный из кварцитовой гальки, грушевидной формы, размеры 114×57×51 мм. Обработан методом оббивки, которой подвергались две зоны орудия: заостренная рабочая поверхность – лезвие и аккомодационная часть для крепления орудия в рукояти. Молот крепился на «Т»-образной рукояти. Для облегчения закрепления по боковым граням в технике пикетажа были сделаны неглубокие перехваты. К рукояти орудие крепилось кожаным ремнем (рис. 1, 1).

- Ручной молот для дробления руды. Предмет изготовлен из песчаника коричневого цвета, размеры 84×52×38 мм. Для дробления руды использовался зауженный и слегка приостренный край инструмента. Следы использования выражены как на микро-, так и на макроуровне. От сильного удара с одной из боковых граней сошел скол по всей длине орудия, в результате чего рабочая поверхность была почти полностью утрачена. Тем не менее, на оставшемся фрагменте контактной зоны сохранились выразительные следы использования в виде вмятой деформации поверхности, каверн от ударов (рис. 1, 2).

- Каменный молот с намеченным перехватом, размеры 115×39×46 мм. Орудие изготовлено из кварцитовой гальки, на которой с боковых сторон в технике пикетажа был изготовлен перехват (рис. 1, 3). По всей вероятности, перехват был изготовлен лишь на боковых поверхностях. Каменная галька была надежно примотана к «Т»-образной деревянной рукояти кожаным ремнем. Износ представлен выкрошенностью лезвий. На орудиях имеются следы оббивки выпуклой части одного из торцов. Судя по следам износа, орудие предназначено для дробления руды.

- Каменный молот-пест для дробления минеральных материалов, из серого песчаника, размеры 119×60×52 мм. Для работы использовался широкий естественный торец. Следы от использования представлены мелкими неглубокими выщербинами от ударов, вершины микрорельефа затерты и уплощены, линейные следы от растирания хаотичны (рис. 1, 4).

- Молот-зубило для дробления руды из скола с кварцитового голыша. Размеры орудия 81×72×40 мм. Изготовлено из скола, по всей вероятности, ручного молота. В работе использовался приостренный край, напоминающий таковой у чоппера. Орудие удерживалось в руке и оказалось таким удобным в использовании, что прочный песчаник голыша был буквально отполирован пальцами (рис. 1, 5).

- Кузнечный молот из кремнистого известняка, размерами 164×95×89 мм, грушевидной формы. Принадлежит к типу орудий с намеченным по боковым сторонам перехватам. Перехваты изготовлены в технике пикетажа. Первоначально имел две рабочие поверхности. Орудие демонстрирует яркие микроследы отковки и по уплощенной поверхности гальки четко прослеживаются следы от трения о дерево. Это позволяет говорить о наличии «Т»-образной рукояти. Следы в перехвате демонстрируют заполировку от дерева, что свидетельствует о притягивании каменного молота к рукояти веревкой или ремнем (рис. 1, 6).

- Фрагмент рудотерки из известняка. Сохранилась лишь половина орудия. Предмет представляет собой диск с чашевидным углублением в центре. Диаметр диска около 200 мм, чаши – 115 мм. Чаша углублена в массу камня на 20 мм. Максимальная толщина предмета 48 мм, минимальная – 18 мм. Следы износа видны невооруженным глазом. Края и дно чаши вытерты до блеска. На микроуровне читается предельная выглаженность поверхности и риски линейных следов, т. е. это комплекс износа, характерный для терочников по минеральному сырью (рис. 1, 7).

- Фрагмент терочной плиты (диск) серого цвета, размеры 78×48×27 мм. Следы износа стандартны для инструментов, предназначенных для измельчения твердых минеральных материалов. Фиксируется истертость и пришлифовка возвышенностей микрорельефа, длинные – до 5 мм и относительно глубокие царапины линейных следов (рис. 1, 8). Картина микроизноса рабочей поверхности несколько отличается от таковой, зафиксированной на терочных плитах для твердых минеральных материалов.

Общим для износа является затертость и пришлифовка вершин микрорельефа поверхности. Однако некоторая заполированность отмечается и в углублениях микрорельефа поверхности. Риски линейных следов здесь короче, чем на орудиях для растирания минералов, поэтому функция орудия определена как терочная плита (диск) для органических материалов. На рабочей поверхности терочной плиты отмечается возвратно-поступательная кинематика с линейными следами в виде неглубоких рисок.

Таким образом, к исследованию привлечены каменные орудия труда, изготовленные из местных горных пород, полученных во время разведок и раскопок в конце 1940-х гг. Н.В. Валукинским. Выбор сырья и их незначительная обработка были обусловлены деятельностью древних рудокопов, для которых природные формы являлись вполне пригодными для определенных операций [Yerzhanova, 2021, p. 177].

Введение в научный оборот разных категорий орудий труда в классифицированном виде позволило получить информацию о производственной деятельности рудокопов и металлургов месторождения Жезказган, характеризующей быстрое развитие горного дела и металлургии в регионе.

В заключении можно сказать, что трасологическими исследованиями установлено - каменные орудия с поселения Соркудук были предназначены для добычи руды и являлись орудиями рудокопов.

ЛИТЕРАТУРА

Валукинский Н.В. Обследование места переработки руды и плавки в урочищах Соркудукской и Айнаукуль 1945 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 696, 6 л.

Валукинский Н.В. Археологические материалы 1949 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 145, 46 л.

Маргулан А.Х. Сочинения: В 14 т. Т. 2: Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джебказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милькудук). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с.

Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древних орудий и изделий по следам работы). М.: АН СССР, 1957. МИА. № 54. 240 с.

Yerzhanova A.E. Traceological Analysis of Stone Tools of Miners and Metallurgists from Zhezkazgan Copper Deposits // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 166-181.

П.К. ДАШКОВСКИЙ

Дашковский Петр Константинович
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия, dashkovsky@fpm.asu.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ИЗ МОГИЛЬНИКА ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

Аннотация. В публикации представлены результаты исследования кургана № 28 на могильнике Ханкаринский дол, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). Проведен сравнительный анализ между курганом № 28 могильника Ханкаринский дол и ранее раскопанными курганами эпохи энеолита № 4–9 на могильнике Инской дол, которые были разделены на две группы. В результате исследования было отмечено, что курган № 28 могильника Ханкаринский дол имеет больше общих черт с северной группой – с объектами № 6–7 некрополя Инской дол. Особое внимание уделено результатам радиоуглеродного анализа, который осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Радиоуглеродный анализ проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV-8.2. Полученная радиоуглеродная дата в целом нивелируется с особенностями погребального обряда, зафиксированного при исследовании кургана № 28 могильника Ханкаринский дол, и позволяет его отнести к III тыс. до н.э.

Ключевые слова: погребальный обряд, Северо-Западный Алтай, эпоха энеолита, афанасьевская культура, радиоуглеродный анализ

Дашковский Петр Константинович,
Алтай мемлекеттік университеті,
Барнаул, Ресей, dashkovsky@fpm.asu.ru

ЭНЕОЛИТ ДӘУІРІНДЕГІ ХАНҚАРА ДОЛ (АЛТАЙ) ҚОРЫМЫНДАҒЫ ЖЕРЛЕУДІҢ РАДИОКӨМІРТЕКТІ МЕРЗІМДЕЛУ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Басылымда Алтай өлкесінің Краснощеков ауданында (Солтүстік-Батыс Алтай) орналасқан Ханқара дол қорымындағы № 28 обаны зерттеу нәтижелері ұсынылған. Ханқара дол қорымының № 28 обасы мен Инская дол қорымындағы № 4–9 энеолит дәуіріндегі бұрын қазылған обалар арасында салыстырмалы талдау жүргізілді, олар екі топқа бөлінді. РФА Сібір бөлімшесінің климаттық және экологиялық жүйелер мониторингі институтының изотопты зерттеулер талдау орталығында (РФА СБ ИМКЭС, Томск қ.) жүзеге асырылған радиокөміртекті талдау нәтижелеріне ерекше назар аударылды. Радиокөміртекті талдау quantulus спектрометр-радиометрінің көмегімен сұйықтық-сцинтилляциялық әдіспен жүргізілді. Күнтізбелік жасқа

©2021 г. П.К. Дашковский

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края по проекту «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона» (№19-49-220002).

радиокоміртект жасын калибрлеу CALIB REV-8.2 бағдарламасының көмегімен жүзеге асырылды. Алынған радиокоміртекті мерзім тұтастай алғанда Ханқара дол қорымының № 28 обасынан зерттеу кезінде тіркелген жерлеу салтының ерекшеліктерімен теңестіріледі және оны б.д.д. III мыңжылдыққа жатқызуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: жерлеу рәсімі, Солтүстік-Батыс Алтай, энеолит дәуірі, Афанасьев мәдениеті, радиокоміртекті талдау

Pyotr Dashkovskiy,
Altai State University,
Barnaul, Russia, dashkovsky@fpm.asu.ru

RESULTS of RADIOCARBON DATING ENEOLITHIC BURIAL from the KHANKARINSKY DOL BURIAL GROUND (ALTAI)

Abstract. The article presents the results of the study of mound No. 28 at the KhankarinskyDol burial ground, located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory (North-Western Altai). A comparative analysis was carried out between mound No. 28 of the KhankarinskyDol burial ground and the previously excavated Eneolithic burial mounds No. 4–9 at the InskayaDol burial ground, which were divided into two groups. As a result of the study, it was noted that mound No. 28 of the KhankarinskyDol burial ground has more in common with the northern group-with objects No. 6–7 of the InskayaDol necropolis, special attention is paid to the results of radiocarbon analysis, which was carried out in the Analytical Center for Isotope Studies of the Institute for Monitoring Climate and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMKES SB RAS, Tomsk). The radiocarbon analysis was carried out by the liquid-scintillation method using a Quantulus spectrometer-radiometer. The radiocarbon age was calibrated to calendar age using the CALIB REV-8 program.2. The obtained radiocarbon date is generally leveled with the features of the funeral rite recorded during the study of mound No. 28 of the KhankarinskyDol burial ground and allows it to be attributed to the III millennium BC.

Keywords: funeral rite, North-Western Altai, Eneolithic epoch, Afanasiev culture, radiocarbon analysis

Более 20 лет исследование памятников Чинетинского археологического микрорайона (Краснощекровский р-н, Алтайский край, РФ) проводит Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи. В пределах данного микрорайона, в состав которого входит и могильник Ханкаринский дол, выявлены объекты от эпохи верхнего палеолита до средневековья [Дашковский, 2017а]. Могильник Ханкаринский дол зафиксирован на второй надпойменной террасе левого берега Ини (левый приток Чарыша) в 1,2–1,4 км к ЮЮВ от с. Чинета. В настоящее время на памятнике выявлено более 40 объектов, относящихся преимущественно к скифской эпохе [Дашковский, 2016а; 2018; 2020; Дашковский, Демин, 2018; и др.].

В процессе исследования в северной части памятника Ханкаринский дол был раскопан курган № 28. Из-за сильной задернованности почвы курган № 28, как и большинство других объектов, почти никак не выделялся на современной поверхности. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 2–3 слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал с С на Ю – 7,25, а с З на В – 7 м. Высота сооружения из камня достигала 0,4 м, а вместе со слоем грунта – 0,6 м. В центральной части насыпи прослежена западина диаметром до 2,25 м (рис. 1). Под насыпью кургана выявлена могильная яма, которая имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 2,7×1,67×1,35 м. Глубина могилы дана от нулевого репера, размещенного на бровке. В могиле обнаружено погребение человека, который был уложен на спину с подогнутыми в коленях ногами и ориентирован головой на восток. В средней части могилы между ее северной и южной стенками и костями рук умершего обнаружено два скопления красной охры (рис. 2). Предметов сопроводительного инвентаря в могиле не выявлено. Следует также обратить внимание и на то, что в 10 м к СВ от кургана № 28 находится

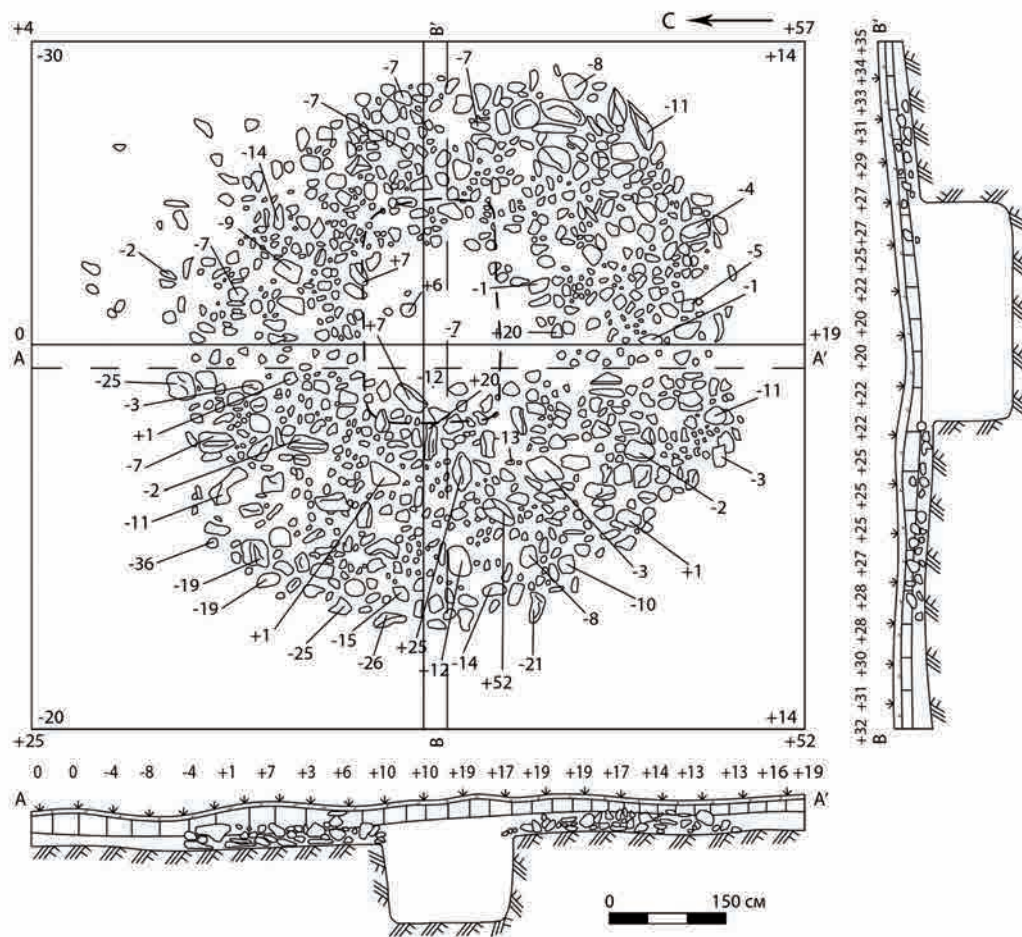

Рис. 1. План насыпи кургана № 28 могильника Ханкаринский дол

еще один объект, который, возможно, также относится к III тыс. до н.э. Такое предположение основано на планиграфических наблюдениях, поскольку в 8 м к СВ от этой группы из двух курганов исследована цепочка объектов скифского времени.

Особого внимания заслуживает вопрос о культурно-хронологической атрибуции раскопанного кургана № 28 на некрополе Ханкаринский дол. Решение этого вопроса связано с изучением памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, который активно разрабатывался в 1970–1980-е гг. [Хлобыстина, 1975; Цыб, 1984]. В последнее время эта проблематика вновь стала активно рассматриваться учеными, что нашло отражение в различных тематических изданиях [Савинов, 1994; Ларин, 2005; Молодин, 2002; Погожева, 2006; Афанасьевский сборник, 2010; 2012; Кирюшин и др., 2010; Вадецкая и др., 2014 и др.]. Не останавливаясь подробно на указанных аспектах темы, поскольку это не входит в задачи данной работы, отметим только то, что ученые указывают на неоднородность памятников афанасьевской культуры Алтая. В этой связи исследователи стали поднимать вопрос о возможности более детального изучения материалов, соотносимых с афанасьевской культурой рассматриваемого региона. В результате некоторые археологи предложили выделить несколько типов погребений, которые имеют разную степень соотношения с афанасьевской культурой: куротинский, улитинский, арагольский и покровский [Степанова, 2010; 2012; Шульга, 2006; Вадецкая и др., 2014; и др.].

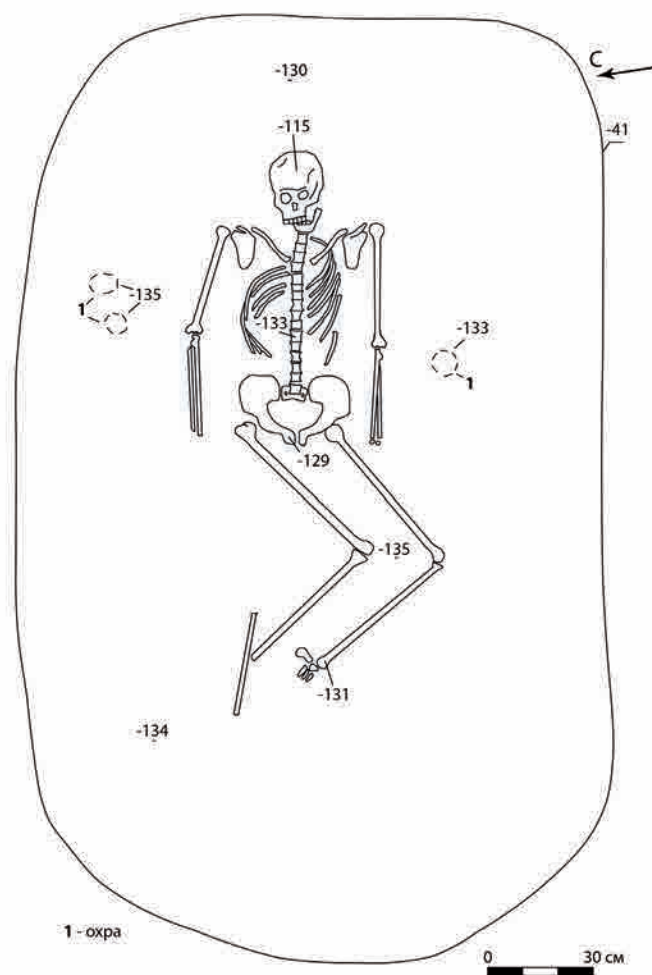

Рис. 2. План погребения в кургане № 28 могильника Ханкаринский дол: 1 – скопление красной охры

Важно отметить, что ранее объекты эпохи энеолита уже были выявлены в пределах Чинетинского археологического микрорайона, в частности, на могильнике Инской дол. На указанном памятнике были исследованы объекты, которые относятся как к классическим памятникам афанасьевской культуры, так и к т. н. куротинскому типу погребений [Дашковский, 2016б; Дашковский, Степанова, 2018], который в свое время был выделен Н.Ф. Степановой [Степанова, 2012; Вадецкая и др., 2014; и др.]. В целом, на основании особенностей погребального обряда и инвентаря кургана № 4–5, 9 могильника Инской дол были отнесены к афанасьевской культуре и датированы III тыс. до н.э. Объекты второй микрогруппы № 6–7, в свою очередь, были отнесены к куротинскому типу и датированы предварительно серединой III тыс. до н.э. [Дашковский, 2016б; Дашковский, Степанова, 2018].

Датировка кургана № 28 могильника Ханкаринский дол в определенной степени затруднена, поскольку отсутствует сопроводительный инвентарь. По особенностям погребального обряда данный объект близок к группе курганов № 6–8 из могильника Инской дол. Насыпи курганов № 6–7 сооружены в один слой, а по периметру объектов сооружена слабовыраженная кольцевая выкладка из камней, которая не образовывала единую конструкцию. Умерших помещали в

грунтовые могилы на спине с подогнутыми ногами на левую сторону и ориентировали головой на восток. При этом погребенных посыпали красной охрой. Из сопроводительного инвентаря только в кургане № 7 у ног погребенного обнаружен керамический сосуд баночной формы, поверхность которого изнутри и снаружи заглажена зубчатым предметом. Объекты микрогруппы № 6–7 могильника Инской дол, в свою очередь, были отнесены к куротинскому типу и датированы предварительно серединой III тыс. до н.э. [Дашковский, 2016б; Дашковский, Степанова, 2018].

Теперь обратимся к результатам радиоуглеродного анализа образца кости человека из кургана № 28 могильника Ханкаринский дол. Радиоуглеродный анализ осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Радиоуглеродный анализ проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (ТомЦКП СО РАН). Полученные результаты представлены в таблице 1 и рис. 3.

Таблица 1 – Результаты радиоуглеродного анализа образца из кургана № 28 могильника Ханкаринский дол

№	Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст (BP) Даты отсчитываются от 1950 г.	Календарный возраст (cal BC/AD)
1	ИМКЭС-14C2184	Кости человека	Курганный могильник Ханкаринский дол, могила № 1, курган № 28	4554±140	По 1δ (68%) 3502-3029BC По 2δ (95%) 3626-2915BC Средн. вероят. значение -3252BC

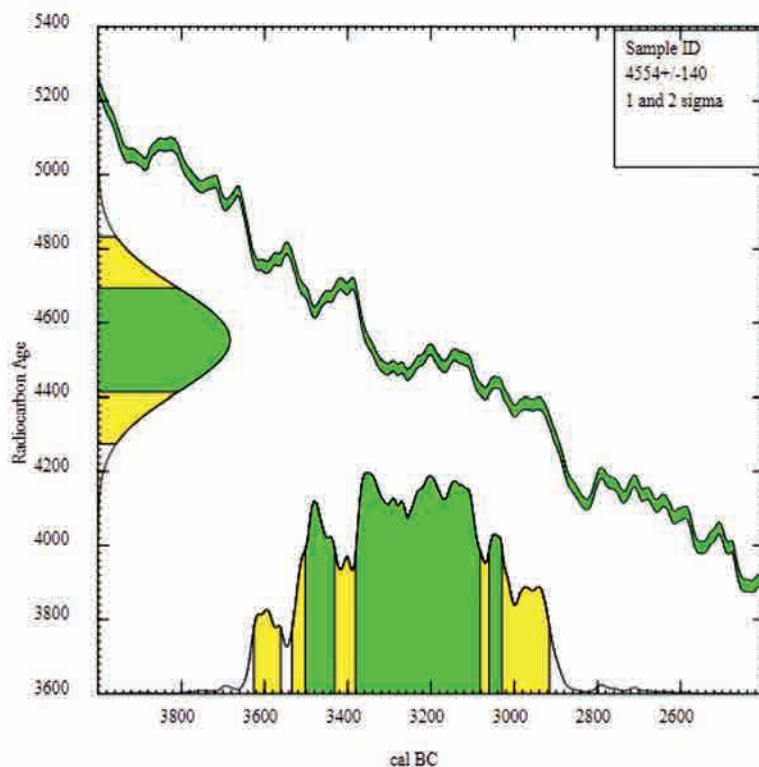

Рис. 3. Интервалы калиброванного календарного возраста

Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный возраст произведена с помощью программы CALIB REV-8.2. старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН, к.т.н. Г.В. Симоновой. Как видно из таблицы, полученная радиоуглеродная дата в целом нивелируется с особенностями погребального обряда, зафиксированного при исследовании кургана № 28 могильника Ханкаринский дол, и позволяет его отнести к эпохе энеолита.

Следует отметить, что это пока вторая радиоуглеродная дата, полученная для памятников эпохи энеолита Чинетинского археологического микрорайона. Ранее была получена дата XXX–XXVIII вв. до н.э. для кургана № 9 могильника Инской дол, которая относится к объектам с ярко выраженными признаками афанасьевской культуры [Дашковский, Степанова, 2018, с. 49]. Указанная датировка соответствует основной серии дат афанасьевской культуры [Поляков, 2010].

В целом, проведенное исследование и комплексное датирование, в т. ч. в рамках радиоуглеродного анализа, позволяет сделать вывод, что курган № 28 из могильника Ханкаринский дол по особенностям погребального обряда имеет близкие характеристики с курганами могильника Инской дол, особенно с объектами № 6, 7. В данном случае умерший из кургана № 28 могильника Ханкаринский дол также, как и в указанных двух объектах из некрополя Инской дол, был уложен на спину с согнутыми коленями на левую сторону и ориентирован головой на восток. В погребении также выявлены следы окраски скелета красной охрой, предметов инвентаря не обнаружено.

Дальнейшее комплексное датирование памятников Чинетинского археологического микрорайона с использованием радиоуглеродного анализа представляется достаточно перспективным. При этом особое значение для реконструкции этнокультурных процессов в Северо-Западном Алтае имеет изучение памятников эпохи энеолита – раннего бронзового века. Неслучайно в последние годы поднимается дискуссия относительно отнесения афанасьевской культуры к эпохе энеолита или к раннему бронзовому веку. Не менее перспективно изучение и отдельных типов погребений в рамках указанного периода, в т. ч. т. н. куротинского типа памятников, который некоторыми исследователями предлагается рассматривать в рамках афанасьевской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. I. 293 с.
- Афанасьевский сборник 2: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2012. Вып. II. 226 с.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 380 с.
- Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016а. Вып. IX. С. 42–66.
- Дашковский П.К. Курганы эпохи энеолита на могильнике Инской дол // Известия Алтайского государственного университета. Сер. историч. науки и археол. 2016б. № 4 (92). С. 230–237.
- Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XIII. С. 83–87.
- Дашковский П.К. Предметный комплекс снаряжения кочевников пазырыкской культуры из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 213–222.
- Дашковский П.К. Новые результаты раскопок курганов скифской эпохи в Западном Алтае // Археологические открытия 2016 г. М.: ИА РАН, 2018. С. 428–431.

Дашковский П.К., Демин М.А. Раскопки кургана № 29 пазырыкской культуры в южной части могильника Ханкаринский дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIV. С. 78–83.

Дашковский П.К., Степанова Н.Ф. Инской дол – памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1 (46). С. 41–50.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Степанова Н.Ф., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во Института алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. I. С. 98–142.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // *Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С.* Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. I. С. 18–48.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 39–49.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012. С. 173–182.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–34.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита–бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая / отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 47–72.

В.В. САРАЕВ

Сараев Владимир Васильевич,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, saraev.53@mail.ru

К ВОПРОСУ о СПОСОБЕ ТРАССИРОВКИ АКВЕДУКОВ в ДРЕВНОСТИ и СРЕДНЕВЕКОВЬЕ на ТЕРРИТОРИИ ЖЕТИСУ

*Нурболату Эдигеевичу Масанову,
работавшему над данной проблематикой
и поддержавшему автора в этих изысканиях,
посвящается...*

Аннотация. В результате современных исследований на территории Жетысу обнаружена разветвленная сеть древних каналов, арыков и акведуков, начало сооружения которых отмечено еще в бронзовом веке. В статье рассматривается вопрос о способе их трассировки на тех исторических этапах развития земледелия, когда не существовало специальных технических приборов и инструментов, которые позволяют это сделать в современных условиях. Если вопрос о проводке арыков и каналов без приборов уже рассмотрен в научной литературе, в том числе и автором, то акведуки более сложные гидротехнические сооружения. Для их возведения применялись знания, связанные с определением мер длины человеческого тела (локоть, ладонь, толщина пальца и т. д.). В результате создавалась достоверная визуальная проекция линий на внешний природный рельеф, которая позволяла создать уклон около 3°. Этого было достаточно для нормального функционирования такого сооружения как акведук. Этнографическими наблюдениями установлено, что данными приемами земледельцы Жетысу пользовались вплоть до конца XX в.

Ключевые слова: Жетысу, эпоха бронзы, ранний железный век, горная зона, ирригационное земледелие, акведук, канал, арык

Сараев Владимир Васильевич,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан, saraev.53@mail.ru

ЕЖЕЛГІ және ОРТА ҒАСЫРЛАРДА ЖЕТИСУ АУМАҒЫНДА СУЖЕТЕКТЕРДІ (АКВЕДУКТАРДЫ) ТАРТУ ӘДІСІ ТУРАЛЫ

*Осы мәселелер бойынша зерттеулермен айналысқан
және осы ізденістерде авторды қолдаған Нұрболат Едігеұлы
Масановқа арналады...*

Аннотация. Жетісу аумағында жүргізілген заманауи зерттеулердің нәтижесінде құрылыстары қола дәуірінде басталған ежелгі каналдар, арықтар мен сужетектердің тармақталған желісі ашылды. Мақалада ауылшаруашылығы дамуының қазіргі жағдайдағыдай мұндай құралдарды жасауға мүмкіндік беретін арнайы техникалық құрылғылар мен құралдар болмаған сол бір тарихи кезеңдерде оларды тарту әдісі туралы мәселе қарастырылады. Ешқандай аспаптарсыз суармалы арықтар мен каналдарды жүргізу мәселесі ғылыми әдебиеттерде, соның ішінде автордың өз зерттеулерінде де қарастырылған болса, ал сужетектер біршама күрделі гидротехникалық құрылыстар болып табылады. Олардың құрылысы үшін адам денесінің ұзындық өлшемдерін (шынтак, алақан, саусақ қалыңдығы және т.б.) анықтауға байланысты білім қолданылды.

Нәтижесінде шамамен үш градусқа көлбеу орнатуға мүмкіндік беретін сыртқы табиғи рельефке сызықтардың шынайы визуалды проекциясы құрылды. Бұл сужетек секілді құрылымның қалыпты жұмыс істеуі үшін жеткілікті болды. Этнографиялық бақылаулар Жетісу шаруалары бұл әдістерді XX ғасырдың соңына дейін қолданғанын анықтады.

Түйін сөздер: Жетісу, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, таулы аймақ, суармалы егіншілік, сужетек, канал, арық

Vladimir Saraev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, saraev.53@mail.ru

RESEARCHES of the METHOD of TRACING AQUEDUCTS in ANTIQUITY and the MIDDLE AGES on the TERRITORY of ZHETYSU

Abstract. As a result of modern research on the territory of Zhetysu, an extensive network of ancient canals, irrigation ditches and aqueducts was discovered, the construction of which began in the Bronze Age. There is issue is considered of the method of tracing them at those historical stages of the development of agriculture, when there were no special technical devices and tools that allow this to be done in modern conditions. If the issue of wiring irrigation ditches and canals without instruments has already been considered in the scientific literature, including by the author, then aqueducts are more complex hydraulic structures. For their construction, knowledge was used related to the determination of measures of the length of a human body (elbow, palm, finger thickness, etc.). As a result, a reliable visual projection of the lines onto the external natural relief was created, which made it possible to create a slope of about three degrees. This was enough for the normal functioning of such a structure as an aqueduct. Ethnographic observations have established that the farmers of Zhetysu used these methods until the end of the twentieth century.

Keywords: Zhetysu, Bronze Age, Early Iron Age, mountainous zone, irrigation agriculture, aqueduct, canal, ditch

Проблемами развития ирригационного земледелия на территории Жетысу автор занимается еще с 80-х гг. XX в. [Сараев, 1992, с. 104–109]. Результаты наших исследований в 2000-е гг. в рамках проектов Института археологии им. А.Х. Маргулана позволили выявить в предгорной и горной зоне региона разветвленную сеть гидротехнических сооружений: каналов, арыков, акведуков, водонакопителей и т. д. Данное повторное «открытие» преследовало цель представить конкретно масштабы и условия их сооружения, поскольку сведения о подобной системе хозяйствования были широко известны в различных историко-архивных материалах еще с девятнадцатого века. К примеру, в это время надворный советник в Семиречье, агент Императорской Археологической комиссии Н.Н. Пантусов сообщает председателю комиссии В.Г. Тизенгаузену: «Все предгорья Семиречья также богаты предметами для исследований: подножья гор усеяны развалинами древних городов, окрестности последних испещрены остатками ирригационных канав» [ЦГА РК, ф. И-44, оп. 1, д. 37322, л. 195–196]. В 1889–1890 гг. Н. Дингельштедт собирал сведения об оросительных системах, опрашивал и рассылал анкеты должностным лицам, ведавшим ирригацией. В анкетах был вопрос о времени постройки арыков. В Карнакской волости ему сообщили, что «арыки сотворены богом» [Дингельштедт, 1893, с. 381].

Многолетнее обследование северных склонов Заилийского/Иле Алатау на наличие ирригационных систем полностью подтверждают сообщение Н.Н. Пантусова. Вопросы времени создания этих сооружений были также решены в ходе археологических исследований. Изучение поселений эпохи бронзы горной и предгорной полосы Джунгарского/Жетысу и Иле Алатау, расположенных по берегам рек Биен, Коксу, Турген, Большая и Малая Алматинка, Узун-Каргалы, Кастек, Шиен позволяют говорить о занятии жителями этих поселений орошаемым земледелием [Горячев, 2007, с. 21–25; Горячев, Потапов, 2015, с. 342–351; Горячев и др., 2016, с. 19–26; Горячев, Сараев, 2015, с. 5–18; 2016, с. 94–110]. Около поселений, датируемых серединой – второй

половиной II тыс. до н.э. (Куйган I, Талапты I, Бутақты-I, Кайнар-I), прослеживаются небольшие участки земель древнего орошения, остатки арыков [Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5–19; Горячев, Мотов, 2018; Сараев, 2017, с. 69–90]. Расположение данных поселений в устьях горных ущелий в районе головных водозаборов и древнейших распределителей позволяют предполагать, что в эпоху бронзы наступил начальный этап создания этой разветвленной системы поливного земледелия. Ее полномасштабное развитие в регионе наступает в раннем железном веке и средневековье, когда каналы и арыки устраиваются на расстоянии в 20–30 км от гор по всей предгорной полосе [Акишев, 1970, с. 69–78; Байпаков, Чанг, 1997, с. 53–68; Байпаков и др., 2005; Байпаков, 2008; Горячев, Сараев, 2017, с. 127–136]. Данные материалы по соседнему региону Южного Казахстана были собраны и обобщены в свое время В.А. Грошевым [Грошев, 1996], однако вопросов трассировки каналов и акведуков они не затрагивали.

Но наиболее важным нам представляется вопрос, каким образом древние жители Жетысу смогли в столь сложном рельефе проложить удивительно точно эти гидротехнические сооружения, в первую очередь, акведуки, каналы и арыки. Ещё в начале XX в. статистический отряд Семиреченского переселенческого управления отметил наличие древнего поливного земледелия в предгорной полосе. В отчете сказано, что «особенно трудно проведение оросительных каналов в гористой местности: часто приходится удивляться искусству строителей “тогана”, сумевших, без какой бы то ни было нивелировки, придать его ложу надлежащий уклон, при причудливо изрезанном рельефе» [Румянцев, 1913]. Искусство мелиораторов предгорной зоны Семиречья удивило профессиональных военных топографов, входящих в состав статистического отряда. Однако их удивление относилось не к наличию систем ирригации и их количеству, а к сложности исполнения такой работы без специальных приборов.

Им достоверно было известно, что у древних мастеров ирригационных систем не было геодезических приборов. Не было ни нивелиров, ни теодолитов. Когда даже при наличии необходимых приборов исполнить работу по трассировке русел поливных арыков «при причудливо изрезанном рельефе» и «придать его ложу надлежащий уклон» было бы нелегко. Тем не менее, отсутствие необходимых геодезических приборов, не помешало древним специалистам по ирригации земель создавать оросительные водоводы. Часть их сохранилась до настоящего времени. Отсутствие приборов не помешало им выполнить эту работу качественно и функционально.

К наличию и исправной работе оросительных систем предгорья обращалось внимание многих путешественников и исследователей. Некоторые из них пытались объяснить приемы их построения. Так, в середине XIX в. Н. Дингельштедт поделился своими наблюдениями по нивелировке трассы канала на территории Южного Казахстана. Он писал, что при трассировании оросительных сооружений основным прибором служила чаша с водой: «У реки забивали кол из дерева, привязывали к нему веревку и натягивали ее, а чашу с водой держали на ее конце, выбирая направление трассы канала до тех пор, пока наполненный до краев сосуд не проливался ни в ту, ни в другую сторону» [Дингельштедт, 1893, с. 200].

К описанному способу трассировки поливного канала возникает ряд вопросов. Первое, на что обращает внимание описанный способ – это несвобода выбора направления оросительного канала. Канал будет направлен туда, где должным образом отреагировала пиала с водой, но, отнюдь не туда, куда надо земледельцу. Второе, этот способ более подходит к «отбивке» горизонтальной линии и непонятно каким образом задавался руслу надлежащий уклон для течения воды. Существенным образом исправить провал в объяснениях того, как раньше люди обходились без необходимых приборов автором предприняты попытки в предыдущей работе [Сараев, 2007, с. 120–128]. В ней подробно изложены приемы трассировки поливных русел в предгорье и математическое обоснование их применения. Доказано, что в качестве требуемых приборов достаточно было хорошего осла и небольшой отрезок веревки, размеченной на определенные отрезки.

Вместе с тем, помимо многих километров поливных арыков, в предгорьях Семиречья/Жетысу выявлены и созданные древними умельцами акведуки для переведения водных потоков с одного холма на другой (рис. 1). Возведение акведука требует более значительных трудозатрат, чем создание обычного водопроводящего русла на поверхности почвы. Так, в одном случае земледельцам потребовалось перевести русло арыка с одного борта ущелья на другое. Для этого они соорудили акведук поперек ущелья. Ширина основания акведука 11 м, длина – 68,5 м, водопроводящее русло этого акведука поднято на 8,5 м выше нижней точки дна ущелья.

В другом случае, акведук, имеющий максимальное возвышение 3 м над общей поверхностью почвы, имеет длину несколько километров (рис. 2). Масштабы таких сооружений изначально позволяют предполагать их возведение следствием коллективной деятельности. Любая коллективная работа изначально предполагает разделение функциональной нагрузки по определенным позициям согласно умениям и навы-

1

2

3

Рис. 1. Акведуки у северных склонов Иле Алатау:
1 – у поселка Каргалы, вид на юг;
2 – у аула Ушканыр, вид на восток;
3 – у поселка Алатау, вид на запад (Институт ядерной физики).
Фото В.В. Сараева (1),
А.А. Горячева (2, 3)

1

кам индивидуумов, входящих в состав коллектива. Из чего следует, что при строительстве акведука был человек, который отвечал за высоту сооружения насыпи и надлежащий уклон возводимого русла. При этом он, естественно, осознавал личную ответственность перед людьми, выполнявшими значительную физическую работу по возведению акведука под его руководством. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что человек, руководивший сооружением акведука, выполнял свою работу уверенно с пониманием конечного результата.

2

При всем этом понятно, что так вести работу можно только при наличии соответствующего прибора и опыта работы с ним. Наличие таких «приборов» как ослик да отрезок веревки, позволяющих легко разметить трассу поливного арыка, в самой сложной ситуации среди бугров в предгорье, не приемлемы в случае возведения акведука. Понятно, что возведение акведука принципиально отличается от создания поливного арыка. Для его строительства требуется принципиально иной прибор. В Древнем Риме при строительстве мостов, тоннелей и акведуков использовали инструмент, называемый «хоробат». Однако ни чертежей, ни

3

Рис. 2. Акведук в районе аула Касымбек:

1, 2 – аэрофото с квадрокоптера;

3 – фото, вид на юг.

Фото А.А. Горячева (1, 2),
В.В. Сараева (3)

самых хоробатов не сохранилось. Прибор описан у Витрувия в его Книгах об архитектуре [Витрувий, 2006, кн. VIII]. Существует реконструкция прибора на основе его описания.

Инструмент представлял собой линейку длиной около 6 м (рис. 3). У самых концов её находятся точно выровненные друг с другом вертикальные ножки, врезанные под прямым углом к линейке. Под линейкой и между ножками прикреплялись рейки с точно проведенными над ними отвесными линиями. Над каждой такой рейкой с линейки свисали отвесы. Положение хоробата, при котором отвесы ровно и одинаково касались проведенных линий, указывало на горизонтальную установку прибора.

Кроме того, для проведения нивелировки в ветреную погоду (когда невозможно применение отвесов) на верхней грани хоробата имелся желобок длиной около 1,5 м, шириной 2,5 см и глубиной 3,7 см, в который наливали воду. Равномерное касание водой краёв желобка указывало на горизонтальную установку прибора [Геодезические инструменты]. Изображенный и описанный прибор достаточно громоздкий. С помощью хоробата, как видно на рисунке, высота положения прибора над поверхностью в исходной точке «А», через препятствие, по горизонтальной линии переносится в конечную точку «В». Возвышение хоробата над поверхностью в точке «А» и перенесенное в точку «В» может быть отмеченным на деревянном мерном коле (рис. 3).

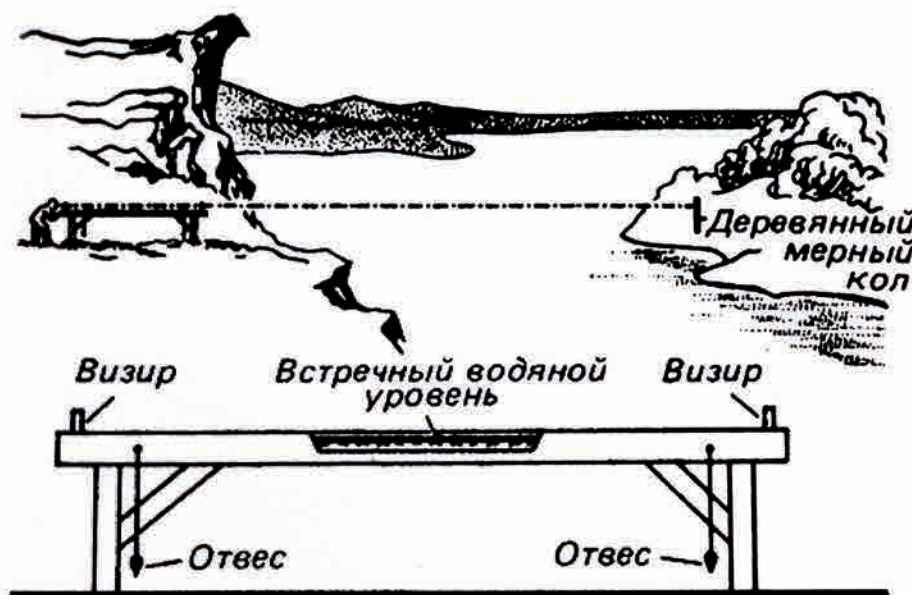

Рис. 3. Древнеримский хоробат (по: [Витрувий, 2006])

Он не имеет каких-либо меток для определения угла занижения либо возвышения над горизонтальной линией. В конструкции хоробата изначально не заложена возможность определения угла несовпадения с горизонтальной прямой и «удержания» его на большом расстоянии. При том, что уклон акведука является одной из основных функциональных его характеристик. Тем не менее, красота, грандиозность мостов и акведуков строителей Древнего Рима восхищают и сейчас. Это дает основание предполагать, что их строители использовали и другие приборы, либо делали массу соответствующих вычислений. Однако это уже относится к разряду либо догадок, либо более тонких исследований.

В Жетысу строители, возводившие акведуки, использовали иной прибор. Он был значительно менее громоздкий, чем хоробат, мобильный и более приближен к функциональной идее современных геодезических приборов. Функциональной основой современных высокоточных геодезических приборов является визуальная проекция линий, нанесенных на оптике прибора на внешний природный рельеф. На основе чего и совершаются измерения либо разметка.

До введения метрической системы мер, в основу которой положена единица длины метр, люди использовали антропометрическую систему мер, в основу которой положена система измерения человеческого тела и его частей. В быту мы и по настоящее время используем единицы антропометрической системы мер. Нам доводилось говорить или слышать о высоте «до пояса» либо «по колено», о ширине «с ладонь», либо «с локоть» и т.п. Поскольку с глубокой древности люди в качестве системы мер использовали собственные части тела, то логично было бы предположить, что они и в качестве необходимого прибора могли воспользоваться собственным телом как «носителем совокупности единиц измерений».

Древним мелиораторам Жетысу специальный прибор понадобился с целью проведения особых линий на природном рельефе. Специфичность таких линий заключается в том, что по ним будут проведены оросительные арыки. Протяженность их может быть достаточно большой. Настолько насколько не хватит обыкновенной веревки. К тому же эта линия, для нормального функционирования водовода, его русло, должно иметь определенный уклон относительно горизонтальной прямой. Тем более такой прибор необходим при проведении акведука. В этом случае потребуется провести линию между двух возвышенностей, т. е. в воздухе. В зависимости от топоситуации протяженность такой линии может иметь десятки, сотни и более метров.

Для выполнения работы с такой постановкой задач может справиться только визировальный прибор, с помощью которого можно визуально проецировать линию, имеющуюся на приборе, на природный рельеф. По конструктивно техническим параметрам такой прибор, как и хоробат, должен иметь две опорные стойки, одинаково возвышающиеся над поверхностью земли, что будет сравнительно гарантировать горизонтальность линии, проведенной между верхними окончаниями стоек. Иметь метки, определяющие уклон возвышения либо занижения относительно условной горизонтальной линии и возможность смотреть поперек проведенных линий для проецирования их на природный рельеф. В этом принципиальное отличие данного прибора от хоробата. Хоробат, в том виде как у Витрувия, обеспечивает возможность проецирования точки возвышения над поверхностью по горизонтальной прямой на мерный кол.

Оригинальность приема, использованного в Жетысу для решения проблем, связанных с трассировкой ирригационных сооружений, а, следовательно, и возведения акведуков, заключалась в том, что для этих целей не строили специальных приборов. Для этих целей древние мелиораторы использовали собственное тело. Любой физически нормальный взрослый человек годился для этих целей. У человека, стоящего на поверхности земли, равноудалены от земли желобки, образованные между мышцелом большеберцовой кости (мышцелок – шарообразная оконечность кости) и нижним основанием коленных чашек на обеих ногах. Между этими впадинами можно провести прямую линию. Прямая между впадинами левого и правого колена будет условно приближена к горизонтальной линии.

Стоящий на земле человек может раздвинуть голени в стороны на длину локтя (45–47 см). Разведенные голени все также будут равноудалены от поверхности земли и, следовательно, условная «горизонтальная прямая» так и останется приближенной к горизонтали. Если поперек ноги, на колено, положить ладонь так чтобы во впадину между окончанием большеберцовой кости и нижним краем коленной чашечки лег средний палец ладони, то указательный палец ладони будет возвышаться над этой впадиной, он ляжет на коленную чашечку. Это естественно. При этом прямая, проведенная от впадины между окончанием большеберцовой кости и нижним краем коленной чашечки одного

колена на верхнюю поверхность указательного пальца другого колена, образует угол с условной «горизонтальной прямой». Угол образуется за счет толщины указательного пальца. При коленях, разведенных в стороны на «локоть» (46–50 см) и толщине указательного пальца 2–2,5 см, эта прямая составит угол между этой прямой и условной голенной «горизонтальной» около 3° .

Практические измерения проводились на людях ростом от 1,53 м высотой и 1,85 м. Угол между «горизонтальной» и прямой, отстоящей на толщину указательного пальца, был одинаков. Это понятно, поскольку соотношения между частями тела пропорциональны независимо от роста человека. Меняя количество пальцев, можно менять и этот угол. Либо над нижним основанием коленной чашечки поднять только часть толщины пальца и угол будет менее 3 и т. д.

Для того, чтобы практически воспользоваться представленной фактической зависимостью для трассировки поливных арыков либо проведения трассы будущего акведука, нужно было встать спиной к объекту работы. Наклониться вперед с упором рук в колени. При этом, глядя за спину между колен, легко спроецировать натянутую между ними нить на природный рельеф. Голосом, подавая указания помощнику, легко вывести его на опорные, значимые точки и сообщить о необходимости их пометки.

На основе рефлексии в смысле самонаблюдения и практического опыта такой человек легко станет незаменимым мастером при трассировке поливных сооружений. Здесь следует иметь в виду, что она выполнялась при земляных работах, а не при строительстве каменных акведуков. Что в принципе допускает незначительные отклонения от показаний точных приборов. Примечательно, что угол уклона поливных арыков и соответственно акведуков в Жетысу в основной своей массе и составляет угол уклона, близкий к 3° .

В 1980-х гг. в пос. Фабричный (ныне с. Каргалы) жил пожилой мужчина, который «проводил» поливные арыки таким способом. Пообщаться с этим человеком автору не довелось, но местные жители, которые пользовались его услугами, эмоционально и с интересом рассказывали как он работал. Результаты его работы пользовались спросом и ими были довольны.

Таким образом, в древности и средневековье даже при отсутствии необходимых геодезических приборов земледельцы могли создавать акведуки, каналы, арыки любой сложности, связанной с особенностями рельефа горной и предгорной полосы региона. Учитывая, что их проводка сопровождалась значительным объемом физического труда, люди, умевшие правильно рассчитать проекцию будущего гидротехнического сооружения, пользовались особым почетом и уважением. Возможно, подобные знания и навыки передавались из поколения в поколение, что привело к формированию сословия мастеров данной специализации.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 69–78.

Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: «Credo», 2008. 173 с.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: [б.и.], 2005. 188 с.

Байпаков К.М., Чанг К. Новые данные о хозяйстве саков и усуней Семиречья // Евразийское сообщество. 1997. № 3. С. 53–68.

Витрувий. «Десять книг об архитектуре» (Vitruvius «De architectura libri decem») Перевод Петровского Ф.А. Издание Всесоюзной Академии Архитектуры 1936 г. М.: Архитектура-С, 2006. Кн. VIII. 328 с.

Геодезические инструменты. URL: <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=169123332> (дата обращения 09.09.2021)

Горячев А.А. Археологический комплекс Калакай-I из Северного Приднугарья // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 21-41.

Горячев А.А., Потапов С.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-I // Казахское ханство в потоке истории: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 550-летию Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 342-351.

Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. общ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5–18.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургенъ // Актуальные проблемы археологии Евразии: м-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 94–110.

Горячев А.А., Сараев В.В. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 127-136.

Горячев А.А., Сараев В.В., Потапов С.А. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века Жамбылского района Алматинской области // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 19-26.

Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. Алматы: [б.и.], 1996. 357 с.

Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. Т. I. Ч. I–II. СПб., 1893.

Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. В 8 т. Т. 4: Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913. 895 с.

Сараев В.В. К вопросу изучения археологических памятников Заилийского Алатау. // Археологические исследования в Казахстане: сб. науч. ст. Алма-Ата: изд-во КазГПУ им. Абая, 1992. С. 104–109.

Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 120-128.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // ИАС. 2017. Вып. 5. С. 69–90. ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д. 37322, л. 195-196.

**А.А. ТАЖЕКЕЕВ,
Р.Т. ДАРМЕНОВ,
А.Ж. НАЗАРОВ**

Тажекеев Азилхан Ауезханұлы,
Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан, azik8484@mail.ru
Дарменов Рустем Турарбекович,
Национальный музей Республики Казахстан,
г. Нур-Султан, Казахстан, darmenov_rustem@mail.ru
Назаров Агабек Жеңісбекұлы,
Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата,
г. Кызылорда, Казахстан, diz_agabek@mail.ru

ОПЫТ КОНСЕРВАЦИИ и МУЗЕЕФИКАЦИИ ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ: проблемы и перспективы

Аннотация. В статье приводятся материалы, посвящённые консервации и музеефикации археологического памятника Джанкент и его последующей интеграции в социокультурную и туристскую сферу страны. Археологические работы на городище ведутся в течение длительного времени. В настоящее время на городище Джанкент выполнена консервация жилого помещения и последующая научная реконструкция с целью воссоздания его облика.

Ключевые слова: Приаралье, Джанкент, консервация, археология, сырец

Тажекеев Әзілхан Әуезханұлы,
Қорқыт Ата ат. Қызылорда мемлекеттік университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан, azik8484@mail.ru
Дәрменов Рүстем Тұрарбекұлы,
Қазақстан Республикасының Ұлттық мұражайы,
Нұрсұлтан қ., Қазақстан, darmenov_rustem@mail.ru
Назаров Ағабек Жеңісбекұлы,
Қорқыт Ата ат. Қызылорда мемлекеттік университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан, diz_agabek@mail.ru

ЖАНКЕНТ ҚАЛАШЫҒЫН КОНСЕРВАЦИЯЛАУ ЖӘНЕ МУЗЕЙЛЕНДІРУ ТӘЖІРИБЕСІ: мәселелері мен дамуы

Аннотация. Мақалада Жанкент археологиялық ескерткішін консервациялау және музейлендіру, одан әрі әлеуметтік-мәдени және туристік нысан ретінде интеграциялау барысы туралы материалдар қарастырылады. Жанкент қалашығында археологиялық зерттеу жұмыстары ұзақ жылдар бойы жүргізіліп келе жатыр. Қазіргі уақытта Жанкент қалашығындағы тұрғын үйді консервациялау және оның келбетін қайта қалпына келтіру мақсатында ғылыми реконструкция жұмыстары жүргізілді.

Түйін сөздер: Арал өңірі, Жанкент, консервация, археология, шикі кірпіш.

Azilkhan Tazhekeev,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan, azik8484@mail.ru;
Rustem Darmenov,
National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Kazakhstan, darmenov_rustem@mail.ru;
Agabek Nazarov,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan, diz_agabek@mail.ru;

**CONSERVATION EXPERIENCE and MUSEUMIFICATION
of JANKENT SETTLEMENT:
issues and prospects**

Abstract. The materials on the conservation and museumification of the archaeological monument of Jankent and its subsequent integration into the socio-cultural and the tourist sphere of the country are given in the article. For a long time, the archaeological works have been being held in Jankent settlement. At present, the Jankent settlement has undergone conservation of living quarters and subsequent scientific reconstruction in order to recreate its appearance.

Keywords: Aral Sea region, Jankent, Conservation, Archaeology, Adobe

На территории Республики Казахстан расположено множество ценных памятников истории и культуры. Большинство из этих объектов поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры. Особую группу составляют археологические памятники, охватывающие огромный временной период: от эпохи палеолита до периода позднего средневековья.

Археологическая наука Казахстана за последние 30 лет достигла больших высот, выработаны новые подходы к изучению памятников с применением современных цифровых технологий, рассмотрены вопросы историко-культурного процесса формирования города и кочевого общества в степной зоне Евразии, торговли и военного искусства как движущего фактора взаимоотношения народов мира.

Однако мы, гордясь большими достижениями в исследовании археологических памятников различных эпох, скромно умалчиваем о степени их сохранения для будущего поколения. Открытым остается вопрос музеефикации археологических объектов и их последующей интеграции в социокультурную и туристическую сферы. Данная работа требует больших финансовых затрат, включающих в себя не только полевое изучение, но и восстановление, консервацию и реставрацию, информационно-туристическое сопровождение.

В Кызылординской области авторы статьи уже на протяжении 8 лет проводят эксперименты по консервации и первичной реставрации археологических памятников, построенных из сырца. Информация о первых результатах методов укрепления сырцовых конструкций, осуществленных нами на городищах Джанкент и Сортобе 1, опубликована в обобщающей статье «Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье» [Тажекеев и др., 2020, с. 211–218].

Необходимо отметить, что археологические работы на памятниках истории, позволяющие собрать богатейшие научные коллекции, ведут за собой постепенное разрушение раскопанных памятников буквально в течение последующих нескольких лет.

Для решения этих проблем был предложен ряд мер для испытания в экспериментальном масштабе: укрепление; принятие мер в отношении защиты от окружающей среды (зачистка, дренаж и т. д.); обеспечение организованного оттока атмосферных осадков; реставрация основания стен (заполнение швов между кирпичами); восстановление и повторное оштукатуривание объектов. Было

принято решение осуществить строительство над археологическим объектом временной деревянной конструкции (стоечно-балочная, каркасная структура). В этом варианте предлагалось построить внутри археологического объекта сетку деревянных колонн с шагом 3×3 м. Главная особенность перекрытия из деревянных колонн состоит в том, что сами колонны-опоры заглубляются в основание объекта неглубоко (30–40 см). Это значит, что многочисленные колонны не повредят основание жилых сооружений и сохранят весь комплекс в неприкосновенности. Вторым действием явилось покрытие сырцовых стен жилых помещений глиняной обмазкой, что является распространенным в мировой практике. Было решено, что предварительно древние стены покроются сеткой из волокнистой ткани (размеры ячейки 0,5×0,5 см). Параллельно шли другие консервационные работы, в частности, осуществлена кирпичная обкладка наиболее разрушенных остатков глиняных стен и конструкций. Использовались сырцовые кирпичи полуторного размера 250×120×88 мм, с высокой примесью песка.

В ходе восстановления и укрепления несущих стен и очагов в жилых помещениях было принято решение установить в интерьере очажные подставки в виде протом баранов (кошкар), развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе. Очажные подставки выполнены из бетона реставратором-скульптором А. Назаровым [Тажекеев и др., 2020, с. 211–218].

В ходе научного исследования археологического памятника Джанкент установлено, что городище входит в круг сакрально-почитаемых объектов. Посещение происходит как малыми, так и большими группами людей разных возрастов. Посетителям интересно получать информацию о том, как жили люди в древнюю эпоху. В основном вопросы при осмотре места археологических объектов связаны с процессом раскопок, материальной культурой, образом жизни и питанием огузского населения.

В 2020 г. было выбрано помещение № 1, раскопанное 2007 г., в настоящее время на нем произведена первичная полевая реставрация. Помещение размерами 6×4 м. Стены сохранились на высоту 30–40 см. Было выявлено, что архитектурный тип жилищ на городище Джанкент восходит к наиболее традиционным архаичным типам в среднеазиатской городской архитектуре. Анализ жилой архитектуры позволяет считать, что в городе существовал единый тип жилища, который можно назвать традиционным. Основная жилая ячейка в простейшем случае – это отапливаемая комната с айваном или передней. В многокомнатных домах жилая ячейка с ее составными частями неоднократно повторялась, с увеличением площади и числа комнат принцип организации жилища не менялся, во всех случаях следуя единому «традиционному типу». Интерьер основного «центрального» помещения характеризовался наличием большой «П»- или «Г»-образной суфы, занимавшей почти всю площадь помещения, кроме небольшого участка пола перед входом, вымощенного квадратным обожженным кирпичом. В центре такой вымостки под одним из кирпичей обязательно устраивался поглотительный колодец – крупный хум, куда стекала грязная вода. Это так называемая площадка «ташнау». Высота суфы обычно 50–60 см, т. е. в высоту встроенного в нее одного, иногда двух тандыров. Тандыр встраивался в суфу так, что его боковое топочное отверстие выходило на ее край. Напротив топки, в противоположной стенке тандыра, имелось круглое дымоходное отверстие диаметром 8–12 см. Массивный венчик тандыра – вровень с поверхностью суфы, а его устье, по всей видимости, закрывалось специальной керамической крышкой. На суфе у одного из углов площадки с ташнау иногда имелась специальная глинобитная тумба размерами 40–60×40–60 см. Верхняя плоскость такой тумбы обычно выше уровня суфы.

В центре жилой комнаты имелись однотипные очаги, они представляли собой прямоугольные открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанными из половинок разрезанных вдоль сырцов. Конструкция данных очагов известна в Средней Азии и Хорезме еще с последних веков до н.э. и была распространена в средневековье повсеместно [Воронина, 1963,

с. 87–92; Неразик, 1966, с. 75]. Очаги использовались как для отопления, так и для ритуальных нужд [Вишневская, Рапопорт, 1979]. С северной стороны вплотную к очагам были приставлены керамические очажные подставки в виде протом баранов (кошкар), развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе.

Для хранения продуктовых припасов чаще всего имелось специальное помещение – кладовая. Она располагалась обычно перед стеной жилого помещения, и вход в нее мог быть с уровня суфы жилого помещения. Площадь кладовых обычно составляла одну четвертую часть жилого помещения, в них стояли и были вкопаны под уровень пола большие керамические сосуды-хранилища (хумы) [Зиливинская и др., 2011, с. 27–37].

Стены помещения № 1 были восстановлены с применением каркасной конструкции из деревянного бруса диаметром 7–10 см и обрешетки 5×5 см. Внутреннее пространство каркасной конструкции было заполнено прессованным камышом и покрыто слоем самана. Для равномерного распределения веса на стены жилого помещения верхняя часть стен реконструированного помещения была прикреплена к навесу (рис. 1). Во внутренней части жилого помещения поверх глиняной штукатурки наложен слой белой эмульсии, на поверхности которой нанесен рисунок красного цвета (рис. 2). Роспись в виде округлого медальона с концевыми завитками и розетками получена из помещения № 20 в 2014 г. [Сыдыкова, 2014, с. 110–116, рис. 52]. В северной стене над уровнем верхнего топочного отверстия тандыра устроена неглубокая ритуальная ниша (размерами 50 см в ширину и 50 см высоту) (рис. 3). Хотя этот архитектурный элемент не был выявлен на

Рис. 1. Джанкент. Реконструкция стен жилого помещения № 1. Фото Ж.К. Султанжанова

Рис. 2. Джанкент. Реконструкция настенной росписи: 1 – фрагмент росписи из помещения № 21; 2 – реконструкция росписи в помещении № 1. Фото Ж.К. Султанжанова

Рис. 3. Джанкент. Реконструкция ритуальной ниши. Фото Ж.К. Султанжанова

городище Джанкент, мы его находим на ближайшем памятнике огузов – городище Сортобе I и на ранних памятниках джетыясарской культуры – городище Алтын-асар [Отчет, 2018; Толстов, 1962, с. 186–195, рис. 110].

Помимо работ по реконструкции жилого помещения, было решено воссоздать облик жителей городища Джанкент. Для основы были собраны материалы по этнографии народов Средней Азии и Казахстана, которые отражают многовековые историко-культурные контакты этих народов [Традиционная одежда..., 1989; Костюм..., 1979]. Воссоздана была семейная ячейка – «отец, мать и сын», занимающаяся определенной хозяйственной деятельностью. Скульптуры сделаны из эпоксидной смолы (рис. 4).

Таким образом, первичная консервация с последующей за ней научной реконструкцией жилого помещения, с представлением воссозданной семейной ячейки позволяет местному населению более подробно представить хозяйственно-бытовую жизнь насельников городища Джанкент. Имеющийся положительный опыт по привлечению туристов и любителей истории к археологическому памятнику носит в настоящее время частный, а не системный характер. Мероприятия по интеграции городища Джанкент в индустрию туризма реализованы в значительной степени его репрезентативностью и информативностью. Необходимо продолжение системной работы по музеефикации городища Джанкент, что позволит не просто сохранить и эффективно его использовать, но и сделать брендом региона.

Рис. 4. Джанкент. Общий вид жилого помещения № 1 после реконструкции.
Фото Ж.К. Султанжанова

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии: сб. ст., посвящ. памяти С.П. Толстова. М.: Наука, 1979. С. 105–112.
- Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. 1963. № 6. С. 81–83.
- Зиливинская Э.Д., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: сб. науч. ст., посвящ. памяти В.П. Костюкова / сост. Д.В. Марыксин. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2011. С. 27–37.
- Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. О.А. Сухарева. М.: Наука, 1979. 240 с.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения Афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса). М.: Наука, 1966. 156 с.
- Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Археологические исследования на городище Сортобе, Кармакшинского района Кызылординской области в 2018 году» // Научный архив Научно-исследовательского центра «археологии и этнографии» КГУ им. Коркыт Ата. Кызылорда: КГУ им. Коркыт Ата, 2018. 93 с., 65 рис., 2 табл.
- Сыдыкова Ж.Т. Жилищно-хозяйственный комплекс городища // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост. И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: «Арыс», 2014. С. 110–116.
- Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж. Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 211–218.
- Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. М.: Наука, 1989. 255 с.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: изд-во вост. лит., 1962. 321 с.

П.Н. ПЕТРОВ

Петров Павел Николаевич,
Центральный государственный музей РК,
г. Алматы, Казахстан, ppnsainkhan@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ в РАЗВИТИИ ДЖУЧИДСКОЙ НУМИЗМАТИКИ в XXI в.

Аннотация. Целью статьи является освещение наиболее значимых достижений джучидской нумизматики, повлекших за собой формирование новой парадигмы в этой области знаний. Последнее двадцатилетие коренным образом изменило наше представление о монетном деле и монетном обращении в улусе Джучидов. Комплексный нумизматический источник крайне сложен для изучения и требует особых методов и приемов изучения не только для разных эпох, но и для разных территорий даже в пределах одного столетия. Изучение принципов поставки тамг на монеты, задач, которые при этом преследовались, роль отсутствия тамг на монетах и принадлежность тамг XIII – первой половины XIV в. позволили иначе взглянуть на их информационное значение, исправить серьезные ошибки в их интерпретации. Применение анализа штемпелей уже привело к открытиям в области организации монетного дела в государстве Джучидов, а впереди новые еще более существенные уточнения. Метрология монет также позволяет получить важнейшую информацию об особенностях товарно-денежных отношений в разных регионах ханства. Изучение монетных комплексов и кладов с археологических памятников предоставляют очень важную информацию о монетном обращении и его динамике. Изучение джучидской нумизматики в Казахстане только началось, а сенсационные открытия уже состоялись и впереди еще немало уточнений ожидает историческую науку.

Ключевые слова: Джучиды, Золотая Орда, XIII–XV вв., нумизматика, монетное обращение, тамга

Петров Павел Николаевич,
Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі,
Алматы, Қазақстан, ppnsainkhan@rambler.ru

XXI ғ. ЖОШЫЛЫҚ НУМИЗМАТИКАНЫҢ ДАМУЫНДАҒЫ КЕЙБІР ТЕНДЕНЦИЯЛАР

Аннотация. Мақаланың мақсаты – білімнің осы саласында жаңа парадигманың қалыптасуына әкелген Жошы нумизматикасының маңызды жетістіктерін көрсету. Соңғы жиырма жыл біздің ақша ісі және Жошы ұлысындағы ақша айналымы туралы түсінігімізді түбегейлі өзгертті. Кешенді нумизматикалық дереккөзді зерттеу өте қиын және әр түрлі дәуірлер үшін ғана емес, сонымен бірге бір ғасырдың ішінде де әртүрлі аумақтар үшін арнайы тәсілдер мен әдістерді қажет етеді. Монеталарға таңбалардың басылу қағидаттарын, міндеттерін зерттеу монеталарға таңбалардың түспеуі әрі таңбалардың XIII ғ. мен XIV ғ. бірінші жартысындағы монеталарға тән болуы олардың ақпараттық мағынасына басқаша қарауға, монеталарды талдау барысындағы олқылықтарды түзетуге бек мүмкіндік береді. Штемпелдерді талдауды қолдану Жошы ұлысындағы монета (ақша) ісін ұйымдастыру барысындағы жаңалықтарға әкелді, одан да маңызды жаңа нақтылаулар алда. Сондай-ақ монеталар метрологиясы (өлшем) хандықтың әртүрлі аймақтарындағы тауар-ақша қатынастарының ерекшеліктері туралы маңызды ақпараттарды алуға көмектеседі. Археологиялық ескерткіштерден табылған

монета кешендері мен көмбелерді зерттеу монета айналымы мен оның динамикасы жөнінде өте маңызды мәліметтер береді. Қазақстандағы Жошы нумизматикасын зерттеу жаңа басталды, таң қаларлық жаңалықтар ашыла бастады және тарих ғылымын әлі де көптеген нақтылаулар күтіп тұр.

Түйін сөздер: Жошылықтар, Алтын Орда, XIII–XV ғғ., нумизматика, монета айналымы, таңба

Pavel Petrov,
Central State Museum of the Republic of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan, ppnsainkhan@rambler.ru

SOME TRENDS in the DEVELOPMENT of JUCHID NUMISMATICS in the 21st c.

Abstract. The purpose of the article is to highlight the most significant achievements of the Juchid numismatics, which led to the formation of a new paradigm in this field of knowledge. The last twenty years have changed our understanding of coin production and coin circulation in the Juchid ulus radically. A complex numismatic source is extremely difficult to study and requires special methods and techniques of study not only for different epochs, but also for different territories, even within the same century. The researchers studied the principles of tamgh supply for coins, the tasks that were pursued, the role of the absence of tamghs on coins and the belonging of tamgh to the 13th – first half of the 14th centuries. These questions allowed us to take a different look at the informational meaning of the tamgh, to correct serious errors in their interpretation. The analysis of stamps has led to discoveries in the field of the organization of coin production in the state of Juchids already now. New and even more significant discoveries are waiting for us ahead. The metrology of coins allows you to get the most important information about the features of commodity-money relations in different regions of the khanate as well. Coin complexes and hoards provide very important information about money circulation and its dynamics when studying them if they are collected from the territory of medieval settlements. The systematic study of Juchid numismatics began in Kazakhstan only recently. Sensational discoveries appeared immediately. Juchid numismatics has a great potential for development in Kazakhstan.

Keywords: Juchids, Golden Horde, 13th–15th centuries, numismatics, coin circulation, tamgha

Монеты – это сложнейший источник по истории любого восточного средневекового государства, и по истории Золотой Орды в частности. Его сложность обусловлена в комплексности и объеме той информации, которая в нем заключена. А уникальность обусловлена теми историческими и историко-экономическими данными, которые способны нам сообщить только нумизматические объекты, и которые практически невозможно получить из каких-либо иных источников, а также еще и той прокламативной ролью, которая отводилась властями чеканной продукции монетных дворов на протяжении многих веков.

Для того, чтобы получить эту информацию необходимо научиться «читать» знаковые, статистические данные разных уровней (по метрологии монет, по топографии находок и кладов, по составам кладов и комплексам монет, собранным с одного археологического памятника), получаемую аналитическую информацию от поштемпельного анализа монет и так далее. То есть, речь идет не только о чтении монетных легенд, которое само по себе вовсе не так просто, как представляется людям, не сведущим в джучидской нумизматике. Сложность же понимания монетных легенд заключается в частом несоответствии написанного и читаемого исследователями на монетах текста истинной информации, заключенной в нумизматическом источнике. В большинстве случаев это касается выпускных сведений монеты (год, монетный двор). Это обуславливает необходимость критического подхода ученого к нумизматическому источнику.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером: медные пулы времени Джанибек-хана 750-х гг.х. (тип «многолепестковая розетка») чеканились с названием монетного двора *Сарай ал-Джадида* (монетный двор столичного золотоордынского города на Волге). Однако поштемпельное их изучение показало, например, что центров чеканки этих медных монет в Золотой Орде было

несколько, и чеканились они не только на самом монетном дворе Сарай ал-Джадида, но, например, в Крыму [Лебедев, Смирнов, 2005, с. 24–30]. Этот обнаруженный факт показывает, что написанное на монете название монетного двора не всегда гарантирует точность локализации чеканки этой продукции именно на указанном топонимом месте или области. Это явное стремление к типологической унификации медной монеты в государстве с целью пресечь спекулятивные наклонности местных рынков, различавших «свои» пулы от «чужих». И еще, такой факт говорит о высокой степени централизации управления и контроля за работой монетных дворов государства со стороны верховной власти, о проведении централизованной денежной политики на большей территории Золотой Орды даже в вопросах организации медного монетного производства. Кроме того, это указывает на ошибочность представлений многих историков об относительно небольшом размахе монетного производства в Золотой Орде. Такое мнение возникло на основании небольшого количества известных названий монетных дворов (около 30). Этот маленький пример критического изучения всего лишь одного типа пулов 750-х гг.х. указал исследователям не только правильный подход для решения многих вопросов, возникающих в джучидской нумизматике, но и направление, в котором необходимо двигаться, и методы исследования для извлечения истинной информации из нумизматического источника.

Все, что было мной перечислено выше, касается изучения собственно памятников нумизматики. Однако важнейшим фактором для развития наших правильных представлений об особенностях и закономерностях денежного обращения в государствах Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов является параллельное изучение письменных документальных источников, таких как вакфы, бухгалтерские книги, нотариальные документы и торговые договора. И здесь тоже требуется активно использовать критику исторического источника, иначе выводы будут недостоверны. Цель этого изучения ясна – по возможности максимально идентифицировать обращавшуюся монету в то или иное время в данном месте с упомянутыми в документах названиями монет, а также постараться понять характер обращения, его особенности, системы пересчетов денежных сумм, принципы составления таких документов в отношении записей денежных величин, и тому подобное.

Далеко не всегда ученые располагают документами для периода XIII–XV вв. и более раннего периода. По этой причине при интерпретации нумизматических данных, подвергаемых анализу исследователем, почти всегда возникает соблазн домысливания, кажущегося естественным и единственно верным, и возможным в данном случае. А в действительности большинство таких домыслов ведет к ошибочным, просто фантастическим выводам. Именно такими «выводами», сформированными в XX в., в значительной степени и наполнены представления о монетном обращении, организации монетного дела в Золотой Орде XIII–XV вв. Но процесс освобождения из плена многих иллюзий начался. Он обусловлен всплеском количества нумизматических находок на бывшей территории Золотой Орды, связанным с распространением любительского металлодетектинга. Увеличение объема нумизматического материала, активность любителей и профессионалов по фиксации достоверных фактов нумизматических находок позволили открыть новый этап в изучении джучидских монет, в том числе с помощью такого метода, как поштемпельный анализ. Активное и открытое обсуждение на международных и всероссийских конференциях и в нумизматических сборниках огромного количества фактов, не вписывающихся в схему прежних представлений джучидской нумизматики, позволили иначе взглянуть на анализ старых и новых нумизматических данных.

В результате было опубликовано и готовится к публикации большое количество интереснейших нумизматических материалов. Невозможно подробно останавливаться на всех направлениях исследований в одной статье. Поэтому акцент сделан на те из исследований, которые представляются наиболее важными и значимыми, позволяющими осветить некоторые темные места в истории Золотой Орды.

Автор этих строк посвятил более 20 лет исследованию вопросов, связанных с постановкой знаков-тамг на монеты в монгольских государствах и, в первую очередь, в XIII и начале XIV в. В результате было обнаружено, что на монетах ставились тамги не только верховных правителей (каанов и ханов), но и тех Чингизидов, которым кааном было предоставлено такое право. Смена каана вела к смене прав на постановку тамги на монетах во многих, если не во всех, регионах. По сути, так фиксируется смена владельцев, перераспределение доходов от чеканки монет между Чингизидами с приходом к власти нового каана. Отсутствие тамги на монете – это тоже соответствующий не случайный момент. Изучение тамг на монетах позволило установить, что Джучиды в XIII в. при каанах Угедее, Гуюке и Мунгка были лишены такого права, пока находились в качестве владельцев улуса в составе Великой Монгольской империи. Единственный выпуск серебряных дирхемов Крыма, нёсших на себе тамгу Берке, как это стало понятно в ходе исследования, осуществлён, по всей видимости, уже после капитуляции каана Ариг-Буги перед Хубилаем. То есть тогда, когда независимость Джучидов от Каракорума (тем более Пекина) стала фактом. Возникновение же нового ханства «Золотая Орда», а не улуса Джучидов в составе империи, состоялось с приходом к власти Менгу-Тимура в 665 г.х. и в монетном деле было ознаменовано началом чеканки дирхемов с его личной тамгой на всех(!) монетных дворах [Петров, 2010]. То есть, Менгу-Тимур присвоил себе право каана на постановку личной тамги на монетах. Кроме того, он принял титулы *каан* и *хан*, что зафиксировано также на монетах нескольких монетных дворов. Регулярно титул *каан* помещался на монетах Крыма, и иногда – Булгара (на Волге).

После курултая в Таласской долине в 668 г.х. мы наблюдаем точно такую же картину и во вновь образованном государстве Чагатаидов (состоящем из двух улусов: Чагатаидов и Угедеев). Возглавил государство Угедеев Кайду. Он также принял титул *хан*, однако, в отличие от Менгу-Тимура, его имени и титулов на монетах, битых на территории Чагатаидского ханства, не помещалось. Именно богатейшее разнообразие Чингизидских знаков-тамг на монетах Чагатаидов позволило автору разобраться в некоторых наиболее важных принципах, связанных с правом постановки тамг на монеты. Причем, на проверку оказалось, что эти принципы были едины как для периода существования Великой Монгольской империи, так и для новых государственных образований. Например, становится все более ясно, что знак-тамга на монете служил изначально сугубо утилитарным целям – удобству подсчета денег (монет) в пользу владельца тамги, собранных, видимо, в качестве налога (реализация права *сикка* или иначе – монетной регалии). То есть тамга указывает, кому именно принадлежал налог с чеканки монет.

Возвращаясь к Джучиду Менгу-Тимуру, мы можем уверенно утверждать, что все монетные дворы государства работали исключительно на него, и никакие налоговые сборы в Пекин к Хубилаю не отправлялись и ему не принадлежали! Такое положение четко отражено на монетах всего государства постановкой тамги Менгу-Тимура, это же подтверждается и письменными (летописными) источниками. Так в монетном деле Джучидов отразилось изменение статуса правителя и всего улуса, выделившегося из империи в самостоятельное теперь государство. Замечу, что постановка тамги Менгу-Тимура на монеты явилась одновременно не просто «меткой» своей территории, но одновременно и политической декларацией этого события.

Кроме того, оказалось, что тамги, ставившиеся на монеты Чингизидов, обладают всеми признаками личных знаков. В том числе и ханские тамги. Мало того, обнаружилось, что знак-тамга, даже будучи единожды использованной хозяином «престола» на монетах, закреплялась за этим «престолом» и её мог использовать любой хан-преемник (или преемники). Но новый хан имел право ставить на монету в своем государстве свою личную тамгу, а не обязательно тамгу предшественника. На это была его воля. То есть за сотню лет существования государства Чагатаидов за его престолом оказалось закреплено несколько тамг, как Кайдучичей, так и Чагатаидов. Этим можно объяснить особенность, наблюдаемую в нумизматике этого ханства XIV в., когда выделений

мелких улусов в улусе уже не практиковалось, и владельческим хозяйствующим Чингизидам уже не давалось право чеканки монеты со своим знаком тамги. Например, чеканка монет с именем хана Данишменд-шаха сразу с несколькими тамгами его предшественников (и Чагатаидов, и Угедеидов). В нумизматике Золотой Орды также есть монеты одного типа, битые в Сарая в XIII в. с двумя тамгами – с одной стороны тамга хана Менгу-Тимура (ошибочно называемая тамгой «дома Бату»), с другой стороны, тамга как минимум владельца улуса Бату. Тамга, относимая мной к тамге Бату (без перекладки у ножки), встречена на надчеканке на термезской монете 6(1/2)8 г. вместе с тамгой самого Угедея. Важно, что для современников каждого хана его тамга или иная тамга сообщала имя владельца-эмитента. Мы не можем судить, владельцем какой собственности или доли чего являлись хозяева тамг на монетах (в случае нескольких тамг на монетах в конце XIII – начале XIV в.). Возможно, они владели своими улусами, располагавшимися на данной территории, но сейчас однозначно устанавливается, что речь идет о налогах с чеканки монет в обеспечении прав эмитента/эмитентов. Возможно, постанковка нескольких тамг (в XIII в.) облегчала подсчет доли каждого владельца тамги (эмитента). Нумизматический источник такой информации не сообщает. Но любое участие во владении, отмеченное тамгами на монетах, подразумевает определенные перераспределения денежных средств между владельцами тамг. Иначе нет смысла в постанковке нескольких тамг на монеты как одновременно, так и поочередно ежегодно в течение нескольких лет, что часто наблюдается в Чингизидской нумизматике.

В этой статье невозможно рассказать, а тем более доказать все высказываемые положения. Подробно эти и многие другие наблюдения и выводы будут освещены в готовящейся книге. Но хочется отметить, что огромные возможности открывает для исследователей изучение тамг на монетах Крыма, Исаки и других центров чеканки ногаевского улуса для освещения взаимоотношений Ногай и хана Токты. Ногай получил право ставить свою тамгу на монеты в своем улусе, скорее всего, именно от хана Токты. До этого времени такого права, видимо, он не имел. Возможно, это право позволяло ему разрешать постанковку тамг своим родственникам (сыновьям и их внукам) в своем улусе уже по своему усмотрению. Так или иначе, а это был последний опыт в практике Джучидов, когда в Улусе был выделен улус, и хозяину улуса Чингизиду было предоставлено право размещать свою тамгу на монетах. До правления хана Токты выделение улусов с правом постанковки личных тамг наблюдается в период правления его предшественника хана Тула-Буги (его братья владели – один Крымом, другой – Булгаром).

Победа хана Токты над Ногаем и его сыновьями привела к исчезновению каких-либо тамг на монетах Золотой Орды, кроме тамги хана. И не удивительно, что наиболее харизматичной (почитаемой) тамгой оказался знак Менгу-Тимура, использовавшийся в Золотой Орде с 665 по 741 г.х. Во второй половине XIV в. и позднее эта тамга на монетах не встречается. Использование этой тамги Джучидскими ханами бесценно столь длительное время ввело в заблуждение такого нумизмата А.К. Маркова. Он решил, что раз эта тамга так часто использовалась, то это не личная тамга, тамга всего *дома Бату*. На самом же деле ни один из Чингизидских домов никогда никакой «своей» тамги не имел! И пример тому находится даже в том же XIV в., в конце 760-х гг.х., когда на монетах Джучидов начинают появляться совершенно иного вида тамги, причем, чем ближе к XV в., тем больше и активнее. Но исследование знаков-тамг второй половины XIV – первой половины XV в. еще только предстоит провести.

При изучении этих вопросов огромную помощь оказали достаточно подробные каталоги по монетам Булгара [Сингатуллина, 2003], по монетам Крыма [Лебедев, 2000; Хромов, 2007], статья по монетам Сарая и Укека XIII – начала XIV в. [Евстратов, Гумаюнов, 2005]. Корпус чагатаидских монет был составлен как приложение к диссертации П.Н. Петрова и в настоящее время готовится к публикации с изменениями, уточнениями и существенными дополнениями. Мной также подробно

рассматривались монеты Великой Монгольской империи (от Каракорума до Тифлиса) на предмет выявления закономерностей в вопросе помещения тамг на монетах.

Благодаря изучению метрологии джучидских серебряных монет, стала вырисовываться структура хозяйственных единиц Золотой Орды для рубежа XIII–XIV вв. По результатам этого укрупнённого анализа региональных выпусков стало ясно, что в Золотой Орде не существовало единых метрологических параметров для чеканки серебряных монет, которые обязаны были бы соблюдать во всех регионах одновременно* (*Речь не идет о требованиях к монетным легендам и иным изображениям. Эти надписи и изображения однозначно согласовывались с ханской администрацией в ставке или на местах). Но, видимо, существовал спектр разрешенных весовых норм чеканки. Региональным властям предоставлялось право чеканить дирхемы (XIII в.) и данги (XIV в.) таких весовых норм из спектра разрешенных значений, которые в данный момент были необходимы в этом регионе. И пока не совсем понятно, как все эти разновесные монеты разных регионов обращались на рынке одновременно (суть монетной системы пока остается нераскрытой – вероятно, существенную помощь при реконструкции монетной системы Золотой Орды (если такая вообще существовала в какой-нибудь промежуток времени как единая система) должен оказать анализ не весовых норм синхронной чеканки в разных городах, а сравнительный анализ количества серебра в этих монетах. Но для этого надо проводить очень масштабные исследования пробы монет). Но сам факт существования права чеканить региональную монету особых метрологических параметров, проводить местные (региональные) реформы, не связанные с реформой в центральном вилайате, подразумевает существенную долю самостоятельности региональных властей в вопросах ведения хозяйственной деятельности. Так, обнаружив, что весовые стандарты одновременной чеканки серебряных монет Крыма, Хорезма и Булгара отличаются не только от Сарайских (*Сарай ал-Махруса*) пореформенных выпусков Токты 710 г.х., но и между собой, было поставлено под сомнение утверждение Г.А. Федорова-Давыдова об общегосударственном характере реформы Токты 710 г.х. И в самом деле, реформирование 710 г.х. коснулось только монетного дела центрального вилайата домена Токты-хана (то есть, Среднего и Нижнего Поволжья, в первую очередь). Целью реформы являлось обеспечение центрального региона (транзитным для международной торговли) качественной серебряной монетой ввиду успешного развития торгового потенциала крупнейших торговых центров Золотой Орды – Хорезма, где региональная реформа прошла в 706 г.х. [Петров, 2003, с. 117] и Крыма, где аналогичная реформа была проведена в 707 г.х. [Петров и др., 2005, с. 147]. Введением новой монеты 710 г.х. (двух достоинств) решалось две задачи. Во-первых, выводилась из обращения разнокалиберная и разнопробная монета прежних выпусков центральных монетных дворов (в том числе и низкопробная укекская монета последних лет чеканки [Евстратов, Гумаюнов, 2005, с. 103–111]). Эта монетная продукция, битая до 710 г.х., одновременно обращалась на рынках центрального региона Золотой Орды. Во-вторых, заменялась эта пёстрая монетная масса на массу монет постоянной пробы и весовых стандартов. И все эти задачи были направлены на упорядочение монетного обращения именно в центральном вилайате! *Ни в одном другом регионе государства эта монета не вытеснила чеканное серебро прежних годов выпуска, а лишь включилась в обращение в небольших объемах, в качестве законных государственных денег.* То есть ясно, что монетная реформа не может быть названа общегосударственной, поскольку она затронула работу не всех монетных дворов государства, а лишь одного нового монетного производства: *Сарай ал-Махруса – (Дворец Богохранимый)*. Можно полагать, что это был центр монетного производства при ставке хана Токты, а не эмиссионный центр города *Сарай*. При этом монетный двор Укека с началом чеканки новых монет был закрыт.

Проведенный А.Л. Пономаревым поштемпельный анализ монет Токты-хана 710 г.х. показал, что существуют связанные между собой группы штемпельных пар. Кроме того, автором были установлены хронологические рамки чеканки этих монет, которые укладываются в период с 710

по 712 г.х. Попытка разложить штемпеля в схему привела автора к необычному предположению о том, что монетный двор *Сарай ал-Махруса* сезонно перемещался [Пономарев, 2011, с. 34–37]. На сколько это реально в данном случае – неясно, поскольку подобные предположения превышают возможности информационного поля нумизматического источника. В то же время в чингизидской нумизматике хорошо известно о существовании монетных дворов, перемещающихся вместе со ставкой или ордой (например, у Ильханов в XIII в.). Важно еще и другое, благодаря этому исследованию появилась возможность оценки объема серебряной эмиссии дангов 710 г.х., поскольку большинство штемпелей автор учел, а количество монет, чеканенных одной парой бронзовых штемпелей можно примерно оценить. Представляется, что кропотливое продолжение этой работы позволит существенно уточнить и обосновать её результаты.

Одна из сложнейших и перспективных задач современной нумизматики, как мне представляется, является изучение монетных комплексов (всех монетных находок и единичных, и кладовых) с конкретного археологического памятника. Причем, для конкретных целей не важно обнаружены ли эти монеты в ходе раскопок в слоях, или представляют собой так называемый подъемный материал. Достаточно интересной и важной представляется попытка реконструкции Е.Ю. Гончаровым истории золотоордынского города Сарайчука, лежавшего на пути из Сарая в Хорезм, по монетному комплексу единичных находок с одноименного городища. Автор наглядно проследил по нумизматическому материалу периоды взлета и падения экономического состояния города, уход его из сферы экономического влияния Сарая и переход в сферу влияния Хорезма в XIV в. [Гончаров, 2005, с. 9–12]. Проверка выводов автора будет возможна при комплексном изучении как можно большего количества монет с городища Сарайчук.

Таблицы правлений ханов Золотой Орды были сформированы по монетным данным еще в XIX в. благодаря трудам Х.М. Френа, В.В. Григорьева и П.С. Савельева [Френ, 1832; Григорьев, 1850; Савельев, 1858]. И, тем не менее, в этих таблицах не все временные лакуны заполнены по настоящее время. Так, в 1980 г. В.Н. Настичем на дирхеме 769 г.х. с названием монетного двора Сарай ал-Джадида было прочтено новое имя – *Улджай-Тимур хан*. В XIX в. монеты эти были известны, однако, надпись с именем была частично обрезана, из-за чего имя было прочтено как «Хваджа-Тимур». В настоящее время В.Н. Настичем установлено, что этот хан чеканил в Сарае ал-Джадида медные пулы в 768 г.х., и дирхемы в 769 г.х. А в 77-х г.х. его имя помещено на дирхемы г. Сарайчука (совр. Атырауская обл., РК). То есть, следом за Азиз-Шейхом в 769 г.х., а, возможно, и в 770 г.х. Сараем владел Улджай-Тимур, которого в 771 г.х. сменил Мухаммад-Булак хан [Настич, 2009, с. 168–186].

Немало неизвестного ранее преподносит и изучение монет Золотой Орды XV в. Так, Р.Ю. Рева и Н.М. Шарафеев обнаружили правление хана Сайид-Ахмада I в 819 г.х. по монетам, битым этим эмитентом на монетных дворах Хаджи-Тархана и Орду Муаззам [Рева, Шарафеев, 2005, с. 57–59]. Несколько позднее были обнаружены и серебряные данги монетного двора Сарай. Но кроме этого, системное изучение монетной продукции XV в. позволило установить, что перед Сайид-Ахмадом правил Джабар-Берди с 817 по 819 г.х. Следом за ним в 819 г.х. правил Гийас ад-Дин. Но был ли этот Гийас ад-Дин сын Шадибек-хана (отец хана Мустафы) или сын *Баштимура* (sic!) (отец Хаджи Гирея) пока не ясно. В 819 г.х. также стал ханом Сайид-Ахмад I, а за ним правил Дервиш [Рева и др., 2009, с. 78–80].

В последние годы начинается изучение джучидских монет, находимых в Средней Азии. Ранее этот регион, кроме области Хорезм, не подвергался столь пристальному вниманию нумизматов. Казахская джучидская нумизматика только начинает получать свое развитие. Были опубликованы археологические находки золотоордынских монет на Мангышлаке [Астафьев, Петров, 2017].

Пока в отрыве от интересов российских нумизматов остается западноевропейский регион (территория современных стран Молдавии, Болгарии и Румынии), находившийся некоторое время под властью Золотой Орды. Причина проста – все нумизматические объекты находятся за пределами территории России. При этом подробных каталогов монет западные исследователи, к сожалению, не издадут, ограничиваясь публикациями некоторых экземпляров и своих исторических интерпретаций.

Мной отмечена лишь малая часть тех новых разработок, которые были начаты и продолжаются исследователями России в нумизматике Золотой Орды. Здесь не затрагивались интереснейшие вопросы нумизматики пограничных регионов Золотой Орды со своими соседями. Это еще один огромный пласт важнейшей исторической информации, который также только начал находить своих исследователей.

В этой связи очень перспективным представляется одно из направлений, связанное с изучением хронологического распределения джучидских монет по территории Казахстана. При все возрастающем количестве находок золотоордынского чеканного серебра в захоронениях XIV в. [Петров, Смагулов, 2018; Бисембаев и др., 2019] полностью отсутствует информация о находках монет на территории соседствующих одновременных поселений. Это существенно ограничивает возможность оценки активности товарно-денежных отношений, а также проверки возникающих исторических концепций и выстраивание более корректной парадигмы.

С точки зрения развития джучидской нумизматики в Казахстане наименее затронутыми исследованиями являются восточные и юго-восточные области страны, а также левобережье Сырдарьи. Об этом говорит, например, изучение продукции джучидского монетного двора Сыгнак, начавшееся с открытия новых двух эмитентов, один из которых – *хан Кунче*, ставленник амира Тимура на престол в Сыгнаке [Рева, Брагин, 2016а; 2016б; 2016в; 2016г]. Можно предполагать, что помощь Токтамышу со стороны амира Тимура не была бескорыстной и территории как минимум до Сыгнака включительно в случае победы Джучида отходили Тимуру. Никаких письменных свидетельств этому нет, кроме монет амира Тимура в Сыгнаке и монет подставных джучидских ханов. Этот вопрос еще предстоит подробно исследовать. В этом районе еще очень много находок совершенно новых типов монет как из меди, серебра, так и золота XIII–XIV вв., которые подлежат выявлению, кропотливому и неспешному изучению и введению в научный оборот. К сожалению, археологи, исследующие этот район Кызылординской области, не привлекают к анализу монетных находок профессиональных нумизматов, вероятно, полагая, что это не существенный (возможно, второстепенный) исторический источник. Хотелось бы изменений в отношении к нумизматическим артефактам в Кызылординской области.

Наиболее существенные открытия в нумизматике ожидаются в вопросах организации монетного дела в государстве в разные периоды Золотой Орды, при детальном изучении монет и денежного обращения на территориях Казахстана, Северного Кавказа, а также углубленного изучения нумизматики XV в.

В заключении хочется отметить, что парадигма в области монетного дела и денежного обращения в улусе Джучидов (XIII–XV вв.), сформировавшаяся и господствовавшая в XX в., в своей основе не выдержала испытания. Проведенные за последние 20 лет исследования активно формируют новую парадигму благодаря дополнительно открывающимся фактам в вопросах организации монетного дела, денежного обращения и накопления необходимого для масштабного анализа массива нумизматического материала. То есть количество накопленной информации перерастает в качественно более достоверные выводы и заключения. Огромное количество нумизматического материала, оказавшееся доступным исследователям и ученым благодаря появлению металлодетекторов, позволило существенно продвинуться вперед в вопросах изучения нумизматического источника. К сожалению, этот положительный эффект явился не плановым,

а вынужденным, в виду колоссальной активности поисковиков-любителей. В результате их деятельности было потеряно невероятно большое количество фактической информации. Представляется, что отслеживание грабительских нумизматических находок исследователями является правильным, продуктивным, вынужденным и продиктовано временем, в противном случае нумизматика до сих пор бы прозябала в плену большого количества ложных выводов и фантастических предположений XIX–XX вв. А будущие поколения никогда бы не смогли узнать истинную правду о товарно-денежных отношениях на территории Казахстана в средневековье. Представляется, что остановить разграбление памятников, а также их безвозвратное уничтожение благодаря хозяйственной деятельности населения можно, если при Институте археологии им. А.Х. Маргулана организовать несколько групп металлопоиска для оперативного реагирования с целью проверки таких территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е., Петров П.Н. Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование) // Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика. 2017. № 6. С. 101–115.

Бисембаев А.А., Петров П.Н., Ахатов Г.А. Захоронение воина с кошельком джучидских дангов XIV в. из могильника Жайлаусай (Сарытау II) // Stratum plus. 2019. № 6. С. 155–166.

Гончаров Е.Ю. Монетное обращение города Сарайчук в средние века // Труды международных нумизматических конференций (МНК) «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003. ИВ РАН, Москва) / гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая Литература, 2005. С. 9–12.

Григорьев В.В. Описание клада из ордынских монет, найденного близ развалин Сарая. // Записки императорского Археологического Общества. СПб.: тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1850. Т. 2. 63 с.

Евстратов И.В., Гумаюнов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – нач. XIV века // Труды Международных нумизматических конференций (МНК) «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.», (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003. ИВ РАН, Москва) / гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 103–129.

Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – конец XV в.) // Нумизматика и Фалеристика». 2000. № 1 (13). С. 19–23.

Лебедев В.П., Смирнов В.В. Новосарайские пулы с цветочной розеткой из Крыма и Азова // Труды Международных нумизматических конференций (МНК) «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.», (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003. ИВ РАН, Москва) / гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 24–30.

Настич В.Н. Улджайтимур-хан: время и деньги (нумизматический обзор) // Эпиграфика Востока. 2009. Вып. XXVIII. С. 168–186.

Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII – XIV веков. Нижний Новгород: Информэлектро, 2003. 180 с.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121–149.

Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времени Узбек хана // Труды Международных нумизматических конференций (МНК) «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.», (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003. ИВ РАН, Москва) / гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 142–147.

Петров П.Н., Смагулов Т.Н. Нумизматические находки XIV века из некрополя у озера Аулиеколь // Stratum plus. 2018. № 6. С. 167–184.

Пономарев А.Л. Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // Нумизматика Золотой Орды. 2011. №1. С. 28–49.

Рева Р.Ю., Брагин А.О. Несколько замечаний к чеканке монет в Сыгнаке в конце XIV в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2016 года. (Москва, 22–23 ноября 2016 г.). / отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2016а. С. 58-64.

Рева Р.Ю., Брагин А.О. Нумизматические свидетельства правления Кунче-хана // Нумизматика Золотой Орды. 2016б. № 6. С. 87-94.

Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Ч. 1. События 773–781 годов хиджры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016в. Т. 15. Археология и этнография. № 7. С. 140-148.

Рева Р.Ю., Брагин А.О. Присырдарьинский клад конца XIV века (ч. 1) // Stratum plus. 2016г. № 6. С. 279-293.

Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Неизвестный Сайид Ахмад // Тезисы XIII Всероссийской нумизматической конференции (Москва, 11-15 апреля 2005 г.). М.: «Альфа-Принт», 2005. С. 57-59.

Савельев П.С. Монеты Джучидские, Джагатаидские, Джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Российского археологического общества. 1858. Т. XII, вып. II. С. 181-340.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832. 113 с.

Хромов К.К. Монеты западной части улуса Джучи. Ч. I. Йармаки Крыма. Раздел 1. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине: сб. публ. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII–XV вв. Ч. II. Киев: «Купола», 2007. С. 5-31.

**Б.А. БАЙТАНАЕВ,
М.А. АНТОНОВ,
А.А. ЕРГЕШБАЕВ,
А.Х. ШАЯХМЕТОВ**

Байтанаев Бауыржан Абишевич,
baytanaev@mail.ru;
Антонов Михаил Александрович,
archaeology@live.ru,
Ергешбаев Азамат Адилевич,
aza.kz.85@mail.ru,
Шаяхметов Анатолий Хайрутдинович,
toliktommy@gmail.com
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

КАРАУЛТОБЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье представлены данные по составлению карт на основе ранее произведенных археологических разведок с последующим привлечением современных ГИС-технологий. Для этих целей была собрана база данных, имеющая различную археологическую информацию о памятниках, типологически относящихся к Караултобе, и поселенческих памятниках раннесредневекового периода Испиджабского историко-культурного района. Во время работ была создана цифровая карта, применяемая для отображения данных по видимости с цепочек памятников и их работы в комплексе с поселениями региона. Карты созданы не только для публикации данных в различных форматах и для навигации, но и для работ, включающих отображение анализов исследования в виде базы данных. Это позволит в дальнейшем дополнять и корректировать все собранные сведения. Сама работа по созданию карты в рамках проекта нацелена на составление серии карт: основная карта, где отображены все объекты, а также отдельные подробные карты выделенных регионов и карты с результатами анализов ландшафта местности. В данной публикации авторами используются не все карты, а отдельные, уменьшенные в размерах варианты с упрощенными аннотациями.

Ключевые слова: Караултобе, сторожевые башни, картография, ГИС, топография, археология, разведки, ландшафт

Байтанаев Бауыржан Әбішұлы,
baytanaev@mail.ru;
Антонов Михаил Александрович,
archaeology@live.ru;
Ергешбаев Азамат Әділұлы,
aza.kz.85@mail.ru;
Шаяхметов Анатолий Хайрутдинович,
toliktommy@gmail.com
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология Институты,
Алматы қ., Қазақстан

ҚАРАУЫЛТОБЕ ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕР КОНТЕКСТІНДЕ

Аннотация. Мақалада заманауи ГАЗ-технологияларды пайдалана отырып, бұрын жүргізілген археологиялық барлау негізінде карталар жасау бойынша деректер ұсынылған. Осы мақсатта типологиялық

тұрғыдан Қарауылтөбеге жататын ескерткіштер және Испиджаб тарихи-мәдени ауданының ерте ортағасырлық кезеңдегі тұрақ ескерткіштері туралы әртүрлі археологиялық ақпараты бар деректер базасы жиналды. Жұмыс барысында ескерткіштер тізбегінен көріну деректерін және олардың аумақтағы елді мекендерімен бірігіп жұмыс жасауын көрсетуге арналған сандық карта жасалды. Карталар деректерді әртүрлі форматта жариялау және навигация үшін ғана емес, сонымен қатар зерттеу талдауларын дереккөз түрінде көрсетуді қамтитын жұмыстар үшін де жасалады. Бұл барлық жиналған ақпаратты келешекте одан әрі толықтыруға және түзетуге мүмкіндік береді. Жоба шеңберінде карта жасау бойынша жұмыстардың өзі карталар сериясын жасауға бағытталған: барлық объектілер көрсетілген негізгі карта, сонымен қатар бөлінген өңірлердің жеке егжей-тегжейлі карталары және жергілікті жердің ландшафтын талдау нәтижелері бар карталар. Бұл жарияланымда авторлар барлық карталарды емес, тек жеңілдетілген аннотациялары бар жеке кішірейтілген түрлерін ғана пайдаланады.

Түйін сөздер: Қарауылтөбе, күзет мұнаралары, картография, ГАЗ, топография, археология, барлау, ландшафт

Bauryzhan Baitanayev,
baytanaev@mail.ru;

Michael Antonov,
archaeology@live.ru;

Azamat Yergeshbayev,
aza.kz.85@mail.ru;

Anatoliy Shayakhmetov,
toliktommy@gmail.com;

A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan

KARAULTOBE in the CONTEXT of GEOINFORMATION SYSTEMS

Abstract. The article presents data on mapping based on earlier archaeological surveys, followed by the use of modern GIS technologies. For this purpose, a database was compiled with various archaeological information on monuments typologically related to Karaultope and settlement monuments of the early-medieval period of Ispijab historical and cultural district. During the works, a digital map was created, applicable for displaying data on visibility from chains of monuments and their work together with settlements of the region. Maps are created not only for publishing data in various formats and for navigation, but also for works that include displaying study analyses as a database. This allows further supplement and adjust all the information collected. The work on creating a map within the framework of the project is aimed at drawing up a series of maps: the main map, where all objects are displayed, as well as separate detailed maps of the selected regions and maps with the results of analysis of the landscape. In this publication, authors use not all maps, but separate reduced in size variants, with simplified annotations.

Keywords: Karaultope, sentry towers, cartography, GIS, topography, archaeology, exploration, landscape

Составление археологической карты – важный и неотъемлемый этап исследования изучаемой территории. Обычно картографирование территорий и ландшафтов происходит после масштабных разведок, во время составления сводов и описей. Проведенные в XX в. картографические исследования памятников археологии в наше время используются в работе археологических экспедиций и при проведении отдельных работ. Способ составления карт ранее подразумевал упрощённое отображение памятников на месте относительно современных городов и крупных рек. Анализ памятников узкого круга проводился без привлечения данных картографии. Отсутствие ГИС-технологий в прошлом не давало возможности определить обзор и видимость памятников относительно друг друга. В середине и в конце XX в. результатом работ в Южном Казахстане (нынешняя Туркестанская обл.) стали Археологическая карта Казахстана [АКК, 1960] и Свод памятников Южно-Казахстанской области [Свод, 1994]. После давних картографических исследований, которые слабо затронули Караултобе в Туркестанской области, была составлена современная «Карта памятников Караултобе Испиджабского округа» в рамках проекта «Сторожевые башни Испиджаба» с привлечением технологий ГИС на основе разведочных работ 2018–2019 гг. [Baitanayev et al., 2019].

Ранее при изучении исторической топографии исследователи Туркестанской области обращали внимание на сооружения, носившие в народе название «Караултобе». Термин «Караултобе» сложносоставной («караул» - слово тюркское по происхождению и переводится как «стража»; «тобе» – используется в казахском языке и означает «холм» или «вершина»). Отсюда и название «Караултобе» - сторожевой холм.

Изучение Караултобе показало, что сторожевые «башни» как явление характерно для Испиджабского историко-культурного округа. Очень важно, что окружающие Испиджа города и поселения начали функционировать и развиваться в период распространения оттар-каратауской культуры. Городища и поселения Мартобе, Улуттобе и Каратобе находятся в непосредственной близости к самому Сайраму и возникают в конце I тыс. до н.э. [Байтанаев, 2007, с. 70].

В начале работ по анализу данных возник вопрос о характере ландшафта, на основании которого будет построена карта. На современных территориях часто можно встретить выделяющееся антропогенное воздействие, в том числе историческое. Тип ландшафта, подходящий под изучаемую нами тему, – оборонный. Оборонный ландшафт в историческое время подходил под все виды крепостных сооружений, имевших рельеф. Например, валы и рвы, а в нашем случае специально построенные сооружения в виде сторожевых «башен». Это основательно построенные высокие холмы, доминирующие над ландшафтом. Во время составления карты объектов использовались местные топонимы: гидронимы (названия рек) и ойконимы (названия городов).

Также ранее была проведена типологическая классификация. На основании этой классификации выявлены два типа Караултобе – базовые и дозорные. Базовые Караултобе отличаются внушительными размерами. Эти сооружения имеют четкую трапециевидную форму. Диаметр их достигает 130 м, высота колеблется от 8 до 18 м. Все эти характеристики дают холму отличную видимость на горизонте. Дозорные Караултобе имеют небольшие размеры. Диаметр основания составляет не более 50 м, высота не превышает 5 м. Этих параметров было достаточно, чтобы они функционировали вокруг определённых центров. Объясняется это тем, что для дозорных пунктов выбирались естественные возвышенности [Байтанаев и др., 2019, с. 21–29].

Перед началом составления карты были проведены подготовительные работы по составлению и комплектации базы данных со всеми выявленными Караултобе за 2018–2019 гг. Всего в базу данных было внесено 65 сторожевых «башен» - Караултобе и 27 поселений и городищ эпохи средневековья. Из этих Караултобе анализу подверглись 26 базовых объектов. В базу данных также была включена информация о выявленных поселениях, расположенных в обозримой близости объектов типа Караултобе. Каждому Караултобе и урбанизированному объекту присвоен номер в списке базы данных (рис. 1).

В процессе работ созданы карты на основе анализа ландшафта с помощью ArcGIS. В результате получена информация, подтверждающая некоторые данные археологической разведки. Похожие работы с анализом видимости подобных объектов ранее публиковались, среди них стоит отметить работу о применении ГИС в изучении аланских укреплений [Коробов, 2005, с. 65–72]. Также схожая работа о результатах анализа Кисловодской котловины, где автор более подробно описывает метод использования ГИС для анализа видимости [Коробов, 2005].

Для анализа, подготовленного в рамках проекта изучения памятников типа Караултобе, использовались возможности ArcGIS, в частности, с помощью инструмента «Видимость» (View shed). Координаты каждой «башни» и карта высот использовались для анализа отдельно. Сами точки – это набор данных, полученных с помощью GPS при археологической разведке, а карта высот – это данные SRTM (Shuttle Radar Topography Mission, то есть Радиолокационной топографической миссии шаттла), доступные на сайте Геологической службы США [U.S. Geological Survey].

Данные о положении Караултобе, полученные с помощью GPS, во избежание погрешностей были скорректированы по спутниковым снимкам, а вот отметка высот из имеющихся координат

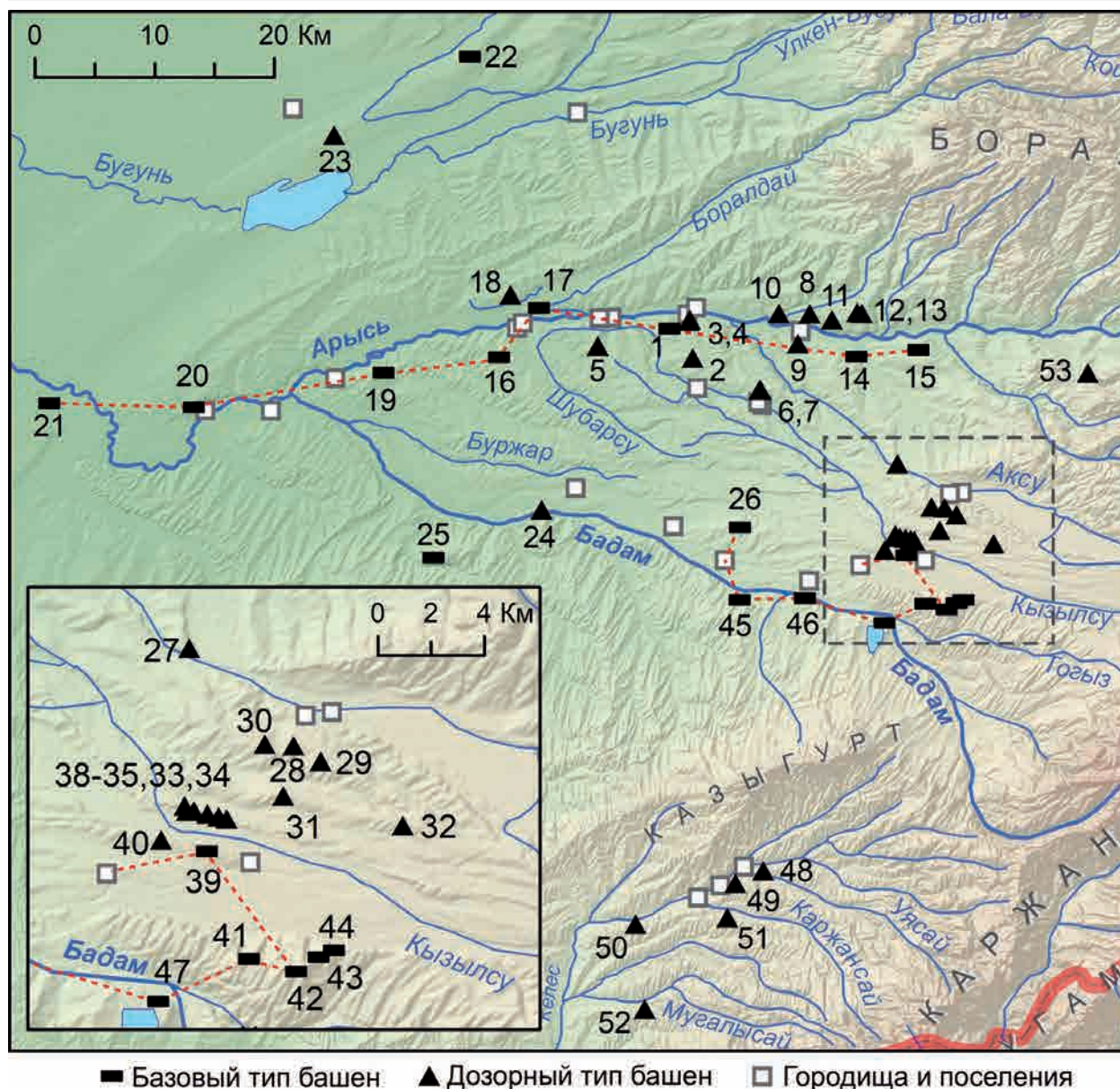

Рис. 1. Археологическая карта памятников типа Караултобе Испиджабского округа.
Исполнитель М.А. Антонов

вообще не использовалась. Это связано с тем, что данные о высотах SRTM, хоть и точные, но могут пойти вразрез с GPS данными из-за незначительных погрешностей в обоих источниках и 30-метровой сетки SRTM. В то же время на результаты анализа могут повлиять неточности SRTM в зонах повышенной растительности, а также металлические и бетонные конструкции, здания различной конфигурации в зонах застройки [The Shuttle...]. В рамках анализа современная высота сооружений не учитывалась. Отсутствие данных о первоначальных размерах сооружений не позволяет верно проводить анализ зрительной связи самих Караултобе и поселенческих структур (за исключением отдельных пробных анализов, которые также рассматриваются в данной статье).

Результаты проведенного анализа показали видимость не с самих Караултобе, а поверхности мест рядом с ними. Этого оказалось достаточно для достоверного анализа видимости объектов.

Сама высота конструкций Караултобе не может быть отмечена без подробных полевых археологических изысканий каждого объекта, которые в какой-то мере дали бы достоверные данные касательно их высоты. В данном случае результаты анализа являются наиболее важными по причине того, что можно попытаться реконструировать саму стратегию или план выбора мест для постройки «башен» вокруг тех или иных городищ и поселений, создания комплекса сооружения типа Караултобе в определенном округе.

В настоящий момент получено множество данных, подтверждающих различные предположения или же открывающих новые детали выбора мест для постройки, выявленных ранее объектов. В процессе анализа стало понятно назначение тех или иных объектов, которые как предполагалось ранее, не входили в ту или иную цепочку. Это подразумевает не только их стратегическое назначение, но и их хронологическую связь. Полученные результаты анализа позволили предположить о возможном положении не выявленных сторожевых холмов в том случае, когда между двумя соседними Караултобе отсутствует взаимная видимость.

Для проведения анализа ландшафта выбраны базовые объекты. Данные объекты условно разбиты на две цепочки: южная и северная. Северная цепочка охватывает практически все базовые Караултобе вдоль среднего течения р. Арысь. Южная цепочка охватила базовые объекты вдоль р. Бадам, которые сконцентрированы вокруг крупных городищ, таких как городище Шымкент и Сайрам.

Результаты анализа, рассматриваемые в данной статье, отражены в мини-картах в виде сжатого материала, где на каждой указан определенный Караултобе и видимость его с разных позиций (видимость на картах показана красным цветом). Сам объект выделен кругом. Площадка, где был возведен Караултобе Машат (№ 15), согласно результатам анализа, была видна с соседних базовых объектов, между которыми прочерчена пунктирная линия. Это объекты Караултобе Карабулак (№ 14) и Аккойлы (№ 1). Эти сторожевые «башни» расположены практически на одинаковой высоте, что по идее должно было создать видимость между ними. Однако имеются вопросы, касающиеся расстояния между ними и видимости при разных погодных условиях (табл. 1). И здесь результаты анализа показывают, что объект № 15, так же, как и объект № 14, был виден с дозорных «башен» (рис. 2, 1–2). Результаты, полученные при проведении анализа, подтверждают выводы, сделанные во время археологической разведки. Дозорные Караултобе, находясь либо в стороне, либо по линии цепочки, служили в качестве промежуточного сигнального пункта.

Базовый Караултобе Аккойлы (№ 1) слабо, но просматривался с соседнего объекта № 17 – Караултобе Чубаровка-2. При визуальном осмотре во время археологической разведки с пяти объектов дозорных Караултобе просматривалась высотная отметка № 1, что подтвердилось проведенным анализом (рис. 2, 3). Здесь следует отметить, что анализ показывает потенциальное место для расположения базового либо дозорного сигнального пункта между объектами № 1 и 17 по левому берегу р. Арысь. Анализ ландшафта с помощью ArcGIS указывает на стратегически выгодную местность для возведения сторожевой «башни».

В следующем случае ситуация меняется и оказывается, что потенциальное место для Караултобе, который видел бы объект № 1, уже не видит объект № 17 (рис. 2, 4). Также был проведен дополнительный анализ ландшафта местности, при этом проверена видимость с ближайших расположенных городищ и поселений. Раннесредневековые памятники Культобе и Костобе-1 расположены на левобережье р. Арысь. От Культобе и Костобе-1 в 5 км к востоку расположен вышеупомянутый Караултобе Аккойлы-1. Этот Караултобе базовый по назначению и имеет большие размеры, преобладает на местности. Караултобе Аккойлы-1 расположен на увале, что позволяет контролировать перемещения по долине к северу на десятки километров.

Таблица 1 – Таблица расположения Караултобе

Северная цепочка				
№	Название памятника	Расстояние до следующего памятника (м) (без учета видимости при разных погодных явлениях)	Виден со следующего памятника (рассматривается не высота сооружения, а поверхности)	Выше предыдущего памятника
15	Караултобе Машат	6250	да	-
14	Караултобе Карабулак	18943	нет	Нет
1	Караултобе Аккойлы-1	13230	да	Нет
17	Караултобе Чубаровка-2	7219	да	Нет
16	Караултобе Чубаровка-1	10989	да	Да
19	Караултобе Колтоган	19406	да	Да
20	Караултобе Акдала	14361	нет	Нет
21	Караултобе Дармино	-	-	Нет
Южная цепочка				
39	Караултобе Сайрам-1	8317	да	-
42	Караултобе Каратас-2	2554	да	Да
41	Караултобе Каратас-1	4437	нет	Нет
47	Караултобе Бадам-3	8585	да	Нет
46	Караултобе Бадам-2	6511	да	Нет
45	Караултобе Бадам-1	9719	да	Нет
26	Караултобе Шымкент		-	Нет

Базовые объекты Караултобе Чубаровка-1 (№ 16) и Колтоган (№ 19) (рис. 4), находясь на довольно ровной и высокой местности, являлись стратегическим местом, где можно было расположить подобный объект, так как с этой точки появляется довольно-таки неплохой обзор прилегающей территории. Судя по анализу, объект № 16 просматривался почти со всех позиций, где располагались соседние Караултобе (рис. 2, 5, 6). Это подтверждается и визуально, то есть эти два объекта доминируют над местностью, и они выше, чем соседние базовые объекты (табл. 1).

Следуя полученным данным, становится понятно, что у городища Чубаровское, имевшего укрепленную структуру, а также у поселения Чубаровское на левобережье р. Арысь, в месте впадения в нее небольшой р. Шубарсу, в оазисе имелась прямая связь с базовыми Караултобе. В 4 км к югу от городища Чубаровского и в 5 км к югу от поселения Чубаровского находится вышеупомянутый базовый Караултобе Чубаровка-1. В средневековье с Караултобе Чубаровка-1 просматривались на несколько километров значительные территории вокруг него, прежде всего, контролировались подходы к городищу и поселению в долине. Также с Караултобе Чубаровка-1 очень хорошо видно Караултобе Колтоган, которое находится в 11 км к западу.

Следующие объекты в северной цепочке – это Караултобе Акдала (№ 20) и Дармино (№ 21). Согласно анализу ландшафта, объект № 21 не имеет обзора в сторону предыдущего объекта, также с объекта № 20 нет видимости относительно объекта № 21. Исходя из этого, для получения дополнительных данных был проведен пробный анализ (результаты которого можно считать

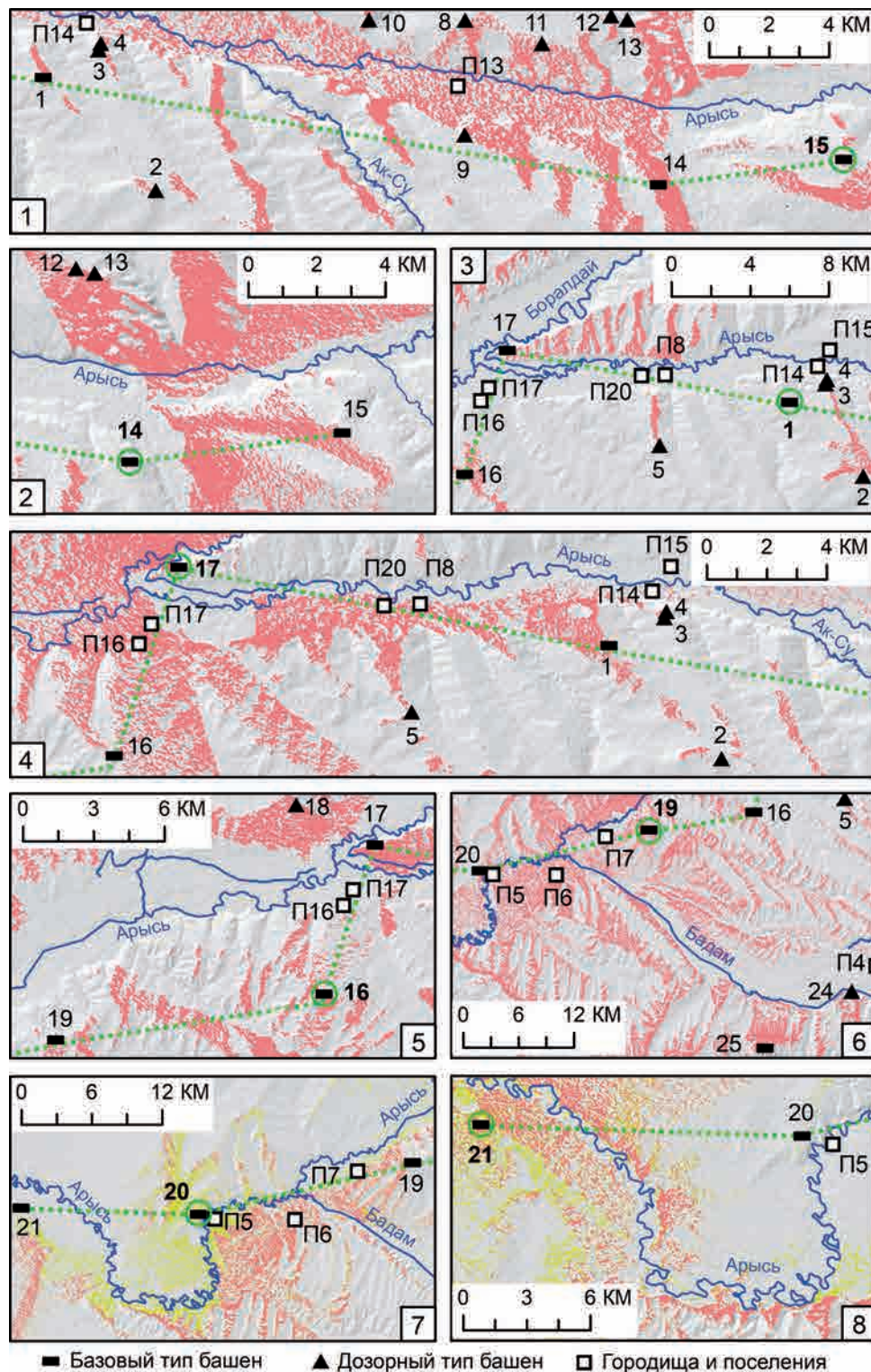

Рис. 2. Результаты анализа ландшафта в среде ArcGIS (Северная цепочка). Красным цветом показана видимость с разных позиций определённого Караултобе: 1 – Машат (15); 2 – Карабулак (14); 3 – Аккойлы-1 (1); 4 – Чубаровка-2 (17); 5 – Чубаровка-1 (16); 6 – Колтоган (19); 7 – Акдала (20); 8 – Дармино (21). Исполнитель М.А. Антонов

условными), в котором исследуемым точкам добавлена предполагаемая высота самих сооружений. Во избежание максимальной неточности добавленные для анализа высоты данные взяты с сохранившихся руин самих «башен». Исходя из того, что сохранившиеся руины объекта № 20 около 9 м, а руины объекта № 21 – 12 м, взаимная видимость перечисленных возведенных «башен» не ставится под сомнение. Однако сама стратегия и метод выбора мест расположения этих «башен» не совсем ясны, и тут можно сделать только предположения относительно их назначения.

Караултобе Акдала находится на левом берегу р. Арысь, в 7 км к западу от городища Караспантобе. Главной функцией Караултобе Акдала, по-видимому, являлась охрана и предупреждение плодородных долин правобережья р. Арысь, вплоть до изгиба русла в южной части. На этой площади в раннесредневековое и средневековое время располагался ряд поселенческих памятников, но больше всего здесь выделяется городище Караспантобе – один из городских центров региона. Очень большая часть оазиса вокруг городища Караспантобе в средневековье была обнесена длинной стеной и была защищена с южной стороны, но с севера и северо-запада за Арысью имелись большие территории пастбищных угодий, которые нуждались в охране.

В 15 км к западу от Караултобе Акдала, на левом берегу р. Арысь расположен вышеупомянутый Караултобе Дармино. Данный памятник также является базовым. Караултобе Дармино, судя по всему, служил в качестве одного из связующих пунктов между крупными округами.

Возвращаясь к результатам основного анализа по южной цепочке, в качестве первого объекта выбран Караултобе Сайрам-1 (№ 39), расположенный вдоль высокой террасы. Результат анализа ландшафта показывает, что данный объект хорошо просматривался с южной стороны, где располагались такие объекты, как Караултобе Каратас-1 (№ 41) и Каратас-2 (№ 42), к тому же зона видимости объекта № 39 тянется северо-западнее от этих объектов (рис. 3, 1). Отметим, что дозорные Караултобе, расположенные к северу от объекта № 39, – это комплекс Караултобе Кызылсу. Эти дозорные Караултобе тянулись по соседней гряде с овражистой местностью к северу от них, а с базового Караултобе Сайрам-1 четко видели и контролировали долину и сигналы с комплекса Кызылсу. Это также подтверждается результатами археологической разведки.

На второй иллюстрации видно, что объект № 42 располагался на отметке выше, чем предыдущий (табл. 1) и его было видно с объекта № 39 и с самого городища Сайрам (П22) (рис. 3, 2). Такая же ситуация и со следующим объектом № 41, ввиду того что эти два объекта расположены недалеко друг от друга (рис. 2, 3).

Следующий объект данной цепочки располагался юго-западнее через р. Бадам, по ее правому руслу – Караултобе Бадам-3 (№ 47). Данная позиция просматривалась как с предыдущего объекта № 41, так и со следующего объекта – Караултобе Бадам-2 (№ 46). Последний, в свою очередь, хорошо просматривался с поселения Каратобе (П9), которое расположено к северу от него, и даже с самого городища Сайрам (рис. 3, 4, 5).

Подобная ситуация наблюдается и на городище Шымкент (П23), откуда имелся хороший обзор в сторону Караултобе Бадам-1 (№ 45) (рис. 3, 6). Результат анализа ландшафта данной местности показывает, что при возведении подобных сооружений выбирались наиболее стратегические отметки, где располагались сторожевые «башни». Таким образом, создавалась хорошая видимость всей округи через комплекс Караултобе.

Последний объект в южной цепочке – это Караултобе Шымкент (№ 26), расположенный к северу от городища Шымкент. Как показывает результат анализа, данный объект находился в прямой видимости с позиции объекта № 45, несмотря на сравнительно большое расстояние. С самого городища также был обзор в низину и в сторону Караултобе Шымкент на гребне возвышения. Эти данные удалось получить лишь по проделанному анализу ландшафта, так как визуально это определить было сложно ввиду густой заселенности территории современного города.

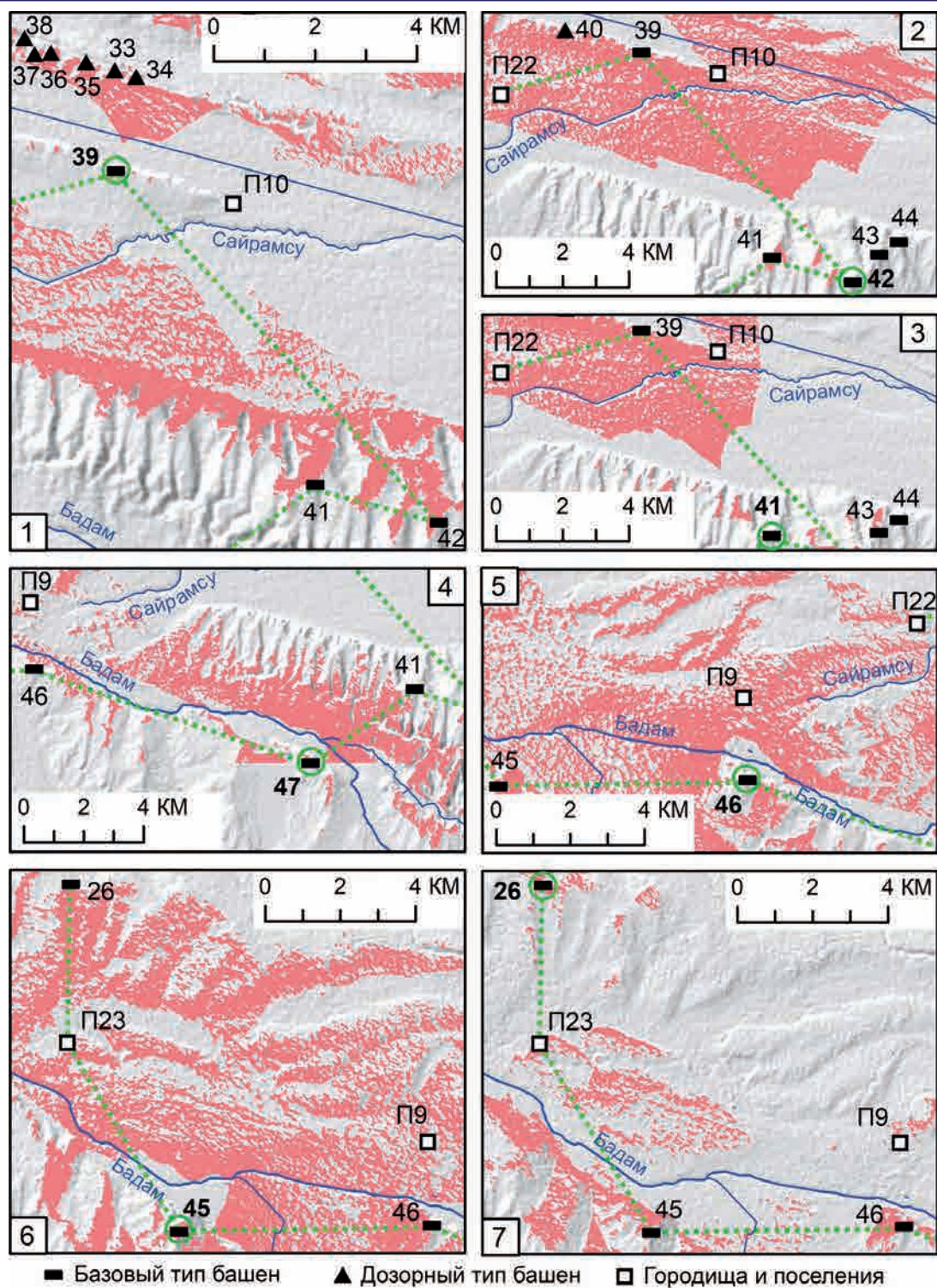

Рис. 3. Результаты анализа ландшафта в среде ArcGIS (Южная цепочка). Красным цветом показана видимость с разных позиций определённого Караултобе: 1 – Сайрам-1 (39); 2 – Каратас-2 (42); 3 – Каратас-1 (41); 4 – Бадам-3 (47); 5 – Бадам-2 (46); 6 – Бадам-1 (45); 7 – Шымкент (26).

Исполнитель М.А. Антонов

Рис. 4. Базовая сторожевая «башня» – Караултобе Колтоган. Фото А.А. Ергешбаева

Анализ местности ландшафта во время картографических исследований и разведок позволил получить новые данные по видимости Караултобе относительно друг друга и поселенческих памятников. В ходе изучения данных картографии, раскопок и разведок складывается предположение по хронологии возведения базовых сторожевых «башен» – Караултобе. Несомненно, наличествует определенная система взаимодействия базовых объектов с поселениями на нескольких участках. Использовались базовые Караултобе долго, судя по уже изученным памятникам, вплоть до позднего средневековья. Изначально они возводились на высоких надпойменных террасах, вблизи раннесредневековых поселений и городищ. Судя по керамике, выявленной из Караултобе Шымкент и Ордабасы, датируется она I–IV вв. н.э. [Байтанаев, 2012, с. 174–175; Байтанаев и др., 2019, с. 23].

Практически с каждого базового Караултобе виден следующий аналогичный памятник. Караултобе, находясь вблизи памятников и вдоль важных путей, вовремя давали информацию о приближающемся неприятеле. Окончательным результатом при составлении карты стало появление характеристик, позволяющих дистанционно с помощью технологий ГИС определить видимость с одного Караултобе другого аналогичного памятника. Эти данные также подтверждаются данными разведок, но только благодаря картографированию стало понятно, каким образом функционировали определенные Караултобе в общей системе предупреждения в зоне их расположения.

ЛИТЕРАТУРА

АКК. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 449 с.

Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 62-81.

Байтанаев Б.А. История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 251 с.

Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А., Шаяхметов А.Х. Сторожевые холмы в фортификации юга Казахстана // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4 (44). С. 21-29.

Коробов Д.С. Моделирование зрительных связей между аланскими укреплениями V–VIII вв. н.э. в Кисловодской котловине методами ГИС // Археология и компьютерные технологии: Представление и анализ археологических материалов. М-лы Всерос. Науч. конф. (г. Глазов, 18–21 июля 2005 г.) / отв. ред и сост. М.Г. Иванова, И.В. Журбин. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН; Физико-технический институт УрО РАН, 2005. С. 65-72.

Коробов Д.С. Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика: сб. докл. Круглого стола (г. Москва, 6 апреля 2006) / отв. ред. Д.С. Коробов. Вып. 3. М.: Институт археологии РАН (CD-носитель).

Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область. Алматы: НАН РК, 1994. 368 с.

Baitanayev B.A., Yergeshbayev A.A., Shayakhmetov A.Kh. “Watchtowers” of Ispidzhab // News of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. 2019. Vol. 2 (324). P. 175-184.

The Shuttle Radar Topography Mission. URL: https://www2.jpl.nasa.gov/srtm/SRTM_paper.pdf, свободный.

U.S. Geological Survey. URL: <http://www.usgs.gov>, свободный (дата обращения 05.10.2021)

М.А. АНТОНОВ

Антонов Михаил Александрович,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, archaeology@live.ru

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ для СОЗДАНИЯ РЕКОНСТРУКЦИЙ в АРХЕОЛОГИИ МЕТОДОМ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье автор дает обзор различного программного обеспечения, которое применяется в работе над трехмерными графическими реконструкциями археологических объектов. Представленное в статье программное обеспечение не является новинкой в археологической практике. Автор представляет программы, делает анализ сравнения с аналогичным программным обеспечением, дает заключение об использовании продукта. Содержание данной работы нацелено на тех, кто впервые столкнулся с задачами освоения программного обеспечения в сфере трехмерного моделирования.

Ключевые слова: реконструкция, программное обеспечение, трехмерное моделирование

Антонов Михаил Александрович,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, archaeology@live.ru

АРХЕОЛОГИЯДА ҮШ ӨЛШЕМДІ МОДЕЛЬДЕУ АРҚЫЛЫ ҚАЙТА ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ ЖҰМЫСТАРЫНА АРНАЛҒАН БАҒДАРЛАМАЛЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ

Аннотация. Мақалада автор археологиялық нысандарды үш өлшемді графикалық қайта қалпына келтіру жұмыстарында қолданылатын түрлі бағдарламалық қамтамасыз етуді қарастырады. Мақалада ұсынылған бағдарламалық қамтамасыз ету археологиялық тәжірибенің жаңалығы болып есептелінбейді. Автор бағдарламаларды ұсынады, ұқсас бағдарламалық қамтамасыз етумен салыстыруды, өнімді пайдалану туралы қорытынды береді. Бұл жұмыстың мазмұны үш өлшемді модельдеу саласындағы бағдарламалық қамтамасыз етуді игеру міндеттерімен бірінші рет кездескендерге бағытталған.

Түйін сөздер: реконструкция, бағдарламалық қамтамасыз ету, үш өлшемді модельдеу

Mikhail Antonov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, archaeology@live.ru

SOFTWARE for CREATING RECONSTRUCTIONS in ARCHAEOLOGY USING 3D MODELING

Abstract. In the article, the author gives an overview of various software that is used in work on three-dimensional graphic reconstructions of archaeological objects. The software presented in the article is not a novelty in archaeological practice. The author presents programs, makes a comparison analysis with similar software, and gives an opinion on the use of the product. The content of this work is aimed at those who first encountered the tasks of software development in the field of 3D modeling.

Keywords: reconstruction, software, 3D modeling

Редакторы трехмерной графики

Важными критериями при выборе редакторов трехмерной графики, помимо технических возможностей, является цена и поддерживаемые платформы, т. е. операционные системы. Также важной деталью программного обеспечения (ПО) является интерфейс, который при удачной концепции разработчика можно назвать «интуитивно понятным» или же просто «интуитивным интерфейсом». Все выше перечисленные критерии не всегда могут быть совмещены в одной программе, что само по себе усложняет выбор, но зачастую требования или же легкость в освоении поможет определиться пользователю.

В рамках трехмерных реконструкций можно привести в пример самые распространённые редакторы трехмерной графики. Если разделить их по возможностям реконструкций разного направления (антропология, одежда, жилища, артефакты и т. д), то их можно назвать «универсальными». Однако для постройки моделей, предметов или же архитектурных сооружений, они наиболее оптимальны. Такие как 3ds Max и Maya, в данный момент выпускаемые под маркой «Autodesk», весьма схожи таким критерием, как интуитивный интерфейс, хотя между собой они имеют различия. Выделяя их преимущества и определяя различия, стоит отметить что «3ds Max» поддерживает только одну платформу – Windows компании Microsoft, а Maya, кроме того, поддерживает еще две – «Linux» и «Mac OS».

Других различий непосредственно в режиме редактирования, в рендеринге и в поддержке тех или иных дополнений множество, и если автор попытается выделить что-то лучшее, то это вполне может быть его субъективным мнением. Перед тем, как перейдем к аналогам выше указанных программ, стоит отметить появление и интеграцию в эти редакторы формата файлов FBX, который, по сути, позволяет экспортировать «сцены» моделирования целиком, а не как единые объекты. К примеру, в реконструкции каких либо памятников часто воссоздается древний ландшафт, который занимает большую площадь сцены. На этот ландшафт помещается множество объектов, а также присутствует анимация в ключевых кадрах (используемая для отдельных объектов), и если по какой-то причине автор реконструкции решает сменить редактор, то FBX формат практически в авторежиме позволит это сделать, т. е. перенести сцену из «Maya» в «3ds Max» или же наоборот. Отметим, что формат FBX получил свою популярность в другом программном обеспечении.

Безусловно «3ds Max», «Maya», редакторы Cinema 4D и Rhinoceros 3D являются флагманами, однако цена лицензии зачастую не приемлема для рядового научного сотрудника. Эти редакторы являются профессиональными, но и начинающий пользователь вполне может их освоить и использовать. Лучшим аналогом вышеперечисленным трехмерным редакторам безоговорочно является «Blender», который распространяется разработчиками абсолютно бесплатно. Одним из недостатков, по мнению не только автора, но и других пользователей, является интерфейс редактора, который является не совсем интуитивным и требует определенного времени на его освоение, что вполне доступно благодаря вебсайтам в виде уроков и руководств как в текстовом виде, так и в виде обучающих видеороликов. Таким образом, начинающему пользователю легко освоить как редактирование и рендеринг, так и сам интерфейс. «Плюсов» у этого редактора больше. Программа поддерживает большее количество операционных систем в сравнении с Maya. Лидерство программы среди бесплатных редакторов трёхмерной графики, обеспечено тем, что Blender поддерживает множество различных дополнений, часть из которых является платной, они расширяют возможности или же упрощают некоторые виды работ.

Эта программа активно используется не только для археологических, но и антропологических реконструкций [Cicero Moraes и др., 2014]. Автор статьи уверенно рекомендует «Blender» как выбор инструмента для создания реконструкций. В связи с неудобством или же непривычностью применения названного интерфейса, возможно на ядре Blender использование редактора «Bforartists», который был создан на ядре «Blender», был разработан аналог или, как принято называть, «клон» – редактор

Bforartists, который, на наш взгляд, намного удобней и проще в использовании. Немаловажно, что форматы файлов «Blender» и «Bforartists» идентичны. Существует еще более упрощенный редактор - «Rocket 3F».

Как уже упоминалось выше, все редакторы считаются универсальными, но наиболее подходят для создания, прежде всего, моделей «архитектуры» артефактов и «сцен» в целом.

Говоря о редакторе «SketchUp», отметим, что поддержка платформ ограничена, редактор можно считать платным, и пользователю доступна пробная версия на срок 30 дней, после истечения которого возможности данного редактора сильно ограничиваются. Однако в архивах вебсайта разработчика существуют более ранние версии (до 2017 г.), которые можно использовать после окончания действия пробной версии и количество ограничений незначительно.

Редактор «SketchUp» прост в освоении и пригоден для построения малодетализированных трехмерных объектов. К примеру, если пользователю достаточно схематичной реконструкции археологического памятника (как с перспективой, так и с аксонометрической проекцией), то этот редактор приемлем для пользователя. Отметим, что рамки детализации трехмерных объектов весьма расплывчаты, и зачастую это зависит от поставленных пользователем задач, редактор «SketchUp» не ограничен в детализации объектов, но не совсем удобен для ее реализации. Существуют различного вида дополнения к «SketchUp», но самое существенное то, что редактор поддерживает различные форматы файлов, одним из уникальных является формат KMZ, который позволяет экспортировать трехмерные модели в Google Earth.

Редакторы, применимые для работы с моделью ландшафта

Прежде чем говорить о выборе программы для создания трехмерных моделей ландшафта, необходимо в первую очередь определиться с задачами, которые ставит перед собой пользователь. Воссоздавая окружающую природную обстановку, в которую помещается реконструируемый объект, необходимо учитывать, что сам ландшафт не реконструируется, а используется как фоновое изображение. Окружение можно воспроизвести с использованием панорамного растра в комбинации с другими трехмерными моделями (деревья, скалы, растительность и т. д.). Все это возможно воспроизвести в тех же универсальных редакторах.

Выделим некоторые особенности, играющие важную роль в выборе редактора в тех случаях, когда реконструкция ландшафта является одной из основных задач. Основой для создания пейзажа или для отображения окружающей среды вокруг реконструированного объекта является цифровая модель современного ландшафта. Здесь можно выделить следующие критерии - формат и масштабы модели местности, которая импортируется в сцену реконструкции как трехмерная модель.

При необходимости охвата больших площадей могут быть использованы карты высот, доступные на различных вебсайтах, также известных как SRTM, у которых существуют два варианта детализации: узлы сетки через каждые 90 или 30 метров. Такого рода сервис доступен на Интернет-ресурсе Геологической службы США [USGS, Интернет-ресурс]. Данные SRTM, доступные в виде растровых изображений, различными способами могут быть конвертированы в полигональную модель [Chiara Piccoli, 2014, с. 2]. Для использования масштабов с более детализированной поверхностью можно применить данные, полученные при помощи топографической съемки, лазерного сканирования или же методом фотограмметрии, например, используя фотографии, полученные с помощью беспилотного летательного аппарата.

На наш взгляд, самым оптимальным решением при выборе формата для импортирования модели ландшафта в редактор, независимо от масштабов, является растровая карта высот. Конечно, мнение автора может быть субъективным, однако большинство редакторов не нацелено на работы со специфическими форматами геодезических данных, тем не менее, поддержка все тех же карт высот в виде растров весьма распространена. В случае если геодезическое или другое ПО позволяет сразу

же получать полигональную модель, которая экспортируется в редактор, необходимо учитывать, что сама модель может не восприниматься программой как ландшафт, так как чаще всего она является отдельным компонентом «сцены», к которой применяются отдельные настройки и модификаторы, например, автораспределение растительности, окрас почв, скал и т. д.

Стоит выделить редактор «Vue» (также известный как «E-on Vue») от компании «E-on software». Лицензия к данному редактору ландшафта платная, но пользователь может его испытать с ограничением при рендеринге (водяные знаки поверх получаемых изображений). «Vue» работает на двух операционных системах - «Windows» и «Mac OS», последняя версия была издана в 2012 г., однако продажа самого ПО до сих пор реализуется разработчиком. Говоря о возможностях «Vue», стоит подчеркнуть, что оно активно используется в киноиндустрии. Преимуществом выступает удобный интерфейс и наличие библиотек с различного вида растительностью, материалами для ландшафта, а также набором настроек для генераций. Среди его аналогов можно выделить «Quadspinner Gaea» и «World Creator».

Несмотря на отличающиеся интерфейс и цену, их объединяет возможность генерации ландшафтов, кроме того, некоторые из них доступны в виде бесплатных базовых версий. По фотореалистичности, возможностям и непривычному интерфейсу можно выделить «Terragen», бесплатная версия которого доступна с ограниченными возможностями. Бесплатным аналогом этой программы является «TerreSculptor», которая зарекомендовала себя как инструмент создания ландшафта для работы вместе с игровыми «движками», что делает его более удобным при работе с редакторами. Также стоит упомянуть о программе «World Machine», бесплатная версия которой вполне совместима с другими графическими редакторами, с применением карт высот и текстур, в частности, для их импорта и экспорта.

Редакторы для моделирования одежды

Приведем анализ ПО, выбор которого наиболее оптимален при работе над реконструкциями костюма. Наиболее популярным на данный момент может считаться такой редактор, как «Marvelous Designer». Редактор «Marvelous Designer» поддерживает две платформы - это «Windows» и «Mac OS». Он весьма удобен и легок в освоении, имеет отличные возможности и позволяет использовать выкройки (двухмерные чертежи) для построения трехмерной модели одежды, что само по себе близко к реальному швейному делу. Данный редактор платный, но имеет различные виды лицензий, некоторые из них вполне приемлемы.

Редактор «DAZ studio» в комплекте с «Hexagon» не так удобен в освоении и уступает «Marvelous Designer». Однако так как он бесплатный, «Daz studio» можно назвать более универсальным. Отметим, что данный комплект ПО удобен для изменения поз манекена, к примеру, если пользователь закончил реконструкцию одежды и стоит задача показать сцену, в которой погребенный в определенной позе уложен в могильную яму. Здесь доступны как платные, так и бесплатные библиотеки для формирования «поз», которые могут быть использованы в демонстрационных целях. При условии использования ПО как звена в создании трехмерных сцен важным обстоятельством использования программы становится поддержка различных форматов файлов при импортировании или же при экспортировании моделей. Также стоит отметить, что «DAZ studio» позволяют использовать различные настройки, такие как рост, длина конечностей, особенности телосложения или же использования дополнительных модификаторов для создания манекена с требуемыми антропологическими характеристиками.

Программное обеспечение для работы с моделью человеческого тела

В список популярного ПО для работы с позами модели, одеждой, рендерингом и анимацией входит «Poser» с платной лицензией компании «Bondware». Сам «Poser» можно назвать более

удобным (по крайней мере, в освоении и в простоте интерфейса), чем «DAZ studio», но его возможности весьма ограничены. Если говорить о его технических преимуществах, то смело можно выделить анимацию модели (манекена) и возможность импортирования материала, например, из «DAZ studio». Лучшим бесплатным аналогом с открытым исходным кодом является «MakeHuman», которая отлично зарекомендовала себя в научных кругах. Программа активно используется в работах, связанных с междисциплинарными исследованиями в археологии и антропологии, как, например, блог «ATOR» [Arc-Team Open Research, Интернет-ресурс]. «MakeHuman» поддерживает три платформы – «Windows», «Linux» и «Mac OS». Обе программы, Poser и «MakeHuman», позволяют изменять и редактировать антропологические характеристики модели, к примеру, рост, размер конечностей, цвет кожи и т. д., а в соединении с бесплатным универсальным редактором может являться полноценным инструментом для реконструкции внешности по черепу [Cogitas3d, Интернет-ресурс].

Программное обеспечение для «лепки» трехмерных скульптур

При создании трехмерных реконструкций зачастую необходимы такие инструменты, которые облегчают создание модели не с помощью обычных геометрических фигур, а с помощью «лепки». Например, если необходимо показать бревно или трубу, то с наименьшим редактированием возможно использование фигуры «цилиндр», для кирпича или же стены используется фигура куба. Для создания более детализированных моделей (масок, деталей узора, барельефа на стене и т. д.) можно воспользоваться специальным ПО, которое во многом отличается от универсальных редакторов трехмерной графики и, помимо создания скульптур, дает возможность детализировать объекты, применять для антропологической реконструкции.

Безусловно, флагманом в этой сфере является редактор с массой возможностей «ZBrush» компании «Pixologic», который поддерживает две операционные системы – «Windows», и «Mac OS». «Pixologic» предлагает урезанную, бесплатную версию «ZBrushCoreMini», которая удобна для освоения трехмерной лепки. Стоит упомянуть бесплатную программу «Sculptris», главное ее отличие от нового «ZBrushCoreMini» – это поддержка импорта и экспорта изображений. Несмотря на то, что ее поддержка остановлена, на вебсайтах можно найти ее последние версии.

На рынке платных ПО есть ее аналог от компании «Autodesk», который отличается, прежде всего, интерфейсом и возможностями – это «Mudbox», который поддерживает три платформы – «Windows», «Linux» и «Mac OS».

Отметим, что скульптура или же «лепка», как набор инструментов, поддерживается большинством универсальных редакторов, перечисленных в начале статьи.

В завершении, подведем итог о выборе ПО пользователем из доступного спектра программ для создания трехмерной реконструкции. Не смотря на личный опыт и интересы автора статьи, попробуем дать объективное заключение, где помимо бесплатного распространения, удобства, возможности, существует еще один критерий – это набор поддерживаемых форматов файлов, которые позволяют использовать разностороннее ПО совместно.

Заключение

В завершении, попытаемся подвести итог, что выбрать пользователю из доступного программного обеспечения, если возникает необходимость создания трехмерной реконструкции. Для создания основной сцены с большим числом составляющих реконструкции предлагаем выбрать один из трех универсальных редакторов – это «Blender», его более удобный аналог «Bforartists» и мало известный «Rocket 3F». Если пользователю нужен более «продвинутый» подход для создания ландшафта, то следует обратить внимание на такое ПО, как «Terragen» и «World Machine», которые и ограничены в возможностях при бесплатной лицензии, но остаются весьма полезными. При

реконструкции костюма, облика, поз человека и т. д. в тех же редакторах пользователь может использовать такие ПО, как «DAZ studio» и «MakeHuman».

Данный список ПО можно дополнить другими графическими редакторами, которые сыграют свою роль для работы с текстурами создаваемых моделей или же для постобработки полученных при рендеринге изображений. На наш взгляд, можно воспользоваться абсолютно бесплатными редакторами, такими как «GIMP», «Paint.NET», «Photo Pos Pro» и «Krita». Также для быстрого просмотра и конвертирования форматов трехмерных моделей могут применяться программы «MeshLab» и «CloudCompare». ПО из разряда ГИС помогут при работе с растровыми картами высот. Наиболее популярными из доступных являются «QGIS», «GRASS GIS».

Стоит упомянуть и так называемые игровые «движки», которые открывают возможность интерактивной демонстрации или даже делают доступным «прогулки» по трехмерным реконструкциям. В заключении отметим, что автор рекомендует два бесплатных ПО, которые являются средой для разработки игр, это «Unity» и «Godot». Автор статьи надеется, что данный обзор программного обеспечения поможет начинающему пользователю выбрать удобное ПО в рамках трехмерных реконструкций археологических объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Arc-Team Open Research. [Электронный ресурс]. URL: <https://arc-team-open-research.blogspot.com> (дата обращения: 19.10.2021 г.).

Cicero Moraes, Paulo Miamoto, Rodolfo F H Melani. Demonstration of protocol for computer-aided forensic facial reconstruction with free software and photogrammetry

// February 2014 Acoustics, Speech, and Signal Processing Newsletter, IEEE 2(1): 77-90 (DOI:10.19177/jrd.v2e1201477-90)

Chiara Piccoli. 3D reconstruction techniques as research tools in archaeology: the case study of Koroneia, Greece // *Tijdschrift voor Mediterrane Archeologie*, 2014. Т. 26. С. 2.

Cogitas3d MakeHuman – Tests with facial reconstruction and human evolution. [Электронный ресурс]. URL: <https://arc-team-open-research.blogspot.com/2014/07/makehuman-tests-with-facial.html> (дата обращения: 19.10.2021 г.).

USGS. [Электронный ресурс]. URL: <https://earthexplorer.usgs.gov/> (дата обращения: 19.10.2021 г.).

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ
ДЕРЕКТЕРДІ
ТҮСІНДІРУ

*Интерпретация
археологических источников*

В.А. НОВОЖЕНОВ

Новоженов Виктор Александрович,
Международный Центр сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО,
г. Алматы, Казахстан, vnovozhenov@gmail.com

К ВОПРОСУ об ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА в СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ в СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ (эпоха древности и раннего средневековья)

Аннотация. История коммуникаций и развитие наскального изобразительного творчества в Золотой степи и Центральной Азии в целом, как и мегалитической, статуарной, орнаментальной традиций очень хорошо соответствует этнокультурной ситуации в древности и раннем средневековье на севере Центральной Азии и совпадает со значительными передвижениями населения, зафиксированными археологическими методами, а также подтверждается данными популяционной генетики. Более того, стационарные изобразительные памятники являются маркерами таких передвижений и географически фиксируют факт присутствия тех или иных этносов (кланов, социумов, сообществ) в конкретном регионе, поскольку перемещаться могут только сами носители изобразительных традиций – создатели петроглифов. В эпоху ранних кочевников и Тюркских каганатов наряду с петроглифами такими маркерами становятся знаки собственности и идентичности – тамги и эпиграфические памятники.

Ключевые слова: степи Евразии, Центральная Азия, эпоха бронзы, эпоха ранних кочевников, коммуникации, идентичность, миграции, самоидентификация, культурогенез, изобразительные памятники

Новоженов Виктор Александрович,
ЮНЕСКО аясында Мәдениеттерді жақындастыру
халықаралық орталығы,
Алматы қ., Қазақстан, vnovozhenov@gmail.com

ПОПУЛЯЦИЯЛЫҚ ГЕНЕТИКАНЫҢ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕРІ НЕГІЗІНДЕГІ ЕУРАЗИЯ ДАЛАСЫНДАҒЫ МӘДЕНИГЕНЕЗ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІНІҢ МӘСЕЛЕСІНЕ (ежелгі және ерте ортағасыр дәуірі)

Аннотация. Алтын Орда мен жалпы Орталық Азиядағы жартастағы бейнелеу өнерінің, мегалитикалық, мүсіндік, ою-өрнек дәстүрлерінің қарым-қатынас тарихы мен дамуы Орталық Азияның солтүстігіндегі ежелгі және ерте орта ғасырлардағы этномәдени жағдайға өте жақсы сәйкес келеді және археологиялық әдістермен тіркелген тұрғындардың айтарлықтай көші-қон қозғалыстарымен сәйкес келеді, сондай-ақ популяциялық генетика деректерімен расталады. Сонымен қатар, стационарлық бейнелеу ескерткіштері осындай қозғалыстардың маркерлері болып табылады және белгілі бір аймақта белгілі бір этникалық топтардың (кландар, социумдар, қауымдастықтар) болу фактісін географиялық түрде белгілейді, өйткені бейнелеу дәстүрлерін ұстаушылар – петроглифтерді жасаушылар ғана қозғала алады. Ерте көшпенділер мен Түрік қағанаттары дәуірінде петроглифтермен қатар меншік пен бірегейлік белгілері – тамғалар мен эпиграфиялық ескерткіштер осындай маркерлерге айналды.

Түйін сөздер: Еуразия даласы, Орталық Азия, қола дәуірі, ерте көшпенділер дәуірі, байланыстар, сәйкестілік, көші-қон, өзін-өзі тану, мәдениет генезі, бейнелеу ескерткіштері

Victor Novozhenov,
UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures,
Almaty, Kazakhstan, vnovozhenov@gmail.com

**To the QUESTION of the PECULIARITIES of CULTURAL GENESIS
in STEPPE EURASIA in the LIGHT of NEW DATA of POPULATION GENETICS
(the Eras of Antiquity and the Early Middle Ages)**

Abstract. The history of communications and the development of rock art in the Golden Steppe and Central Asia as a whole, as well as the megalithic, statuary, ornamental traditions, corresponds very well to the ethnocultural situation in antiquity and the early Middle Ages in the north of Central Asia and coincides with significant population movements recorded by archaeological methods, and also confirmed by the data of population genetics. Stationary pictorial monuments are markers of such movements and geographically record the presence of certain ethnic groups (clans, societies, communities) in a particular region, since only the carriers of pictorial traditions themselves – the creators of petroglyphs – can move. In the Era of early nomads and Turkic kaganates, along with petroglyphs, signs of property and identity – tamgas and epigraphic monuments – become such markers.

Keywords: steppes of Eurasia, Central Asia, the Bronze Age, the Era of the early nomads, communications, identity, migrations, self-identification, culture genesis, figurative monuments

Основной задачей коммуникации, которую решали древние социумы степной Евразии, стала проблема самоидентификации или предполагаемой собственной идентичности по принципу «свой-чужой». На просторах Великой степи, где, вероятно, происходило формирование идентичности многих центрально-азиатских социумов древности, процесс культурогенеза носил специфический характер, поскольку изначально был ориентирован на подвижный образ жизни животноводов-пастухов. Мобильная основа хозяйства определяла многочисленные переселения и смешение небольших (25–30 человек) производственных групп (или кланов) животноводов – носителей степных археологических культур.

Важнейший фактор, характеризующий этнос–территориальный, стал приобретать мобильный и глобальный характер. В результате естественного освоения этими кланами животноводов степных просторов Евразии самые передовые инновации, изобретённые в Месопотамии – гончарный круг, колесный транспорт, технология бронзолитейного производства изделий в формах, изобразительная, мегалитическая, статуарная традиции, новые породы домашних животных и семена культурных растений очень быстро распространились на огромных территориях, сложились каналы коммуникации, посредством которых эти новые изобретения распространялись в самые отдаленные регионы континента.

Процессы культурогенеза, происходившие в эпоху бронзы в Восточной Европе – на западе континента, обстоятельно анализируются в ряде работ В.С. Бочкарёва [Бочкарёв, 2010; 2012, с. 13–24]. В качестве определяющих факторов, обусловивших культурогенез степных социумов, выделены инновации в следующих сферах хозяйственной деятельности: развитии животноводства и его различных форм, напрямую зависящих от природно-климатических условий обитания; металлообработки и формировании металлургических центров, в которых генерировались инновации в бронзолитейном производстве и, соответственно, возможности производить инновационные виды оружия и передовые орудия труда; а также – в изменениях на социальном уровне [Бочкарёв, 2012, с. 13–24; см: Кузьмина, 1994; 2007; 2010; Корочкова и др, 2020; Григорьев, 2020; Kupriyanova et al., 2017, p. 40–65; Скшинецкий и др., 2020, с. 317–333; Ермолаева и др., 2020; Чугунов и др., 2020].

Эти пастушеские сообщества имели хорошо налаженные связи с соседними и отдаленными территориями. Необходимость импорта и экспорта металла объединяла их в большие ассоциации.

Несмотря на все эти достижения, ни одна из них так и не вышла за рамки первобытности. На протяжении всей эпохи бронзы большинство из них оставались т. н. племенными (сегментированными) обществами. Только колесничие культуры – синташтинская, потаповская, петровская, покровская, алакульская и карасукская продвинулись несколько дальше. У них, по мнению ряда исследователей, возникли комплексные общества (вождества) [Kupriyanova et al., 2017, p. 40–65; Бочкарев, 2012б, с. 15–18].

Колёсный транспорт и прагматическая идея использования колеса и мобильного жилища есть практическая необходимость развития таких подвижных животноводческих социумов и другая не менее важная инновация [Piggot, 1992; Littauer, Crouwel, 1996; Wu, 2013; Кожин, 2011; 2015; Anthony, 2007; Новоженков, 2012а; 2014а; Чечушков, 2013; 2014; Кукушкин, Дмитриев, 2018а, 2018б, 2018в; 2019; Kupriyanova et al., 2017, p. 40–65; Черемисин и др., 2019, с. 215–228; Ван, 2019, с. 9–18; Kuznetsov, 2006; Lindner, 2019; Гайдученко, 2014]. Мобильный характер животноводства и потребность в изготовлении транспортных средств неизбежно требовали развития навыков в производстве самых современных бронзовых орудий, а затем – железных, которые не только обеспечивали сам производственный процесс, но и гарантировали необходимую оборону (или нападение).

Мегалитическая и изобразительная традиции [Бейсенов и др., 2011, с. 263–271; Новоженков, 2013; 2015, с. 20–36; 2017; Рогожинский, Новоженков, 2018; Ковтун, 2013; Рогожинский, 2011; Самашев, 2006; Nomads and networks, 2012; Shvets, 2012] имели ключевое значение в системе, прежде всего, – внутренних коммуникаций этих производственных коллективов и стали определяющими в их самоидентификации. Это наиболее изменчивая и сложная инновация. Вероятно, первоначальное формирование её имело несколько исходных вариантов и оформилось в устойчивую традицию (или в несколько художественных традиций).

Изобразительную, фигуративную (статуарную) и мегалитическую традиции раннебронзовых, а также более поздних социумов азиатской части степной Евразии и развитие этих и других традиций в пространстве и во времени мы относим к изобразительным коммуникациям [Новоженков, 2012а; 2013а; 2014а; 2015в; 2020]. Эти традиции стали важным средством внутренней и внешней активности местных социумов, которые зафиксированы здесь археологическими методами в виде выделенных археологических культур и культурно-исторических общностей. Они стали надёжным индикатором самоидентификации этих обществ, а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории [Новоженков, 2014а; 2015а; 2015в, с. 40–45; 2020].

Совершенно очевидно, что многие изобретения кардинальным образом могли менять повседневную жизнь древних сообществ, а порой и определяли историческое содержание целых эпох, становились основой каналов коммуникации этих социумов и помогали, облаченные в «чудесные» одежды, создавать древнейшие шедевры мировой архитектуры и искусства, формировать этническую идентификацию социума, регулировать социальные и моральные установки древних сообществ. Особенно важна была такая коммуникация в степных, мобильных социумах, где образ жизни не позволял вести многовековые записи, хроники или летописи, где господствующим каналом передачи информации был вербальный либо знаково-образный, а, может быть, и музыкальный. Там, где не было государственных или иных институтов бюрократического воздействия на социум.

В истории развития трансконтинентальных коммуникаций в Евразии, насчитывающей более 4000 лет от эпохи древности до раннего средневековья, целесообразно выделить наиболее прогрессивные инновации, которые определяли суть времён и вызвали кардинальные изменения в сфере коммуникаций, транспортной логистики, взаимодействия различных культур и целых народов, определяя собой суть этих последовательно сменяющих друг друга этапов исторического развития: эпоха боевых телег и фургонов (конец IV–III тыс. до н. э.); эпоха колесниц (II–I тыс. до н. э.); эпоха

всадников (середина I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). В эти периоды формировались системы разнонаправленных каналов коммуникации населения, которые на каждом этапе исторического развития формировали свою собственную «картину мира», которая формировалась в результате взаимного влияния различных культур и этносов. Такому состоянию активно способствовал мобильный образ жизни степного населения Евразии и потребность в экспансии и гегемонии – освоении новых пастбищ, ресурсов и увеличение поголовья домашних животных.

На разных этапах исторического процесса в степной Евразии регулярно повторяется одна и та же модель – небольшие кланы (группы кровных родственников), став обладателями неких прогрессивных инноваций, стремительно возвышаются в среде себе подобных и в силу своего могущества становятся гегемонами по отношению к окружающим кланам. Обладание передовыми инновациями позволяет осуществлять значительные по продолжительности миграции, гарантирует военное превосходство, непрерывное поступление ресурсов, обеспечивает могущество и гегемонию по отношению к окружающим социумам. Обладая явным превосходством, вожди этих кланов выстраивают собственные каналы коммуникации с чужими кланами по принципу «свой-чужой» и формируют критерии, правила, маркеры, определяющие идентичность их клана, его отличие от других. Именно такие кланы образуют суперстратную элитную прослойку в любом степном социуме и диктуют свои условия большинству. Именно они определяют границы (маркеры) своей идентичности.

Как правило, канал коммуникации состоял из внешних и внутренних коммуникаций как самого социума, так и его пассионарного меньшинства: его элиты, которые в совокупности обеспечивали его бесперебойную работу в качестве гегемона. Такой двухуровневый способ коммуникации активного меньшинства и молчаливого большинства мог дублировать друг друга, обеспечивая стабильность в обществе, но иногда мог и не совпадать, что однозначно вело к переменам, социальным «взрывам» и катаклизмам, однако, в конечном итоге – неизбежно вело к прогрессу социума.

К внешним коммуникациям этого меньшинства относятся основные средства миграции, способность и знание как их изготовить и контроль над ними: колесный (гужевой) транспорт; упряжное и вьючное снаряжение: сбруя, упряжь, седла, стремяна, подковы и т. д.; прогрессивные навыки металлообработки и животноводства; контроль над инфраструктурой: источниками воды, системами ирригации, дорогами, пунктами отдыха, навигацией, связью, различными сигнальными системами («ұзын құлак/узын кулак» – букв. пер. с каз. «длинное ухо» – в значении «молва», «слухи»; сигнальные костры, напр.), а также собственно потребность любого мобильного социума в гегемонии и внешней экспансии, зачастую происходящую из естественных потребностей кочевого уклада хозяйства и неизбежного поиска новых пастбищ.

Успешность подобной гегемонии или экспансии напрямую обеспечивало обладание конкретными прогрессивными инновациями, изобретениями, технологиями (ноу-хау), а также сакральными знаниями в области коневодства, металлургии, плотницкого, строительного ремесла и, в том числе, – астрономическими знаниями для ориентации в бескрайних пространствах степей. Поэтому археологическое изучение конкретного социума на предмет обладания подобными знаниями и инновациями, исследование их типологического и технологического развития во времени, конкретные факты их применения – есть главный признак возможной миграции или экспансии [Новожинов, 2012а; 2014а; 2020].

Не меньшее значение имели внутренние коммуникации социума: знаковые, изобразительные, статуарные, орнаментальные, мегалитические, вербальные, музыкальные традиции и наконец – письменность как наиболее универсальная знаковая коммуникация. В дописьменных социумах потребность в универсальном изобразительном «языке» общения была столь актуальной, что стала основным маркером самоидентификации родственных и даже «чужих» социумов. Эта функция была важна и в случаях внедрения отдельных кланов в чуждую им инокультурную среду, когда

в условиях мультикультурного и языкового разнообразия требовался универсальный инструмент коммуникации, понятный всем.

Внутренние коммуникации, облаченные в единственно возможную в дописьменных социумах мифологическую форму, служили целям образования, воспитания, передачи информации и знаний, составляя идеологическую основу социума, успешно обеспечивая гегемонию и иерархию внутри самого клана близких родственников.

Элитарные и могущественные кланы в сочетании с тайными знаниями, которыми они владели, успешно использовали этот «язык» в собственных целях доминирования и господства над менее прогрессивными и развитыми социумами, образуя тонкий суперстратный слой знати: вождей и лидеров, обладавших конкретными практическими навыками и умениями, секретами производств; шаманов и жрецов, носителей сакральных знаний, обрядов и традиций, которые доминировали в таких зачастую чуждых им этнически социумах. Но именно эти элитные кланы, знать и прослойка вождей/жрецов/шаманов/баксы совместно стали основными носителями выделенных изобразительных традиций и сакральных знаний.

Так зафиксированные археологическими и палеогенетическими методами в эпоху энеолита–ранней бронзы продолжительные миграции ямно-афанасьевского (чемурчекского) населения на восток континента дали мощный импульс развитию местного изобразительного творчества и нашли яркое отражение в местных изобразительных памятниках – в петроглифах и в каменных изваяниях. Миграции синташтинского, сейминско-турбинского, возможно позднего гонурского населения в эпоху средней бронзы привели к новому всплеску в изобразительном творчестве – возникли яркая андроновская изобразительная и орнаментальная традиции. Выделенная в петроглифах карасукская (бегазы-дандыбаевская) изобразительная традиция совпадает с первыми крупными инвазиями жунов-карасукцев-хьянюнов, а появление изображений в канонах звериного стиля соответствует волнам миграций некоторых кланов ди-динлинов или собственно киммерийцев, а также саков в составе огромной мультикультурной XV сагратии империи Ахеменидов, распространявших свой звериный стиль по всей Евразии. Следующие периоды в истории искусства и коммуникаций ранних кочевников связаны с новыми волнами миграции и нестабильности, вновь усилившимися с IV в. н. э., в эпоху «Великого переселения народов», которые уже в VI в. н. э. закономерно привели к усилению кланов Ашина и Ашиде и формированию тюркской идентичности.

Предлагаемая нами модель коммуникации населения находит существенные подтверждения в новых работах популяционных генетиков. В последние годы палеогенетические исследования Великой степи Евразии демонстрируют существенный прогресс и определенно доказывают, что население этого обширного региона стало источником массовых миграций как на восток, так и на запад, которые изменили генофонд в масштабах всего континента [Almthen et al., 2016; Allentoft et al., 2015, p. 167–172; Daly Kevin et al., 2018, p. 85–88; Damgaard et al., 2018a; 2018b; Gault et al., 2018; Goldberg et al., 2017; Jones et al., 2015; Haak et al., 2015; Klejn et al., 2017, p. 1–15; Kristiansen et al., 2017; Lazaridis et al., 2014, p. 409–413; Lazaridis, Reich, 2017; Matheson et al., 2015, p. 499–503; Morozova et al., 2016, p. 295–310; Muhleman et al., 2018].

На основании уже значительной серии анализов образцов древней ДНК рассмотрены многие актуальные вопросы миграций степного населения в Европу, на Кавказ, выявлено географическое происхождение и распространение многих видов домашних животных, а также патогенных вирусов и инфекций, что также проясняет маршруты миграции древнего населения Евразии.

При этом по генетическим данным выявлено своеобразие степного населения Казахской степи, Южной Сибири и Дальнего Востока [Jeong et al., 2018; Sikora et al., 2019; Siska et al., 2017]. Если продвижение степного населения на запад оказалось документировано хорошо, то движение степняков на восток континента в генетическом плане оставалось менее изученным. Этот пробел частично компенсирует недавнее исследование международного коллектива исследователей из

Института наук об истории человека Общества Макса Планка в Йене, в котором приведены анализы 214 индивидов [Jeong et al., 2020]. Работа охватывает значительный период истории региона, начиная с эпохи верхнего палеолита до завоеваний Чингизхана.

Территория, охватывающая степные пространства Казахской степи, Южной Сибири, Тувы, Хакасии, Монголии, Китая начиная с верхнего палеолита (около 34 тыс. л.н.), заселена небольшими по численности группами охотников-собирателей. Вся пропуляционная история этой территории – один из ярких примеров смешения восточного и западного генофондов в населении Евразии.

Вплоть до начала бронзового века территория восточноевразийских степей была занята племенами охотников-собирателей, в среде которых авторы выделяют две основные генетические группы: Древняя Северная Азия (ANA), назовём их условно «восточными азиатами», и Древняя Северная Евразия («северные евразийцы»). Первый компонент генетически тяготеет к охотникам-собирателям западного Байкала (5200–4200 до н.э.) и пещеры Чертовы ворота в Приморье (5700 до н.э.), при том, что он сопоставим с генофондом современных тунгусоязычных популяций и нивхов, проживающих в низовьях Амура. Это говорит о его сохранении до сегодняшнего дня в генофондах Дальнего Востока. Второй компонент характерен для более древних, плейстоценовых охотников-собирателей со стоянок Мальта и Афонтова гора, а также он найден у животноводов ботайской культуры в Казахстане (3500–3300 до н.э.). Таким образом, до начала энеолита и эпохи бронзы немногочисленное местное население генетически состояло из смешения двух вышеназванных компонентов.

В эпоху бронзы генетическая структура населения меняется и становится трёхсоставной. Появление животноводства у населения восточноевразийской степи в раннем бронзовом веке считают результатом культурного заимствования из западноевропейской степи путем миграции групп ямной, катакомбной, афанасьевской, а затем, возможно, – чемурчекской культур через Верхний Енисей и Саяны в северо-западную Монголию. Однако, важный вывод, к которому приходят авторы, состоит в том, что генетическая преемственность на этом пути не прослеживается: появление животноводства происходило без замещения локальных популяций. В отличие от Европы, где миграция степных животноводов в раннем бронзовом веке изменила генофонд, в Восточной степи эта миграция не оставила заметного генетического следа. Это свидетельствует о том, что элитарные кланы западных животноводов, носители прогрессивных инноваций, растворялись в местном населении.

В течение среднего бронзового века (XIX–XIII (?) вв. до н.э.) население в степи увеличивалось и приобретало большую мобильность в ответ на изменения климата, и это сопровождалось распространением новых животноводческих культур. Этот период отличался интенсивным распространением пароконных колесниц, попытками использования лошадей для верховой езды и для получения молока – приготовления традиционного молочного напитка в степи – кумыса. Распространение синташтинской культурной традиции, с её инновациями в сфере колесничества, новых типов вооружения привело к формированию новой, более сложной, но все ещё – трёхчастной генетической структуры населения.

На востоке доминирует генетический компонент «восточных азиатов», на севере отмечается клинальный переход компонентов – смешение «восточных азиатов» и «северных евразийцев», а на западе максимальная доля компонента, родственного представителям культуры Синташта, которые генетически близки европейской культуре шнуровой керамики. И в этот период генетическая ситуация с пришельцами повторяется, они постепенно растворяются в местном населении.

Две основные генетические группы в структуре степного населения в этот период разделяются на мажоритарную и миноритарную для «восточных азиатов» (Ховсгол) и на Алтайскую и Забайкальскую (культура плиточных могил) для «Северных евразийцев», которые становятся основными генетическими группами в эпоху ранних кочевников.

В популяциях позднего бронзового и раннего железного века обнаружен генетический компонент иранского происхождения, который смешивался с местными земледельческо-животноводческими популяциями на территории Турана: в Трансоксиане, Маргиане и в Зеравшанской и Ферганской долинах. Авторы не исключают присутствие иранского генетического компонента в структуре степного населения и в более раннее время через население Гонура, но это предположение требует дополнительных генетических анализов. Во всяком случае, присутствие иранского компонента и сочетание перечисленных компонентов в разной пропорции присутствует во всех смоделированных авторами генетических вариантах структуры населения в эпоху ранней, средней и поздней бронзы.

В эпоху ранних кочевников Алтайская генетическая группа приобретает генетические черты населения плоскогорья Укок на Алтае (культура Алды-бель, Саглы-Бажалы – Chandaman). В этот период ярко выделяется генетическая группа саков (6–24% населения), происхождение которой, вероятно, связано с Кавказом, Иранским нагорьем, Гонуром, Бактрией и Маргианой и третья генетическая группа – выделившаяся в этот период в среде «восточных азиатов» – Ховсгол.

Дата появления генетической группы Chandaman оценивается ~ 17±4 поколений ранее, са. 750 г. до н.э., что произошло, вероятно, после распада Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса (БМАК) ок. 1600 г. до н.э. или немного раньше. Формирование сакского генетического компонента связано с образованием персидской империи Ахеменидов в VI в. до н.э. и со значительным усилением коммуникации населения по всем направлениям. В целом, данные авторов показывают сильное генетическое разделение населения Монголии между восточной и западной частями: так население культуры плиточных могил на востоке значительно отличается от западного.

В III в. до н.э. возникла Империя хунну – первое исторически зафиксированное политическое образование, основанное степными кочевниками-животноводцами. Она сохраняла доминирующую роль в Восточной и Центральной Азии вплоть до I в. н.э. В рассматриваемой работе исследованы геномные данные 60 индивидов хунну (сюнну) с территории Монголии от 350 г. до н.э. до 130 г. н.э.

Период хунну характеризуется интенсивным генетическим смешением. В формирование населения раннего периода вовлечен генетический поток иранского происхождения, смешанный с местными популяциями. При этом выделяется два четких демографических процесса: половина особей образуют генетический ранний кластер, который происходит на 91,8±1,9% от Chandaman с остатком, связанным с Ираном, который, вероятно, сохранился во второй половине I тыс. до н.э.

У позднего населения периода хунну отмечается высокая генетическая гетерогенность. У них появляется компонент, который авторы определяют как сарматский, он интенсивно перемешивается с генетическим компонентом китайской Империи Хань. Эти результаты согласуются с историческими свидетельствами о политических отношениях Империи хунну со своими соседями, а также о путях их миграций.

После распада Империи хунну в 100 г. н.э. в восточноевразийской степи возникло несколько политических образований: Сяньби (100–250 гг. н.э.), Жужаньский каганат (300–550 гг. н.э.), Тюркские каганаты (552–742 гг. н.э.) и Уйгурский каганат (744–840 гг. н.э.). Эти периоды в рассматриваемой работе также представлены геномными образцами. Авторы показали, что эпоха раннего средневековья в восточноевразийской степи отличалась генетической гетерогенностью. Тюркское население имеет генетические профили, значительно отличающиеся от хунну (сюнну) и содержащие значительную степень западного евразийского родства, которая отличается от сарматов и ближе к древнему населению БМАК, а для населения Уйгурского каганата характерна высокая степень западноевразийского генетического вклада, который моделируется как смешение генетического компонента аланов (степные кочевники, вероятно, происходящие от сарматов) и иранского компонента.

Генетики также оценили частоту аллелей, которые ассоциируются с толерантностью к лактозе, морфологией зубов, пигментацией и метаболизмом алкоголя.

Оказалось, что, несмотря на животноводческое хозяйство и многочисленные свидетельства употребления молока, среди степного населения среднего/позднего бронзового и раннего железного века не распространялась мутация толерантности к лактозе, ее частота составляла всего 5% и не увеличивалась со временем. В то же время в Европе эта мутация поддерживалась отбором, и ее частота росла. Это тем более непонятно, что на большей части Восточной степи население употребляет молоко и кисломолочные продукты в больших количествах. Как это им удается делать, не имея соответствующей мутации – загадка.

Наконец, ученые исследовали гендерные особенности демографической истории степи. Они показали, что в течение раннего железного века и раннего средневековья смешение с западными степными группами происходило по большей части в мужской части популяции. Это сопровождалось снижением доли гаплогруппы Q1a и повышением доли западноевразийских гаплогрупп R и J.

Этот вывод имеет принципиальное значение для нашей модели коммуникации – на протяжении всего периода от эпохи ранней бронзы до раннего средневековья распространение инноваций и изменений в социальной структуре социумов (кланов) шло по мужской линии и развитие их происходило путем привлечения женщин (жен) из отдаленных и порой культурно различных социальных структур.

Изложенные выводы подтверждаются результатами другого коллектива популяционных генетиков под руководством Дэвида Райха из Гарвардского университета – в опубликованных геномных данных по 191 древнему индивиду из Монголии, северного Китая и других стран региона представлен временной срез от неолита до современности.

Исследователи обращают особенное внимание на генетическое сходство индивидов «западного» монгольского кластера периода неолита (3316–2918 гг. до н.э.) с представителями афанасьевской культуры на Алтае и ямной культуры западноевразийской степи. Более поздние группы населения Монголии происходят от смешения монгольских неолитических групп и западноевразийских степных групп. Например, у двух индивидов чемурчекской культуры найдено 49% генетического афанасьевского компонента. В позднем бронзовом веке и в эпоху ранних кочевников степной генетический компонент населения связан уже не с афанасьевской культурой, а с синташтинской и андроновской культурами (в которых ямный компонент уже смешался с генами европейских земледельцев), а также в эпоху железа здесь появляется генетический поток, родственник китайцам хань.

На западе Китая степной генетический компонент уже присутствует в культуре железного века (410–190 вв. до н.э.). При этом предложены две гипотезы его происхождения – от афанасьевского населения, либо от ботайского, причем компьютерное моделирование этого процесса свидетельствует в пользу афанасьевской гипотезы. Авторы связывают это с представлением, что тохарские языки в бассейне р. Тарим – вторая по древности ветвь индоевропейского языка – распространялись на восток через миграцию степных кочевников ямной культуры, которая породила афанасьевскую культуру и затем пошла дальше в Синьцзян [Wang et al., 2020].

Изложенные выше выводы авторов уточнены в их новой статье, где одной из задач работы стал поиск западноевразийского генетического следа в популяциях Восточной Азии. Имея в распоряжении временную трансекту образцов ДНК из Монголии (6000–600 гг. до н.э.), авторы моделировали монгольский генофонд из четырех источников. Первый – первично восточноазиатский; второй – западносибирские охотники-собиратели; третий – афанасьевская культура, генетически сходная с ямной; четвертый – животноводы синташтинской культуры, генетически возникшие из смешения ямников и европейских земледельцев.

В монгольских образцах вплоть до середины бронзового века присутствует генетический компонент ямной культуры, который распространялся через афанасьевскую культуру. После этого времени компонент ямной культуры исчезает и появляется компонент синташтинской культуры, особенно выраженный на западе Монголии. С VI до IV вв. до н.э. в монгольском регионе распространяется генетический компонент из Турана. В отличие от Монголии, на западе Китая компонент ямной культуры усиливается, что видно по культуре Shirenzigou железного века (410–190 гг. до н.э.), где два аллеля (rs1426654 и rs16891982), ассоциированные со светлой пигментацией кожи и один (rs12913832) – с голубым цветом глаз, достигают заметной частоты. В то же время аллель толерантности к лактозе, как и во всей Восточной Азии, почти полностью отсутствует.

Авторы вновь подтверждают вывод о том, что тохарские языки бассейна р. Тарим распространялись через миграцию людей, несущих генетическую линию ямной культуры, и добавляют доказательства в пользу гипотезы, об отделении второй по древности ветви индоевропейских языков в конце IV тыс. до н.э. [Wang et al, 2021].

Ещё одно недавнее исследование под руководством Дэвида Райха связано с изучением генетики населения Хараппской цивилизации в долине р. Инд, существовавшей в 2600–1900 гг. до н.э. Генофонд населения в этот период оказался никак не связанным ни с земледельцами с востока – населением Анатолии или Иранского нагорья, ни со степным северным населением Евразии. Изменения генофонда местного населения, по мнению авторов публикации, стали происходить только в первой половине II тыс. до н.э., когда сюда активно стало проникать степное население индоиранского корня, сформировавшее позднее касту брахманов в традиционном индийском обществе [Shinde et al., 2019].

Выводы. Таким образом, исследования популяционных генетиков в последние годы существенно прояснили некоторые спорные вопросы происхождения отдельных этнических групп в степной Евразии. Вместе с тем, обозначенные выше проблемы весьма далеки от своего окончательного разрешения, здесь лишь обозначены направления будущих исследований, требующих комплексного междисциплинарного подхода и дальнейшего пристального внимания специалистов из смежных областей науки.

Волны миграции западных животноводов на восток Евразии с конца IV и в течение всего III тыс. до н.э. стали одним из наиболее ярких, без всяких оговорок, переломным событием в истории Центральной Азии и человечества в целом. Это время характеризуется системой взаимосвязанных инноваций – технологических, экономических, социальных и идеологических. Минеральные богатства Урало-Казахстанского и Алтайского регионов естественным образом определили их одним из основных центров добычи руды и выплавки меди, включив в широчайшую сеть культурных связей и миграций обще-евразийского масштаба от Китая до Балкан. Необходимым условием возникновения и поддержания таких коммуникаций стало развитие сухопутных и водных средств транспорта.

С появлением в первой четверти III тыс. до н.э. ямного, афанасьевского, чемурчекского, а позднее – синташтинского населения периодически, волнами, приходящего из западных степей Евразии, в Казахской степи происходят глобальные изменения, которые приводят не только к появлению здесь прогрессивных форм животноводства, металлургии, освоению рудных источников, но и к смене антропологического типа населения (его генетического состава), а так же некоторых культово-религиозных представлений. Очевидно, что эти инновации нашли своё выражение в новых коммуникациях местных социумов и закономерно отразились в изобразительном творчестве

В этой ситуации не столь важно, кто победил в этом противостоянии аборигенного населения и пришлых мигрантов. Очевидно, что выиграли все, поскольку очевиден прогресс в развитии ключевых видов деятельности как переселенцев, так и местных социумов: синергия, приводившая к прогрессу.

Многие предводители этих кланов начали понимать, что ресурсов экологических ниш, в которых их социумы до этого времени благополучно развивались, в условиях демографического роста оказывалось совершенно недостаточно. Естественным образом они пришли к мысли, что благополучие и прогрессивное будущее новых поколений кроется в расширении пастбищ и «жизненного пространства» для их соплеменников. Осознание экстенсивного, а точнее экспансионистского, способа развития и продолжения рода – есть важная побуждающая причина этих миграций и продвижения на запад, а позднее – на восток по просторам степной Евразии, отдельных воинственных и, безусловно, элитарных кланов, обладающих самыми передовыми инновациями.

Такая воинственная, экспансионистская идеология в основе своей происходит из глубин кочевого способа хозяйственной деятельности этих социумов. Но такая экспансия, которую мы наблюдаем в это время, была невозможна без активного использования прогрессивных инноваций: обеспечить такую экспансию могли революционные изменения прежде всего в коммуникациях – в создании универсальных знаковых систем (разнообразные изобразительные традиции и стили), которые зарождалась в недрах каждого социума и определяли его социальную структуру и иерархию, а так же – в хозяйстве и, прежде всего, – в конском снаряжении, транспорте, в новых типах бронзового и железного вооружения и в орудиях производства.

Очевидно, что формирующиеся исторически каналы коммуникации были достаточно устойчивыми, фиксированы географически, поскольку были «привязаны» к наиболее удобным путям передвижения в степи и между долинами, вдоль рек, к источникам воды, к традиционным ремесленным (ремонтным) центрам, ставших потом караванными городами, к перевалам, переправам, к пунктам питания и отдыха, оформившихся позднее в караван-сарай на традиционных торговых дорогах. По ним, этим торговым дорогам, традиционно проходили значительные миграции населения, распространялись товары, инновации, идеи, знания, культы.

Не меньшее значение имели внутренние коммуникации социума: знаковые, изобразительные, статуарные, орнаментальные, мегалитические, вербальные, музыкальные традиции и, наконец, – письменность как наиболее универсальная знаковая коммуникация. В дописьменных социумах потребность в универсальном изобразительном «языке» общения была столь актуальной, что стала основным маркером самоидентификации родственных и даже «чужих» социумов. Эта функция была важна и в случаях внедрения отдельных кланов в чуждую им инокультурную среду, когда в условиях мультикультурного и языкового разнообразия требовался универсальный инструмент коммуникации, понятный всем.

Внутренние коммуникации, облечённые в единственно возможную в дописьменных социумах мифологическую форму, служили целям образования, воспитания, передачи информации и знаний, составляя идеологическую основу социума, успешно обеспечивая гегемонию и иерархию внутри самого клана близких родственников.

Элитарные и могущественные кланы успешно использовали этот «язык» в собственных целях гегемонии и господства над менее прогрессивными и развитыми социумами, образуя тонкий суперстратный слой знати в таких зачастую чуждых им этнически социумах. Но именно эти элитные кланы, знать и прослойка вождей/жрецов/шаманов стали основными носителями изобразительных традиций и инноваций, источником прогресса в обществе, как правило, образуя пассионарную часть социума. Баланс между пассионарностью и консерватизмом обеспечивал здравый прагматизм степнякам и гарантировал выживание в степи.

На протяжении тысячелетий местонахождения петроглифов, каменные изваяния, гигантские погребально-мемориальные комплексы в степи являлись святыми местами, отражали богатейшие духовные и религиозные идеи ушедших эпох и непосредственно связывались местным населением со своими предками – аруахами. Значимость таких сакральных ландшафтов сохранилась

и в настоящее время, когда люди массово посещают их в надежде на исцеление или духовную поддержку. Генетическая память народа сохраняет свою героическую историю и летопись великих событий. Поэтому эти места остаются подлинными памятниками нашего культурного наследия и феноменом всемирного масштаба, доставшегося нам от далеких предков.

Отмеченные выше факторы и особенности формируют комплексную модель коммуникации и взаимодействия древнейших социумов в степной Евразии, которая на разных этапах исторического процесса постоянно демонстрирует неизбежную гегемонию или экспансию небольших, но прогрессивных кланов, которые подчиняли себе значительные группы менее развитого в технологическом отношении населения, даже порой не меняя их этническую идентичность. Эта модель находит свое объяснение в теориях коммуникации, социального доминирования (социальной идентичности), разработанных в западной антропологии и подтверждается данными популяционной генетики.

ЛИТЕРАТУРА

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Мир образов в искусстве населения Сарыарки // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости РК и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 12 – 15 декабря 2011 г.). В 3-х томах. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. II. С. 263-271.

Бочкарёв В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2010. 310 с.

Бочкарёв В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова (СПб., 19–22 ноября 2012 г.) / Алёкшин В.А., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. и др. (ред.). В 2-х томах. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2012. Т. 2. С. 13-24.

Ван П. К вопросу происхождения колесниц Иньсуй 1 // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. история, филология. 2019. № 4. Т. 18. С. 9-18.

Гайдученко Л.Л. Семь тысячелетий истории казахской лошади // Всадники Великой степи: традиции и новации / ред. А. Онгар. Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2014. Вып. IV. С. 300-310.

Григорьев С.А. Индоевропейская проблема: основные тенденции в развитии языка, культуры и генов в Евразии // Степная Евразия: Бронзовый мир / ред. Т.С. Малютина. Челябинск: изд-во Южноуральского гос. ун-та, 2020. С. 73-109.

Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Дубягина Е.В. Миграционное происхождение технологий металлопроизводства Казахстанской горно-металлургической области // Stratum plus. 2020. № 2. С. 103-116.

Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Институт экологии человека Сибирского Отделения РАН; «Азия-Принт», 2013. 702 с.

Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: ИД «Форум», 2011. 368 с.

Кожин П.М. Древний колёсный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). Сер.: археология. Вып. 2. С. 2-18.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов на Среднем Урале / под общ. ред. Е.Н. Черных. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2020. 214 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.– СПб.: КомКнига, 2008а. 360 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008б. 324 с.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути: диалог культур Европа – Азия / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: КомКнига, 2010. 240 с.

Кукушкин И.А. Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011): сб. науч. ст. / гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 97-113.

Кукушкин И.А. Доандроновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева / отв. ред. М. К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401-414.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 28-40.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 4 (47). С. 43-52.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Погребение петровской культуры близ села Талды (Каркаралинский район Карагандинской области) // Самарский научный вестник. 2018а. Т. 7. № 2 (23). С. 150-155.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы // Маргулановские чтения-2018: м-лы междунар. арх. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.). Алматы–Актобе: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Актюбинский историко-краеведческий музей, 2018б. С. 98-100.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Женское погребение на могильнике Шантимес // Теория и практика археологических исследований. 2018в. Т. 22. № 2. С. 179-183.

Кукушкин И.А., Бедельбаева М.В. Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык) // Вещь в контексте погребального обряда: м-лы междунар. науч. конф. М.: Российский государственный гум. ун-т, 2020. С. 35-45.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 336 с., ил.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / под ред. Е.Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012а. 500 с.

Новожинов В.А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова (СПб., 19–22 ноября 2012 г.) / Алёшкин В.А., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. и др. (ред.). В 2-х томах. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2012б. Т. 2. С. 183-187.

Новожинов В.А. Древнейшие кузнецы Евразийской степи (карасукская культура и происхождение бегазы-дандыбаевского феномена) // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: «Бегазы-Тасмола», 2013а. С. 321-329.

Новожинов В.А. Модель коммуникаций и формирование собственной идентичности // Западный Тюркский каганат. Атлас / отв. ред. В.А. Новожинов. Астана: Назарбаев Центр, Service Press, 2013б. С. 132-142.

Новожинов В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии: коллективная монография памяти Е.Е. Кузьминой / гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014а. С. 18–267.

Новожинов В.А. К вопросу о происхождении А – образного типа двуклоков Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014б. № 2 (58). С. 90–100.

Новожинов В.А. Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (г. Казань, 21–25 октября 2014 г.). В 5-ти томах. Казань: Отечество, 2014в. Т. 1. С. 622-628.

Новожинов В.А. Андроновская изобразительная традиция в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой / отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014г. С. 455-468.

Новожинов В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины III тыс. до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и

целое. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию юбилею В.Н. Логвина / отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015а. С. 314–331.

Новожинов В.А. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних кочевников // *Stratum plus*. 2015б. № 3. С. 57–88.

Новожинов В.А. Археологические маркеры идентичности // Этнические взаимодействия на Южном Урале: м-лы VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015в. С. 40–45.

Новожинов В.А. Изобразительные коммуникации населения Центральной Азии в эпоху бронзы // Российская археология. 2015г. № 3. С. 20–36.

Новожинов В.А. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социо-культурных процессов в степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015д. С. 171–193.

Новожинов В.А. Коммуникации и транспорт страны Маргуш в пространстве и во времени // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти В.И. Сарияниди / гл. ред. Н.А. Дубова. М.: Старый Сад, 2016. С. 361–377.

Новожинов В.А. Древнейшие возникшие Евразийской степи // Горизонты цивилизации. 2017. № 8. С. 170–220.

Новожинов В.А. Коммуникации и колёсный транспорт на Великом Шёлковом пути // Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности. Алматы: Центр сближения культур, 2018. С. 241–263.

Новожинов В.А. Модель коммуникации ранних кочевников Центральной Азии // Скифия и Сарматия: м-лы Междунар. науч. конф. «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики» (г. Москва, 13–14 ноября 2017 г.). М.: Институт археологии РАН, 2019а. С. 159–181.

Новожинов В.А. «Генетическая революция» в свете актуальных проблем истории Северной Евразии в эпоху палеометалла // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва / Алёшкин В.А., Кирчо Л.Б., Никоноров В.П. и др. (ред.). В 2-х томах. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, «Невская типография», 2019б. С. 12–15. DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

Новожинов В.А. Наскальные хроники Золотой степи: модель коммуникации в древности и средневековье. Алматы: Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, 2020. Т. 1. 780 с.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: SignetPrint, 2011. 342 с.

Рогожинский А.Е., Новожинов В.А. Культурные ландшафты с петроглифами Центральной Азии: вопросы и ответы. Самарканд: Международный институт Центрально-азиатских исследований, 2018. 252 с., ил.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Онер, 2006. 200 с.

Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2010. 56 с.

Скишинецкий Р., Цвалинский М., Скишинецкая В. Измерим доблесть, мужество и честь? Опыт моделирующей оценки «воинственности» в праисторических сообществах // *Stratum plus*. 2020. 2. С. 317–333.

Черемисин Д.В., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Изображения колесниц Центральной Азии как маркер мобильности и миграции // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты / отв. ред. В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2019. С. 215–228.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: Институт археологии РАН, 2013. 27 с.

Чечушков И.В. Распространение колесного транспорта в свете радиоуглеродной хронологии // Тайнство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / отв. ред. А. В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 274–285.

Чугунов К.В., Роусон Дж., Гребнев Г.А. Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 409–438.

Almthen F., Charruauc P., Mohandesanc E., ..., Burgerc P.A. Ancient and modern DNA reveal dynamics of domestication and cross-continental dispersal of the dromedary // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA (PNAS)*. 2016. Vol. 113. № 24. URL: http://xn--c1accbaafal1c.xn--plai/?page_id=8640 (дата обращения: 04.09.2021 г.).

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., ..., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. № 522. P. 167–172.

Anthony D.W. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007; [2010]. 310 p.

Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // *Archaeology*. 1995. March/April. P. 36–41.

Daly Kevin G., Maisano Delser P.-P., Mullin E., ..., Bradley D.G. Ancient goat genomes reveal mosaic domestication in the Fertile Crescent // *Science*. 2018. 06 Jul № 361 (6397). P. 85–88. DOI: 10.1126/science.aas9411 (дата обращения: 04.09.2021 г.).

Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., ..., Willerslev E. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // *Science*. 2018a. № 556, 09 May. DOI: 10.1126/science.aar771

Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S., ..., Willerslev E. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppe // *Nature*. 2018b. № 557 (7705), 17 may. P. 369–375.

Gauntitz Ch., Fages A., Hanghøj K., ..., Orlando L. Ancient genomes revisit the ancestry of domestic and Przewalski's horses // *Science*. 2018. № 22, Feb: eaao3297. DOI: 10.1126/science.aao3297 (дата обращения: 04.09.2021 г.).

Goldberg A., Günther T., Rosenberg N.A., Jakobsson M. Ancient X chromosomes reveal contrasting sex bias in Neolithic and Bronze Age Eurasian migrations // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. P. 2657–2662. DOI: 10.1073/pnas.1616392114

Jeong C., Wilkin S., Amgalantugs T., ..., Warinner C. Bronze Age population dynamics and the rise of dairy pastoralism on the eastern Eurasian steppe // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2018. № 115. P. E11248–E11255.

Jeong C., Balanovsky O., Lukianova E., ..., Krauze J. The genetic history of admixture across inner Eurasia // *Nat. Ecol. Evol*. 2019. № 3. P. 966–976.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., ..., Warinner C. A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia's Eastern Steppe // *bioRxiv preprint*. DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.03.25.008078>. URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2020.03.25.008078v1> (дата обращения: 04.09.2021 г.).

Jones E.R., Gonzalez-Fortes G., Connell S., ..., Bradley D.G. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nat. Commun*. 2015. № 6. P. 8912.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., ..., Reich D. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. № 522. P. 207–211. DOI: 10.1038/nature14317.

Kleijn L.S., Haak W., Lazaridis I., Willerslev E. Discussion: Are the Origins of Indo-European Languages Explained by the Migration of the Yamnaya Culture to the West? // *European Journal of Archaeology*. 2017. P. 1–15. DOI: 10.1017/eea.2017.35.

Kristiansen K., Allentoft M.E., Frei K.M., ..., Willerslev E. Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe // *Antiquity*. 2017. 91(356). P. 334–347. DOI: 10.15184/aqy.2017.17.

Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age charioteers of the Eurasian steppe: a part-time occupation for select men? // *Præhistorische Zeitschrift*. 2017. № 1. P. 40–65.

Kuznetsov P. F. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // *Antiquity*. 2006. № 80. P. 638–645.

Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A., ..., Krause J. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // *Nature*. 2014. № 513 (7518). P. 409–413. DOI: 10.1038/nature13673

Lazaridis I., Reich D. Failure to replicate a genetic signal for sex bias in the steppe migration into Central Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. № 20 (114). P. E3873–E3874. DOI: 10.1073/pnas.1704308114

Lindner St. Chariots in the Eurasian Steppe: a Bayesian approach to the emergence of horse-drawn transport in the early second millennium BC // *Antiquity*. 2020. № 94 (374). P. 361–380. <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.37>

Littauer M.A., Crouwel J.H. The origin of the true chariot // *Antiquity*. 1996. № 70 (270). P. 934–939.

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., ..., Reich D. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. № 528. P. 499–503.

Morozova I, Flegonov P, Mikheyev A., ..., Tatarinova T. Toward high-resolution population genomics using archaeological samples // DNA Research. 2016. № 4 (23). P. 295-310. DOI: 10.1093/dnares/dsw029

Mühlemann B., Jones T., Terry C., ..., Wallerslev E. Ancient hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval period // Nature. 2018. № 557 (7705), 17 may. P. 418–423.

Nomads and Networks: The Ancient Art and Culture of Kazakhstan. Princeton: Princeton University Press, 2012. 347 p.

Novozhenov V.A. Whence did the Cimmerians Came? Transcontinental Communications of the Early Nomads in the Lights of the Origin of the Cimmerians // Journal of Historical Archaeology & Anthropological Science. 2017. № 1 (3). P. 00058. DOI:10.15406/jhaas.2017.03.0005.

Novozhenov V. Human Population Genetics and Basic Problems of Central Asia Prehistory // Centenary of human population genetics (Moscow, 29–31 of May 2019). Moscow: Moscow State University, Institute of genetics RAS, 2019. P. 77-78.

Novozhenov V.A., Bedelbaeva M.V. Figurative Monuments and Rock Art traditions of the Kazakh Steppe // Art of the Orient. 2018. Vol. 7 / Jerzy Malinowski, Bogna Łakomska (Eds.). Proceedings of the International Conference in Kracow. Torun: Polish Inst. of World Art Studies, 2018. P. 119-130.

Novozhenov V.A., Sydykov A.Zh. Bronze Age Transeurasian Communications // Отан тарихы. 2019. № 3 (87). C. 183-204.

Piggott St. Wagon, chariot, and carriage: symbol and status in the history of transport. London: Thames & Hudson, 1992. 184 p.

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., ..., Wallerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. 2019. № 570. P. 182–188.

Siska V., Jones E.R., Jeon C., ..., Manica A. Genome-wide data from two early Neolithic East Asian individuals dating to 7700 years ago // Sci. Adv. 2017. № 3. P. e1601877. DOI: 10.1126/sciadv.1601877. PMID: 28164156; PMCID: PMC5287702.

Shinde V., Narasimhan V.M., Rohland N., ..., Reich D. An Ancient Harappan Genome Lacks Ancestry from Steppe Pastoralists or Iranian Farmers // Cell. 2019. № 179. P. 1-7, <https://doi.org/10.1016/j.cell.2019.08.048>

Shvets I. Kazakh Petroglyphs in the Light of Recently Discovered Stations and Their Dating // Pictures in Transformation: Rock Art Research between Central Asia and the Subcontinent (South Asian Archaeology 2007/2) / L. M. Olivieri (Hrsg.). Oxford, BAR S 2167, 2010. P. 77-81.

Shvets I.N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archäologie Kasachstans. Bd. 1. Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 267 s., 151 tafeln.

Wang C., Yeh H., Popov A.N., ..., Reich D. The Genomic Formation of Human Populations in East Asia. 2020. https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2020.03.25.004606v1?fbclid=IwAR0itf1_5k-1gO1oT5U6f3xN72mayBAUDu4NOody69eH8BKPza2_4ckKzF4 DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.03.25.004606>

Wang C., Yeh H., Popov A.N., ..., Reich D. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // Nature. 2021. № 591. P. 413–419. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03336-2>

Wu Hsiao-yun. Chariots in Early China: Origins, cultural interaction and identity // BAR Int. Series (S2457). Oxford: Archaeopress, 2013. 137 p.

А.В. ПОЛЯКОВ

Поляков Андрей Владимирович,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия, poliakov@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЛОЖЕНИЯ КАРАСУКСКИХ ПАМЯТНИКОВ на ЕНИСЕЕ

Аннотация. В статье описано современное состояние изучения проблемы сложения памятников карасукского типа на Среднем Енисее. Обоснована миграционная концепция их формирования, предполагающая малое участие в этом процессе местных андроновских племён. Сформулированы основные признаки погребального обряда населения, пришедшего на Енисей в конце XV в. до н.э., которые связаны с высоким уровнем обработки камня и металла, уникальным погребальным обрядом и традицией помещения в могилу «мясной» сопроводительной пищи в виде определённого набора кусков мяса. Дано описание уникального типа ножей, связанных исключительно с этим начальным этапом сложения карасукских памятников, и отмечено использование для их изготовления бронзы с высоким содержанием лигатуры оловом (до 20-25%). В результате сделан вывод о наиболее вероятном происхождении данной миграционной «волны» с территории Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Минусинские котловины, Средний Енисей, период поздней бронзы, происхождение, миграция, карасукский тип памятников

Поляков Андрей Владимирович,
РГА Материалдық мәдениет тарихы институты,
Санкт-Петербург қ., Ресей, poliakov@yandex.ru

ЕНИСЕЙДЕГІ КАРАСУК ЕСКЕРТКІШТЕРІ ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ КӨШІ-ҚОН ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ

Аннотация. Мақалада Орта Енисейдегі Карасук типіндегі ескерткіштердің қалыптасу мәселесін зерттеудің қазіргі жағдайы сипатталған. Жергілікті андронов тайпаларының осы үрдісте аз қатысуын көздейтін оларды қалыптастырудың көші-қон тұжырымдамасы негізделген. Б.д.д. XV ғ. соңында Енисейге келген тұрғындардың тас пен металды өңдеудің жоғары деңгейімен, ерекше жерлеу рәсімімен және қабірге белгілі бір ет кесектері түрінде «ет» тағамымен бірге орналастыру дәстүрімен байланысты жерлеу рәсімінің негізгі белгілері қалыптасқан. Карасук ескерткіштерінің қалыптасуының осы бастапқы кезеңімен ғана байланысты пышақтардың ерекше түріне сипаттама берілді, оларды жасау үшін қалайы лигатурасы жоғары қола (20–25% дейін) қолданылғаны атап өтілді. Нәтижесінде осы көші-қон «толқынының» Орталық Қазақстан аумағынан шығу ықтималдығы туралы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: Минусинск шұңқырлары, Орта Енисей, кейінгі қола кезеңі, шығу тегі, көші-қон, Карасук типті ескерткіштер

Andrey Poliakov,
Institute for the History of Material Culture of RAS,
Saint-Petersburg, Russia; poliakov@yandex.ru

MIGRATION CONCEPT of FORMING the KARASUK SITES on the YENISEY RIVER

Abstract. The article describes the modern-day situation in studying the problem of development of the sites of the Karasuk type in the middle stream of the Yenisey river. The migration concept of shaping those sites is argued,

© 2021 г. А.В. Поляков

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

which assumes little participation in the process of local Andronovo tribes. The basic features of the funeral rite of the immigrants, are formulated, who came to the Yenisey basin at the end of the 15th c. BCE, these features connected with the high standards of stone and metal manufacture, unique funeral rite, and a tradition to put “meaty” accompanying food in a grave, which consisted of a determined set of pieces of meat. A description of a unique type of knives is provided, which is bound to this initial stage of forming the Karasuk sites exclusively. It is also noted, that these knives were made of bronze with a high percentage of tin alloy (up to 20-25%). The resulting conclusion is that this “migration wave” originates most probably in the territory of Central Kazakhstan.

Keywords: Minusinsk basins, Middle Yenisey, Late Bronze, origin, migration, Karasuk type of sites

В изучении периода поздней бронзы (далее ППБ – прим. авт.) Минусинских котловин в последние десятилетия наметился очень серьёзный прорыв. Эта группа памятников была обособлена С.А. Теплоуховым как карасукская культура почти 100 лет назад [Теплоухов, 1927; 1929]. Вопрос происхождения оставившего их населения чрезвычайно сложен. В отличие от более ранних археологических культур Среднего Енисея, ППБ не является монолитным по своей внутренней структуре. Современные исследования показывают, что афанасьевская, окуневская и андроновская культуры появились в Минусинских котловинах в результате мощных миграционных «волн», приведших к практически полной смене населения в регионе [Поляков, 2019; 2020; 2021]. Однако после этого, на протяжении всего своего развития они не претерпевали внешних инвазий, которые бы существенно повлияли на их материальную культуру и обрядность. Все отмеченные процессы являются преимущественно результатом их саморазвития. ППБ также получил старт в виде мощной миграции, но в дальнейшем наблюдается большое число изменений, которые также были привнесены извне в результате вливания в это общество различных новых коллективов.

Практически все исследователи рассматривают сложение «карасукской» культуры как результат взаимодействия местного населения и группы мигрантов. Однако соотношение численности этих групп, их прародина и другие важнейшие вопросы долгое время не находили у археологов единого ответа. Все исследования, проводившиеся в этом направлении, можно разделить на два магистральных направления. Первое из них, это сторонники концепции М.П. Грязнова, которые считали, что эти памятники складываются на основе местной андроновской культуры и последовательно проходят две стадии развития: карасукскую и каменноложскую [Грязнов, 1965, с. 66; Зиеп Динь Хоа, 1966; Максименков, 1978]. В основу этой теории легла концепция постоянного сохранения на одной территории автохтонной популяции. Было высказано мнение, что серьёзной смены населения в этот период не происходило. Все изменения были результатом либо культурных влияний, либо «инфильтрации незначительных групп населения» и связывались с переходом к новым формам хозяйствования [Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968, с. 180].

В противовес им выступали исследователи, не объединённые в общую группу, но развивающие весьма схожие идеи — Н.Л. Членова, Э.А. Новгородова, М.Д. Хлобыстина [Хлобыстина, 1963; Новгородова, 1970; Членова, 1972]. Они сходятся во мнении о возможности сосуществования в пределах довольно замкнутой области нескольких различных по своему происхождению популяций. Кроме того, они пытаются установить прямую связь между ранними культурами (афанасьевская, окуневская) и финалом поздней бронзы, явно занижая роль андроновской культуры и «карасукской» группы населения в развитии региона. Ими развивались разнообразные миграционные теории, предполагающие появление различных групп инोकультурного населения на территории Минусинских котловин. Причём рассматривался значительный спектр возможных вариантов «прародины» от Центрального Казахстана, до Ирана, Тибета и районов Центральной Азии (Монголия, Северный Китай).

Современные исследования, проведённые на основе анализа горизонтальной стратиграфии огромных могильных полей ППБ Минусинских котловин, позволили установить их относительную хронологию [Поляков, 2002; 2006; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008]. В результате был выделен наиболее ранний пласт захоронений – I этап, который собственно и следует называть

«карасукским». Более того, в его рамках удалось проследить определённые тенденции развития, дающие основания обособить наиболее ранний хронологический горизонт I-а. Именно на основе его материалов можно обоснованно изучать самый начальный этап формирования этих памятников. Сопоставляя его материалы с результатами исследований предшествующих культур, можно определить роль того или иного компонента, а также попытаться сформулировать основные признаки группы первоначальных мигрантов. По данным современного радиоуглеродного анализа памятники, оставленные этой группой населения, фиксируются начиная с финала XV в. до н.э. [Поляков, 2020, с. 43].

Наиболее важен вопрос об участии местного андроновского населения в формировании карасукской группы памятников. Роль андроновской культуры в широком понимании данного термина в этом процессе неоспорима. Нет сомнений, что памятники ППБ Минусинских котловин относятся к кругу постандроновских древностей. Наиболее сложный вопрос: какова доля, если она присутствует, именно местной группы населения. Учитывая, что все признаки памятников хронологического горизонта I-а имеют так или иначе андроновские корни, провести между ними границу, отделив местные по происхождению от привнесённых извне, было чрезвычайно сложно. Однако такое исследование необходимо, так как только чёткое выделение всей суммы признаков миграционной волны позволит с вескими основаниями обратиться к вопросу её истоков.

К сожалению, на сегодняшний день поселенческие памятники андроновской культуры и самого раннего хронологического горизонта ППБ Минусинских котловин (I этап) практически не изучены. В результате для анализа и сопоставления доступны только погребальные сооружения этого времени и находящийся в них инвентарь. Их подробное сравнение проведено в специальной работе и здесь мы ограничимся только констатацией уже сделанных выводов [Поляков, 2009а]. Анализ показывает, что черты сходства между андроновской культурой Среднего Енисея и памятниками хронологического горизонта I-а ППБ ограничиваются только редкими типами конструкций надмогильных сооружений и наземных цист. Остальные элементы обряда восходят к андроновским древностям, но не могут быть привязаны к конкретным андроновским памятникам Среднего Енисея. Кардинально отличаются все элементы погребального обряда: характеристики погребального сооружения, ориентировка, положение, тела, размещение инвентаря и его набор, а также присутствие в могиле сопроводительной пищи (рис. 1). Не менее разительны отличия артефактов, находящихся в могилах. Полностью отличается традиция изготовления керамических сосудов как технологически, так и на уровне морфологических признаков и орнаментальных традиций (рис. 2). Нет никаких переключек и среди остальных категорий инвентаря, попадающих в могилы.

Отдельно необходимо остановиться на проблеме переходных по своей сути погребений. Г.А. Максименков признавал полное отсутствие следов развития от андроновского к карасукскому погребальному обряду и объяснял это явление коротким периодом, в течение которого этот переход произошёл. Он предполагал, что число погребений с переходными признаками крайне мало, но со временем они будут обнаружены. Подобное предположение кажется маловероятным. Раскопано уже свыше 1500 погребений ранних этапов ППБ, соседствующих с андроновскими могильниками, но ни одного случая следов постепенного перехода обнаружено не было. Более того, в наиболее северных могильниках Ужур и Орак присутствует серия погребений с чертами механического смешения двух обрядов [Поляков, 2008]. Если «карасукская» традиция развивалась на основе андроновской, то подобной резкой черты на северной границе не должно быть. В данном случае наблюдается явление, когда, вероятно, в Назаровской котловине продолжают проживать группы андроновского населения, а чуть южнее в Чулымо-Енисейской – уже карасукские мигранты. По границе между котловинами проходит контактная зона, где и наблюдаются смешанные черты обряда.

Отсутствие переходных по своей сути погребений по всему ареалу делает границу более чем выразительной. Это позволяет предполагать, что роль местного андроновского населения в формировании ППБ была гораздо более скромной, чем это принято считать. Основную долю

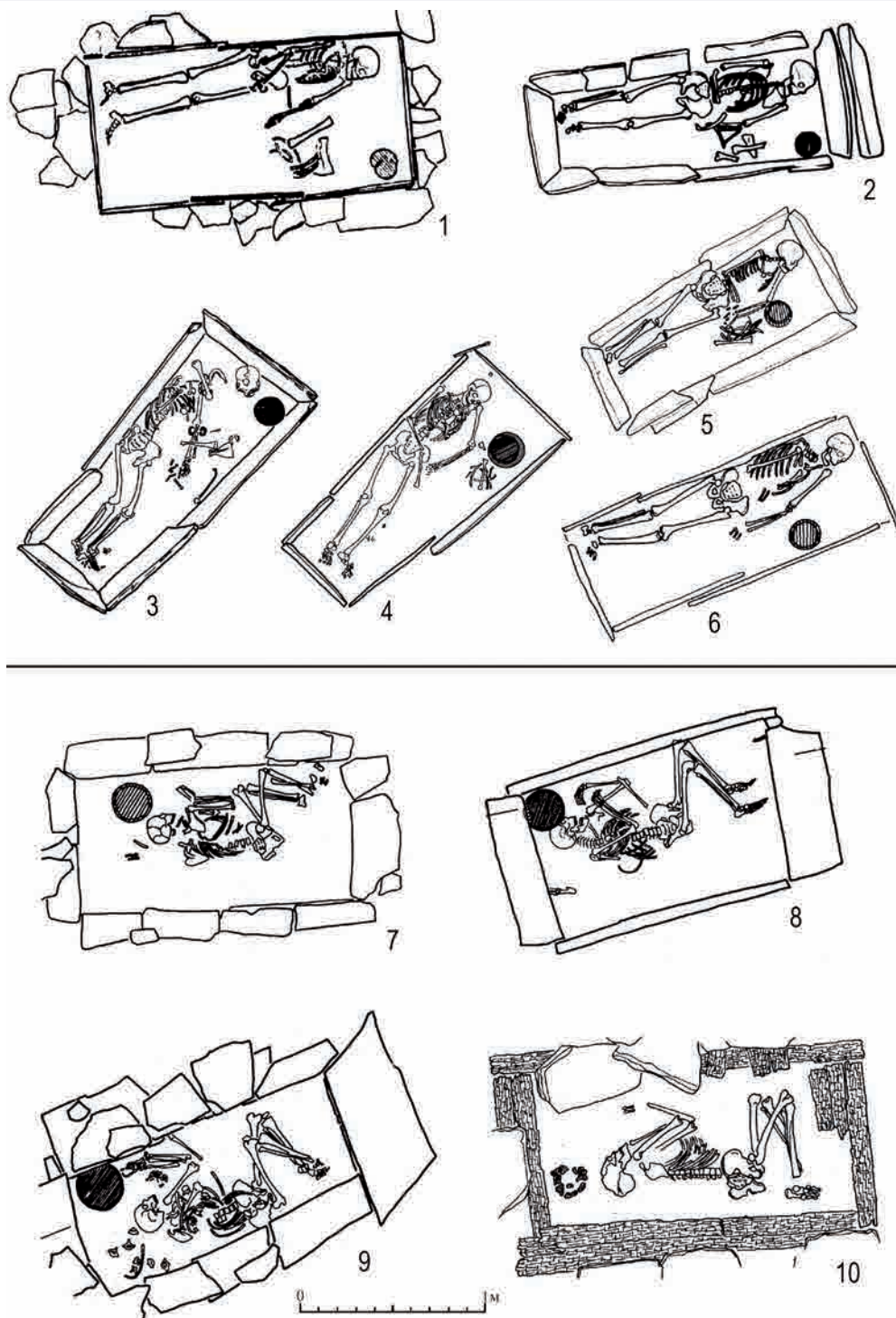

Рис. 1. Сопоставление чертежей типичных погребений андроновской культуры (7–10) и I этапа ППБ (1–6):

1 – Мара, кург. 1, мог. 2; 2 – Сухое Озеро II кург. 375 мог. 1; 3 – Карасук I, кург. 14;
 4 – Карасук I, огр. 25, мог. 4; 5 – Сухое Озеро II, кург. 64; 6 – Сухое Озеро II, кург. 109;
 7 – Сухое Озеро I, кург. 430, мог. 7; 8 – Пристань I, огр. 7, мог. 10; 9 – Пристань I, огр. 7, мог. 5;
 10 – Сухое Озеро I, кург. 442 мог. 1

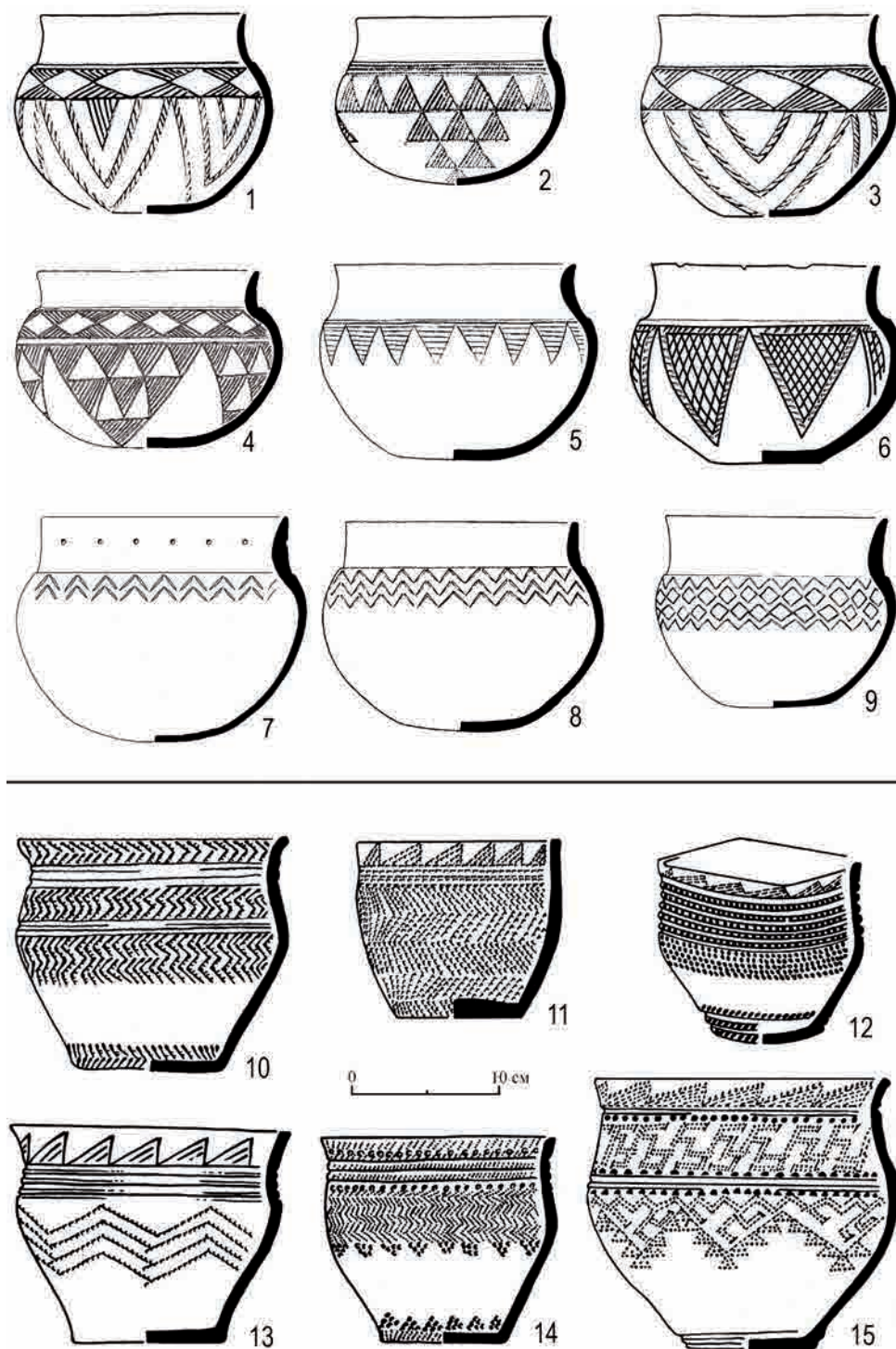

Рис. 2. Сопоставление типичных сосудов из погребений андроновской культуры (10–15) и I этапа ППБ (1–9): 1, 2 – Мара, кург. 1, мог. 1; 3 – Мара, кург. I, мог. 2; 4 – Тюрим, кург. 1, мог. 2; 5 – Малые Копёны III, кург. 80; 6 – Сухое Озеро II, кург. 81, мог. 3; 7 – Окунев Улус I, мог. 13; 8 – Малые Копёны III, кург. 12, мог. 2; 9 – Малые Копёны III, кург. 111, мог. 4; 10 – Пристань I, мог. 7; 11 – Пристань I, огр. 7, мог. 4; 12 – Сухое Озеро I, кург. 243; 13 – Солёноозёрная I, мог. 15; 14 – Солёноозёрная I, мог. 4; 15 – Пристань I, мог. 1

населения составили мигранты, оттеснившие, по всей видимости, своих предшественников на север в Назаровскую котловину. Они принесли с собой собственную традицию погребального обряда и единственное, что связывает их с местным андроновским населением, это внешние признаки некоторых типов погребальных сооружений, которые они могли видеть на оставленных кладбищах.

В результате следует признать, что описание наиболее хронологически ранних погребений ППБ горизонта I-а и представляет собой обряд того самого населения, которое в результате миграции сформировало начало карасукской традиции на Среднем Енисее. Следует сразу отметить, что он отличается удивительной унифицированностью и стандартизацией. Отсутствует какое-либо разнообразие признаков, характерное для процессов постепенного сложения культуры. Это является ещё одним доказательством сугубо миграционной концепции сложения данного пласта памятников.

Попытаемся сформулировать основные признаки погребального обряда этой группы населения. Наземные конструкции курганов представляют собой ограды прямоугольной формы, сооружённые из тонких вертикально вкопанных плит песчаника. Высота ограды над уровнем древнего горизонта составляла 0,5–0,9 м [Грязнов и др., 2010, с. 45]. Вариант круглых оград из плит, сложенных плашмя, значительно более редок и, возможно, действительно является результатом наблюдений за кладбищами андроновской культуры. Размеры оград в среднем 7×8 м, но встречаются и крупные сооружения со сторонами до 18 м в длину. Чаще всего это одиночные ограды, но встречаются и системы многочисленных пристроек (26,7% случаев). Сплошной насыпи внутри ограды не было. Надмогильное сооружение представляло собой небольшую земляную насыпь непосредственно над могилой, диаметром 2–3 м. Иногда удаётся проследить облицовку этой насыпи каменными плитами в один слой.

Могила в ограде обычно одна. Она оформлена в виде грунтовой ямы прямоугольной или трапезиевидной формы, облицованной по стенкам тонкими каменными плитами (каменный ящик). Чаще всего каждая стенка оформлена одной плитой. Впускалась могила с уровня древнего горизонта. Верхние края каменного ящика выравнивались так, чтобы выступать над ним на несколько сантиметров. Вокруг могилы делалась «обкладка» из плашмя положенных плит, на которую опиралось перекрытие, чаще всего выполненное из одной тонкой плиты песчаника (реже из 2–3 плит). Размеры могилы всегда точно соответствуют антропометрическим данным погребённого [Грязнов и др., 2010, с. 47; прил. II табл. 7].

Захоронения представляют собой одиночные труположения, головой в северо-восточный сектор (рис. 1, I–6). При этом у всех погребённых фиксируется совершенно устойчивое положение тела [Поляков, 2009б]. Они размещались в вытянутом положении на левом боку вполоборота. Ноги вытянуты или слабо согнуты, руки: левая вытянута вдоль тела, правая немного согнута и кистью лежит на крыле таза. Для придания такой своеобразной позы тело облакачивали либо на стенку ящика, либо, вероятно, использовались подушки из органических материалов, которые не сохранились. Подобное положение тела ни до, ни после в археологических культурах Минусинских котловин не встречается.

Не менее значимым является размещение в могиле сопроводительного инвентаря и пищи. В погребение помещался один или гораздо реже два сосуда. Причём располагались они строго регламентировано напротив лица или груди погребённого (рис. 1, I–6). Второй важнейший элемент — сопроводительная мясная пища, которая фиксируется в могилах в виде костей животного (чаще всего овца, реже корова или лошадь). Их обнаруживают чаще всего напротив груди или пояса погребённого (рис. 1, I–6). Вероятно, это были куски мяса, уложенные на деревянное блюдо, поверх них мог лежать столовый прибор: бронзовые нож и шило. Такой набор встречается в каждой могиле и строго определён: лопатка, рёбра и кости ноги. В привилегированных погребениях находят по два и более таких комплектов [Грязнов и др., 2010, с. 64; прил. II табл. 13].

Особо следует отметить, что размещение в могиле тела погребённого, сосудов и «мясной пищи» является устойчиво взаимосвязанным. В археологической среде даже появилось выражение:

«поза отдыхающего кочевника». Действительно, вся эта строго регламентированная композиция представляет собой естественное положение человека, расположившегося отдохнуть и принять пищу. Горшки с питьём и блюдо с кусками мяса и столовым прибором на них стоят перед лицом, грудью или поясом, куда он может спокойно дотянуться. Это можно также рассматривать как участие в своей заупокойной тризне. Принципиально иная идея заложена при традиционном положении тела в андроновских погребениях — на боку в позе «адорации». При этом сосуд зачастую оказывается над головой или за затылком. Здесь присутствует принципиально иная религиозная идея. Важен сам факт наличия пищи в могиле, но взаимодействие с ней не предполагается. Точно такая же ситуация с погребениями III–IV этапов ППБ и подгорновских захоронений тагарского времени. И сосуд, и кости животного присутствуют, но положение тела на спине и помещение последних возле ступней не предполагает какого-то взаимодействия.

Чаще всего в погребении фиксируется один сосуд, гораздо реже – два. Они кардинально по всем признакам отличаются от местной андроновской традиции [Поляков, 2009а, с. 99–102]. Сосуды имеют горшковидную форму с уплощённым дном и отличаются лощёной поверхностью и великолепным обжигом (рис. 2, 1–9). У большинства из них по шейке идёт ярко выраженный уступ, над которым находится высокий не орнаментированный венчик с приострѐнным краем. Вниз от уступа на плечиках сосуда нанесены орнаменты, выполненные в подавляющем большинстве гладким штампом. Их набор довольно ограничен и повторяется на сосудах из совершенно разных могильников. Чаще всего это две линии горизонтальных зигзагов, равнобедренные треугольные шевроны, полоса из двух линий заштрихованных треугольников, обращѐнных вершинами друг к другу, заштрихованные ленты, образующие треугольные шевроны. Другие варианты орнамента единичны и не образуют серий.

Набор остального сопроводительного инвентаря чрезвычайно скуден (рис. 3). Предметы вооружения и орудия труда отсутствуют полностью. Чаще всего в могилах представлены ножи, входящие в состав столового прибора, лежащего на костях сопроводительной пищи, иногда в комплекте с шилом (четырёхгранное обоюдоострое). Эти однолезвийные ножи обладают совершенно уникальным обликом, не предполагающим какие-либо вариации. Они представлены дугообразнообушковой формой с кольцевым навершием. Причѐм кольцо имеет внешний острый край. Профиль рукоятки двутавровой со сглаженными гранями. Переход от рукоятки к клинку плавный без шипа или уступа, но в этом месте фиксируются несколько поперечных объѐмных валиков на плоскости ножа. Профиль клинка тавровый, также с плавными переходами. Зачастую в могилу попадают сильно сработанные образцы, частично потерявшие первоначальную форму.

Кроме ножей в погребениях изредка находят сохранившиеся детали костюма. Чаще всего это бронзовые проволочные кольца различного диаметра в несколько оборотов (рис. 3, 8–13). Их находят обычно в районе височных долей черепа и традиционно называют «височными кольцами». Кроме того, иногда находят остатки ожерелий, набранных из аргиллитовых пронизок цилиндрической формы (рис. 3, 5). Остальные находки носят единичный характер и не могут характеризовать погребения этого периода.

Необходимо отметить, что бронза из этих захоронений часто легирована очень значительным количеством олова (до 20–25%) [Хаврин, 2010]. Это чрезвычайно важный показатель, так как на территории Минусинских котловин своих месторождений олова нет, а ближайшие расположены в Восточном Казахстане. В дальнейшем в процессе времени происходит постепенное снижение этого процента и переход к мышьяковистой меди, что явно отражает процесс потери контактов с источниками олова.

Подводя итог, следует акцентировать внимание на нескольких наиболее важных моментах, ярко характеризующих группу мигрантов, сформировавших карасукский тип памятников. Во-первых, ни до них, ни после, ни один из населявших Минусинские котловины народов не достигал таких высот в изготовлении и обработке плит песчаника. Они очень тонкие (2–3 см) и ровные

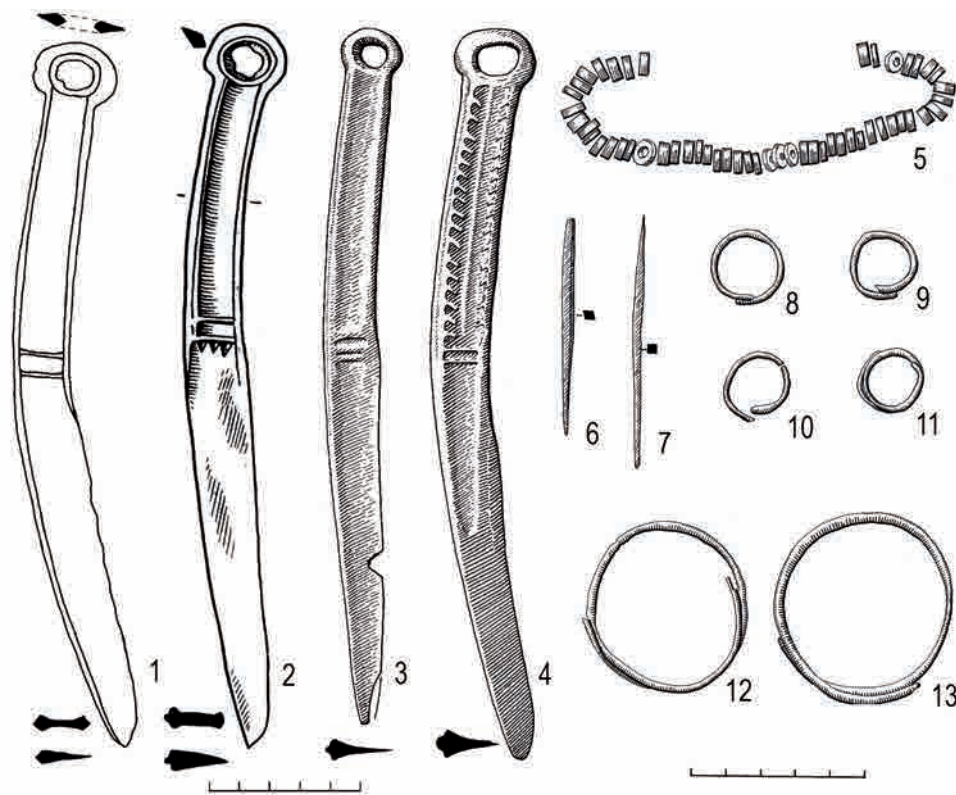

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь из погребений I этапа ППБ:
 1 – Карасук I, огр. 18, мог. 2; 2 – Уйбат I, мог. 10; 3 – Сухое Озеро II, кург. 252, мог. 4;
 4 – Сухое Озеро II, кург. 349, мог. 1; 5 – 13 – Сухое Озеро II

при значительных размерах. Все конструкции захоронений изготавливались только из них, дерево не использовалось. То есть на своей прародине это население достигло серьёзных высот именно в обработке песчаника. Во-вторых, обряд погребения крайне специфичен и однотипен, никаких вариаций. Обращает на себя внимание совершенно уникальная традиция размещения тела и сопроводительного инвентаря, что является отражением особых религиозных представлений. Впервые именно в этих погребениях, причём в каждой могиле, появляется устоявшийся набор костей животных, чего прежде не фиксировалось. В дальнейшем эта традиция просуществовала ещё долгие столетия и подошла к финалу только к середине скифской эпохи. Наконец, в-третьих, огромное значение играет высокоуровневая металлургия с активным использованием олова для изготовления бронзы. Источники олова, которые могли разрабатываться в эпоху палеометалла, очень немногочисленны и наиболее близкие известные рудные поля расположены в Восточном Казахстане.

Существуют два основных направления, на которые указывают исследователи карасукских древностей в поисках прародины. Первое — связывает происхождение группы мигрантов с расположенными к юго-востоку областями современной Монголии и Северного Китая. Ряд исследователей полагает, что именно там сформировалась уникальная металлургическая традиция, позднее через Саяны проникшая в Южную Сибирь [Теплоухов, 1927, с. 101–106; Киселёв, 1951, с. 142–145; Хлобыстина, 1962, с. 24–27; Новгородова, 1970, с. 171–176]. При этом численность мигрантов и их удельный вес в карасукском обществе обычно не указывается, что даёт оппонентам право ссылаться на возможное существование торговых связей, тем более что в качестве аргумента

используется бронзолитейная традиция (ПНН – «предметы неизвестного назначения», ножи с зооморфными и «трёхкнопочными» навершиями). Все эти признаки относятся исключительно ко II и III хронологическим этапам. В наиболее ранней группе (горизонт I-a) указанные изделия отсутствуют. Следовательно, на стадии первоначального формирования культуры связи с населением юго-восточных регионов не фиксируются. Их роль проявилась позднее, и она отчётливо связана с выделением II этапа, для которого ножи с «трёхкнопочными» навершиями являются одним из важнейших признаков.

Второе направление, которое часто упоминается в работах исследователей — Центральный Казахстан [Кызласов, 1971, с. 179–188; Вадецкая, 1986, с. 61–63; Паульс, 2000, с. 111–112]. Действительно, можно найти множество явлений и изделий, имеющих устойчивые связи с памятниками андроновского и постандроновского времени, расположенными к западу от Енисея. Наиболее отчётливые параллели фиксируются в атасуских (алакульских) и бегазы-дандыбаевских комплексах Центрального Казахстана. В них наблюдаются, хоть и в различной степени, многие признаки: использование исключительно каменных плит при сооружении курганов, прямоугольные оградки, каменные ящики трапециевидной формы, сдвоенные ящики, некоторые признаки сосудов, небольшие ящики, пристроенные к внешней стороне ограды [Паульс, 2000, с. 111–112]. При сопоставлении с наиболее ранним горизонтом памятников (I-a) действительно можно установить определённые параллели. Например, существуют аналогии уникальному положению тела с опорой на стенку могилы и соответствующим расположением конечностей [Маргулан и др., 1966, рис. 33]. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что в составе карасукской культуры отчётливо прослеживается алакульский компонент, наиболее ярко проявляющийся в особенностях керамики (равнобедренные треугольные шевроны, уступ, отсутствие орнамента на венчике, преобладание резной техники нанесения) [Киселёв, 1951, с. 139; Кызласов, 1971, с. 179–188].

Таким образом, можно подвести некоторый итог. На основе анализа относительной хронологии и культуругенеза памятников поздней бронзы Минусинских котловин наиболее вероятным представляется их происхождение на основе миграционной волны из районов Центрального Казахстана, проходящей, возможно, через территорию Верхней Оби. Местное андроновское население участвовало в процессе сложения нового общества в значительно меньшей степени. Представление о заметном влиянии окуневской и центрально-азиатских культур на стадии формирования самого раннего горизонта не согласуется с полученными данными по относительной хронологии. Их воздействие фиксируется несколько позднее при сложении II хронологического этапа.

ЛИТЕРАТУРА

- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб: «Петербургское Востоковедение», 2010. 200 с.
- Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А. Карасукская культура // История Сибири с древнейших времён до наших дней / отв. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука ЛО, 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 180–187.
- Зиен Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. 18 с.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Кызласов Л.Р. Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170–188.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1966. 436 с.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 192 с.

Паульс Е.Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение Археология Ритуал Культура. СПб., 2000. С. 104–118.

Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье / отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. С. 209–213.

Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.

Поляков А.В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: Ин-т археологии РАН, 2008. Т. I. С. 440–442.

Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009а. № 4. С. 90–109.

Поляков А.В. Положение тела погребённого в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы / отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакаское книжное издательство, 2009б. С. 40–43.

Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 91–108.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2020. 54 с.

Поляков А.В. Роль миграционных процессов в сложении культур периода палеометалла Минусинских котловин // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: м-лы XI Междунар. науч. конф. (г. Абакан, 8–11 сентября 2021 г.) / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 104–108.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 91–108.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Хаврин С.В. Металл могильника Кюргеннер // В книге: Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пишеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2010. С. 102–106.

Хлобыстина М.Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.: Наука, 1962. 32 с.

Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакаско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963. 19 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.

И. ПЫСЛАРУ

Пыслару Ион,
Археологический музей «Каллатис»,
Мангалия, Румыния, ipaslaru50@gmail.com

СКотоводство или животноводство? Вопросы терминологии

Аннотация. В статье подняты вопросы, касающиеся терминологии в одной из важнейших отраслей древнего хозяйства – животноводства. Приведены некоторые ситуации подмены понятий, что приводит к неверному пониманию излагаемых фактов и их искажению. Создавшаяся ситуация заключена в недостатке знаний у археологов и историков из области биологии.

Ключевые слова: животноводство, скотоводство, овцеводство, козоводство, коневодство

Пыслару Ион,
«Каллатис» археологиялық музейі,
Мангалия, Румыния, ipaslaru50@gmail.com

МАЛ ӨСІРУ НЕМЕСЕ МАЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ? Терминология мәселелері

Аннотация. Мақалада ежелгі шаруашылықтың маңызды салаларының бірі – мал шаруашылығының терминологиясына қатысты мәселелер көтерілген. Көрсетілген фактілерді дұрыс түсінбеуге және оларды бұрмалауға әкелетін түсініктерді ауыстырудың кейбір қырлары келтірілген. Қалыптасқан жағдай археологтар мен тарихшылардың биология саласы бойынша білімінің жеткіліксіздігімен байланысты.

Түйін сөздер: мал шаруашылығы, мал өсіру, қой шаруашылығы, ешкі шаруашылығы, жылқы шаруашылығы

Ion Pyslaru,
Archaeological Museum «Callatis»,
Mangalia, Romania, ipaslaru50@gmail.com

CATTLE BREEDING or ANIMAL HUSBANDRY? Terminology issues

Abstract. The article raises questions related to terminology in one of the most important branches of the ancient economy - animal husbandry. Some situations of substitution of concepts are given, which leads to a misunderstanding of the stated facts and their distortion. The current situation lies in the lack of knowledge among archaeologists and historians from the field of biology.

Keywords: animal husbandry, cattle breeding, sheep breeding, goat breeding, horse breeding

Тема животноводства/скотоводства, как аспекта хозяйственной деятельности человечества в древности, средневековье и вплоть до наших дней, очень часто поднимается в науке и, в частности,

в археологической литературе. Однако, необходимо признать, что при ближайшем рассмотрении этой темы в используемой терминологии обнаруживаются весьма серьезные проблемы в понимании и интерпретации этих весьма важных понятий. Дело в том, что животноводство, являясь в сельском хозяйстве наряду с земледелием одной из важнейших отраслей, включает содержание и разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец, коз, кур, уток и пр., которыми занимаются такие направления животноводства, как скотоводство, коневодство, овцеводство, козоводство, птицеводство и др. Из этого следует, что скотоводство – одна лишь из сфер занятия животноводством. Тем не менее, в археологической, исторической и этнографической литературе термин «скотоводство» используется в значении «животноводство».

Довольно часто в бытовом лексиконе и в художественной литературе для обозначения животных употребляют термин «скот». В примитивном сельском домашнем хозяйстве термин «скот» применяют не только к крупным парнокопытным млекопитающим (бык, корова), т. н. «крупный рогатый скот» (КРС), но и для обозначения животных, таких как овцы и козы, обозначаемых как «мелкий рогатый скот» (МРС). Поскольку быки использовались для транспортировки грузов, то их иногда называют «тягловым или рабочим скотом». Под это обозначение попали и другие животные – лошадь, осёл, верблюд и др.

В разговорной речи для всех домашних животных (коровы, лошади, свиньи, овцы, козы, куры, утки и др.) используют слова: «скот» или «скотина». Но данная терминология, свойственная бытовой речи, не должна и не может быть перенесена автоматически в научные исследования. Использование археологами и этнографами термина «скот» в расширительном смысле по отношению к животным различных видов вносит хаос в понятийный исследовательский аппарат, поскольку совсем неясно, как и что надо понимать под этим расширительными терминами «скот» и «скотоводство».

В биологии, в зоотехнии термин «скотоводство» подразумевает только лишь «отрасль животноводства, занимающуюся разведением и использованием домашнего крупного рогатого скота» [Зимовнова, 1988, с. 3]. При этом стандарт, устанавливающий термины и определения понятий в области скотоводства, указывает, что термины обязательны для применения во всех видах документации и литературы, входящих в сферу деятельности по стандартизации или использующих результаты этой деятельности.

Близка определению понятия «скотоводство» и статья в Большой российской энциклопедии (БРЭ), которая трактует скотоводство как доминирующую **отрасль животноводства**, специализирующуюся на **разведении крупного рогатого скота для получения молока**, говядины, **кожевенного сырья**, а также в качестве **тягловой** силы. [Двалишвили, 2015, с. 369].

В то же время под «животноводством» понимается отрасль сельского хозяйства, занимающаяся разведением животных. Она обеспечивает население продуктами питания (молоко, мясо, сало, яйца, мёд и др.), поставяет сырьё для пищевой, лёгкой (шерсть, кожа, щетина и др.) и перерабатывающей промышленности (воск, кости и др.), предоставляет живую тягловую силу (лошади, волю, мулы, верблюды, олени) и др. Отраслями животноводства считаются следующие: скотоводство, свиноводство, овцеводство, козоводство, коневодство, верблюдоводство, птицеводство, рыбоводство, пчеловодство, кролиководство, звероводство, оленеводство, ословодство, муловодство, собаководство, шелководство [Фисинин, Шнирельман, 2008, с. 59–62].

Иногда в просторечии для домашних животных используют и другие обозначения – «живность», «животина» и др., что приближает нас к пониманию термина «животноводство». Некоторые археологи и этнографы часто используют термин «скотоводство», трактуя его очень широко и которым неправомерно подменяют термин «животноводство».

Термин, как таковой, в научной и научно-технической сферах является основной лексической единицей. Он же, по сути, является также и названием. Называя определенный предмет или явление в любой области научных знаний, термин способен выражать специально-профессиональное, научное

или техническое понятие. Термин – «наиболее информативная единица естественного языка» [Квитко, 1976, с. 19]. Термин или слово/словосочетание специальной сферы употребления является не только точным носителем информации о научном понятии, но и наименованием специального понятия, требующее дефиниции [Даниленко, 1977, с. 14]. В основе каждого термина обязательно лежит определение (дефиниция) обозначаемой им реалии, благодаря чему термины представляют собой емкую и в то же время сжатую характеристику предмета или явления [Бартенев, Гредина, 2013, с. 46].

Как элемент терминологии или терминосистемы, термин представляет собой совокупность всех вариантов определенного слова/словосочетания, выражающих профессиональное понятие, относящееся к определенной специальной области производства, науки, искусства. Однако слово, будучи элементом естественного языка, не тождественно термину специализированного языка одного из видов познания [Ракитов, 1977, с. 31–34].

Увы, в археологических, исторических и этнографических исследованиях с терминологией не всегда все так просто и ясно. Приведем в качестве примера исследования А.Ю. Рассадникова, сотрудника Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований в г. Екатеринбурге, специализирующегося в области археозоологии. Приводя данные по анализу археозоологического исследования материалов поселения позднего бронзового века Черноречье-2 на левом берегу р. Уй (Троицкий р-н, Челябинская обл.), автор заключает, что экономика поселка Черноречье-2 была основана на животноводстве, заключающемся в разведении и комплексной эксплуатации МРС, КРС и лошади [Рассадников, 2021, с. 96]. Далее, указав на то, что жители поселка, бывшие развитыми оседлыми скотоводами (т. е. занимавшиеся разведением крупного рогатого скота), комплексно эксплуатировали еще и мелкий рогатый скот (козы, овцы), а также лошадь [Рассадников, 2021, с. 99]. Это надо понимать так, что кроме скотоводства население поселка занималось и другими отраслями животноводства, такими как овцеводство, козоводство и коневодство. И потому автор справедливо делает вывод, что животноводство было основным источником получения продуктов питания и что оседлая форма животноводства была основной моделью выпаса стада домашнего скота [Рассадников, 2021, с. 99].

В другой своей работе на базе исследования археозоологического материала, найденного на укрепленном поселении Каменный Амбар на левобережье р. Карагайлы-Аят (Карталинский р-н, Челябинская обл.), исследовавшегося международной комплексной экспедицией Института истории и археологии УрО РАН (рук. Л.Н. Корякова), Института минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, Института геофизики УрО РАН, Института экологии растений и животных УрО РАН и Франкфуртского университета [Корякова и др., 2011, с. 61–74], автор идентифицирует поселок как круглогодичный поселок оседлых скотоводов, которые свою систему жизнеобеспечения базировали на комплексном и развитом животноводстве с опорой на разведение не только КРС (крупного рогатого скота, т. е. на скотоводстве), но и МРС (мелкого рогатого скота, т. е. овцеводстве/козоводстве), а также лошади (коневодство). Тем не менее, со ссылкой на материалы жертвенника синташтинского времени (2030–1870 (2050–1760) гг. до н.э.), автор предполагает, что Каменный Амбар – пример того, «как мобильные группы скотоводов за короткий промежуток времени перешли на оседлую модель скотоводства». Из этого контекста ясно, что под скотоводством автор имеет в виду животноводство. Кроме того, при рассмотрении таблицы соотношения видов животных и категорий материала на поселении Каменный Амбар мы увидели, что наряду со скотоводством ($47,48\% \pm 0,75\%$) у жителей поселка было развито овцеводство/козоводство ($46,57\% \pm 0,75\%$), в то время как коневодство составило лишь $4,47\% \pm 0,31\%$. Кроме того, выявилось, что жители поселка разводили также и свиней ($0,43\% \pm 0,09\%$), и собак ($1,03\% \pm 0,15\%$). Все свои выводы исследователь строит на количественных показателях костей животных без определения числа особей по каждому виду [Рассадников, 2021, с. 99].

Итак, перед нами из рассмотренного материала вытекает, что население Каменного амбара не было только скотоводами, но оно имело развитое комплексное и оседлое животноводство и было бы правильным говорить об «оседлом животноводстве», а не об «оседлом скотоводстве».

В противовес «оседлому скотоводству» в археологии и этнографии бытует термин «кочевое скотоводство». Что имеется в виду при использовании этого термина? Разведение и использование крупного рогатого скота в кочевых условиях или что-то другое?

В своей статье М.И. Артамонов пишет, что, исходя из имеющихся археологических данных, в условиях Южной Евразии с самого начала существования производящего хозяйства земледелие и скотоводство выступают не только одновременно, но и вместе друг с другом. Здесь отчетливо выступает смысл, что автор использовал термин «скотоводство» вместо «животноводство». И далее из текста его статьи вытекает, что когда речь идет об отделении скотоводства от земледелия, ставшего специализированным видом хозяйственной деятельности, речь идет конечно же о животноводстве, а не о выращивании крупного рогатого скота, чем собственно и занимается скотоводство [Артамонов, 1977, с. 5].

В древних погребениях сальско-манычской степи, по мнению М.И. Артамонова, отчетливо выступают признаки скотоводческого хозяйства её древнего населения. Там разводили преимущественно мелкий рогатый скот – овец. Получается, что в Калмыкии в древности, как и теперь, жили овцеводы и что, не будучи связанными земледелием, они могли вести кочевой образ жизни [Артамонов, 1977, с. 6–7].

И вновь подчеркнем, что в данном случае т. н. «скотоводческое хозяйство» представлено овцеводством (выращиванием и использованием мелкого рогатого скота – овец и коз), а не скотоводством (выращиванием и использованием крупного рогатого скота – коров и быков).

О кочевом скотоводстве как виде производящей экономики пишет и монгольский исследователь Жамбалдорж Жаргалсайхан. Ставя знак равенства между кочевничеством (номадизмом) и экстенсивным подвижным кочевым скотоводством, автор, со ссылкой на российских ученых, говорит о географическом и техническом факторах возникновения «кочевого скотоводства». Кочевое скотоводство, по словам автора, возникло на основе животноводства. Появление же самого животноводства было большим прогрессом в развитии цивилизации. Домашний скот стал собственностью, показателем богатства, мерой стоимости. Далее автор сделал важное замечание, когда уравнивал два понятия «животноводство» и «скотоводство». С развитием первых производственных отношений, пишет он, животноводство (скотоводство) и его продукты стали служить основой экономического отношения между обществами [Жаргалсайхан, 2018, с. 6–7].

Американский исследователь Томас Барфилд говорит, что пасторальный номадизм или в переводе «кочевое скотоводство» является обычно используемым термином для обозначения формы подвижного животноводства, при которой семьи мигрируют со своими животными с одного сезонного пастбища на другое в годовом цикле. Стада состояли из ряда травоядных животных, в том числе овец, коз, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов и иногда яков. Изменения состава стада были особенно частыми среди пасторалистов, которые эксплуатировали более маргинальные районы, где, например, козы выживали лучше, чем овцы, либо где засушливость способствовала разведению верблюдов, а не разведению лошадей. Поскольку овцы быстро воспроизводились, то на Монгольском плато их насчитывалось от 50 до 60% всех разводимых животных, хотя их численность уменьшалась в тех частях Монголии, где пастбища были бедны травами. Процент овец достигал своего максимума в стадах тех племен номадов, которые разводили овец для торговли мерлушками или для продажи животных на мясо. Так, при одних и тех же экологических условиях в долине реки Или/Иле (XIX в.) овцы составляли 76% стад у казахов, занимавшихся торговлей мерлушками, в то время как в стадах калмыков, более ориентированных на продукты питания, их было 45%. Хотя овцы были более важны экономически, тем не менее разводили еще и лошадей – предмет гордости

у степных номадов [Барфилд, 2002, с. 416]. Из приведенных данных отчетливо видно, что основу кочевого животноводства в вышеперечисленных примерах составляет не скотоводство (разведение крупного рогатого скота), а овцеводство и коневодство.

Гульмира Орынбаева в своем исследовании поднимает вопросы организации кочевого и полукочевого хозяйства у казахов аридной зоны. Со ссылкой на Н.Э. Масанова она говорит, что для ведения круглогодичного кочевого образа жизни был необходим определенный лимит скота, это примерно 100–150 овец либо 25 лошадей, 15–20 верблюдов [Масанов, 2011, с. 481; Орынбаева, 2015].

Заметим, что здесь исследовательница вместо термина «животное» использует разговорный термин «скот». Далее она утверждает, что бедные хозяйства не имели возможности вести чисто *скотоводческое* хозяйство, например, из-за отсутствия достаточного количества верблюдов и лошадей как выючных животных, а также из-за недостаточного количества овец – главного вида скота у казахов-кочевников. Отметим, что, говоря о скотоводческом хозяйстве, исследователь даже не упомянула крупный рогатый скот, но сделала акцент на таких отраслях животноводства, как разведение овец, верблюдов и лошадей [Орынбаева, 2015].

Как бы в подтверждение наших слов приведем высказывания немецкого этнографа и путешественника Рихарда Карутца: «Предмет киргизского скотоводства составляют овцы, козы, лошади и верблюды. Рогатого же скота, равно как и ослов, здесь не держат... Как домашних животных держат для защиты аулов и стада собак, но далеко не в таком количестве, как у бедуинов; затем заводят кошек против мышей и охотничьих соколов...» [Карутц, 1910, с. 46]. При этом, «истинным источником жизни кочевых казахов была овца, которая доставляла мясо и молоко для питания, навоз для топлива, шкуры для одежды и утвари, кости для орудий, игрушек и амулетов, шерсть для войлока, шнурков, поясов; ее желудок служил в качестве сосуда для воды и молока, то есть у овцы не оставалось ничего, чего бы не использовал кочевник» [Карутц, 1910, с. 47].

Для кочевников были важны такие животные, которые способны выдерживать дальние переходы и умеющие самостоятельно добывать подножный корм из-под снега. Таковыми являются овцы, козы, лошади, верблюды. Кочевники предпочитали не разводить крупный рогатый скот, который является прихотливым животным, не может переносить дальние расстояния и у него нет инстинкта к тебеневанию. Г. Орынбаева отмечает, что в Кызылкумском районе казахи специализировались исключительно «на разведении овец, коз и верблюдов, здесь отсутствовал крупный рогатый скот, а лошади имелись в незначительном количестве. На 2250 хозяйств, в которых имелось верблюдов – 18425 голов, овец – 80911, коз – 72366, лошадей – 3106 и только 15 голов крупного рогатого скота» [Орынбаева, 2015]. Из этого следует, что основными отраслями животноводческого хозяйства казахов были верблюдоводство, овцеводство/козоводство и коневодство. Потому вряд ли правильно их считать «скотоводами».

От животноводческой отрасли зависит обеспеченность людей необходимыми продуктами. В Справочнике зоотехника именно так понимается животноводство [Доброхотов, 1980, с. 3]. Заметим, что в животноводстве среди ведущих отраслей выступают: скотоводство (крупный рогатый скот), овцеводство, козоводство, коневодство, кролиководство, птицеводство, звероводство, пчеловодство, рыболовство [Куликова, 2014, с. 3].

В биологической и зоологической специальной литературе и в энциклопедических словарях термин «скотоводство» обозначает отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота для получения молока, мяса и кожевенного сырья [Завертяев, Волгин, 2009, с. 16-17].

И хотя главной целью скотоводства является разведение крупного рогатого скота для получения молока, говядины и кожсырья, тем не менее, в некоторых странах скот используют как тягловую силу. В зависимости от избранной направленности различают молочное и мясное направления, а

по способу организации этой отрасли выделяют пастбищное и стойловое содержание животных [Двалишвили, 2015, с. 369].

Разведением, выращиванием и содержанием других видов животных занимаются другие самостоятельные отрасли животноводства – овцеводство, козоводство, коневодство, свиноводство, собаководство и т. д. Но если принимать термин «скот» для обозначения всех животных, то в этом случае животноводческую отрасль надо бы называть «скотоводством», а в таком случае мы невольно приходим к подмене понятия «животноводство».

Возьмем, к примеру, монографию археолога и этнолога В.А. Шнирельмана, посвященную *«происхождению скотоводства»* с привлечением археологических и этнографических источников и широким использованием достижений некоторых других наук (биологии, палео-климатологии и др.) [Шнирельман, 1980]. В своём исследовании о сложении *«скотоводства»* автор, главным образом, говорит о крупном и мелком рогатом скоте и о свиньях, игравших важную роль в Старом Свете, а также о ламах, альпака и морских свинках – в Новом Свете* (*За 20 лет до появления книги В.А. Шнирельмана аналогичная работа была выполнена С.Н. Боголюбским – зоологом, членом-корреспондентом АН КазССР, специалистом по эволюции, морфологии и эмбриологии домашних животных в его книге *«Происхождение и преобразование домашних животных»*). В ней он показал пути происхождения и становления животноводства в различных уголках Земли и появлении различных отраслей животноводства, в т. ч. и скотоводства [Боголюбский, 1959]).

Читая эту книгу, мы узнаем о различных отраслях животноводства, таких как оленеводство, свиноводство, коневодство, включая и скотоводство. Но для автора, судя по содержанию его монографии, эти понятия выступают синонимами и на рассмотрении их он не сосредотачивается. С завидным упорством вместо более объемного термина «животноводство» автор использует термин «скотоводство»* (*Автор, хотя и читал труды зоологов, писавших о происхождении и преобразовании домашних животных, тем не менее, вместо термина «животноводство» предпочитает термин «скотоводство»).

В.А. Шнирельман приводит цитату Джамбаттиста Вико, жившего в конце XVII в. и первой половине XVIII в.: *«Сначала были изобретены искусства необходимые – сельские и притом сначала хлеб, потом – вино, затем искусства полезные – скотоводство, потом искусства удобства – городская архитектура, наконец, искусства усадительные – танцы»* [Вико, 1940, с. 298]. И, похоже, что автор целиком принимает эту средневековую терминологию, которая, к сожалению, продолжает господствовать в археологии и этнографии вплоть до середины XX века и даже позже.

Автор отмечал, что в исторической и этнографической литературе скотоводство не сводится обычно к разведению крупного рогатого скота как отрасли животноводства, а понимается в качестве самостоятельной формы хозяйственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов.

Для нашей темы большой интерес представляют работы этнографа и археолога Г.Е. Маркова, который в свое время открыл дискуссию о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества [Марков, 1981, с. 86–94]. Он указывал, что с терминологией *«скотоводства и кочевничества»* дело обстоит особенно неблагоприятно, поскольку *«отсутствует общепринятая классификация типов и видов скотоводства и соответствующие дефиниции. Неодинаково понимаются и обозначаются одни и те же виды и формы хозяйственной и социальной жизни скотоводов (животноводов). Большая часть терминов трактуется авторами различно, и одним термином обозначают разные явления»*. Геннадий Евгеньевич указал на то, что несмотря на то, что уже предпринимались попытки упорядочения систематики некоторых явлений, связанных со скотоводством, а также терминологии, *«значительная часть проблем осталась нерешенной»* [Марков, 1981, с. 86].

Г.Е. Марков справедливо ставил вопрос о необходимости условиться, что надо понимать под скотоводством и животноводством», поскольку, считает он, *«в специальной и справочной литературе нет единого определения этих видов хозяйственной деятельности»* [Марков, 1981, с. 86]. Так, в Большой советской энциклопедии (БСЭ) указывается, что животноводство – это *«отрасль сельского хозяйства, занимающаяся разведением сельскохозяйственных животных для производства животноводческих продуктов»* [БСЭ, 1972, с. 190], а скотоводство определяется там же как *«отрасль животноводства по разведению крупного рогатого скота для получения молока, говядины и кожсырья»* [БСЭ, 1976, с. 523]. Исследователь отмечает, что *«в исторической и этнографической литературе скотоводство не сводится обычно к разведению крупного рогатого скота как одной из отраслей животноводства, а понимается в качестве самостоятельной формы хозяйственной деятельности, лежащей в основе определенных хозяйственно-культурных типов»* [Марков, 1981, с. 86]. Поскольку в таком смысле термин «скотоводство» якобы употребляли К. Маркс и Ф. Энгельс [Маркс, Энгельс, 1974, с. 161, 568], то неудивительно, что вышеупомянутые советские археологи и историки [Симаков, 1978; 1982; Шамиладзе, 1982; Вайнштейн, 1972; Марков, 1973; 1981; Курылев, 1979] трактовали этот термин в таком же смысле* (*Г.Е. Марков говорит об этнографах и историках, но не нашел возможности обратиться к специальной литературе по животноводству и зоотехнии. Ведь в этом случае вопрос – являются ли «скотоводство» и «животноводство» равноценными понятиями, отпал бы сам собой).

По Г.Е. Маркову, термин «животноводство» охватывает все формы содержания животных, включая разведение крупного и мелкого рогатого скота, и транспортных животных (скотоводство), оленеводство и звероводство. Вследствие этого на основе животноводческого хозяйства существуют многие хозяйственно-культурные типы. Исследователь считает, что с дефиницией понятия «скотоводство» дело обстоит намного сложнее из-за многообразия форм скотоводческого хозяйства. По мнению Г.Е. Маркова, «скотоводством» следует называть вид хозяйственной деятельности, основанной главным образом на более и менее экстенсивном разведении животных и либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков. Таким образом, предложенная Марковым дефиниция для «скотоводства» ничем не отличается от понятия «животноводство» [Марков, 1981, с. 87].

Таковы манипуляции автора с понятиями «кочевое скотоводство» или «кочевничество», под которым автор понимает *«скотоводческое хозяйство, составляющее лишь одну из более или менее важных отраслей хозяйства, которую можно назвать предложенным уже ранее термином “подвижное скотоводство”»* [Марков, 1976, с. 281].

После этого заключения нелепо выглядят утверждения автора по поводу «кочевого скотоводства», при котором *«у кочевников обычно больше транспортных животных»* и что *«на юге в пустынях особое значение для кочевников имеет верблюдоводство, на севере – коневодство как следствие тебеновочной (зимней, подснежной) системы выпаса скота»* [Марков, 1981, с. 88].

Зададимся вопросом, а где же скотоводство, которое должно заниматься содержанием и разведением крупного рогатого скота, и каким образом «скотоводство» может заниматься верблюдоводством, коневодством, овцеводством и т. д.?

Этнограф-киргизовед Г.Н. Симаков, включившийся в дискуссию с Г.Е. Марковым, подвергает анализу скотоводство у народов Средней Азии и Казахстана, уделив при этом особое внимание типологизации скотоводческого хозяйства, определению критериев выделения разновидностей скотоводческих хозяйств, определению критериев выделения разновидностей оседлого скотоводческого хозяйства; более дробной детализации основных типов скотоводческого хозяйства с учетом географических и историко-культурных факторов, обоснованию и разработке принципа разграничения типов скотоводческого хозяйства на основе способов (систем) содержания и выпаса скота, а также уточнению терминологии скотоводческого хозяйства [Симаков, 1982, с. 67–76].

Типологизации основывались либо на отдельных критериях, либо на различных их сочетаниях, что, на наш взгляд, не могло дать достаточно четкой картины типов скотоводческих хозяйств, связанных с кочевым образом жизни. Часто хозяйства, обладающие существенными общими чертами, относили к разным типам и, наоборот, хозяйства, различающиеся по основным признакам, – к одному типу [Симаков, 1978, с. 68].

В своих работах Г.Н. Симаков, называя население Центральной Азии и Казахстана не животноводами, а «скотоводами», так и не дал описания состава стад, имевшегося в хозяйствах. Судя по постоянно используемому автором обозначению «кочевые скотоводы», эти люди обладали только крупным рогатым скотом, с которым те постоянно кочевали.

Так что же собой представляет отрасль «скотоводства» у населения Центральной Азии и Казахстана? Исследователь-этнограф Т.А. Жданко приводит один пример хозяйства даукаринских казахов-«скотоводов» из Каракалпакии. У них в общем хозяйстве было более 100 лошадей, более 1000 овец, были и коровы [Жданко, 1975, с. 7]. Такое хозяйство скорее соответствует коневодческо-овцеводческому хозяйству. И, вообще, о каком таком «кочевом скотоводстве» может говорить автор, в особенности после его заявления, что *«крупный рогатый скот, как известно, не переносит дальних перекочевок»* и что *«этот вид скота не может добывать корм из-под снега»* [Симаков, 1982, с. 68].

Г.Н. Симаков постоянно использует термин «скотоводы» вместо того, чтобы правильно использовать термин «животноводы». Как отмечает сам автор, увеличение поголовья крупного рогатого скота заставляло население переходить к оседлому образу жизни, поскольку для укрытия крупного рогатого скота от непогоды было необходимо возводить стационарные постройки [Симаков, 1982, с. 68]. Итак, от подвижного образа жизни, благодаря развитию скотоводства, кочевники становились оседлыми.

Российский этнограф, востоковед Б.В. Андрианов, также включившийся в дискуссию с Г.Е. Марковым, указал, что специалисты в области сельского хозяйства, экономисты, географы в своих типологических разработках опираются, главным образом, на организационно-экономические и естественно-научные данные (физиологию животных, агроклиматологию, геоботаническую характеристику поедаемой растительности на пастбищах и т. п.) [Андрианов, 1982, с. 76–80]. В качестве примера он приводит работу группы таких специалистов, которые выделяют в мировой практике три основные системы **животноводства**: пастбищную, стойлово-пастбищную и стойловую. Пастбищная, в свою очередь, им подразделяется на формы: экстенсивно-кочевую, отгонно-пастбищную и стационарно-пастбищную. Стойлово-пастбищная форма может быть экстенсивной на основе естественных пастбищ, а также среднеинтенсивной на комбинированной кормовой базе и, наконец, интенсивной на высокопродуктивной кормовой базе [Зальцман, 1962, с. 490]. Нельзя не обратить внимание на то, что специалисты в области биологии, сельского хозяйства для обозначения хозяйственной деятельности, которую историки, археологи и этнографы называют «скотоводством», используют термин «животноводство», поскольку это понятие более объемно и включает в себя «скотоводство» как одну из сфер животноводства.

Известный специалист в области этнологии Вахтанг Шамиладзе, предложивший ранее в своей работе классификацию скотоводства Грузии и Кавказа и терминологию, включился в обсуждение проблемы терминологии, поднятой Г.Е. Марковым. Однако, постоянно говоря о скотоводстве и его типах, автор так и не удосужился описать, что он имеет в виду под термином «скотоводство» [Шамиладзе, 1982, с. 70–76]. То же самое можно сказать и о статье другого этнолога - А.Н. Ямскова, который, говоря об эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа, указывает, что несбалансированный импульс к росту поголовья скота реализовался за счет возникновения и неуклонного увеличения удельного веса горно-перегонного и горно-пастбищного

вариантов скотоводства. В итоге, увеличение численности домашних животных в свою очередь требовало дальнейшего расширения площади летних пастбищ в горах [Ямсков, 1986, с. 33].

Из вышеприведенных материалов видно различное отношение к терминам «скот» и «скотоводство». В работах историков, археологов, этнологов и этнографов домашних животных обозначают термином «домашний скот», а разведение и содержание домашних животных обозначают термином «скотоводство». Специалисты из области биологии, зоологии, зоотехнии и сельского хозяйства не используют термин «скот» для обозначения других кроме быков и коров домашних или сельскохозяйственных животных. Это зафиксировано и в различных официальных ГОСТах, Правилах и Инструкциях Российской Федерации, республиках Казахстан, Таджикистан и др.

В 2003 г. в Европейском Союзе был издан Глоссарий терминов по животноводству. Его появление было продиктовано тем обстоятельством, что серьезным препятствием на пути международного сотрудничества в области экономики и организации животноводства и основным источником недопонимания стало отсутствие стандартизированной терминологии. Не всегда термины, характерные для конкретной страны или региона, которые используются для описания определенных технологий, однозначно понятны всем. Даже между специалистами нестыковка в определениях может привести к серьезным недоразумениям и трудностям в понимании организации животноводства в других странах. Приведем несколько терминов и их определений, имеющихся в Глоссарии: «сельскохозяйственные животные» – одомашненные животные, такие как крупный рогатый скот, свиньи, птица, овцы, лошади, козы. Любое живое существо, которое содержится для производства продовольствия, шерсти, кожи или меха, или с целью его использования для возделывания земель или для бытовых целей [Глоссарий, 2011, с. 11]; «крупный рогатый скот» – общий термин для жвачных сельскохозяйственных животных, это и «молочный крупный рогатый скот» содержится для производства молока, это и «мясной крупный рогатый скот» выращивается для производства мяса [Глоссарий, 2011, с. 11]; «мясной скот» – крупный рогатый скот, который содержится для производства говядины. Обычно забивается при весе живой массы 450–550 кг в возрасте 13–16 месяцев при интенсивном кормлении кормами собственного производства (силосом, концкормами) или 17–30 месяцев для животных на выпасе [Глоссарий, 2011, с. 16]; «скот на откорме» – крупный рогатый скот, который содержится с равномерной нормой прироста до перевода на откорм для забоя [Глоссарий, 2011, с. 16].

Можно было бы перечислить массу научных исследований, в которых вместо термина «животноводство» неправомерно используется «скотоводство». Веянием нового времени может служить взятый нами материал с Интернет-ресурса о состоянии животноводства в странах СНГ [Развитие животноводства в странах СНГ].

В противовес указанным авторам из приведенных сведений в этом материале мы узнаем, что в составе животноводства России выделяются несколько отраслей: скотоводство (молочного, молочно-мясного, мясо-молочного и мясного направлений), овцеводство, свиноводство, птицеводство, коневодство, козоводство, верблюдоводство, яководство, мараловодство, оленеводство, пчеловодство, пушное звероводство, прудовое рыболовство. При этом скотоводство – самая крупная по объему продукции отрасль животноводства страны.

В Армении разводят крупный рогатый скот молочно-мясного направления, овец и коз. Развито шелководство. В Азербайджане большое значение имеет разведение овец грубошерстного и тонкорунного направления, крупного рогатого скота молочно-мясного направления.

Республика Казахстан – один из крупнейших животноводческих районов СНГ. Важные отрасли животноводства – скотоводство, коневодство и верблюдоводство. Главная отрасль животноводства – овцеводство. Разводят овец тонкорунного и полутонкорунного направления, каракульских и грубошерстных курдючных овец. В области лесостепного и степного Казахстана разводят крупный

рогатый скот мясо-молочного направления, а в области полупустынного и пустынного Казахстана – район пастбищного животноводства – овцеводства, верблюдоводства, коневодства.

Специализация животноводства пустынных районов Центрального и Западного Узбекистана – овцеводство каракульского, тонкорунного и других направлений. Главная отрасль животноводства пустынных пастбищ республики Туркменистан – каракульское овцеводство, оазисов – шелководство и молочное скотоводство. Развита верблюдоводство и коневодство. В республике Таджикистан разводят каракульских и гиссарских овец, яков и др. Специализация горных районов республики Кыргызстан – пастбищное животноводство (разводят овец, лошадей и крупный рогатый скот мясо-молочного направления), а в главных земледельческих районах республики (Чуйская, Таласская, Ферганская долина и Иссык-Кульская котловина) развито скотоводство молочно-мясного направления [Развитие животноводства в странах СНГ].

Следует учитывать, что вышеприведенный материал подготовлен современными экономистами, хорошо знающими отрасли животноводства, и которые не обобщают животноводческие отрасли под единый архаичный термин «скотоводство». И потому невозможно пройти мимо того факта, что в археологии и этнографии, тем не менее, современные исследователи продолжают оставаться в плену заскорузлой средневековой терминологии и устаревшего понятийного аппарата.

Так, археологи Института истории материальной культуры, Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского госуниверситета – устроители Круглого стола называют степные культуры Восточной Европы неолита и бронзового века «скотоводческими». Видимо, им было важно донести читателю, что все указанные археологические культуры занимались преимущественно разведением крупного рогатого скота. Но вот ведь незадача. Оказывается, среди домашних животных кроме крупного рогатого скота в этих культурах исследователи называют и другие виды животных [Внешние и внутренние связи..., 2016, с. 17, 36, 38, 139]. Наименование «скотоводческая» культура или «скотоводство» лишь декларируется, но нигде вопросы животноводства не рассматриваются [Внешние и внутренние связи..., 2016, с. 16, 45, 59, 63]. По-видимому, в наименовании степных культур «скотоводческими» сыграл подход одного из устроителей Круглого стола [Бочкарев, 2012, с. 194].

А.Е. Кислый считает, что племена степной зоны энеолита – эпохи бронзы (ямная, катакомбная, срубная культуры) фактически все время балансировали на уровне большего или меньшего соотношения в хозяйстве скотоводства и земледелия, подвижного образа жизни и оседлого. Никаких данных в подтверждение скотоводческого характера их хозяйства автор, естественно, не приводит [Кислый, 2016, с. 14–16].

Вопросы специфики животноводства у населения в эпоху бронзы степной Украины рассматривались нами в нескольких работах [Писларий, 1992; 1993; Pâslaru, 2006, с. 51–59]. Нами было показано, что у племен ямной культуры, ведших подвижный образ жизни, несмотря на важную роль крупного рогатого скота, всё же преобладал мелкий рогатый скот [Pâslaru, 2006, с. 52]. У племен катакомбной культуры, также с подвижным образом жизни, в хозяйстве основная роль принадлежала овцеводству [Pâslaru, 2006, с. 53]. В культуре Делакэу-Бабино (культуры многоваликовой керамики или Бабинская культура) на первом месте стояло овцеводство, на втором скотоводство, появляется коневодство, свиноводство и собаководство [Pâslaru, 2006, с. 53–55].

Что же касается населения эпохи поздней бронзы, то мы отмечали, что, наряду с оседлым образом жизни, важнейшую роль начинает играть интенсивная форма скотоводства. После него по важности выступает овцеводство и коневодство. Роль свиноводства и собаководства невелика [Писларий, 1993; Pâslaru, 2006, с. 51–59].

В материалах вышеупомянутого Круглого стола исследователь П.Ф. Кузнецов предполагает, что первые лошади, которых запрягали в колесницы, происходили от лесной формы тарпана. Об этом свидетельствуют пропорции их тел, парность запряжки и исторические свидетельства о приручении лошади даже в области распространения первых колесничих культур, охватывающая территорию

лесостепной и северной степной зоны. Следовательно, здесь речь не о скотоводстве, а о появлении и развитии такой отрасли животноводства как коневодство [Кузнецов, 2016, с. 36–39].

В статье авторов С.В. Кузьминых и Р.А. Мимохода по поводу средневожской абашевской культуры сообщается, что доно-вожская и южно-уральская абашевские культуры относятся к *«горизонту колесничных культурных образований»* [Кузьминых, Мимоход, 2016, с. 39–44]. Следовательно, и здесь речь не о скотоводах, а о коневодах?

В статье авторов Н.Н. Скакун, В.В. Терёхина о погребальном инвентаре «ранних скотоводов» уделяется особое внимание кремневым пластинам. В итоге они делают вывод, что *«находки макропластин в погребальных комплексах характерны не только для земледельческих культур, но и были широко распространены среди ранних скотоводов на юго-востоке Европы»*. Для читателя так и останется непонятным, почему «земледельцы» противопоставлены «ранним скотоводам»? Разве земледельцы не могут заниматься разведением крупного рогатого скота, в котором они имеют большую потребность при обработке земли? Другое дело, если под «земледельцами» подразумеваются оседлые жители, а в «ранних скотоводах» - население, ведущее подвижный образ жизни. Однако, как уже было сказано выше, крупный рогатый скот мало приспособлен для кочевого образа жизни, да и никаких доказательств в пользу того, что они являются «скотоводами», авторы не привели [Скакун, Терёхина, 2016, с. 45–49].

Украинский археолог С.В. Иванова, рассматривая экспансию населения ямной культуры в Балкано-Карпатский регион, называет это население «скотоводческим», у которого развитие скотоводческого хозяйства было стимулировано степными экосистемами. Расширение территорий для занятия «подвижным скотоводством», по словам автора, привело их к торговому освоению степного ареала и построению торгово-меновых путей. В обменных операциях с населением западных земель активное участие приняли буджакские племена [Иванова, 2016, с. 59–62]. Почему степные экосистемы стимулируют только развитие «скотоводческого хозяйства», знает только автор. А что, для овец и коз, кости которых часты в погребениях ямной культуры, степные экосистемы нехороши?

Группа авторов, рассматривая стоянку на юге Русской равнины, обратила внимание на то, что ее оставили «древние скотоводы» несмотря на то, что здесь, судя по найденным костям, поселенцы кроме коров разводили лошадей и овец. Авторы указывают, что все животные паслись на степных пастбищах, при этом каждый вид животных поедая разную растительность. Авторы выделили *«скотоводство» как ведущую отрасль хозяйства, а население, оставившее стоянку, назвали пастухами-скотоводами»* [Шишлина и др., 2016, с. 138–142]. Учитывая специфику поселений древних скотоводов пустынно-степной зоны, авторы предложили ввести в научный оборот новый тип памятников – кратковременная зимняя пастушеская стоянка.

Из рассмотренных выше примеров видно, что проблема терминологии в археологии достаточно актуальна. Мы в свое время уже обращали на это внимание [Писларий, 1992, с. 49–73]. Нам представляется, что причина такого положения кроется в плохом знакомстве археологов со смежными с археологией науками, среди которых надо назвать биологию, зоологию и палео- или археозоологию.

Для нас совершенно ясно, что необходимо отбросить устаревшую и выработать новую терминологию. Внесение ясности в понятийный и терминологический аппарат археологии является, по нашему мнению, одной из насущных задач археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Андреанов Б.В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // СЭ. 1982. № 4. С. 76–80.

Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Ленинград: изд. Ленинградского ун-та, 1977. Вып. 1. С. 4–13.

Бартенев Г.Е., Гредина И.В. Признаки терминологической номинации в терминологии нефтегазового дела // Вестник науки Сибири. 2013. № 3 (9). С. 161–166.

Барфилд Т.Дж. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Институт археологии РАН, 2002. С. 59-85.

Боголюбовский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М.: Советская наука, 1959. 603 с.

Бочкарёв В.С. К вопросу об использовании серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 194–214.

БСЭ. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 9. 624 с.

БСЭ. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1976. Т. 23. 640 с.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972. 316 с.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Гослитиздат, 1940. 298 с.

Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. 149 с.

Даниленко В.П. Русская терминология. М.: Наука, 1977. 247 с.

Двалишвили В.Г. Скотоводство // Большая российская энциклопедия. М.: изд-во «Большая российская энциклопедия», 2015. Т. 30. С. 369.

Доброхотов Г.Н. (ред. и сост.). Справочник зоотехника. М.: Колос, 1980. 768 с.

Жаргалсайхан Ж. Кочевое скотоводство как вид производящей экономики // Одинадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: м-лы в 2-х томах / отв. за вып. Н.В. Бойко. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. Т. 1. С. 144–152.

Жданко Т.А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в Историко-этнографическом атласе // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975. С. 6–12.

Зальцман Н.М. Направления и особенности ведения отраслей животноводства в разных зонах страны // Вопросы размещения и специализации сельского хозяйства СССР. М.: Изд-во экономической литературы, 1962. С. 489–534.

Зимовнова А.А. (ред.) Скотоводство, термины и определения. Госстандарт СССР. М.: Издательство стандартов, 1988. 15 с.

Иванова С.А. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.): СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 59–62.

Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Пер. Е. Петри. СПб., 1910. 188 с.

Квитко И.С. Термин в научном документе. Львов: Вища школа, 1976. 125 с.

Кислый А.Е. Об одной из причин внешних и внутренних миграций древних скотоводческих культур: методология истории, протокопеевники мира // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 14–16.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Костомахин Н.М. Скотоводство: Учебник, 2-е изд., стер. СПб.: «Лань», 2009. 432 с.

Кузнецов П.Ф. Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 36–39.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.): СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 39–44.

- Куликова Н.И., Еременко О.Н., Малахова А.О. Основы животноводства: учеб.-метод. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2014. 366 с.
- Курылев В.П. Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 166–173.
- Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Советская этнография. 1973. № 1. С. 101–113.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 319 с.
- Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 86–94.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: изд-во политической литературы, 1974. Т. 8, с. 568; т. 21, с. 161 и др.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: Print-S, 2011. Изд. 2-е, доп. 740 с.
- Орынбаева Г.У. Особенности кочевого и полукочевого хозяйства казахов аридных зон (80-е гг. XIX – нач. XX в.) // Scientific E-journal «edu.e-history.kz». 2015. № 3. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/294>
- Перицц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 69. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 221 с.
- Писларий И.А. Животноводство населения в эпоху бронзы степной Украины // Хозяйство древнего населения Украины / отв. ред. Ю.Д. Кибальник. Киев: МО «КПГИКЗ», 1993. Вып. 1. С. 49–73.
- Писларий И.А. О содержании некоторых археологических понятий // Теоретические проблемы исторического исследования / отв. ред. Ю.Д. Кибальник. Киев: МО «КПГИКЗ», 1992. С. 50–72.
- Пыслару И. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // StratumPlus. 2000. № 2. С. 352–375.
- Развитие животноводства в странах СНГ. URL: <http://biofile.ru/bio/17980.html>
- Ракитов А.И. Философские проблемы науки. Системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.
- Рассадинов А.Ю. Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н.э. в Южном Зауралье по археологическим материалам поселения Каменный Амбар // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3. С. 46–64.
- Рассадинов А.Ю. Результаты архео- и этнозоологических исследований на поселении позднего бронзового века Черноречье-2 // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 85–105.
- Симаков Г.Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов // СЭ. 1978. № 6. С. 14–27.
- Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1982. № 4. С. 67–76.
- Скаун Н.Н., Терёхина В.В. Крупные кремневые пластины как элемент погребального инвентаря ранних скотоводов на юго-востоке Европы // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 45–49.
- Фисинин В.И., Шнирельман В.А. Животноводство // БРЭ. 10. М.: изд-во «Большая российская энциклопедия», 2008. 767 с.
- Шамиладзе В.М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // СЭ. 1982. № 3. С. 70–76.
- Шишлина Н.И., Борисов А.В., Бачура О.П., Дятлова Т.Д., Й. ван дер Плихт. Сезонная стоянка Кереста раннего железного века юга Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): м-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рожд. С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 138–142.
- Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980. 334 с.
- Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // СЭ. 1986. № 5. С. 22–34.
- Glossary of Terms on livestock and manure management, 2011, Second Edition, Compiled and edited by: Brian Pain and Harald Menzi.
- Pâslaru I. Cultura Delacău-Babino. Mangalia: Editura «Callasprint», 2006. 280 p.

М.А. ЧЕРНОВ

Чернов Михаил Алексеевич,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, mihalapych@yandex.kz

К ВОПРОСУ о СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ по МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ТЕСИК-1

Аннотация. Статья посвящена анализу технологии производства керамических сосудов могильника эпохи бронзы Тесик-I в горах Айтау Шу-Илейского междуречья. Автором делается вывод, что данные сосуды были преднамеренно произведены с нарушением технологических норм производства, и это привело к значительным внешним дефектам, делающим невозможным их применение в быту. А, следовательно, посуда была изготовлена исключительно в целях погребальной практики, о чем свидетельствует «порча» после изготовления единственного не рыхлого сосуда из серии. На примере керамики эпохи бронзы из могильника Тесик-I выделяется комплекс технических характеристик, отличающих погребальную керамику от поселенческой. Делается вывод, что использование сравнительного анализа по технологическим критериям позволит разрешить вопрос о специализации производства керамической посуды для нужд погребального ритуала на территории всего региона Жетысу.

Ключевые слова: Жетысу, могильник Тесик-1, эпоха бронзы, керамика, ритуальная посуда, технология производства, специализация

Чернов Михаил Алексеевич,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, mihalapych@yandex.kz

ТЕСІК-1 ҚОРЫМЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША ҚОЛА ДӘУІРІ ЖЕРЛЕУ ҚЫШ ЫДЫСТАРЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІГІ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ

Аннотация. Мақала Шу-Іле өзенаралығындағы Айтау тауларындағы қола дәуіріне жататын Тесік-I қорымындағы қыш ыдыстар өндірісінің технологиясын талдауға арналған. Автор бұл ыдыстар әдейі өндірістің технологиялық нормаларын бұза отырып жасалған және күнделікті өмірде қолдануға жарамайтын елеулі сыртқы ақауларға әкелді деп тұжырымдайды. Мұндай ыдыстар тек жерлеу тәжірибесі үшін жасалған, олай деудің бір негізі бұл сериядағы жалғыз борпылдақ емес қыш ыдыстың дайындалғаннан кейін «бүлінуі» болып табылады. Тесік-I қорымынан алынған қола дәуіріне жататын қыш ыдыстарында жерлеу қыш ыдыстарының елді мекен ыдыстарынан айырмашылығын көрсететін техникалық сипаттамалар кешені ерекшеленеді. Технологиялық талаптар бойынша салыстырмалы талдауды пайдалану бүкіл Жетісу өңірі территориясындағы жерлеу рәсімі үшін қыш ыдыс өндірісінің мамандануы туралы мәселені шешуге мүмкіндік береді деген қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: Жетісу, Тесік-I қорымы, қола дәуірі, қыш ыдыс, ғұрыптық ыдыс, өндіріс технологиясы, мамандандыру

Mikhail Chernov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, mihalapych@yandex.kz

ABOUT SPECIALIZATION of the FUNERARY CERAMICS of the BRONZE AGE on the MATERIALS of TESIK-1 CEMETERY

Abstract. The article is devoted to the analysis of production technology of ceramic vessels of the burial mound of the Bronze Age Tesik-I in the Aitau mountains of the Shu-Ile interfluvium. The author concludes that these vessels were deliberately produced with a violation of technological norms of production and this has led to significant external defects, making it impossible to use them in everyday life. And, therefore, the dishes were made solely for the purposes of funerary practice, as evidenced by «spoilage» after the manufacture of the only non-friable vessel of the series. On the example of the ceramics of the Bronze epoch from the Tesik-I burial site a set of technical characteristics distinguishing funerary ceramics from the settlement ceramics is distinguished. The conclusion is made that the use of comparative analysis of technological criteria will allow to solve the question about the specialization of the production of ceramic dishes for the needs of the funerary ritual on the territory of the whole Zhetysay region.

Keywords: Zhetysay, cemetery Tesik-1, Bronze Age, pottery, ritual utensils, production technology, specialization

Керамика – самый распространенный конструкционный материал в мире со времен неолита. В археологии это еще и многоплановый информативный источник. Наиболее массовый и содержательный носитель информации – керамическая посуда. Форма, конструктивные особенности, способы декорирования, орнаментация и стилевые решения – все это информационные коды, способствующие систематизации археологического материала. К этому необходимо добавить технологический и эксплуатационный аспекты.

Посуда в жизни имеет широкую сферу применения. В бытовой практике это чаще кухонная утварь, в ремесленной – техническая. В ритуальной сфере посуда имеет сакральное значение и для этих нужд часто создавалась специализированная посуда. Ритуалы сопровождают человека на различных этапах жизни, от рождения до самой смерти. Покидая этот мир, человек «забирает» с собой ряд предметов, необходимых ему в ином мире. Определенное место среди этого набора занимает керамическая посуда. И здесь перед исследователями встает вопрос – была ли в сопровождение уложена бытовая посуда, изъятая из сферы пользования, или эти предметы созданы специально для погребального обряда. Разрешение этого вопроса поможет прояснить и верно реконструировать определенные сферы жизнедеятельности человека исследуемого исторического этапа.

В научных археологических отчетах и исследованиях, связанных с керамическими артефактами, внимание чаще фиксируется на формах сосудов и их орнаментации. Реже – на вопросах технологии производства, в рамках которых рассматриваются состав керамической массы, способ и степень обжига. Эти вопросы предполагают специальные знания и переадресуются технологам, которые, рассматривая ряд важных для своей дисциплины показателей, не подвергают исследованию вопрос изначальной и конечной принадлежности археологической посуды к бытовой либо ритуальной сфере. Решение этого вопроса остается за археологами.

Существует мнение – посуда в погребении изъята из бытовой сферы: «Мы не сомневаемся, что сосуды, независимо от того, где они были найдены – в могилах или жертвенных местах, предназначались в основном для использования в хозяйстве и быту и редко изготавливались специально для ритуальных и погребальных целей» [Маргулан и др., 1966, с. 277], «Довольно часто при захоронении человека в могилу ставилась богато орнаментированная столовая посуда, а не кухонная» [Акишев, Байпаков, 1979, с. 47], «Несколько сосудов в стилистическом отношении были тождественны кротовской посуде из поселений» [Молодин, Ламина, 1989, с. 103]. На погребальных

комплексах керамическая посуда снимается собственно с могил и поминальных закладов. Для последних явно использовалась бытовая посуда, но и это не абсолютно точно. Возможно, совпадение формальных признаков для бытовых и ритуальных сосудов снижает актуальность вопроса, но вопрос как таковой остается.

Археологические исследования погребальных памятников эпохи бронзы на территории Жетысу показали, что керамическая посуда, размещенная в них, существенно отличается от поселенческой по качеству и плотности теста. Причем это касается как сосудов, установленных в изголовье погребенных, так и керамических урн, где размещался прах умерших [Goryachev, 2004, p. 109–138]. К примеру, рыхлость теста таких сосудов из погребений в верховьях ущелья Турген свидетельствует, по нашему мнению, о технологических отклонениях как в подготовке керамического теста, так и в процессе обжига [Горячев, 2020, с. 105, 126]. Даже в тех случаях, когда в захоронения или жертвенные заклады устанавливалась посуда с высококачественными технологическими характеристиками, как, к примеру, в могильниках урочища Ойжайлау, на них отмечены следы повреждения, которые исключали либо затрудняли, на наш взгляд, их дальнейшее применение в быту [Мотов, 2011, с. 192–194; Горячев, 2013, с. 3–28]. Но наиболее полно весь комплекс технологических характеристик, которые встречаются при производстве керамической посуды, для использования в погребальной практике племен эпохи бронзы, был получен нами при исследовании материала могильника Тесик-1 в горах Айтау в Шу-Илейском междуречье [Горячев и др., 2021, с. 9–34].

В ходе обследования объектов, обработки и анализа данных было установлено, что ни один из сосудов, использовавшихся в обряде погребения, не использовался в быту. Прежде чем привести примеры тех особенностей, которые позволили сделать подобный вывод, предлагаем рассмотреть основные технологические характеристики керамических изделий, принадлежащих культуре племен эпохи бронзы Жетысу.

Керамическую посуду условно можно разделить на три категории: бытовая, техническая и ритуальная. К бытовой мы относим ту, что используется в домашнем хозяйстве на кухне и на подворье. К технической следует отнести используемую в ремесленной деятельности. К сакрально-ритуальной относим ту, которая участвует в ритуальных мероприятиях. Каких бы размеров и форм посуда ни была, это, прежде всего, ёмкость, имеющая конкретное назначение и соответствующая определенным требованиям в сфере ее использования. Сосуд, как емкость, постоянно или периодически подвергается механическим, физическим, температурным нагрузкам и испытывает влияние различных, порой агрессивных сред. Все это влияет на ее долговременность, срок службы в заданном качестве.

Таким образом, керамическая посуда должна соответствовать определенным техническим критериям. Основное требование – это прочность. Керамика один из универсальных материалов. При хорошо отлаженном технологическом процессе керамическая посуда может обладать физической прочностью, химической стойкостью, жаропрочностью. Эти эксплуатационные характеристики могут быть улучшены при некоторых технических новациях. Так, например, для больших керамических котлов, которые было необходимо переносить с содержимым, изготавливались металлические обручи с петлями/ушками. Тем самым сдерживалось и перераспределялось напряжение, направленное изнутри на разрыв стенок, и керамические ушки, которые не могли выдержать большого веса, подменялись металлическими.

Какой бы плотностью ни обладала керамика, она всегда гигроскопична, поскольку тесто замешивается на воде. Чтобы снизить или исключить проникновение воды в поры готового изделия была изобретена глазурь. Тонкий слой стекловидной массы исключал проникновение воды и других жидкостей в черепок. На более раннем этапе ремесленники научились снижать и исключать гигроскопичность материала, заваривая в посуде молоко или крупяные отвары [Глушков, 1996, с. 80].

Белковые соединения проникали в стенки сосудов и от воздействия большой температуры заваривались и запекались, закрывая поры. Этот прием характерен для мелкопористых изделий. Очень высокая пористость, которой обладают сосуды эпохи ранней и средней бронзы, снижает прочностные характеристики материала.

Керамическая масса, как правило, инертна к агрессивным средам, поэтому керамическая посуда широко могла использоваться в кожевенном производстве (дубление – кислоты), в текстильном деле (крашение – кислоты и щелочи) и шерстобитном деле (вымачивание шерсти в щелочах). Высокая плотность и жаропрочность некоторых видов глин позволяли применять их в металлопроизводстве и т. п. (варка и литье). Из выше обозначенного следует вывод, что одно из важных эксплуатационных качеств керамических изделий это высокая плотность материала, обеспечивающая прочность изделия во всех отношениях. К этому исторически стремилась технология керамического производства.

В свою очередь, большинство сосудов, извлеченных из погребений эпохи бронзы Жетысу, имеет такой коэффициент пористости, который приводит к повышенной хрупкости изделия. Черепок такого качества относится к категории «рыхлый». И это есть следствие примененной технологии, но не воздействия внешних факторов. Иногда в исследованиях приводятся примеры кухонной посуды из рыхлого теста [Акишев, Байпаков, 1979, с. 81]. Рыхлость снижает прочность изделия, так необходимое эксплуатационное качество. В известной степени рыхлость керамическому черепку придают добавление дресвы и фрагментов органики (трава, навоз, волос). Дресва являлась конструкционной добавкой, которая снижает пластичность теста, но также снижает и коэффициент воздушной и огневой усадки. Для того чтобы данная минеральная добавка не делала черепок рыхлым, требуется соблюдать следующие правила: количество дресвы в пропорциональном соотношении не должно превышать количества собственно глины, что обеспечивает надежное склеивание, а затем спекание частиц и, как следствие, плотность черепка. Также плотность черепка повышается проминанием стенок сосуда с целью выдавить возможные воздушные пузырьки и устранить полости, создающие рыхлость. Это можно делать как руками, так и специальным инструментом – лопаточкой, которой похлопывают или постукивают по поверхности будущего сосуда. Лощение также снижает пористость и повышает плотность черепка.

Добавление органики в керамическую массу преследовало две цели: улучшить и ускорить прокаливание стенок сосуда при низкотемпературном (относительно) обжиге изделия и тогда, когда важно было создать пористый черепок. В строительстве это снижает вес и теплопроводность кирпича. При хранении воды в посуде с мелкопористым черепком достигался эффект охлаждения. Вода в таком сосуде, поставленном в тень и на сквозняк, проступая на поверхности черепка, испарялась, охлаждая основную массу воды. В каждом случае органические добавки имели соответствующего целям размера фракции. Но общая плотность черепка всегда должна была оставаться достаточно высокой.

Понятие «рыхлого теста» или «черепка» в археологии, как правило, имеет отношение к сосудам, извлеченным из могил. Рыхлому черепку сопутствует целый ряд дефектов: отслоение поверхности (как правило, наружной), вертикальное растрескивание венчика. Это может быть вызвано ускоренным прокаливанием недостаточно просушенного сосуда в очаге, яме или горне. Незавершенная воздушная усадка ускоряется повышенной температурой обжига и создает ряд растрескиваний. Преждевременный обжиг с резким повышением температуры приводит к вскипанию физической воды, содержащейся в стенках сосуда. Образовавшийся пар, расширяясь под подсохшим поверхностным слоем, поднимает его, создавая микротрещины, которые в дальнейшем воспрепятствуют спеканию частиц [Глушков, 1996, с. 80]. Данный дефект возникает только на тех участках, которые прокалились сильнее остальной массы стенок сосуда на начальном этапе обжига. Подобное нарушение технологии приводит к слущиванию поверхностного слоя изделия, а иногда и к полному его разрушению.

Почернение черепка, которое часто принимают за копоть, возникающую при многократных бытовых прокаливаниях в очаге при совершении хозяйственных работ, есть ничто иное как своеобразный дефект низкотемпературного (500–600 °С) обжига в восстановительной (дымовой) среде. Недостаточная тяга в горне, отсутствие поддува в яме и т. п. приводят к науглероживанию черепка. Не выгоревший углерод из-за недостатка кислорода фиксируется в черепке и также свидетельствует о слабом прокале, и, соответственно, слабом спеке керамической массы. Более светлые и «красные» участки стенок сосуда говорят о том, что именно в этом месте между сосудами движение воздуха было достаточным и температура достигла не менее 750–850 °С. Так оксид железа, содержащийся в подавляющем виде глин, придает черепку охристо-оранжевый цвет. Чернолощенная керамика создаётся следующим же образом: сосуд проходит полноценный технологический цикл с высокой температурой обжига; операцию лощения выполняют на стадии сушки; в конце обжига в горн добавляются дымопроизводящие добавки, углерод оседает на прокаленных стенках сосуда, придавая им равномерный чёрный окрас.

Керамическая посуда эпохи бронзы с низкими эксплуатационными качествами на территории Жетысу встречается прежде всего в погребениях. Это объясняется нарушением технологии производства керамики. Такие нарушения не стоит объяснять отсутствием должных навыков и материалов. Скорее это можно объяснить рационалистическим подходом к вопросу, т. е. качество значения не имеет, т. к. данная посуда «уходит» в землю и более использоваться не будет. Но и это, думается, неполный ответ, поскольку, какая бы посуда ни вышла, «хорошая» или «плохая», она исключается из хозяйственного оборота и об этом можно было бы забыть.

Но в материалах могильника Тесик-1 нами зафиксированы следы намеренного разрушения сосуда с хорошим, технологически выдержанным черепком. И эти следы переводят данный вопрос в плоскость идеологии. Подобные действия зафиксированы по отношению к ряду иных предметов погребального инвентаря личного пользования, например, зеркала [Горячев, Чернов, 2007, рис. 4, 20]. Таким образом, прочие отклонения от технологии производства можно трактовать как преднамеренные действия, ведущие, в конечном счете, к разрушению изделия, что наиболее ярко прослеживается по состоянию извлеченной из погребений посуды из коллекции могильника Тесик 1.

Погребение 1. Сосуд № 1. Горшковидный сосуд с широкой горловиной, узким донцем и туловом конической формы от плечика до *ножки** (*профессиональный термин гончаров, близкий в археологии понятию «поддон» – прим. авт.). Высота – 161 мм, диаметр венчика – 175 мм, плечика – 170 мм, шейки – 160 мм, ножки – 82 мм, донца – 88 мм (рис. 1, 1).

Черепок средней степени рыхлости. В керамическую массу введена дресва мелкой фракции. Горшок имеет по венчику ряд растрескиваний, направленных к донцу. Несколько трещин неглубокие и достигают шейки или плечика сосуда. Две – средние по длине, одна из которых доходит до середины высоты горшка, другая несколько ниже. Одна, самая глубокая, достигла доньшка сосуда. Подобные трещины возникают при нарушении процесса сушки и остывания после обжига. По сторонам от средних трещин, на уровне шейки сосуда сделаны две пары отверстий диаметром 4 мм. Отверстия имеют ровные края и проделаны были с целью укрепить стенки горшка металлическими скобами или стяжкой из сыромятного ремешка. Одно из четырех отверстий просверлено было не до конца, не насквозь. До починки сосуда дело, очевидно, не дошло. Возможно, в ходе сверления возникла новая большая трещина, и чтобы сосуд не разрушился окончательно, работа была приостановлена. Из этого делаем вывод, что в ритуале погребения горшок использовался в состоянии близком к разрушению. Если по окончании погребального ритуала горшки разрушались намеренно, то, возможно, этот горшок был воспринят как ритуально разрушенный и искусственно ломать его не стали. В стабильных

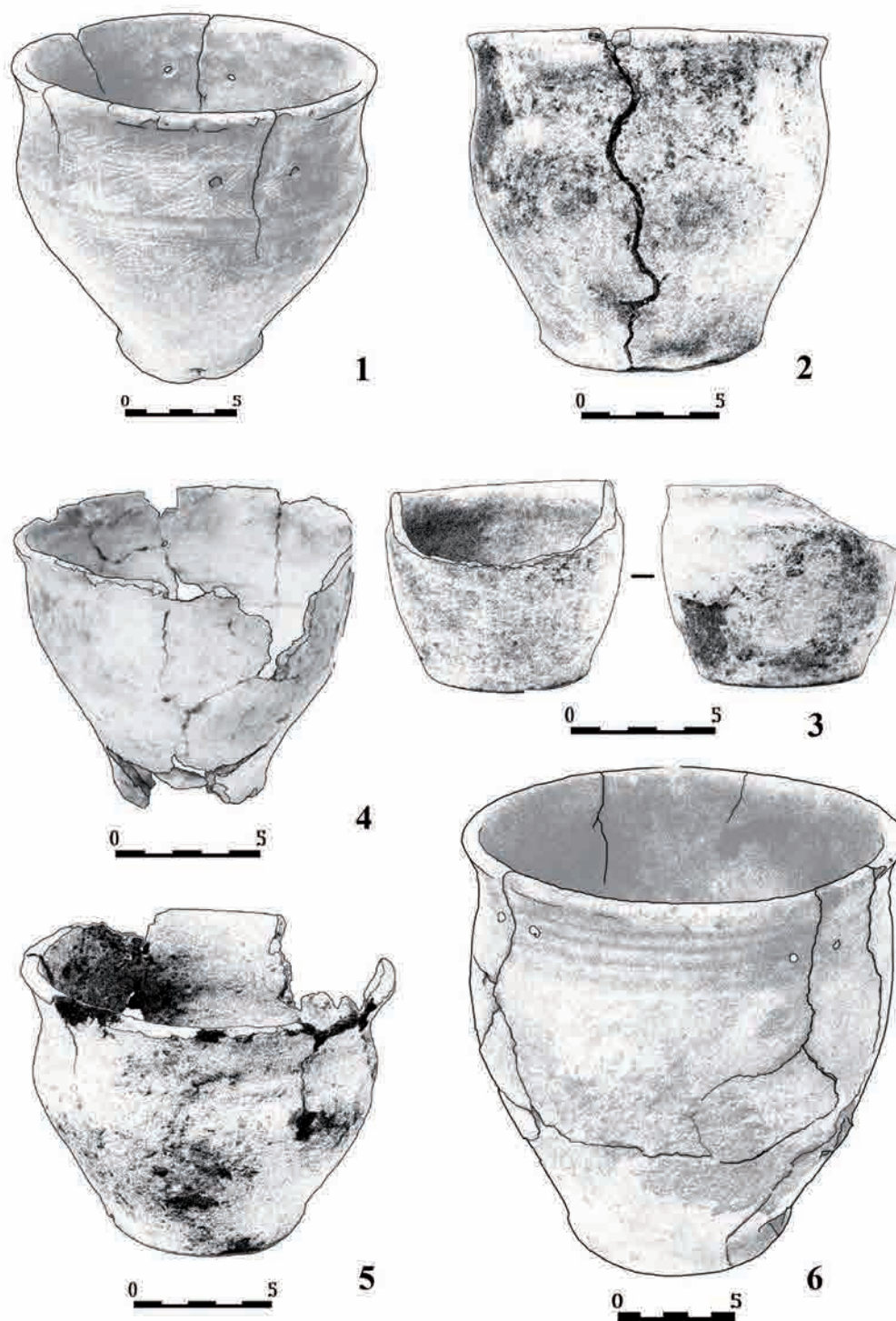

Рис. 1. Тесик-1. Визуально определяемые технологические нарушения керамических сосудов эпохи бронзы:
1 – погребение 1, сосуд 1; 2 – погребение 1, сосуд 2; 3 – погребение 1, сосуд 3; 4 – жертвенник 1;
5 – погребение 5; 6 – погребение 6

условиях погребения, без воздействия извне, разрушение горшка приостановилось и до нашего времени он сохранился практически целым.

Погребение 1. Сосуд № 2. Сосуд горшковидной формы по силуэту больше похож на сосуды атасуского типа. Высота – 141 мм. Диаметр венчика – 160 мм, плечика – 163 мм, шейки – 155 мм, донца – 106 мм (рис. 1, 2). Сосуд ручной лепки с хорошо выдержанными пропорциями, изящный по форме, но с присутствием небольшой асимметрии. Плечико округлое, венчик и шейка прямые. По краю венчика имеется небольшой выступ кнаружи. Донце плоское и имеет слабо выраженный выступ на 1–1,5 мм.

Изделие изготовлено ручным способом. Керамическая масса отощена песком. Вероятно, вследствие хорошего промеса массы и промина стенок плотность черепка выше средней, что позволило изделию сохранить целостность формы. Наружная поверхность горшка тщательно заглажена. Отслоения поверхности локальны и редки: всего наблюдается семь случаев с площадью не более 1 см² каждое. По венчику незначительные выкрашивания кромки. Горшок сохранил целостность, несмотря на большую извилистую трещину без ответвлений, протянувшуюся от венчика через стенку горшка до середины донца. Возникнуть такая трещина могла вследствие нарушения последней стадии обжига – охлаждения. Возникший температурный перекося по тулову горшка привел к технологическому разрушению. Изделие подвергалось низкотемпературному обжигу (500–600 °С) в восстановительной/задымленной среде, в следствие чего стенки сосуда почернели как снаружи, так и внутри.

Учитывая, что возникшая трещина имеет не бытовой, а технологический характер, можно смело предположить, что изделие в быту не использовалось. Более того, гончар мог намеренно произвести изменение технологического процесса с целью нарушения целостности сосуда. Такой прием, наряду с физическим разрушением формы как на баночном горшке, отслеживается, в частности, и по другим сосудам, покрытым множественными трещинами технологического характера.

Погребение 1. Сосуд № 3. Керамический сосуд баночного типа, высота – 93 мм, диаметр венчика – 111 мм, донца – 87 мм, тулова – 114 мм, шейки – 105 мм (рис. 1, 3). Размеры не абсолютны в своих значениях, так как горшок выполнен в технологии ручной лепки и конструктивные элементы эксцентричны относительно друг друга. Керамическая масса отощена большим содержанием песка, без добавления дресвы и органики. Благодаря отсутствию последних, сосуд имеет плотный черепок, без растрескивания стенок. Хорошее проминание теста и пролепливание стенок позволили материалу значительно спечься во время обжига и сохранить все качества сосуда. В цвете черепка отсутствует характерный для керамики цвет красной охры. Весь черепок имеет черный цвет от большого содержания углерода, внедрившегося в массу во время низкотемпературного (500–600 °С) обжига с малым притоком кислорода, то есть в задымленной среде, что и не позволило углероду выгореть.

Из утрат – на внешней стороне стенки сосуда, от середины тулова к донцу, имеется отслоение поверхности локальным пятном площадью около 15 см² без нарушения целостности стенки сосуда. Вторая крупная утрата в форме сосуда – это отсутствие половины венчика с прилегающими частями (шейка, плечико, часть тулова). Отсутствующая часть как бы срезана под углом 30° от середины венчика кнаружи, до 65 мм высоты от донышка по стенке. Срез был произведен намеренно, еще до обжига, по непросохшему черепку. Об этом говорит достаточно ровная линия среза со слегка обкрошившимися краями и два участка на стенке по плоскости среза, примерно 1–1,5 см длины, имеющие гладкую залоснившуюся поверхность. Данные признаки позволяют говорить об одномоментном отсечении фрагмента верхней части сосуда лезвием ножа или чем-то подобным, в одно движение. Данное действие, произведенное в процессе создания сосуда, исключает его использование в быту и дает основание говорить о преднамеренном разрушении сосуда, но с сохранением функциональных качеств. Такое возможно при использовании сосуда под жидкости.

Погребение 5. Сосуд горшковидной формы по силуэту больше похож на сосуды нуринского типа. Высота – 113 мм. Диаметр венчика – 150 мм, плечика – 143 мм, шейки – 135 мм, донца – 84 мм (рис. 1, 5). Форма изящная, шейка и венчик отогнуты наружу, Плечико сосуда округлое, тулово конической формы. Дно плоское, без поддона, имеет легкий выступ.

Горшок ручной лепки с признаками асимметрии изготовлен из керамического теста, отощенного дресвой. Имеются включения мелких камешков. Внешняя поверхность горшка заглажена слабо. Вследствие этого масса черепка имеет рыхлую консистенцию, а наружная поверхность стенок – множественные отслоения. В таком состоянии сосуд в быту был не применим. Обжиг сосуда производился при низкой температуре (500–600 С°), в задымленной среде, что также отрицательно сказалось на технологических свойствах черепка. Несмотря на низкий уровень качества обработки, изделие прошло все стадии изготовления и разрушено было в ходе погребального ритуала.

Жертвенник 1. Сосуд горшковидной формы по силуэту больше похож на сосуды атасуского типа. Высота – 113 мм. Диаметр венчика – 120 мм, плечика – 122 мм, донца – 60 мм (рис. 1, 4). Венчик не высокий, отогнут наружу. Шейка прямая, плавно входит в округлое плечико. Тулово коническое, с небольшим прогибом внутрь по нижней своей части. Ножка короткая вертикальная, плавно соединяет тулово с дном. Дно, предположительно (сохранились небольшие фрагменты), плоское, без выступов. Какой-либо декор отсутствует.

Сосуд изготовлен методом ручной лепки. Керамическая масса умеренно отощена включением песка. Также в массе черепка наблюдаются известняковые крошки, которые привели к частичному отслоению поверхности со стенок с внешней стороны [Глушков, 1996, с. 80]. Лепка небрежная, и, хотя черепок не рыхлый, а скорее средней плотности, толщина стенок по всей поверхности неоднородна, а на горловине имеются технологические разрывы. Внешняя сторона стенки горшка заглажена лучше внутренней. Стенка по венчику утончена и не имеет толщины, характерной для всего остального сосуда. Это могло возникнуть из-за утраты лепщиком традиционных приемов формообразования, либо вследствие формального отношения к задаче, когда копировщик стояла пытался создать соответствие сосуда по силуэту, не более.

Обжиг производился при температуре в пределах 800 С°, о чём свидетельствует красноватый оттенок черепка. Неравномерность окраса стенок свидетельствует о перепадах температур в обжиговом пространстве печи/горна. Местами стенки сосуда покрыты копотью, а точнее – налетом углерода, образовавшимся в конце обжига в местах, куда по некоторым причинам технологического порядка был затруднен доступ кислорода. Сосуд после обжига вышел из печи целым, без крупных технологических трещин и был разбит в ходе обряда, ударом о землю/камень донной частью. В бытовых условиях не использовался.

Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что данный сосуд кардинально отличается по технологическим критериям от выше описанных как по составу керамической массы, так и по приемам лепки и качеству обжига. Следовательно, представляет собой продукт более позднего времени, имитирующий изделие предстоящего историко-временного этапа.

Погребение 6. Керамический горшок, представляет одну из традиционных форм андроновской посуды с округлым плечиком. Высота сосуда – 196 мм. Диаметр венчика – 180 мм, плечика – 185 мм, шейки – 173 мм, по донцу – 111 мм. Ножка сосуда без выступа (рис. 1, 6).

Горшок ручной лепки. Изящная форма сосуда при этом выдержана в пропорциях и линейных отношениях. Наблюдается небольшая асимметрия. Внешняя поверхность тщательно заглажена. По качеству близко к лощению. Керамическая масса отощена большим содержанием песка и дресвы, что не могло позволить получить изделие высокого качества. По поверхности горшка имеются множественные пятна отслоения верхнего слоя керамики. Общая характеристика: черепок рыхлый,

керамическое тесто промято неосновательно, что после низкотемпературного обжига (500–600 С°) с низким содержанием кислорода в восстановительной (дымной) среде не могло дать черепка хорошего качества. Такая посуда не могла иметь применения в быту и, следовательно, не эксплуатировалась. Тем не менее, на её стенке по бокам от двух трещин имеются сверленные отверстия на уровне шейки сосуда. Диаметр отверстий 3 мм. Отверстия предназначались для ремонта горшка посредством стяжки стенки металлическими скобами. Сами скобы не сохранились, но в отверстиях остались их фрагменты в виде медных стержней, покрытых оксидом зелёного цвета. Следы починки в данном случае выступают как свидетельство низкого качества посуды, на которой уже вскоре после обжига образовался ряд трещин. Чтобы сосуд мог использоваться в погребальном ритуале, его пришлось тут же реставрировать.

Рассмотрев характеристики состояния посуды с могильника Тесик-1, аналитически можно вывести тот ряд технологических нарушений, которые заведомо делают посуду не пригодной к употреблению в быту, а, следовательно, позволяют говорить о намеренном создании посуды для погребального ритуала. Вполне вероятно, что посуда из погребений повторяет и форму, и размеры, и декор поселенческой посуды. Но технологически они явно разнятся. В данном случае об этом можно с уверенностью говорить хотя бы относительно материала погребения Тесик-1.

Данные, полученные с одного могильника, весьма локальны и не позволяют делать обобщения в пользу однозначного вывода. Что бы разрешить вопрос о специализированном производстве керамической посуды для погребального ритуала на более широком пространстве и на более длительный период эпохи бронзы, необходим сравнительный анализ по технологическим признакам поселенческой посуды и посуды с погребений. В археологических исследованиях, в том числе и специализированных [Глушков, 1996], практически не уделяется внимания дифференциации керамической посуды эпохи бронзы на бытовую и ритуальную, созданную специально для погребального обряда.

Можно предположить, что на определённом историческом этапе и этапе технологического развития производства керамики отдавалось предпочтение определённому составу керамической массы. Соответственно процесс формовки, сушки и обжига обрел некоторые традиционные черты. Опираясь на это, можно предполагать, что посуда, извлеченная из могил, изъята из быта для ритуальных целей. Но посуда, производимая для бытовых нужд, должна обладать более высокими эксплуатационными качествами, нежели та, что была снята с погребения Тесик-1. Тем более что выявленные технологические нарушения в большинстве своем носят намеренный характер. Почти вся посуда из погребального комплекса Тесик-1 датируется одним историческим отрезком – андроновским этапом эпохи бронзы, за исключением сосуда из жертвенника 1, имеющего отчетливые признаки другого временного среза, а также характерные отличия в технологии изготовления.

Отличить посуду из погребений, специально создававшуюся для погребального ритуала от бытовой, можно по технологическим признакам. Такое определение осуществимо и в полевых условиях, и при камеральной обработке, поскольку первичный анализ не требует сложных технических средств. Аборигенное население исследуемого периода при определении особенностей протекания и регулировке технологических процессов пользовалось эмпирическими наблюдениями, обходясь без сложных технических средств. Таким образом, современный исследователь, обладая общими знаниями и пониманием сути процессов изготовления керамики, может по результату восстановить условия изготовления изделия и провести первичный анализ найденных керамических артефактов в полевых условиях либо при камеральной обработке, как, например, с материалами эпохи бронзы могильника Тесик-1 (табл. 1).

Таблица 1 – Признаки технологических отклонений, не позволяющие причислить посуду, созданную для погребального ритуала, к бытовой

	Признак технологического нарушения	Причины нарушений	Характеристика
1	Вертикальные трещины венчика	Вызваны ускоренной сушкой	Меридиональные трещины идущие параллельно др. др.
2	Отслоение поверхности	Ускоренный обжиг	Слущивание поверхностного слоя. Может продолжаться в современных условиях, после извлечения объекта из земли
3	Рыхлость черепка	Процентное превышение содержания минеральных и органических добавок. Плохой промес и промин керамического теста	Пустоты и каверны. Хорошо различимы на изломе. Приводят к хрупкости изделия
4	Науглероженный черный черепок. Слабый спёк изделия	Низкая (не выше 600 С°) температура обжига. Большая задымленность, восстановительная газовая среда	Судя по образцам эпохи бронзы, технология позволяла добиться плотного и пропеченного черепка при низкотемпературном обжиге (600–700 С°)
5	Не структурный разлом рыхлого черепка, крошащиеся края	Слабый промес и промин, плохой спёк изделия	Крупные поры и мелкие пустоты, каверны, придающие хрупкость изделию

Данным материалом мы затрагиваем один из проблемных вопросов в археологии при работе с погребальной керамикой – была ли керамика использована в бытовой среде и только потом применена для погребения или изготовлена специально для погребального ритуала. Но, для какого бы временного среза мы ни взялись изучать этот вопрос, всегда следует помнить, что в одну эпоху в одном континууме могло существовать несколько культурных традиций, а это предполагает вариативность аналогичных ритуалов, их антуража и сценариев. Использование сравнительного анализа по технологическим критериям позволит разрешить вопрос о специализации производства керамической посуды для нужд погребального ритуала.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: «Мектеп», 1979. 160 с.
- Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Горячев А.А.* Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.
- Горячев А.А.* О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 3-28.
- Горячев А.А., Чернов М.А.* Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Турген-II // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 106-119.
- Горячев А.А., Потапов С.А., Чернов М.А.* Погребальный комплекс эпохи бронзы урочища Тесик // Археология Казахстана. 2021. № 1 (11). С. 9-34.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 435 с.
- Молодин В.И., Ламина Е.В.* Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник: сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: «Наука» СО РАН, 1989. С. 103-118.
- Мотов Ю.А.* Керамический тагарский сосуд из погребения в урочище Ой-Джайляу // ИАС. 2011. Вып. 4. С. 192–194.
- Goryachev A.A.* Charter IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechye // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/Edited by Kathryn M. Linduff. Lewiston, New York, USA: The Edwin Mellen Press, 2004. P. 109-138.

А.В. ЕПИМАХОВ

Епимахов Андрей Владимирович,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия, eav74@rambler.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА и ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: катастрофа или повседневная практика?

Аннотация. Процедура анализа коллективных погребений бронзового века проиллюстрирована на двух примерах синташтинской и абашевской культур. Интерпретация таких комплексов должна опираться на максимально полный и детальный анализ самих погребений, их антропологического состава, наличие следов травматизма, а также на широкий культурный фон. В качестве равноправных сценариев формирования комплекса должны рассматриваться: единовременная смерть индивидов и однократное захоронение; не единовременные смерти индивидов и однократное захоронение; не единовременные смерти индивидов и многократные действия (многоактный ритуал захоронения). Проанализированные материалы иллюстрируют высокую вероятность того, что формально сходные комплексы могут иметь принципиально разные идеи, лежащие в основе определенных поведенческих актов.

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, коллективные погребения, синташтинская культура, абашевская культура

Епимахов Андрей Владимирович,
Оңтүстік-Орал мемлекеттік университеті
(Ұлттық зерттеу университеті),
Челябинск, Ресей, eav74@rambler.ru

ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ ҰЖЫМДЫҚ ЖЕРЛЕУ және ОЛАРДЫ ТҮСІНДІРУ: апат немесе күнделікті тәжірибе?

Аннотация. Қола дәуіріндегі ұжымдық жерлеу рәсімдерін талдау Синтасты және Абашев мәдениеттерінің екі мысалында суреттелген. Мұндай кешендерді түсіндіру жерлеудің толық және егжей-тегжейлі талдауға, олардың антропологиялық құрамына, жарақаттану іздерінің болуына, сонымен қатар кең мәдени фонына негізделуі керек. Кешеннің қалыптасуының тең сценарийлері ретінде: жеке тұлғалардың бір реттік өлімі және бір реттік жерлеу; жеке тұлғалардың бір реттік емес өлімі және бір реттік жерлеу; жеке тұлғалардың бір реттік емес өлімі және бірнеше рет жасалатын әрекеттер (көп актілі жерлеу рәсімі) қарастырылуы керек. Талданған материалдар осындай ұқсас кешендердің мінез-құлық актілерінің айқын негізінде жатқан түбегейлі әртүрлі идеялары болуы мүмкін екендігінің жоғары ықтималдығын бейнелейді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, қола дәуірі, ұжымдық жерлеу, Синтасты мәдениеті, Абашев мәдениеті

Andrey Epimakhov,
South Ural State University
(National Research University),
Chelyabinsk, Russia, eav74@rambler.ru

COLLECTIVE BURIALS in the BRONZE AGE and their INTERPRETATION: disaster or routine?

Abstract. The procedure for analyzing collective burials is illustrated by two case studies of the Sintashta and Abashevo cultures of the Bronze Age. The interpretation of such complexes has been based on the most complete and detailed analysis of the burials themselves, their anthropological composition, the presence of trauma traces, as well as on a wide cultural background. The following should be considered as equal scenarios for the formation of the complex: a one-time death of individuals and a single funeral; non-one-time deaths of individuals and single funeral; non-one-time deaths of individuals and repeated actions (multi-act burial ritual). The analyzed materials illustrate the high probability of the fact that similar complexes may formally have fundamentally different ideas underlying the objectified behavioral acts.

Keywords: Southern Urals, Bronze Age, collective burials, Sintashta culture, Abashevo culture

Коллективные погребения – не столь уж редкая находка в практике исследований бронзового века. Как и в случае с парными разнополыми захоронениями, версии их интерпретации можно условно ранжировать по степени «кровожадности» [Берсенева, 2015]: от практики насильственных умерщвлений и человеческих жертвоприношений [Моргунова и др., 2015] до простых жизненных ситуаций [Ражев, Епимахов, 2005]. Впрочем, в последние годы, в том числе в свете суждений о миграциях, подкрепленных данными археологии и палеогенетики [Allentoft et al., 2015; Narasimhan et al., 2019], есть тенденция рассматривать такие захоронения как свидетельства столкновений разнокультурных групп. Подкрепляющими фактами являются примеры поселений, погибших в ходе военных катастроф [Черных, 1972; Чемякин, 2015 и др.] Одной из наиболее ярких иллюстраций трагических событий вполне обоснованно считается Пепкинский курган абашевской культуры [Халиков и др., 1966; Медникова, Лебединская, 1999; Кузьминых, Мимоход, 2016; Медникова, 1918 и др.], где есть примеры декапитации, военного травматизма и пр. Более того, предполагаются конкретные инокультурные (сейминско-турбинские) соперники погибшей группы [Кузнецов, 2004].

В этой связи велик соблазн рассматривать в сходном ключе и другие коллективные погребения этой и иных культур. Представляется, что окончательные заключения не должны предшествовать цепочке процедур анализа информации, начиная с полевого исследования. Иначе говоря, прежде чем обсуждать какой поведенческий акт опредмечен [Клейн 2004], следует установить характер комплекса, ответив на ряд ключевых вопросов. В противном случае мы будем раз за разом видеть в материале больше информации, чем он реально может дать [Коренько, 2018], аналогии же в данном случае могут сыграть роль ложных друзей переводчика – формально сходство есть, а содержание разное. С этой точки зрения важную роль играет возможность проверки выводов, т. е. исходные данные и развернутая аргументация должны быть представлены в полном объеме.

Рассмотрим только некоторые аспекты. Уже в процессе раскопок должен быть поставлен вопрос о способе формирования комплекса. Если ответ на вопрос об открытом или закрытом характере относительно прост (хотя и зависит от сохранности памятника, методики раскопок и пр.), то проблема одно- или многоактности ритуала захоронения заметно сложнее. Между тем, каждый из ответов формирует совершенно разные траектории интерпретаций. Даже в случае заведомой однократности ритуала захоронения в качестве равновероятных версий должны рассматриваться возможность одно- и разновременной смерти индивидов. Последнее только на первый взгляд кажется

экстраординарным, поскольку фактор сезонности не стоит сбрасывать со счетов. Понятно, что в этом примере, как и в случае совершения последовательных захоронений в едином пространстве, катастрофические версии не могут быть в приоритете.

В диагностировании способа формирования погребального комплекса важны многие детали контекста: взаиморасположение погребенных, вариативность приданной позы, различия в сохранности останков. Критически важным является также углубленный антропологический анализ, позволяющий уяснить характеристики пола и возраста, состояние здоровья, посмертные манипуляции и др. Дополнительные аргументы дает выявление родственных связей между индивидами с помощью палеогенетики, реже методами палеоантропологии. Состав и расположение инвентаря в данном случае играют лишь вспомогательную роль в интерпретации.

На следующем этапе в обсуждении должен быть задействован широкий культурный контекст. Первый из вопросов – насколько широко практика неодионых захоронений представлена в могильнике и культурной традиции в целом? Понятно, что катастрофы не могли приключаться перманентно без угрозы для существования группы, поэтому редкость комплекса – косвенный аргумента «за» конфликтную гипотезу. Второй вопрос о наличии других свидетельств в ее пользу – следы на поселениях, локализация памятника в контактной зоне и пр. При этом приходится держать в уме, что конфликт мог возникнуть не только в среде носителей одной культуры, но и коллектива.

Рассмотрим конкретные примеры. Синташтинский могильник Каменный Амбар-5 (степная зона Южного Зауралья) хорошо представлен в литературе и проанализирован едва ли в максимальном объеме [Епимахов, 2005; Hanks et al., 2018; Judd et al., 2018; Чечушков, Епимахов, 2021 и др.]. Максимальное число погребенных в одном комплексе доходит до девяти человек. Так, могильная яма 2 кургана 4 содержала останки восьми индивидов. Несмотря на повреждения от деятельности норных животных, можно утверждать, что захоронение сооружено единовременно, а комплекс закрытый. Оснований для предположения о последовательном размещении покойных нет. С некоторыми оговорками можно утверждать, что разнообразия в позах и ориентировках также нет. Следы посмертных манипуляций и травм не зафиксированы, но это может быть результатом плохой сохранности скелетов, принадлежавших индивидам молодого возраста (от 0,5–1 до 7,5–12,5 лет¹). Интересны также заключения о генетическом родстве трех похороненных покойных (из пяти проанализированных), они оказались родными братьями. Обнаруженный инвентарь соответствует синташтинским стереотипам детской обрядности – мелкие украшения, иглы, керамика.

Обсуждая широкий контекст, отметим, что для рассматриваемого могильника коллективные погребения типичны как большой процент младших возрастов. По культуре в целом это не всегда проявляется столь ярко, но сходство очевидно [Епимахов и др., 2021]. Попытки обнаружить следы реальной военной активности и в целом следы любых конфликтов оказались мало результативны. Даже фортификационная функция внешних стен замкнутых поселений в последние годы подвергается сомнению [Чечушков и др., 2019], еще менее аргументов в инвентарном комплексе за пределами ритуальной (погребальной) сферы [Епимахов, Семьян, 2016]. Комплекс поселения и могильника Каменный Амбар-5 находится в центральной зоне синташтинской ойкумены, а следы взаимодействия с предполагаемым соперником (носителями сейминско-турбинских традиций) иллюстрируют единичные находки². Северная периферия синташтинской ойкумены (бассейн р. Уй) имеет чуть большее число таких находок [Куприянова, Таскаев, 2018], но и в этом случае их интерпретация в качестве следов столкновений не единственная [Епимахов, 2018].

Подводя итог для данного погребения, следует признать, что причиной его формирования вряд ли были конфликтные события. Невозможно быть полностью уверенным в одновременности смерти

¹Определения Д.И. Ражева (Тюменский научный центр СО РАН) и М. Джадд (Университет Питтсбурга).

²Речь идет о костяных панцирных пластинах, имеющих прямые аналогии в могильнике Ростовка [Матюшенко и др., 1988].

погребенной группы, хотя захоронение было однократным. Очень юный контингент и родственные связи указывают, скорее, на эпидемический сценарий. В последние годы на смену умозрительным построениям в этой части приходят доказательства распространения чумы и гепатита на Южном Урале уже в эпоху бронзы [Rasmussen et al., 2015; Mühlemann et al., 2018]. Впрочем, заключения о стрессе в системе питания [Judd et al., 2018] добавляют еще одну возможную интерпретацию – сезонную голодовку, которая закончилась летально для наиболее слабой части коллектива. Этот сценарий не противоречит возможности сезонного захоронения, например, в теплое время года.

Можно ли рассматривать описанный комплекс в качестве эталонного коллективного погребения синташтинской культуры? Скорее всего, нет. Типичным является сочетание взрослых и молодых индивидов, нередко положение индивидов взаимообусловлено (парные погребения в сопровождении детей), для центральных могильных ям нередко предполагается их использование как склепов. Подтвердить или опровергнуть последнее крайне сложно, особенно в свете тотальных разрушений этих объектов. Таким образом, для синташтинской обрядности характерна вариативность [Епимахов, Берсенева, 2012], частично обусловленная ситуативными факторами.

Пример иного свойства и качества документирования – Юкалекулевский могильник абашевской культуры (лесостепное Приуралье), исследованный в Н.А. Мажитовым в 1964 г. [Мажитов, 1964]. Этот комплекс нередко упоминается в качестве аналога Пепкинскому кургану [Горбунов, 1986, с. 45 и др.]. Небольшой по размеру курган 1 (диаметр – 10 м, высота – 0,45 м) содержал четыре погребения, из которых три были индивидуальными, а одно коллективным. Интересующее нас центральное погребение 1 выделялось размерами $(4,1 \times 2,6 - 2,1 \times 0,95 \text{ м})^3$ и, видимо, изначально было предназначено для совершения коллективного захоронения (рис. 1). Следы деревянного перекрытия выявлены не были, что в сумме со сравнительно небольшой глубиной могилы заставляет предполагать одноактность захоронения. К сожалению, лесостепные почвы не способствуют детальным стратиграфическим наблюдениям, поэтому полностью исключать впускные захоронения нельзя. Косвенным подтверждением одноактности ритуала является также взаимное расположение скелетов – часть из них непосредственно перекрывала друг друга.

В общей сложности были расчищены останки 13 индивидов: из них в положении вытянуто на спине – 10 и скорченно на правом боку – 3. Северную половину ямы занимали захоронения, вытянутые на спине, скорченные тяготеют к южной. Отсутствие нивелировочных отметок на плане отчасти компенсирует фото, на котором видно, что все кости расположены на дне. Все скелеты размещены поперек длинной оси ямы, часть вытянутых погребений ориентирована головой на ЗЮЗ, другая – в противоположном направлении. Ширина ямы (максимум 2,6 м) указывает на то, что имели место многочисленные наложения костей ног⁴. Скорченные погребения разнонаправлены и частично перекрывают вытянутые. Нет сомнений в том, что полевой антрополог сильно обогатил бы картину деталями, но по сей день для большинства полевых исследований — это нереально. В данном случае мы не располагаем квалифицированными заключениями антрополога даже *post-factum*. Автор раскопок упоминает о наличии взрослых и подростков (видимо, исходя из размера длинных костей), но опираться на это мнение неразумно. Инвентарный комплекс включает немногие категории: посуда, украшения (браслеты, подвески и бляшка) и каменный наконечник стрелы. Две первых категории надежно маркируют культурную принадлежность.

Рассматривая комплекс в культурном контексте, отметим, что для данного могильника в отчете упоминается еще один подобный курган с массовым захоронением (не менее шести человек).

³По прошествии многих лет можно лишь сожалеть о том, что отчет крайне лапидарно описывает уникальный комплекс, а часть важных деталей не была зафиксирована в полевых условиях, что, впрочем, хорошо вписывается в методические установки времени исследования.

⁴Судя по документации, кости были плохой сохранности, на что указывает почти полное отсутствие мелких костей, даже лучевые сохранились в местах соприкосновения с медьсодержащими браслетами.

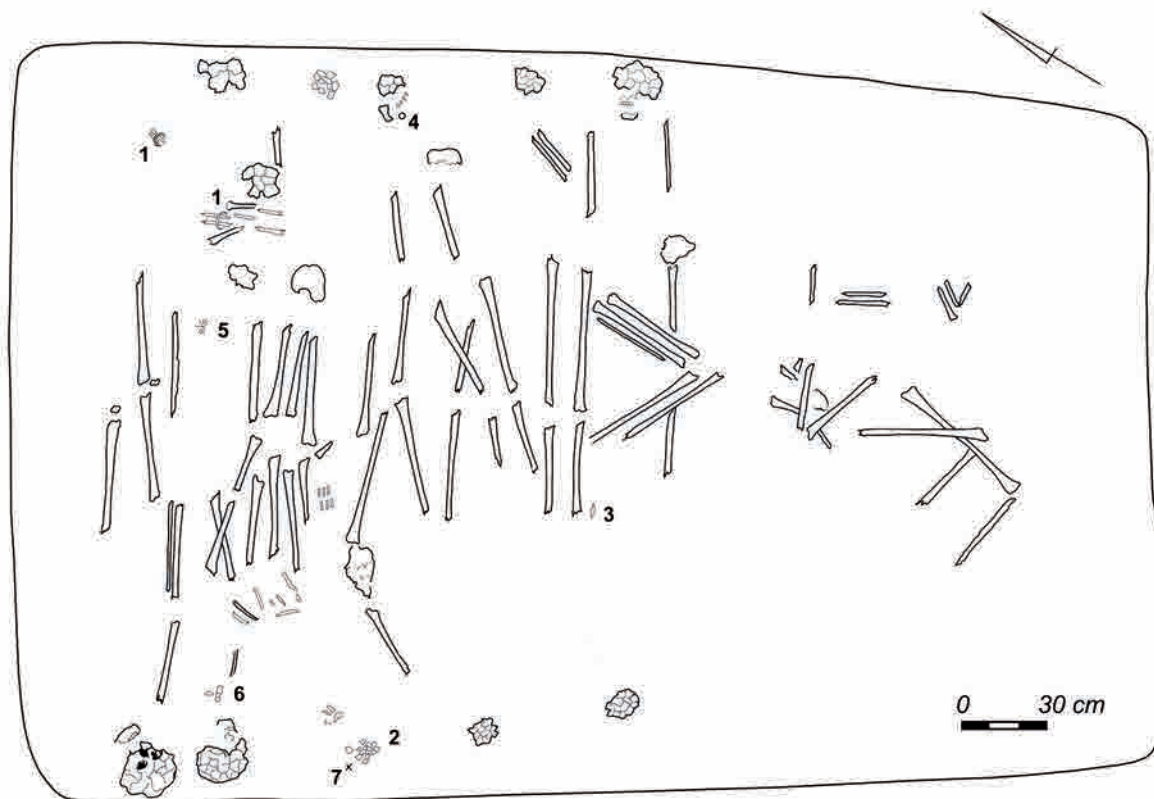

Рис. 1. Юкалекулевский могильник, курган 1, м.я. 1: 1 – бронзовые браслеты; 2 – сосуды в развале; 3 – кремневой наконечник стрелы; 4–6 – серьги; 7 – подвеска (обломок бронзовой спирали) (по: [Мажитов, 1964])

Этот объект был раскопан местными жителями, а вещи были утрачены задолго до экспедиции 1964 г. Таким образом, мы имеем дело не с уникальным событием, а неким вариантом ритуальной практики местной группы населения, хотя и расположенного на северной периферии абашевской ойкумены [Борзунов и др., 2020, рис. 1]. Версия драматических событий, вероятно, возникла не без влияния раскопанного А.Х. Халиковым в 1960 г. Пепкинского кургана, для которого аргументация куда солиднее [Медникова, Бужилова, 2002 и др.]. Для абашевской культуры и ее наследников можно найти и другие иллюстрации коллективных погребений [Голотвин и др., 2016]. Абашевские памятники лесостепной зоны, как правило, характеризуются очень плохой сохранностью костных остатков [Горбунов, 1986, с. 42–43], которая может объясняться по-разному. Ссылка на «ограбление» не всегда совместима с фактами, да и в целом редко выдерживает серьезный методический разбор [Епимахов, Куприянова, 2015]. На этом фоне версия «отсроченных» погребений требует более пристального внимания.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют необходимость детального анализа всей совокупности археологических и смежных фактов при интерпретации коллективных погребений. Уже на первом этапе следует иметь в виду минимум три варианта сценария формирования комплексов: единовременная смерть индивидов и однократное захоронение; не единовременные смерти

индивидов и однократное захоронение; не единовременные смерти индивидов и многократные действия (многоактный ритуал захоронения). Сам по себе коллективный характер погребения (вне дополнительной информации) не может служить надежным маркером конфликта, не говоря уже о попытках установить состав участников событий.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. «Семейные» (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории. Сб. научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: ИА КН МОН РК, 2015. С. 339–345.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. Серный Ключ – памятник абашевской “экспедиции” в горно-лесную зону Среднего Урала // РА. 2020. № 1. С. 117–131.

Голотвин А.Н., Пряхин А.Д., Казарницкий А.А., Мимоход Р.А., Усачук А.Н. Липецкий курган-памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк–Воронеж: Новый взгляд, 2016. 160 с.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Изд-во БГПИ, 1986. 96 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 148–170.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограждений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 115–118.

Епимахов А.В., Семьян И.А. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 77–84.

Епимахов А.В. Социальные структуры в условиях фронта: пример бронзового века Южного Зауралья // Stratum plus. 2018. № 2. С. 91–108.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. В печати.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 472 с.

Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова) / ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2018. С. 36–47.

Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отображение конфронтации в начальный период формирования культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Поволжья и Урала. Вып. 2. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 146–154.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). М-лы Круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (СПб., 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2016. С. 39–44.

Куприянова Е.В., Таскаев С.В. Кинжал из могильника Степное VII как отражение межкультурных контактов в металлообработке эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 17–27.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2889. 34 л. № 2889а; Альбом иллюстраций к отчету. 64 л., 148 рис. и табл.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Издательство Томского университета, 1988. 136 с.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Восточная литература, 1999. С. 200–216.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // РА. 2002. № 2. С. 162–164.

Медникова М.Б. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. 2018. № 253. С. 378–389.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, антропология и этнография Евразии. 2015. № 2. С. 64–71.

Ражев Д.И., Епимахов А.В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. Вып. 5. С. 107–113.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 60 с.

Чемакин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: м-лы VI Всерос. науч. конф. (г. Челябинск, 28 сентября–02 октября 2015 г.) / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 169–176.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. М.: Наука, 1972. 208 с.

Чечушков И.В., Якимов А.С., Дакович Г. Проблема интерпретации системы «ров-вал» по археологическим источникам и обороноспособность синташтинско-петровских поселений // Stratum plus. 2019. № 2. С. 345–357.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 47–58. DOI 10.20874/2071-0437-2021-54-3-4.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.-G., ..., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Iss. 522. Pp. 167–172.

Hanks B.K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 97. Pp. 14–25.

Judd M. A., Walker J., Ventresca Miller A., Rajev D., Epimakhov A., Hanks B. Life in the fast lane: settled pastoralism in the Central Eurasian Steppes during the Middle Bronze Age // American Journal of Human Biology. 2018. Vol. 30. Iss. 4. e23129

Mühlemann B., Jones T. C., de Barros Damgaard P., ..., Willerslev E. Ancient Hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval // Nature. 2018. Vol. 557. Iss. 7705. Pp. 418–423.

Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., ..., Reich D. The Genomic Formation of South and Central Asia // Science. 2019. 365 (6457). Pp. eaat7487. DOI: 10.1126/science. aat7487.

Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen R., ..., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163. Iss. 3. Pp. 571–582.

К.А. ЖАМБУЛАТОВ

Жамбулатов Кайрат Абасевич,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; kairo_88@inbox.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА в ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье приводятся статистические данные по погребальному обряду населения, проживавшего на территории современного Западного Казахстана во второй половине II–IV в. н.э., объединенного в единую позднесарматскую культуру. Всего в выборке было учтено свыше 200 объектов. По внешним признакам, в том числе расположению в могильных комплексах своеобразных и в то же время уникальных «П»-образных и «гантелевидных» сооружений, а также по некоторым элементам погребального обряда выделяются региональные особенности для позднесарматских памятников бассейна р. Жайык и Мугалжар. При этом позднесарматские памятники обоих локальных регионов сохраняют свои единые диагностирующие признаки: форма могильной ямы, ориентировка погребенного в северный сектор, деформация свода черепа и устойчивый набор погребального инвентаря.

Ключевые слова: Западный Казахстан, позднесарматское время, погребальный обряд

Жанболатов Қайрат Абайұлы,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, kairo_88@inbox.ru

БАТЫС ҚАЗАҚСТАН ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ КЕЙІНГІ САРМАТТАР УАҚЫТЫНДАҒЫ ЖЕРЛЕУ САЛТЫ

Аннотация. Мақалада б.д. II–IV ғғ. екінші жартысында кейінгі сармат мәдениетіне біріккен қазіргі Батыс Қазақстан территориясында тұрған көшпелі тұрғындардың жерлеу салты бойынша статистикалық мәліметтер келтірілген. Барлығы екі жүзден астам нысан есепке алынды. Сыртқы белгілері бойынша, оның ішінде бірегей «П»-тәрізді және «гантель тәрізді» құрылыстардың қорым кешендерінде орналасуы, сондай-ақ кейінгі сарматтардың жерлеу салтының кейбір элементтері бойынша Жайық және Мұғалжар өзендері бассейнінің ескерткіштері үшін өңірлік ерекшеліктер бөліп көрсетіледі. Сонымен қатар, екі жергілікті аймақтың кейінгі сарматтар ескерткіштері қабір шұңқыры формасы, мүрденің солтүстік секторға қаратып жатқызылуы, бас сүйектің деформациясы және жерлеу жабдықтарының тұрақты жиынтығы түрінде көрінетін өзіндік бірыңғай диагностикалық белгілерін сақтайды.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, кейінгі сармат уақыты, жерлеу рәсімі

Kairat Zhambulatov,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, kairo_88@inbox.ru

FUNERAL RITE of the POPULATION of WESTERN KAZAKHSTAN in the LATE SARMATIAN PERIOD

Abstract. The article presents statistical materials on the funeral rite of the nomadic population living on the territory of modern Western Kazakhstan in the second half of the 2nd–4th centuries AD, which are united into

a single Late Sarmatian culture. In total, more than two hundred objects were taken into account in the sample. According to external features, regional features are distinguished for the Late Sarmatian monuments of the Jaiyk and Mugaljar river basins. In particular, according to the location in the burial complexes of peculiar and at the same time unique “П”-shaped and “dumbbell-shaped” structures and some elements of the funeral rite. At the same time, the Late Sarmatian monuments of both local regions retain their common diagnostic signs, manifested in the form of a grave pit, the orientation of the buried to the northern sector, the deformation of the cranial vault and a stable set of funeral equipment.

Keywords: Late Sarmatian time, Western Kazakhstan, funeral rite

Начиная со второй половины II в. н.э., в среде населения сарматского круга происходят значительные изменения, главным образом коснувшиеся такой устойчивой и консервативной формы религиозно-мировоззренческих отношений, как отправление традиционных норм, связанных с погребальным обрядом. Эти изменения специалисты связывают с пребыванием в степи Южного Приуралья значительного числа новых племенных групп кочевников, которые сформировали здесь ядро позднесарматских племен. Их дальнейший миграционный импульс на запад достиг территории Северного Причерноморья. Пребывание позднесарматских племен в Южном Приуралье отразилось на традиции погребального обряда, встречающегося здесь в наиболее «чистом» виде, в отличие от лесостепного Приуралья и Волго-Донского региона, где происходили сильные процессы инфильтрации с обрядовыми нормами автохтонного населения [Мошкова, 2009, с. 163–165; Малашев, Мошкова, 2010, с. 37–56]. Учитывая эти мнения, можно косвенно предположить, что изучение погребального обряда позднесарматского времени Южного Приуралья является предпочтительным с точки зрения понимания всех тех сложных исторических событий, которыми была заполнена степь.

Изучение погребального обряда населения, оставившего памятники позднесарматского облика, стало возможным после того, как была значительно расширена источниковая база. Рекогносцировочные раскопки, произведенные П.С. Рыковым в довоенное время, сменились полномасштабными и целенаправленными исследованиями позднесарматских курганов во второй половине XX в., в том числе благодаря открытию в регионах археологических центров (Уральск, Актобе) [Китов, Мамедов, 2014, с. 27–37]. Удивительные находки из элитарных курганов Лебедевки, открытые Г.И. Багриковым [Багриков, Сенигова, 1968, с. 71–88], способствовали тому, что здесь на плато Есен-Амантау развернулись комплексные исследования, в которых в разное время принимали участие М.Г. Мошкова, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер [Мошкова, Кушаев, 1969, д. 1131; Железчиков, Кригер, 1977, д. 1602; Мошкова и др., 1978, д. 1679; Железчиков, Кригер, 1979, д. 1759; Мошкова и др., 1980, д. 1838]. В нескольких лебедевских могильниках было открыто свыше 50 погребальных и культово-ритуальных сооружений позднесарматского времени. Примерно такое же количество погребений было раскопано С.Ю. Гуцаловым на могильниках Целинный-I, Атпа I-III, V, Восточно-Курайлинский и др. [Гуцалов, Родионов, 1985, д. 2084; Гуцалов, 1988, д. 2218; Гуцалов, Макаревич, 1986, д. 2135] Спасательные работы на могильниках Мамай, Кисык-Камыс, Ногай-Чиженъ и др. при строительстве каналов в бассейне р. Жайык проводил Г.А. Кушаев [Кушаев, 1993, с. 171; Железчиков, 1998, с. 136]. Ряд позднесарматских погребений на территории Актюбинской области был исследован под руководством А.А. Бисембаева (Басшийли, Улгули, Сарытау) [Бисембаев, 2002, д. 2578; Бисембаев и др., 2004, д. 2614], под руководством Я.А. Лукпановой (Таксай, Агадыр) в Западно-Казахстанской области [Лукпанова, 2020, с. 1021–1033]. На сегодняшний момент планомерные исследования позднесарматских комплексов в Уилском районе проводит группа исследователей Актюбинского областного историко-краеведческого музея [Жамбулатов, 2017, с. 146–150].

Активные и целенаправленные археологические раскопки на территории Западного Казахстана и сопредельных регионов позволили охарактеризовать погребальный обряд поздних

сармат в обобщающих публикациях М.Г. Мошковой [Мошкова, 1982, с. 80–87; 1989, с. 191–193; 2009, с. 176], С.А. Трибунского [Трибунский, 2003], С.Г. Боталова, С.Ю. Гуцалова [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 122–128] и В.Ю. Малашева [Малашев, 2013].

В общей сложности на территории двух областей Западного Казахстана было исследовано 204 объекта, по сумме признаков и датирующего материала отнесенных к позднесарматской культуре. Из этого числа 172 объекта – это курганные насыпи, под которыми был совершен обряд ингумации. Грунтовые погребения, не имеющие перекрывающей насыпи – 2 ед. Восемь погребений были впущены в насыпи более раннего периода. Далее следуют сооружения, которые придают позднесарматской культуре этого региона своеобразную уникальность из-за вариативности форм и смысловой нагрузки. Речь идет о так называемых «гантелевидных» (8 ед.), «П»-образных (склепообразных) сооружениях (5 ед.), кольцевидных сооружениях (5 ед.) и курганных насыпях округлой формы со следами тризны и не имеющих погребений (4 ед.). Все объекты содержали 190 погребений. Из них 8 погребений были расположены в «гантелевидных» и «П»-образных сооружениях.

По ряду условных признаков позднесарматские комплексы распадаются на два региона, четко разграничивающихся физико-географическими особенностями Западного Казахстана – это бассейн р. Жайык/Урал и Мугалжар* (*Для удобного понимания региональных особенностей позднесарматской культуры здесь и далее под термином Мугалжар/Мугоджары нами будет пониматься та часть степей, которая начинается западными холмистыми отрогами Жайык-жемского плато, а на востоке заканчивается восточными склонами гор Мугалжар).

Под эти признаки хорошо попадают выделенные особенности в планиграфии позднесарматских комплексов. Например, в бассейне р. Жайык с его многочисленными мелкими и крупными притоками поздние сарматы свои могильники (Мамай, Кисык-Камыс-I, Ногай-Чижень-I, Гниловский, Барбастау-II и др.) устраивали непосредственно на возвышенном, крутом берегу водоема, приурочив свои небольшие насыпи к более крупным курганам предшествующего времени, расположив их рядом в один или несколько рядов, ориентируя линию по направлению русла реки. Здесь поздние сарматы могильные комплексы с большим числом курганов не образовывали. Также в них отсутствуют такие примечательные для позднесарматских комплексов региона Мугалжар «гантелевидные», «П»-образные (склепообразные) и других форм сооружения. Следует отметить, что подобные сооружения далее на запад не распространяются, ограничиваясь р. Жайык [Скрипкин, 1984, с. 149; Кривошеев, 2005, с. 321; Мошкова, 2007, с. 108].

Для территории Мугалжар разнообразие таких сооружений достаточно велико. К тому же они встречаются практически в каждом позднесарматском комплексе [Боталов, Бисембаев, 2002, с. 108–116; Дуйсенгали и др., 2018, с. 237], став для них своеобразным идентифицирующим маркером.

Как показывают наблюдения, в Мугалжар могильники поздних сармат тяготеют к руслам основных местных рек, таких как: Жем, Ойыл, Ор, Ыргыз, Калдыгайты и др. При этом разнообразие рельефа местности позволило выбирать здесь выделяющиеся или характерные участки. Так, могильниками Целинный-I, Улке-II, Басшийли, Атва были заняты наиболее возвышенные части хребтов, увалов, края плато, а такие комплексы как Акбулак-II-III, Таскопа-III располагались на высоких и пологих надпойменных террасах, чаще всего образуя крупные, вытянутые в широтном направлении, могильные цепочки в один или несколько рядов, насчитывающие от 20 до 250 объектов преимущественно одного времени [Дуйсенгали и др., 2018, с. 237–241; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 266].

Поздние сарматы совершали свои погребения под насыпями округлой формы с уплощенным верхом, для возведения которой чаще всего использовался земляной грунт. Камень использовался

редко. Его применение было зафиксировано всего в 9 случаях и только на памятниках, расположенных в Мугалжар, где выходы скальника на поверхности являются распространенным явлением.

К внешним или внекурганам конструктивным элементам относятся только рвы и котлованы, образованные от выборки дополнительного грунта для возведения насыпи. Всего в Мугалжар было зафиксировано 13 таких курганов. Ров, как правило, имел правильную округлую форму с одинаковой шириной по всей окружности. На современной поверхности они фиксировались едва уловимым понижением, часто выделяемой густым травостоем на фоне контраста сухой степной растительности. Перемычек и разрывов во рвах не наблюдается. Также отсутствует площадка между рвом и насыпью, т. е. внутренняя стенка рва сразу переходит в полу насыпи. Глубина рвов от 0,15 до 0,3 м, ширина - от 1 до 2 м.

В большинстве своем насыпи небольших размеров, в пределах 6–10 м в диаметре. Средний коэффициент диаметра составляет 10,7 м, а высоты – 0,3 м. Из такого большого количества насыпи только восьми курганов имеют диаметр 20–34 м (4,7%).

Абсолютное большинство погребений (169 ед.) совершено под индивидуальной насыпью. В семи курганах встречены две могильные ямы: центральная и периферийная. В одном случае в одной могильной яме находилось парное погребение двух взрослых индивидов. Еще в двух случаях в погребение взрослого индивида было положено тело младенца. В одном случае младенец лежал у предплечья, ориентирован, как и взрослый, на север, в другом - около берцовой кости, головой развернут к ногам.

В небольшом количестве насыпей курганов (55 ед.) были зафиксированы следы тризны в виде костей домашних животных, фрагментов керамики, зольные пятна и угли.

К внутренним конструктивным элементам насыпи можно отнести простые и сложные сооружения, которые возводились над- или около могильной ямы. Однако следует сказать, что такие элементы встречаются не часто и только в тех курганах, которые отличаются своими параметрами. Хорошо документированы сооружения, возведенные и со временем разрушенные над могильной ямой в элитарных насыпях курганов № 3 и 4 могильника Таксай-I [Лукпанова, 2012, д. 3124]. Над могилой, в центральной части большой насыпи, возводилось сложное сооружение. На погребенную почву насыпался желтый супесчаный слой в виде платформы высотой до 0,3 м и сторонами 6×6 м. К сожалению, по сохранившимся здесь фрагментам сложно судить о роли применения дерева.

Интересные сооружения были зафиксированы в курганах № 24 и 26 могильника Кызылжар-V [Бисембаев, Гуцалов, 2009, с. 372–384] и кургане № 19 могильника Лебедевка-VI [Железчиков, Кригер, 1979, д. 1759]. Здесь зафиксировано интересное сочетание, когда вместе с рвом под земляной насыпью было устроено сооружение квадратной формы, в центре которого находилась могильная яма. Во всех случаях сооружения ориентированы сторонами по сторонам света; построены из сырца, сформованного в виде «блоков» прямоугольной формы. Ширина стен сооружения составила 1–1,5 м, высота - до 0,2 м.

Относительно перекрытий могильных ям информация была получена по материалам из 17 курганов. Чаще всего в качестве перекрытия на уровне древнего горизонта было использовано дерево или тростник. Камень был использован только в одном случае. Это курган № 2 могильника Родники-I, где частично были сохранены плиты могильного перекрытия, установленные поперек ямы [Гуцалов, Родионов, 1985, д. 2084]. Подбойные ниши, по всей вероятности, были обложены также деревом или тростником.

Подавляющее большинство могильных ям расположены в центральной части насыпи (154 ед.). Однако имеются исключения, когда могильная яма отклонена в тот или иной сектор. Так, 19 погребений расположены в юго-западном секторе, три погребения – в северо-западном и одно – в юго-восточном. Коэффициент отклонения от центральной оси насыпи больше всего зафиксирован в бассейне р. Жайык.

В позднесарматских погребениях Западного Казахстана, как и в предыдущие периоды, наблюдается широкая вариабельность типов могильных ям, но среди них выделяется несколько устойчивых и встречающихся чаще всего признаков. Всего, по ранее разработанным признакам [Скрипкин, 1984, с. 149; Мошкова, 1989; 2009, с. 176], было выделено восемь типов могильных ям, два из которых - это четырехугольные узкие и ямы с подбоем под западной стенкой - являются ведущими.

Четырехугольные узкие ямы. Эта форма могильной ямы количественно преобладает над другими и устойчиво, практически в одинаковых пропорциях, встречается как в бассейне р. Жайык, так и в Мугалжар. Всего таких ям зафиксировано 71 ед. (37,3%). Как правило, это вытянутые прямоугольные ямы с закругленными углами. Ширина таким ям составляет от 40 до 70 см. Стенки ровные, в отдельных случаях в незначительных пропорциях стенки ко дну могут сужаться или расширяться. Дно ровное. В пяти случаях в стенках, на уровне дна могильной ямы, была сделана небольшая ниша.

Подбой под западной стенкой. Аналогично с предыдущим типом пропорционально в одинаковом количестве встречается в двух указанных регионах. Всего выделено 64 ямы (33,6%). Входная яма могла быть узкой, а также средней ширины вытянуто прямоугольной формы со скругленными углами. Стенки и дно ровное. Всегда дно подбойной ниши от дна входной ямы разделена ступенькой высотой 10–30 см. В редких случаях ступенька оставлялась во входной яме вдоль продольной стенки. Также здесь, во входной яме, находились кости животных от поминальной трапезы.

Четырехугольные ямы средней ширины встречаются гораздо реже, чем два первых типа. Всего было зафиксировано 32 ямы (16,8%). Также изменился коэффициент встречаемости. В бассейне р. Жайык четырехугольные ямы средней ширины в пропорциональном отношении встречаются чаще. Это ямы вытянуто прямоугольной формы со скругленными углами и ровными стенками, ширина которых составляет от 0,7 до 1 м. Очень редко в ямах этого типа могут встречаться ниши, сделанные в средней части могильной ямы, и ступенька, оставленная вдоль одной из продольных стенок.

Подбой под восточной стенкой. Могильные ямы такого типа встречаются только в Мугалжар. В могильных комплексах присутствуют в единичных экземплярах не образующих устойчивых признаков встречаемости. Всего было раскопано восемь подбоев (4,2%). Входная яма средней ширины со скругленными углами, стенки ровные отвесные. Дополнительных конструктивных элементов не зафиксировано. Подбойная ниша сделана вдоль продольной восточной стены. Подбой отделен от входной ямы ступенькой высотой в несколько десятков сантиметров.

Четырехугольная широкая яма. Прямоугольной формы со скругленными углами. Поперечные стенки шириной от 1 до 1,5 м. Стенки прямые отвесные, дно ровное. Всего встречено восемь таких могил. В бассейне р. Жайык - 2 ед. (8,1%) и в Мугалжар - 5 ед. (3,6%).

Ямы квадратной формы. Всего встречено четыре ямы, одна раскопана на берегу р. Деркул и три – в Степном Приуралье (2,1%). Стенки прямые и отвесные углы скруглены, а дно ровное. В двух элитарных погребениях, раскопанных П.И. Багриковым, по углам ямы находились ниши, в которых были установлены котлы и другая утварь [Багриков, Сенигова, 1968, с. 71–88].

Ямы с заплечиками и овальной формы встречены всего по две единицы каждая (1%). Стенки ям с заплечиками слегка скошены и сужаются к низу (заплечики оформлены у самого дна). Заплечики служили как уступ, на котором устанавливалось деревянное перекрытие, уложенное поперек длины ямы. Такое применение уступов было зафиксировано на курганах могильника Покровка 10 [Малашев, Яблонский, 2008, с. 44]. Могильные ямы овальной формы были зафиксированы только в Лебедевке. Стенки ям либо ровные отвесные, либо расширяются ко дну, сами ямы глубокие.

Дно погребений было покрыто различными материалами, чаще всего растительного происхождения. Это могла быть подстилка из прутьев или тростника, которая встречается в 10 погребениях (6,7%). Покров также мог быть органическим, он встречен всего в двух погребениях (1,3%). В могильнике Целинном-I кургане № 5 покров имел зеленоватый оттенок. В том же могильнике в кургане № 24 на дно был подсыпан слой песка.

Дощатое покрытие было зафиксировано в четырех могильных ямах. Гроб был помещен в 18 погребениях. Из них в шести случаях гроб был расположен в подбое в западной стенке и в 12 случаях – в четырехугольных ямах. В узкой яме девять погребений, в средней – три. Среди погребений в гробу фиксируется высокая степень деформированных черепов. На 18 погребений – 11 деформированных черепов (61,1%).

Гробище делалось из досок. Прослежено два способа крепления боковых и продольных стен. В первом случае – способ крепления продольных досок в подготовленные пазы, проделанные в поперечных досках. Во втором случае – продольные и поперечные доски скреплялись металлическими скобами. Также в одном случае зафиксирована своеобразная имитация гроба. В подбойном погребении деревянные плахи были просто положены сверху на погребенного, торцовых поперечных досок не фиксируется.

Вариант, когда погребенный был положен в выдолбленную колоду, встречается в двух курганах. В обоих случаях череп был со следами искусственной деформации. Тип могильной ямы: подбой и узкая четырехугольная яма. Деревянная рама была обустроена в трех могильных ямах. Все погребенные имеют следы искусственной деформации черепной коробки. Носилки были встречены в одном погребении – кургане № 4 могильника Каратобе [Сейткалиев, 2014, с. 141–148]. Схожий погребальный обряд был совершен в кургане № 4 могильника Кузнецово в бассейне р. Жайык [Малов, 1988, д. 2234]. Форма могильных ям двух последних погребений является одинаковой – подквадратные.

Погребенные, как правило, были уложены вдоль центральной оси могильной ямы. Такая ситуация является преобладающей для позднесарматских погребений. Лишь чуть более 20 погребений имеют исключения. Это те случаи, когда покойник был погребен со смещением к одной из продольных стен ямы. Какой-либо закономерности не выявляется. Еще в двух случаях костяк находился по диагонали квадратной могильной ямы (при этом сопровождающий погребальный инвентарь соответствовал позднесарматскому времени). В этих случаях, вероятно, наблюдаются пережитки предшествующей погребальной традиции.

Ориентировку погребенных удалось установить в 175 случаях. Преобладающей является ориентировка в северный сектор. В этом направлении зафиксировано 166 случаев (94,8%). Из этого числа строго на север ориентировано 96 погребенных, на северо-запад – 58, а на северо-восток – 12. В виде исключения можно указать южное направление, восточное и западное, которое встречается в единичных случаях.

Тело погребенного укладывалось на спине в вытянутом положении. Конечности рук и ног обычно вдоль тела, но встречаются случаи, когда кисти рук могут покоиться на берцовых или тазобедренных костях. Также одна рука может быть отставлена от тела. Ноги обычно сведены в коленях и стопах, но могут быть отставлены друг от друга, а также лежать в форме ромба, или одна нога может быть согнута в колене (поза всадника).

Еще одним распространенным и диагностирующим признаком погребального обряда поздних сармат является высокая степень встречаемости традиции прижизненной деформации черепа. Такое явление зафиксировано у 65% индивидов, что, по своей сути, является уникальным [Мошкова, 2009, с. 93].

Погребения поздних сармат сопровождал набор погребального инвентаря. Чаще всего встречаются керамические сосуды, расположенные в ногах или за головой покойного. Это могут

быть как лепные сосуды горшковидной формы, так и гончарные привозные кувшины. Также часто встречаемые предметы относятся к всадническому воинскому набору. Это мечи, кинжалы, боевые ножи, удила, пряжки, подвески-наконечники и др. Уникальными и своеобразными для позднесарматского времени являются туалетные наборы, зеркала, украшения, фибулы, бусы и ожерелья, колокольчики.

Для всей территории Западного Казахстана погребальный обряд племен позднесарматского времени находит свое единство и универсальные формы при обустройстве формы могильной ямы, ориентировке погребенного, наборе погребального инвентаря. Проявляются некоторые различия в региональной детерминации основных внешних признаков при возведении специфических и уникальных для этого региона «гантелевидных» и «П»-образных сооружений, несущих в себе определенную погребальную, кульгово-погребальную или только культовую нагрузку. Выявление семантики этих сооружений – предмет отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. 1968. № 2. С. 71-88.
- Бисембаев А.А.* Отчет о раскопках могильника Басшийли. Актобе, 2002. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2578, оп. 2, 65 л.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю.* Лебедевский археологический микрорайон: итоги и перспективы изучения // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 372-384.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В.* Отчет об археологических раскопках курганов у аула Ульгули. 2004 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2614, оп. 2, 93 л.
- Боталов С.Г., Бисембаев А.А.* Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2002. Вып. 1. С. 108-116.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: изд-во «Рифей», 2000. 267 с.
- Гуцалов С.Ю.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1988 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2218, оп. 2, 63 л.
- Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом и осенью 1986 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2125, оп. 2, 138 л.
- Гуцалов С.Ю., Родионов В.В.* Отчет об археологических разведках и раскопках в Актюбинской области летом 1985 года // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2084, оп. 2, 198 л.
- Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М.* Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна реки Уил // Маргулановские чтения–2018: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологические исследования» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / ред. А.А. Бисембаев. Алматы–Актобе: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2018. С. 237-241.
- Жамбулатов К.А.* История изучения памятников позднесарматского времени Западного Казахстана // IX Оразбаевские чтения: м-лы республ. науч.-практ. конф. «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран», приуроченной к 95-летию А.М. Оразбаева (г. Алматы, 28–29 апреля 2017 н.) / отв. ред. Г.К. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2017. Ч. 1. С. 146-150.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1977 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 1602, оп. 2, 203 л.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1979 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 1759, оп. 2, 110 л.
- Железчиков Б.Ф.* Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1998. 136 с.
- Китов Е.П., Мамедов А.М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: изд. группа Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.

Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 321 с.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 171 с.

Лукпанова Я.А. Отчет о проведении археологических раскопок на курганном комплексе Таксай I в Теректинском районе в 2012 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 3124а, оп. 2, 86 л.

Лукпанова Я.А. Об изучении памятников раннего железного века Степного Приуралья (2002–2020 гг.) // Мир Большого Алтая. 2020. Т. 6. № 3. С. 1021–1033.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): м-лы семинара центра изучения истории и культуры сарматов / отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: изд-во Волгоградского государственного университета, 2010. Вып. III. С. 37–56.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Институт археологии РАН; Восточная лит-ра, 2008. 365 с.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 год. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2234, оп. 2, 100 л.

Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 80–87.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 191–202.

Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // Российская археология. 2007. № 3. С. 103–111.

Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.: карты.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1978 году // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 1679, оп. 2, 138 л.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет археологические работы на территории Уральской области в 1980 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 1838, оп. 2, 161 л.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции в 1969 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 1131, оп. 2, 44 л.

Сейткалиев М.К. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане // Stratum plus. 2014. Вып. 4. С. 141–148.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1984. 149 с.

Трибунский С.А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 506 с.

S.Y. POPOV

Stoyan Yordanov Popov,
Plovdiv university “Paisii Hilendarski”,
Plovdiv, Bulgaria, stoyan_popov@uni-plovdiv.bg

WAR HAMMERS – a PART of the ARMAMENT COMPLEX of the EARLY MEDIEVAL WARRIOR in the CENTRAL and EASTERN EUROPE (7th–11th C. AD)

Abstract. In the present work attention was paid to the war hammers, distributed on the territory of the Avar Haganate and the Bulgarian state on the Lower Danube in the 7th–11th c. They represent two of the development lines of this type of weapon.

Keywords: war hammers, Early Mediaeval, Avar and Bulgarian weapons

Попов Стоян Йорданов,
Пловдив университеті «Пайсий Хилендарский»,
Пловдив, Болгария, stoyan_popov@uni-plovdiv.bg

ЖАУЫНГЕРЛІК БАЛҒАЛАР – ОРТАЛЫҚ және ШЫҒЫС ЕУРОПАДАҒЫ ЕРТЕ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЖАУЫНГЕРДІҢ ҚАРУ-ЖАРАҚ КЕШЕНІНІҢ БӨЛІГІ (VII–XI ғғ.)

Аннотация. Мақалада VII–XI ғғ. Авар қағанаты мен төменгі Дунайдағы Болгар мемлекетінің территориясында таралған соғыс балғалары қарастырылады. Олар осы қару түрі дамуының екі жолын көрсетеді.

Түйін сөздер: жауынгерлік балғалар, ерте орта ғасырлар, авар және болгар қаруы

Попов Стоян Йорданов,
Пловдивский университет «Паисий Хилендарский»,
Пловдив, Болгария, stoyan_popov@uni-plovdiv.bg

БОЕВЫЕ МОЛОТЫ – ЧАСТЬ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВОИНА в ЦЕНТРАЛЬНОЙ и ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (VII–XI вв. н.э.)

Аннотация. В данной работе рассматриваются боевые молоты, распространенные на территории Аварского каганата и Болгарского государства на Нижнем Дунае в VII–XI вв. Они представляют собой две линии развития данного типа оружия.

Ключевые слова: боевые молоты, раннее Средневековье, аварское и болгарское оружие

Impact weapons are one of the first and simplest objects used by man to defend and attack since ancient times. Initially, these were ordinary stones, sticks, etc. Subsequently, they acquired a more complex shape and structure – maces, war-flails, war hammers and hammer-axes. The war hammers are part of the armament of the warriors who inhabited Central and Eastern Europe. Their distribution covers the huge

© S.Y. Popov

The research is part of the activities carried out at the Research Center for History and Archeology of War at the Department of History and Archeology of Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria.

period between 7th–17th c. In the present work I pay attention to the representatives of this type of weapon, distributed on the territory of the Avar Haganate and the Bulgarian state on the Lower Danube in the 7th–11th c.

As mentioned elsewhere [Popov, 2021, 218–222], there are three directions in the development of war hammers. War hammers with a curved pointed beak with various cross-sections on one side of the sleeve for the wooden handle and a hammer-shaped percussion part is located on the other side, will not be considered here. These war hammers were used during the period 15th–17th c. [Popov, 2012, 97–116].

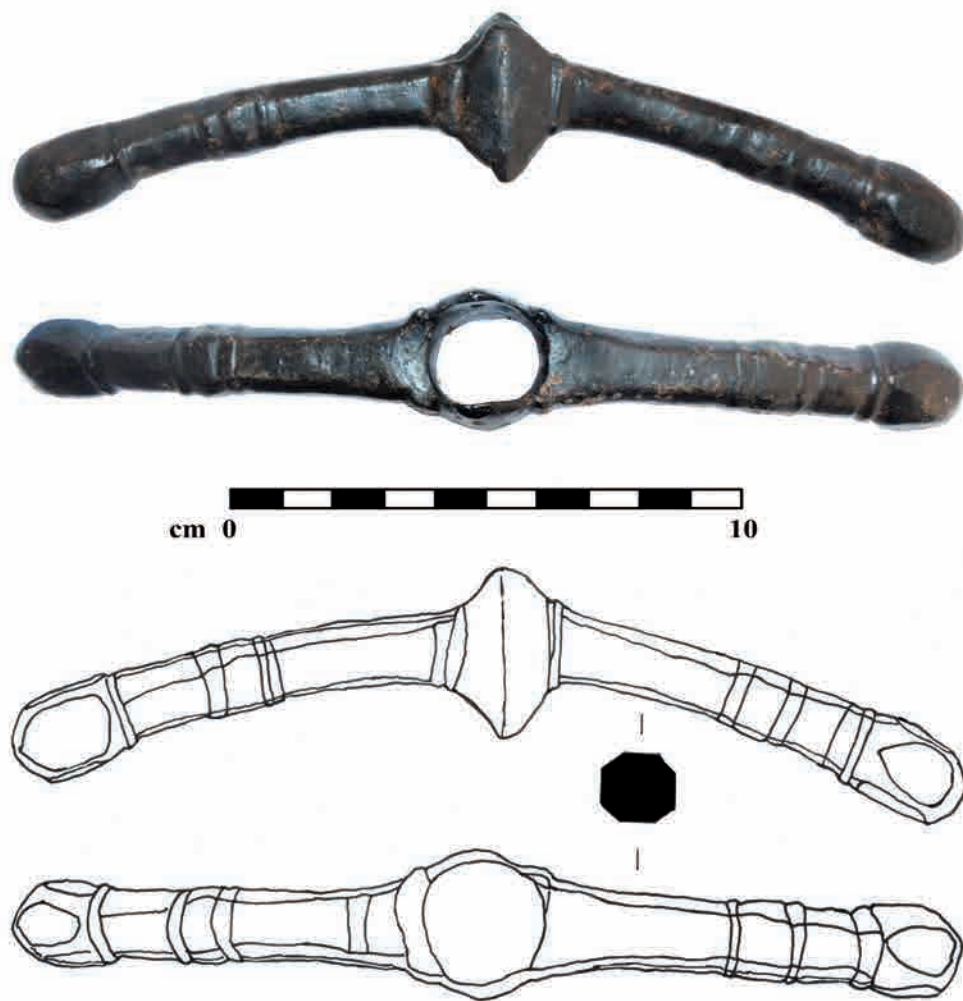
As mentioned above in the text, the other two lines of development occupy the first centuries of the Middle Ages – 7th–11th c. The first (in chronological order) direction of development of war hammers consists of weapons in which two opposing beaks emerge from the sleeve [Йотов, 2004, 106]. The body of the beaks of the specimens I know has a multi-walled (eight-walled) section. The beaks end in prismatic-multi-walled or bipyramidal-multi-walled percussion parts. So far, according to publications, the number of these weapons is 12, of which 8 have been found on the territory of modern Bulgaria [Szűcsi, 2010, 128; Popov, in print].

An attempt to classify these weapons was made by the Hungarian scientist F. Szűcsi, who considered only the first early medieval type (according to the numbering given here) – double-beaked hammers without ornamentation. He examines them together with axes and hammer axes, typologizing the percussion parts and the sleeve according to their shape. According to its typology, the war hammers in question are denoted by V-G-V and V-G-I, where V denotes the beak – slightly curved downwards, with a rounded percussion part, with I – a horizontal beak, with a straight cut percussion part; with G is marked a sleeve with a rectangular profile, without vertical ears [Szűcsi, 2012, 128]. These weapons appeared in Central Europe on the territory of the Avar Haganate in the Middle Avar period – towards the end of the 7th – beginning of the 8th c. They spread until the end of the 8th – beginning of the 9th century, and originated from Avar graves [Szűcsi, 2013–2014, 133].

To the distinctive features of the war hammers from the territory of the Avar Haganate (straight or slightly curved undecorated beaks with multi-walled cross section; spherical percussion parts and bushings without ears), must be added the characteristics of the hammers originating from today's Bulgaria. All known weapons of this type, found in today's Bulgarian lands, have bent down beaks and sleeves that have vertical ears. Another feature characteristic of the considered war hammers, originating from the territory of present-day Bulgaria, is the presence of decoration. It is located on the surface of the beak of the weapon. In some, the beaks are separated from the sleeve by a vertical, embossed, rounded line (ill. 1–3). The next type of decoration of the beaks is embossed rings with different layouts. The first type of ring is rectangular, flanked on both sides by a smaller ring with a rounded surface (ill. 1; 4) [Йотов, 2004, обр. 58, кат. № 642, табл. LIII]. The second type of ring-shaped decoration of the beaks consists of a ring with a rounded surface (ill. 6, 2) [Йотов, 2004, обр. 58, кат. № 641, табл. LIII].

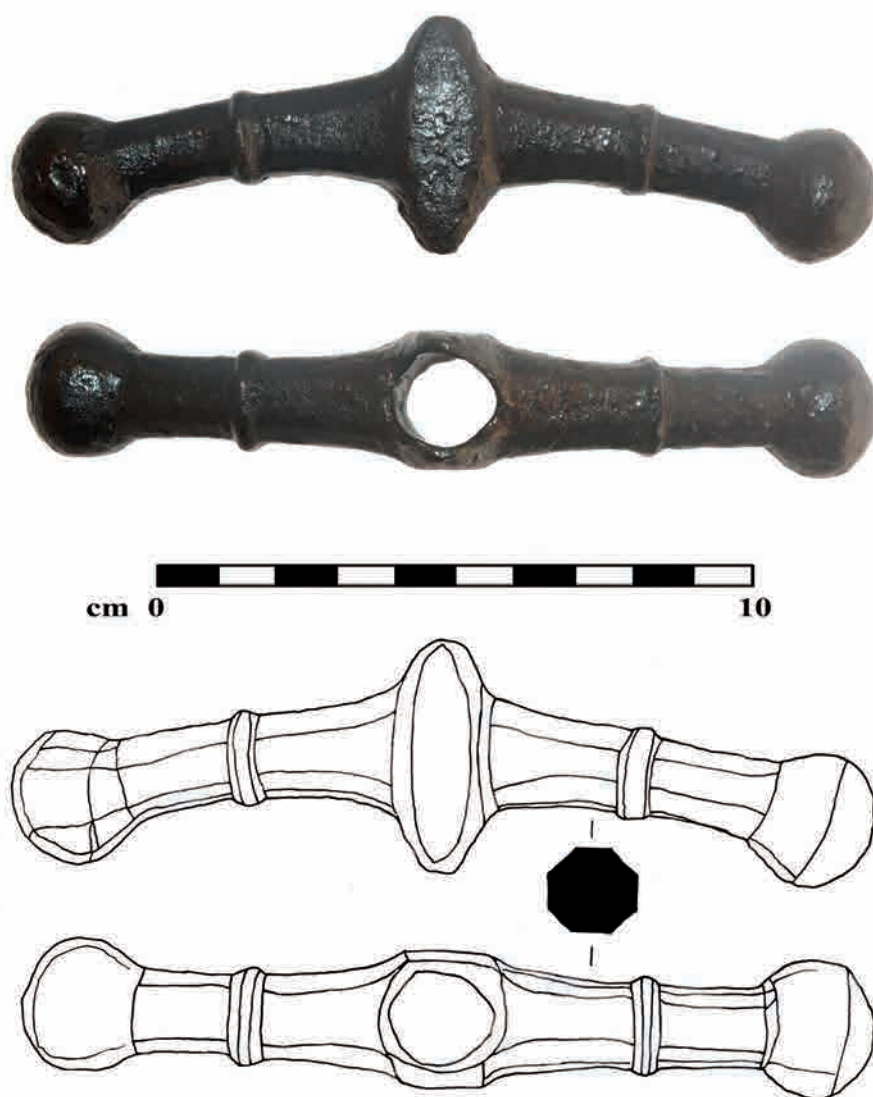
Based on the published findings, two types of hammers can be distinguished from this direction of development. The first type is characterized by simply modeled, without embossed ornaments, beaks. The percussion parts are disc-shaped (ill. 6, 3 [Йотов, 2004, кат. № 640, табл. LIII]) or as bipyramidal multiwall widenings with rounded percussion surfaces (ill. 7, 2, 3/graves 170 and 616 of the Zelovce necropolis [Szentpéteri, 1985, abb. 3; 7]; ill. 7, 1/grave 3 of the Bóly necropolis [Szűcsi, 2012, 3. ábra 8], ill. 7, 4/grave 192 of the Mosonszentjános necropolis [Szűcsi, 2013–2014, II. tábla: 3]). The second type of hammers are characterized by embossed beaks. The percussion parts are an elongated dodecahedron with a rounded percussion surface (ill. 1; 3; 6, 1, 2 [Йотов, 2004, обр. 58, кат. № 641, 642, табл. LIII]). There are also two specimens that combine the characteristics of the two types, which can be considered to be a transitional type (ill. 4; 5).

Regarding the origin of these war hammers, I believe that there is no doubt about their Avar roots. More problematic are their possible dating of the individual types and the ways of occurrence in the lands

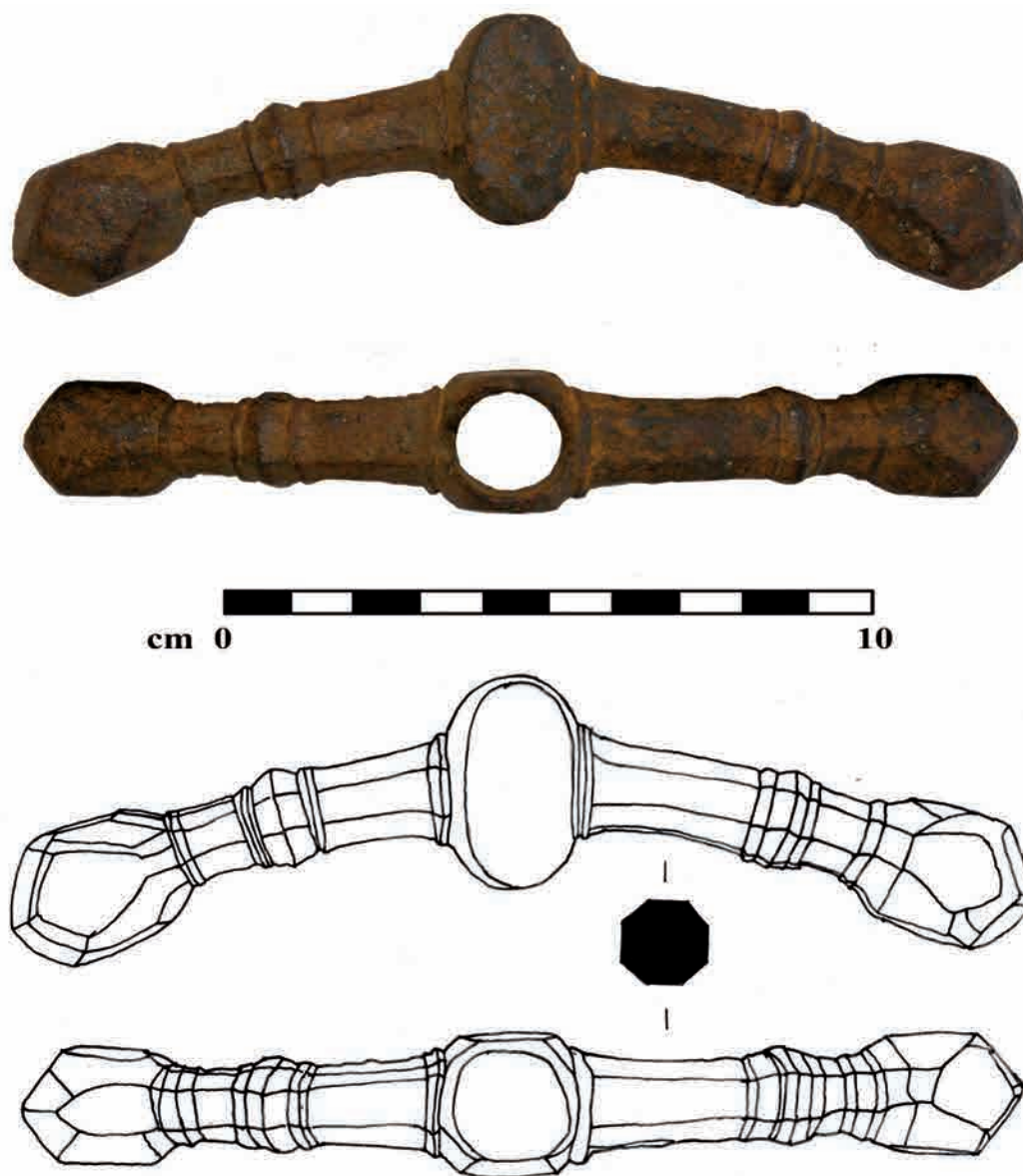
*Ill. 1. Double-beaked war hammer from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
Inv. № 15. Vatevi Collection, Plovdiv. After Popov, in print*

of present-day Bulgaria. The characteristic features of hammers, in my opinion, can point indirectly to presumed chronological boundaries. The weapons found in the Avar necropolises from Central Europe are the basis of the simplest type I and date back to the second half of the 7th – beginning of the 9th c. [Szücsi, 2013–2014, 133] Next are the representatives of type I, found on Bulgarian territory, which, however, have a slightly more complicated device (downward-pointing beaks and sleeves with vertical ears). In my opinion, they can be placed within the 9th – early 10th c., based on the dating of the hammer from Ruino [Йоргов, 2004, 107] and the alleged weapon from grave 10 of the Kecskemét necropolis (Hungary) [Hampel, 1905 vol. II, 636; Hampel, 1905 vol. III, Taf. 423/5]. The hammers with intermediate characteristics of type I/II follow. Type II hammers have a more complicated shape – a larger curve of the beaks, several types of embossed ornaments and different shapes of the impact part of the beak. These additional features, in my opinion, are a further development of type I. Based on a purely logical basis, I assume that type II hammers can be attributed to the 10th c. (Table I). However, this assumption is only preliminary and needs to be confirmed or rejected, which can be done with the acquisition of new finds from dated complexes.

*Ill. 2. Double-beaked war hammer from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
Inv. № 290612-2. Vatevi Collection, Plovdiv. After Popov, in print*

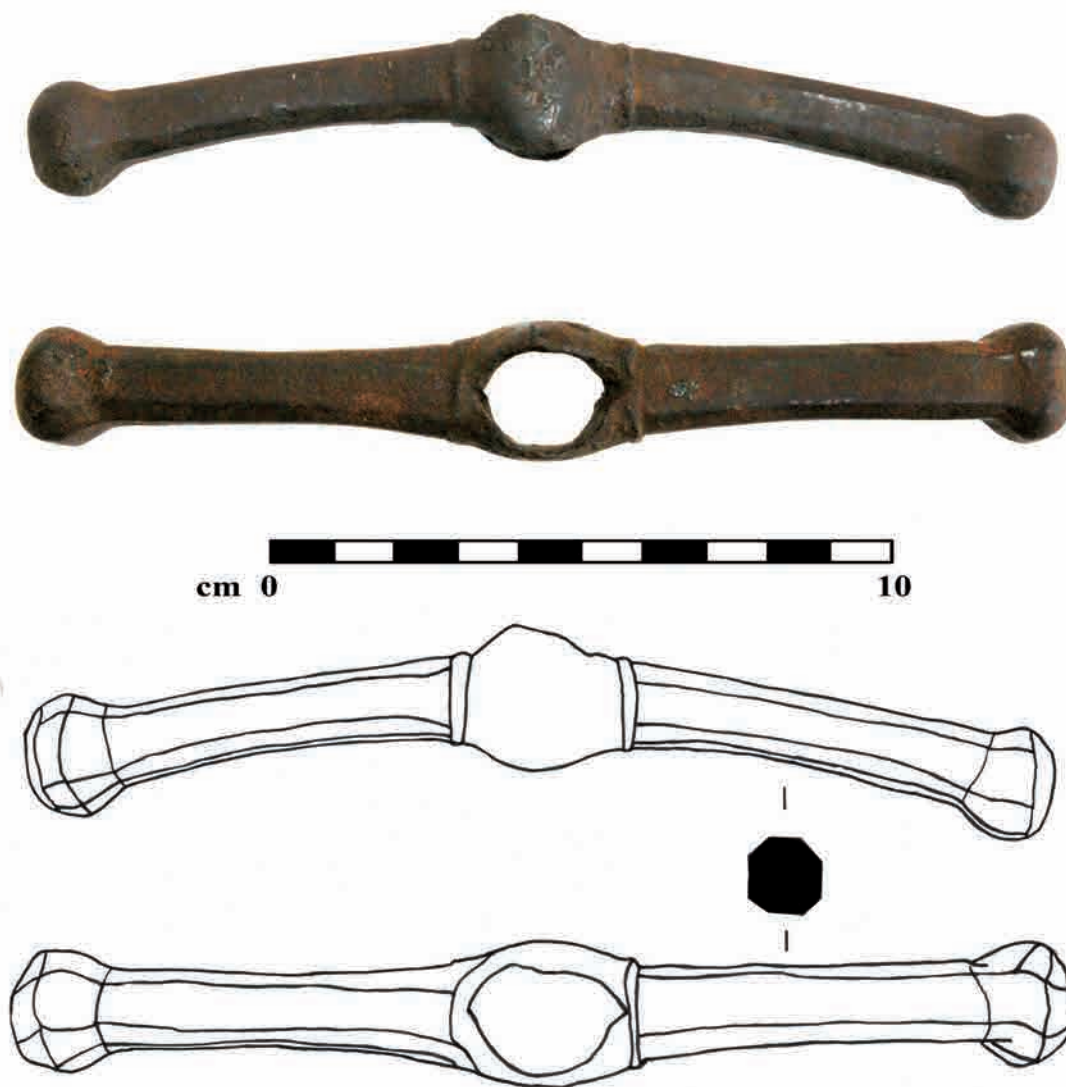
At this stage of the research, the available information does not allow to make assumptions about the appearance of the considered weapons in today's Bulgarian lands. Perhaps the way of penetration should be sought in the contacts with the Avar Haganate and the role of the Bulgarian state in its region. Whether the first specimens penetrated the Bulgarian lands as booty from the border clashes or with the accommodation of some small Avar population on the territory of the Bulgarian Khanate cannot be said. Information about allied military relations of the Bulgarian state with Avar contingents can be found in the

*Ill. 3. Double-beaked war hammer from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
Inv. № 2866. Vatevi Collection, Plovdiv. After Popov, in print*

historical sources¹. Both records are about the beginning of the 9th c., during the reign of Khan Krum. The first is in the Anonymous Vatican Narrative and is related to the battle in the Varbishi Pass on July 26, 811. Then “the Bulgarians hired the Avars for a salary” [Narratio anonyma, 1961, 13]. The second notice relates to the great campaign prepared by Krum against Constantinople in the spring of 814. Scriptor incertus says that “he was then informed by hearsay that Krum had set out on a campaign, gathering a large army – and the Avars, and all the Slavs” [Scriptor incertus, 1961, 23].

¹I express my gratitude of my colleague assoc. prof Dimitar V. Dimitrov for the consultation.)

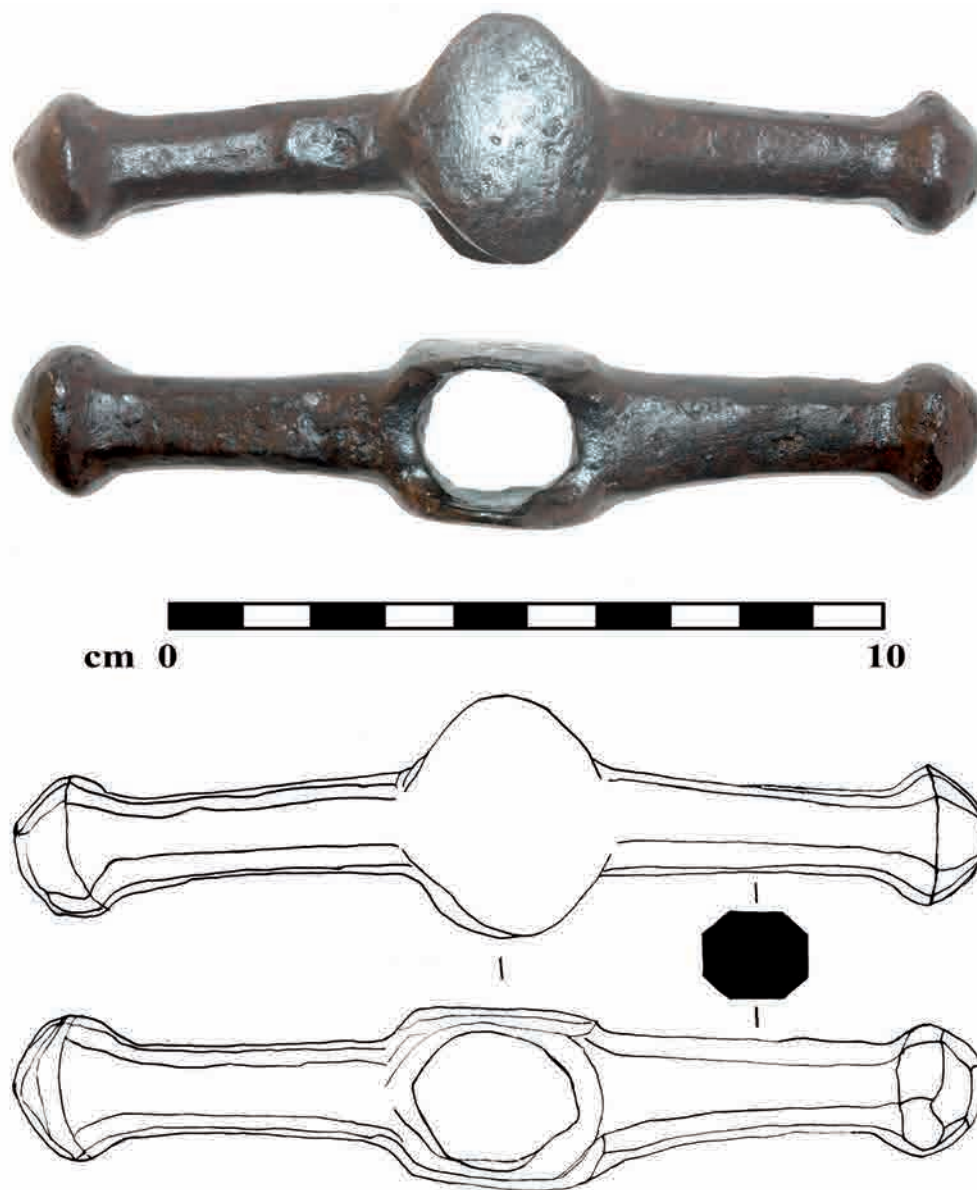

*Ill. 4. Double-beaked war hammer from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
Inv. № 2795. Vatevi Collection, Plovdiv. After Popov, in print*

In my opinion, with a slightly higher dose of certainty and the need for more reliable evidence, it can be assumed that this line of war hammers received further development after its disappearance from the Central European lands, on the territory of the First Bulgarian State in 9th–10th c.

The second direction of the development of early medieval war hammers is represented by weapons, designated in the Romanian scientific literature as “Danube-type axes”, and in Bulgarian – “spear-shaped war hammers” and is placed by Romanian scientists in the chronological section 10th–11th c. [Blăjan, Stoicovici, 1980, 179–181; Йотов, 2004, 106–107; Ciupercă, Mirea, 2015, 167–178; Băcuet-Crișan, Băcuet-Crișan, 2017, 557–564. Popov, 2021].

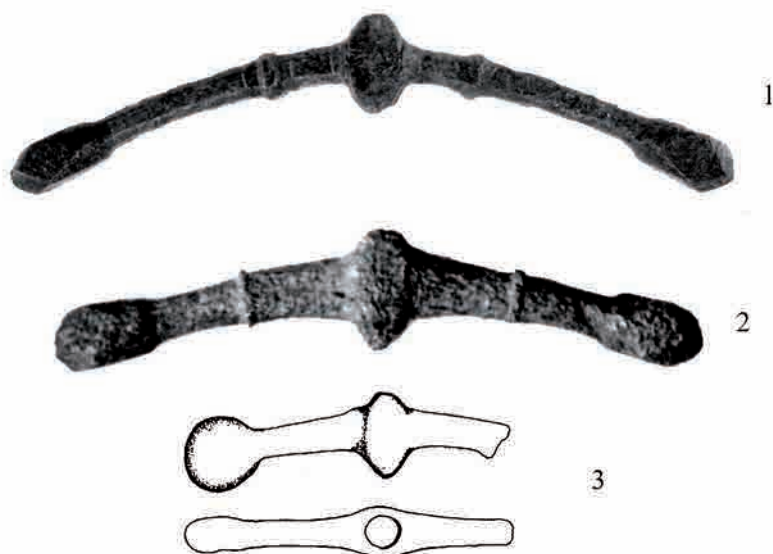
That group of early medieval war hammers has the following characteristics: there is a spear-shaped beak on one side of the sleeve and a hammer-shaped trapezoidal neck with rectangular section on the

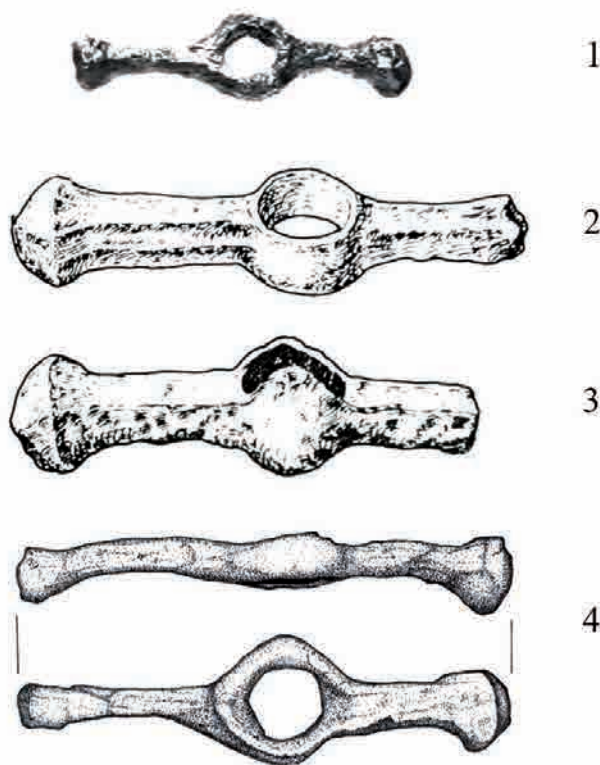
*Ill. 5. Double-beaked war hammer from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
Inv. № 061011-19. Vatevi Collection, Plovdiv. After Popov, in print*

other. Until that moment 9 war hammers of that type are published. They are found in the territories of present day Bulgaria and Romania. From Bulgaria there are 2 exemplars so far. Of them, one originates from Northeastern Bulgaria and is kept in the fund of the Archaeological Museum – Varna (ill. 8) [Йотов, 2004, 107]. The other weapon is also from northeastern Bulgaria and is part of the Vatevi collection (ill. 9). The artefacts from Bulgaria are out of context.

The largest number of the spear-shaped war hammers was found in the territory of present-day Romania (ill. 10) [Băcuet-Crișan, Băcuet-Crișan, 2017, 562]. According to publications, I know of 7 ar-

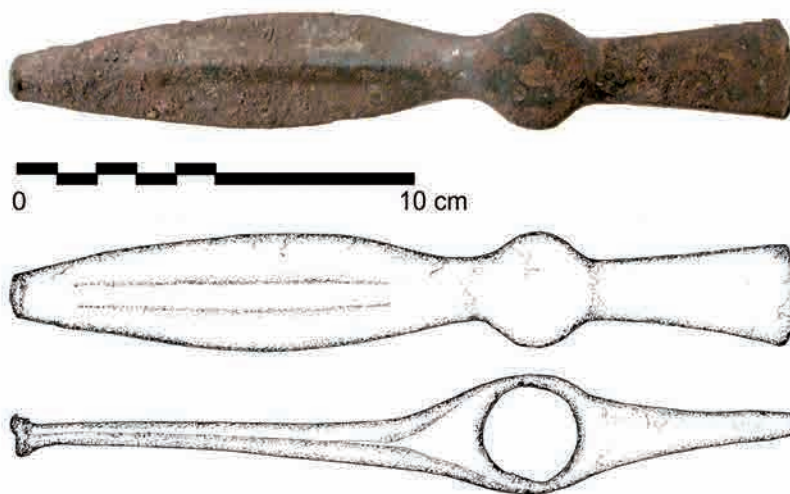
Ill. 6. Double-beaked war hammers from the territory of Bulgarian Khanate on Danube.
After Yotov, 2004, cat. № 640, 641, 642

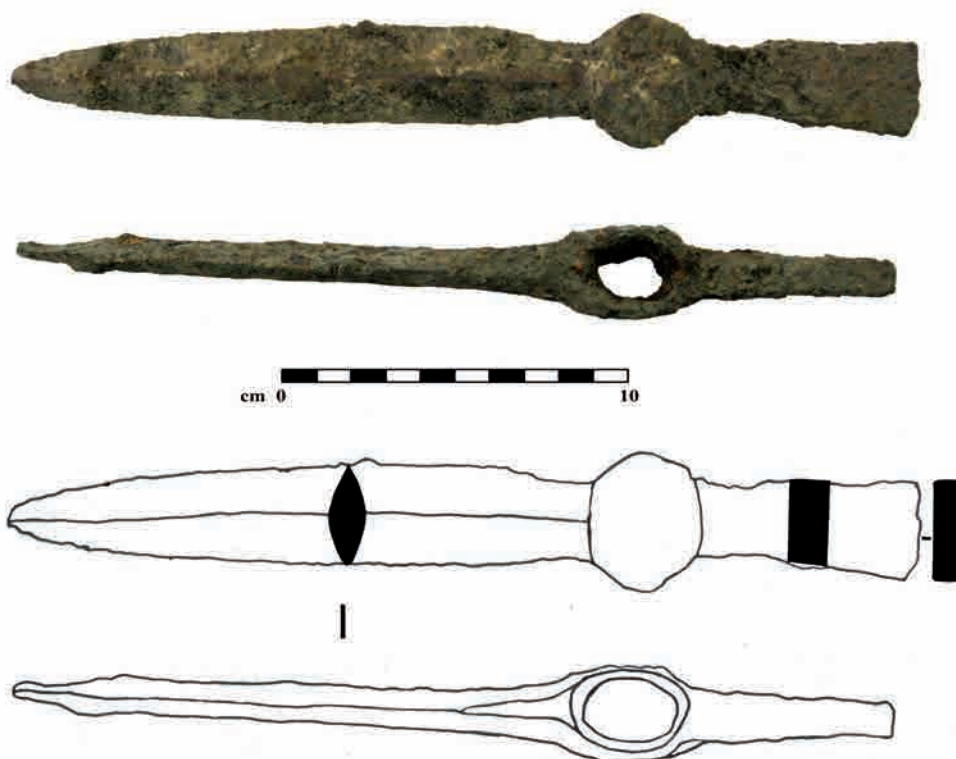
Ill. 7. Double-beaked war hammers from the territory of Avar Haganate

tifacts found in Valea Părului (jud. Teleorman) [Ciupercă, Mirea, 2015, 170], Ațel (jud. Sibiu) [Blăjan, Stoicovici, 1980, 181], București-Văcărești [Blăjan, Stoicovici, 1980, fig. 2, 2], București-Tei [Morintz, Rosetti, 1959, XXXIII, 12], Dragosloveni (jud. Vrancea) (2 exemplars) [Comșa, Constantinescu, 1969, fig. 5, 1, 2; Canache, A. Curta, 1994, 202. Paragină, 2002, pl. XLVII, 1–2], Radovanu (jud. Călărași) [Comșa, M. Gheannopoulos, 1969, fig. 1, 4; Ciupercă, Mirea, 2015, 170]. The specimens from the territory of Romania come from the collective finds of iron tools of labor and weapons. The dating of these artifacts is referred to by Romanian scholars, generally within the 10th c.

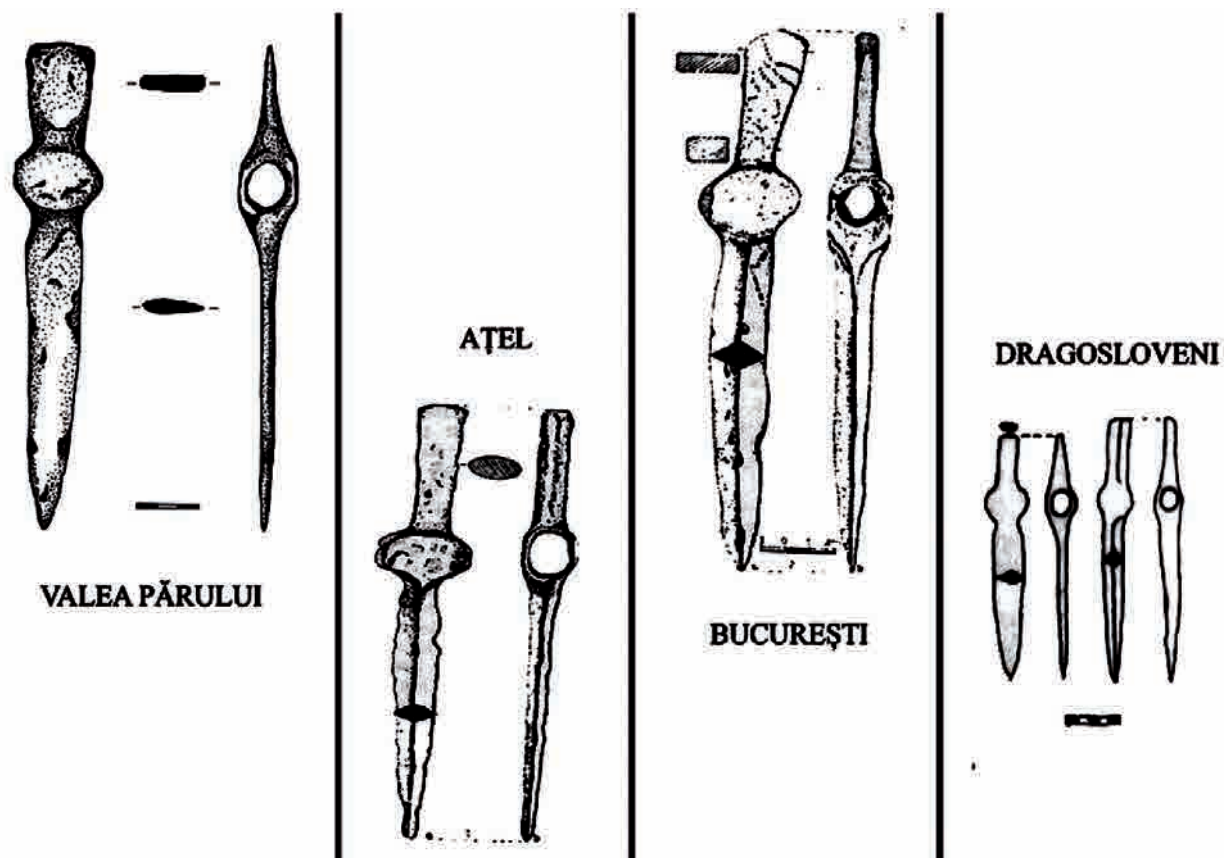
Most Romanian researchers who refer to these artifacts in their researches describe them as a “spear-shaped battle axe” (topor de luptă în formă de vârf de lance), as well as the Danubian-type axe (topor de tip dunărean). I think that defining this weapon as an axe is wrong and I support the V. Yotov’s opinion [Йотов, 2004, 107]. For most of the artifacts, the half of the item considered by the Romanian scientists to be an axe has no sharpened edge. On the contrary, the striking part of this weapon detail is not sharpened, but is a flat, rectangular surface that strongly resembles a narrow, vertical back of a hammer! In addition, the formation of this back is not caused by corrosion or breakage of a piece of the artifact, but has certainly occurred in the produc-

*Ill. 8. Spear-shaped war hammer – Archaeological Museum – Varna, Bulgaria.
After Yotov, 2004, обр. 59, с. 107*

Ill. 9. Spear-shaped war hammer – Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria. After Popov, 2021

Ill. 10. Spear-shaped war hammers from the present day territory of Romania.
After Băcuet-Crișan, D. Băcuet-Crișan, 2017, fig. 6, p. 562

tion of the weapon! An exception is the exemplar from Valea Părului [Ciupercă, Mirea, 2015, pl. II, 1] and perhaps one of the artefacts from Radovanu.

Very interesting is the account of Leo Deacon about the assassination of Emperor Nicephorus II Focas. One of the weapons used in the attack was called „ἄκούφιον“. With it, one of the assassins punched the emperor in the back so hard that the weapon appeared through his chest. After that follows a description of ἄκούφιον, according to which it is made of iron and resembles a beak of a heron (ἑρῳδιοῦ ράμφει), „nature has assigned a straight beak to the bird, while the ἄκούφιον is gradually extended by a uniform curve ending with a sharp tip“ [Leonis Diaconi, 1828, 89. 5; Йотов, 2004, 106; Колиас, 2012, 195]. As another author before me pointed out, the beak of the weapon must have been about 20 cm long in order to pierce a person in this way [Колиас, 2012, 195]. The lengths of the beaks of the weapons considered here are in the range of 15–18 cm. In my opinion, the byzantine author’s description fits to a great extent the characteristics of the considered war hammers!

Considering that in the 10th c. the lands in which these war hammers were found were an integral part of the territory of the First Bulgarian Kingdom, and the lack of finds outside this area, made it possible for these weapons to connect with the Bulgarians.

Table I – Early medieval double-beaked war hammers from the territory of present-day Bulgaria

TYPE	ILLUSTRATION	DATING	FINDING PLACE/PLACE OF KEEPING/LITERATURE
I		9 th – beginning of 10 th c.	Ruino/Атанасов, Г. Клады земледельческих орудий из Южной Добруджи (X — начало XI в.). Stratum plus, 5, 2000, табл. X, 41. Йотов, В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Велико Търново, 2004, с. 106–107
		9 th – beginning of 10 th c.	North-eastern Bulgaria/ Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria
I/II		9 th – 10 th c.	North-eastern Bulgaria/ Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria
		9 th – 10 th c.	North-eastern Bulgaria/ Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria
II		10 th c.	Abritus/Historical museum – Razgrad, Bulgaria/ Йотов, В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Велико Търново, 2004, с. 106–107
		10 th c.	North-eastern Bulgaria/Archaeological museum – Varna, Bulgaria/ Йотов, В. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Велико Търново, 2004, с. 106–107
		10 th c.	North-eastern Bulgaria/ Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria
		10 th c.	North-eastern Bulgaria/ Vatevi collection, Plovdiv, Bulgaria

LITERATURE

- Йотов В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: Велико Търново, 2004. 218 с.: ил.
- Колиас Т. Византийски оръжия. Велико Търново: Абагар, 2012. 328 с.
- Бăссуеџ-Сришан D., Бăссуеџ-Сришан S. Două artefacte medievale timpurii din fier descoperite în hotarul (jud. Sălaj) // *ArheoVest*, Nr. V: In Honorem Doina Benea, Interdisciplinaritate în Arheologie și Istorie. Timișoara, 25 noiembrie 2017. Vol. 2. 557-564.
- Blăjan M., Stoicovici E. Toporul de luptă din secolul X e.n. descoperit la Așel (jud. Sibiu). // *Apulum*. 1980. XVIII. 179-181.
- Canache A., Curta F. Depozite de unelte și arme medievale timpurii de pe teritoriul României. // *Mousaios*. 1994. IV (1). 179-221.
- Ciupercă B., Mirea P. Topoare de luptă din a doua jumătate a mileniului I din colecțiile Muzeului Județean Teleorman // *Buletinul Muzeului Județean Teleorman, Seria arheologie*. 2015. 7. 167-178.
- Comșa M., Constantinescu Gh. Depozitul de unelte și arme din epoca feudală timpurie descoperit la Dragoslaveni (jud. Vrancea) // *Studii și Cercetări de Istorie Veche*. 1969. 20 (3). 425-436.
- Comșa M., Gheannopoulos E. Unelte și arme din epoca feudală timpurie descoperite la Radovanu // *Studii și Cercetări de Istorie Veche*. 1969. 20 (4). 617-622.
- Hampel J. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, vol. II. Braunschweig, 1905.
- Hampel J. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, vol. III. Braunschweig, 1905.
- Leonis Diaconi Caloënsis *Historiae Libri Decem* / ed. C.B. Hase. Bonn, 1828.
- Morintz S., Rosetti D.V. Bucureștii de odinioară în lumina săpăturilor arheologice. București, 1959.
- Narratio anonyma e Codice Vaticano* // Гръцки извори за българската история. София, 1961. Т. IV.
- Paragină A. Habitatul medieval la curbura exterioră a Carpaților în secolele X–XV. Brăila, 2002.
- Popov S. Late Medieval War Hammers // *Archaeologia Bulgarica*. 2012. 2. 97-116.
- Popov S. About one type of early medieval war hammers. // *Proceedings of the National Museum of History*. Sofia, 2021. Vol. XXXIII. 218-222.
- Popov S. “Double-beaked” Early Mediaeval war hammers from Bulgaria. Пловдивски исторически форум (in print).
- Scriptor incertus* // Гръцки извори за българската история. София, 1961. Т. IV.
- Szentpéteri J. Gesellschaftliche gliederung des awarenzeitlichen gemeinen volkes von Zelovce. I. die führende schicht der bevölkerung // *Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1985. 37. 79-110.
- Szücsi F. A kora- és közép avar kori balták és fokosok. // *Hadak útján XX. Népvándorlások Fiatal Kutatóinak XX. Összejövetelének konferenciakötete* (Budapest–Szigethalom, október 28–30, 2010). Budapest, 2012. 121-137.
- Szücsi F. Avar kori balták, bárdok, szekercék és fokosok. Baltafélék a 6–8. századi Kárpát-medencében // *Alba Regia*. 2013–2014. 42. 113-186.

Д.Ә. ТАЛЕЕВ

Талеев Докей Әбдікерімұлы,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан, doc19_59@mail.ru

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАСТЕК ҚАЛАШЫҒЫ МЕН ҚАСТЕК АСУЫ ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРДЕ

Аннотация. Мақалада Ұлы Жібек жолының Шу мен Іле өңірлерін жалғастырған бір тармағы Қастек асуы мен Қастек I қалашығы жазба деректері бойынша сараптау қортындысы берілген. Қастек асуы деректер бойынша VII ғ. қалыптасып, XIX ғ. дейін негізгі торап болып тұрған. Археологиялық зерттеулер нәтижесі асудың солтүстігінде орналасқан Қастек I шекаралық бекет сауда керуендерін тіркеу, бақылау қызметін атқарғандығын көрсетті. Қазба жұмыстары кезінде Қастектің белгілі бір уақыт аралығында сауда қатынастарын реттеп отырған аса бір маңызды бекет болғандығын білдіретін зағтай деректер табылды. Қастек қалашығы мен Қастек асуы жайлы жазба деректер мен археологиялық зерттеулер нәтижелері жайлы бірқатар тұжырымдар осы мақалада баяндалады.

Түйін сөздер: Қастек I, асу, дерек, сауда, археология, зерттеу, қазба

Талеев Докей Абдікеримович,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан, doc19_59@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ КАСТЕК и ПЕРЕВАЛ КАСТЕК в ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа перевала Кастек и городища Кастек I, одной из ветвей Великого Шелкового пути, соединявшей долины рек Шу и Иле по письменным источникам. Перевал Кастек, по данным источников, появился в VII в. и являлся основным узлом вплоть до XIX в. Результаты археологических исследований показали что, пограничный пункт Кастек I, расположенный к северу от перевала, выполнял функции регистрации и контроля торговых караванов. При раскопках были найдены вещественные данные, свидетельствующие о том, что в определенный период времени Кастек являлся одним из важнейших пунктов регулирования торговых отношений. В этой статье изложен ряд выводов о городище Кастек и перевале Кастек полученных в результате письменных источников и археологических исследований.

Ключевые слова: Кастек I, перевал, источник, торговля, археология, исследования, раскопки

Dokey Taleev,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan, doc19_59@mail.ru

The MEDIEVAL SETTLEMENT of KASTEK and the KASTEK PASS in WRITTEN SOURCES

Abstract. The article describes the study of the KasteK pass and the KasteK I settlement, one of the branches of the Great Silk Road connecting the Shu and Ile valleys. The KasteK pass, according to sources, was formed in the 7th century. And it was the main node until the 19th century. The results of archaeological research have shown that

the Kastek I border checkpoint, located to the north of the pass, performed the functions of registration and control of trade caravans. During the excavations, material data were found, indicating that for a certain period of time Kastek was one of the most important points of regulation of trade relations. This article (manuscript) presents a number of conclusions about the Kastek settlement and the Kastek pass obtained as a result of written sources and archaeological research.

Keywords: Kastek I, pass, spring, trade, archaeology, research, excavations

Жер ұйығы Жетісуды адам баласы сонау ерте заманнан бастап мекен еткен. Археологиялық зерттеулер барысында Алматы қаласынан батысқа қарай 40 шақырым жердегі Майбұлақ шатқалынан ерте палеолиттің соңы, мустье дәуіріне және жоғарғы палеолитте мекен еткен адамдар тұрағы анықталды. Қола дәуірінің басты мәдениеті андрондықтардың ескерткіштері Жетісу жерінде аз зерттелген. Дегенмен, Талапты, Құйған, Қарақұдық, Айдаһар, т. б. қорымдары, Таңбалы тас, Құлжабасы, Ешкіөлмес секілді қола дәуірінің петроглифтері Жетісуда қола ғасырының өзіндік нұсқасы болғандығын көрсетті. Ал ерте темір дәуірі мемлекеттерінің материалдық мәдениеті мен саяси-экономикалық даму дәрежесінің өте жоғары деңгейде болғандығын сақ заманының Есік, Бесшатыр және үйсін дәуірінің Қапшағай, Қарғалы, Талғар секілді көптеген қорымдары мен Ақсай мекенжайын зерттеу нәтижелері көрсетті. Жетісудың Түрік қағанаты және оның ұрпақтары билік құрған уақыттағы тарихы тек Қазақстан тарихында ғана емес бүкіл әлем тарихында ерекше орын алады. Ол жайлы жазба деректер мен археологиялық дәйектер жеткілікті. Осы мақалада сол тарихтың кішкене бір бөлігі жайлы ғана әңгіме болмақ.

Түрік қағанаты тұсындағы Жетісу жерінде жанданған саяси-экономикалық, сауда-дипломатиялық және шаруашылық қатынастар жалпы тарихта ерекше орын алды. Оған себепші болған Жер ұйығы Жетісудың табиғи жер жағдайы мен мамыражай ауа райына қосымша саяси-экономикалық жетістіктер деуге болады. VI ғ. орта тұсында Орталық Азияда көшпелі және жартылай көшпелі империя [Акишев, 2013, 121], Түрік қағанаты қалыптасты* (**Империяны көшпелі деп атау Ресей патшалығы мен Кеңес дәуірінің шовинистік көзқарастағы ғалымдарының әдейі бұрмалауынан туындаған деп ойлаймын. Әйтпесе, Суяб, Баласағұн, Құлан, Тараз секілді ондаған гүлденген қалалары бар мемлекетті қалай көшпелі деп атауға ауыз барады?*).

Жарайды, негізгі мәселеге көшелік. «Алтайдан шыққан жаңа жаулап алушылар, түріктер аз уақыт ішінде Ұлы мұхиттан Қаратеңізге дейінгі аймақты өзіне бағындырды», деп жазды белгілі шығыстанушы В.В. Бартольд өзінің «Жетісу тарихының очеркі» атты еңбегінде [Бартольд, 1964, 31]. Осы бір құдіретті қағанат билік құрған тұста Жетісу үлкен маңызға ие болды. Өйткені Түрік қағанатының орталық ордасы Жетісуда (Суяб) еді. Дәл осы тұста әлемдік тарихта әйгілі орын алған «Ұлы Жібек жолының» негізгі тармағы да Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан арқылы өтті. Жарты әлемді қол астына жұмылдырған Түрік қағанаты Батыс пен Шығысты байланыстырған керуен қатынасын бақылауды да өз қолына алған болатын. Ол жайлы Византия империясының Батыс Түрік қағаны Естеміске (Дизабул) 568 жылы жіберген Земарх Киликийский бастаған елшілігі сапарнамасынан толық аңғаруға болады. Елшілік сапардың басты мақсаты Иранға қарсы түріктермен әскери одақ құрып, жібек саудасына байланысты сұрақтарды шешу болғаны жайлы тарихи еңбектер беттерінде айтылған [Байпақов, 1998, 15; Пигулевская, 1951, 35; Сенигова, 1972, 10].

VI–VII ғғ. Қытайдан Батысқа апаратын керуен жолының Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан арқылы өтетін тармағының жандануының үш басты себебін академик К.М. Байпақов былай көрсетеді: «ең алымен Орта Азия арқылы өтетін керуен жолын бақылап отырған түрік қағандарының ордасы Жетісуда болды. Оның үстіне Ферғана арқылы өтетін жол өзінің едәуір қысқалығына қарамастан өзара қырқыс соғыстарға байланысты қауіпті еді. Үшінші аса маңызды жағдай – аса бай түрік қағандары мен олардың маңындағылар сырттан әкелінетін тауарлардың негізгі тұтынушыларына айналуы» [Байпақов, 1998, 12–13]. Батыс Азиядан Қытайға апаратын сауда тармағының солтүстікке қарай ауысуын В.В. Бартольд VI ғ. Ферғанада болған бүліктің

бірнеше ондаған жылдарға созылуымен байланыстырған [Бартольд, 1964, 31]. Оның үстіне Ферғана асуында керуен аңдыған қарақшылық та етек алып тұрған.

VII–IX ғғ. аралығында солтүстік арқылы өткен керуен жолы тармағы қарқынды дамыды. «Синьташу» жазбалары бойынша қытайдан шыққан бұл жол Ақсудан Беделі асуы арқылы Ыстықкөлге өткен. Осы жерден жол бірнеше тармаққа (үш тармаққа) бөлінген. Ыстықкөлдің оңтүстік жағалауымен солтүстік-шығысқа беттеген бір тармағы Кеген асуы арқылы Іле өзенінің жағалауына өтіп, солтүстікке қарай кетеді. Екінші, негізгі тармақ Ыстықкөлден батысқа қарай Суяб қаласы арқылы Шу өзенін жағалай отырып Навакент, Баласағұн, Аспара, Меркі, Құлан, Таразға соғып, Сайрам мен Отырар бағытына кеткен. Көп көңіл бөлінбей жүрген үшінші бағыт Ыстықкөлдің батыс шетіндегі қазіргі Тоқмақ қаласының маңында болған Суябтан солтүстік-шығысқа бұрылып, 60 шақырым келетін тау арасындағы жолмен Қастек шатқалынан шығып, Жетісу қалаларына (Алматы, Талхир, Қойлық, Лаван т.т.) өткен. Шамасы бұл сауда жолы жергілікті маңызға ие болғандықтан болар көп ескеріле бермейді. Дегенмен, осы тармақтың Түрік қағанаты иеліктерінің ішкі сауда-экономикалық қатынасында аса маңызды роль атқарғандығы анық. Соңғы жылдарғы археологиялық зерттеулер осы айтқанымызды растайтын материалдар беруде [Талеев, 2012, 93].

Ұлы Жібек жолы Қытайдан Жетісу жеріне қарай шекарадан бірнеше жерден өткен. Солардың бірі Жоңғар қақпасы, екіншісі Қорғас (Қарғос) арқылы өткен [Талеев, 2019, 157–159]. Тіпті Нарынқол арқылы өтетін бағыт болғаны жайлы да сирек те болса мәліметтер кездеседі. Қытай мен Қазақстан арасын байланыстырып тұрған қазіргі Достық және Қорғас шекаралық бекеттері жаңа ойлап шығарылған бағыт емес. Бұл нысандарды түрік дәуірінде болған керуен жолы бойындағы шекаралық бекеттердің қайта жаңғыруы деп түсінуіміз керек.

Түріктер бақылауындағы Жетісу арқылы өтетін бағыт керуендер үшін едәуір қауіпсіз және тиімді болды. Түріктердің қалаларында көпестер тауарларын еркін саудалап, орнын жергілікті материалдармен толықтырған. Тұрмысы өте дәулетті түріктердің керуен тауарларын сатып алу мүмкіндігі жоғары болды. Мәселен, 629 жылы Жетісу арқылы Үндістанға өткен қытай діндары Сюань Цзянь түріктердің тұрмысы мен дәулеті жайлы сипаттама мәліметтер қалдырған. Ол Суяб қаласындағы түрік қағанының ордасында бірнеше күн қонақта болған. Діни ұстаздың сол кездегі алған әсері жайлы оның хатшысы «<...> Қаған көздің нұрын алардай алтын түспен безендірілген киіз үйде тұрады. Қағанның өзі жасыл түсті жібектен тігілген шапан киген, басына бір чжаннан астам (1 чжан – 3,2 м) жібек сәлде ораған. Оны қоршай отырған тархандары түрлі-түсті жібек шапан киген» – деп хабарлайды [Зуев, 2002, 262–264]* (*аудармасы Д. Талеев). Дәл осы уақыттарда Жетісудан Шу өңіріне, керісінше Шудан Іле аймағына қарай апаратын қатынас жолы Қастек асуы арқылы өтті.

Айтылған бағыттардың сауда-саттық ғана емес елшілік жолы болғандығы жайлы Француз елшісі Г. Рубрук [Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильом де Рубрука, 1993, 117] пен армян патшасы Гетум І-нің жазбаларынан [Гандзакеци Киракос, 1976, 223] да байқаймыз. Міне сол заманда Қытайдан Жетісуға өткен керуендер Іле Алатауын бөктерлеп батысқа қарай Шу өңіріне Қастек асуы арқылы өтетін болған. Ол туралы араб географтарының мәліметіне түсініктеме берген В.В. Бартольд былай сипаттайды. Тағы бір жол Навакенттен солтүстікке қарай Суяб арқылы өтті; бұл қала қытай деректері бойынша Шудың оңтүстігінде, оны 748 жылы қытайлықтар талқандаған, алайда Гардизидің жолжазбасына қарағанда көп ұзамай қаланы Шудың солтүстік шетіне, Қастек асуының оңтүстігіне қайта салынған. Суябтан Жоғарғы Барсханға апаратын жол Қастек арқылы өтіп, Верныйға (осы күнгі Алма-Ата) одан әрі Шелектен өтіп, Сын-таш асуына баратын жолмен сәйкес келеді деген ой толғайды әйгілі шығыстанушы академик В.В. Бартольд [Бартольд, 1964, 283]* (*аудармасы Д. Талеев). Бұл асу жайлы мәлімет кездесетін XV ғасырдың дерегінде Тимурдың жорығы сипатталған. 1375 жылы Іле алқабынан Тимур әскері Атбашқа

қара-Қасман (Қастек) асуы арқылы өткен [Умурзаков, 1978, 53–58]. Осындай жазба деректер мен археологиялық зерттеулердің мәліметтері Іле бойынан Шу өңіріне Қастек асуы арқылы өтетін бағыттың үлкен маңызға айналып, ұзақ уақыт тұрғанын білдіреді. Ол кезде осы күнгі Қордай асуынан асқан тас жол болмаған.

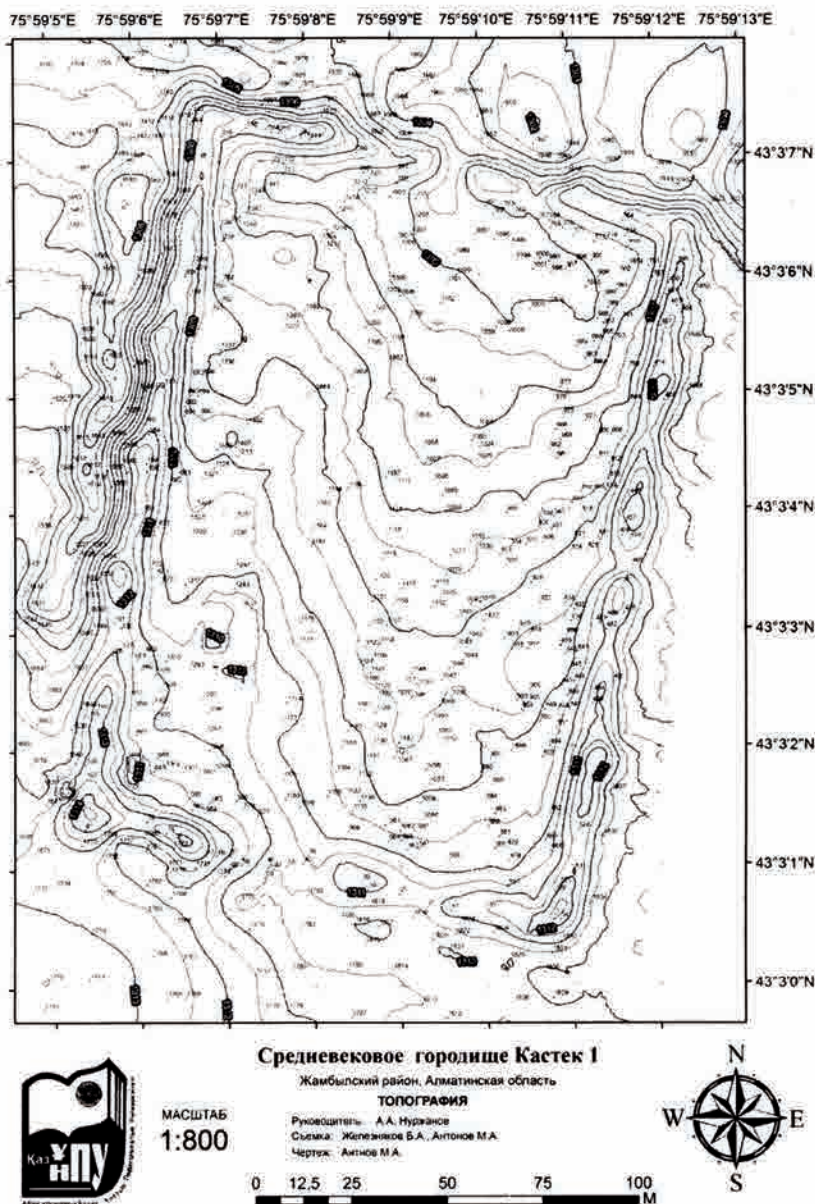
Қастек шатқалының теріскей бетінің шыға берісінде жатқан Қастек I қалашығы (сур. 1) ғылымға көптен бері белгілі. Оны алғаш Жетісу археологиялық экспедициясы ашып, зерттеген [Савельева, 1994, 40–41]. Қалашықтың географиялық координаттары: N 43°03'047" E 75°59'118", т.д.б. 1301 м.

Сур. 1. Қастек I қалашығының © Google-дан алынған суреті

Қалашықта 2010 ж. бері археологиялық қазба жұмыстары жүргізіліп келеді. Алғашқыда Абай атындағы Ұлттық педагогика университеті студенттерін археологиялық тәжірибеден өткізу мақсатында басталған қазба жұмыстары ескерткіштің маңыздылығына қарай тұрақты зерттеу нысанына айналды. Ескерткіштің орталық бөлігі жалпы жер бетінен біршама биік, төртбұрышты келген орталық бөлігінің бұрыштары дүниенің төрт тарапына сәйкес келеді (сур. 2). Қабырғалары солтүстіктен оңтүстікке қарай 210 м, шығыстан батысқа қарай 150 м айнала қоршалған қорғаныс қабырғалары құландысының ені 15 м, биіктігі 4 м. болатын жал болып жатыр. Сыртқы қабырғаның бойы мен төрт бұрышында болған 14 мұнараның орындары байқалады. Қалашықтың шығыс шеті өзеннің биік жиегімен шектескен, батыс шетінде тереңдігі 0,5–2 м, ені 3–4 м болатын ордың ізі сақталған. Орталық бөлікке кіретін қақпа екеу. Олар оңтүстік және солтүстік қақпалардың орта тұсында бір-біріне қарама-қарсы орналасса керек. Осы тұстарда қабырғалар 10–15 м көлемде кесіледі [Талеев, 2012, 93].

Қалашықта 2011–2020 жж. аралығында жүргізілген қазба жұмыстарының барысы оның екі құрылыс қабатынан тұратындығын анықтаған. Мәдени қабат қыртысы 0,9–1 м қалыңдықта сақталған. Мәдени қабаттардан табылған археологиялық олжаларды (материалдарды) сараптау нәтижелері қалашықты VIII–XIII ғғ. аралығымен мерзімдеуге негіз болған [Нұржанов, 2014, 269–270]. Бұл тұжырым кішкене асығыс жасалған болжам деп ойлаймын. Өйткені қазба кезінде табылған материалдық құндылықтар пәнаралық ғылымдар тұрғысынан сараптамадан өтпеген. Ешқандай зертханалық қорытындылар жасалып үлгермеген. Тіпті кейбір археологиялық материалдар едәуір ерте дәуірге жатады.

Сур. 2. Қастек I қалашығының жобасы ([Нұржанов, 2014]: бойынша)

Қастек асуы арқылы өткен керуен жолы VII ғ ортасынан бастап қалыптаса бастауы мүмкін. Жетісуды жарып өтетін керуен жолының жанданған уақыты да сол кездерден басталады. Олай болса асу да сол кездерде жұмыс істеп тұрған. Оны археологиялық материалдарға жасалатын зертханалық сараптамалар қорытындысы да растайды деп ойлаймыз. Қастек қалашығынан түргеш теңгелері табылғаны жайлы мәліметтер бар. Жергілікті тұрғындар қара жиптермен келген қара археологтардың ескерткіштің үстінен (арнайы құрылғының көмегімен) ортасында төртбұрышты тесігі бар бірнеше теңгелер мен мыс табақ тапқаны жайлы айтады. Жүргізілген қазбаға қатысушылардың айтуынша түргеш теңгелері қазбадан да табылған. Бірақ, олар еш жерде тіркелмеді. Қастек асуы басталатын шатқалдың шыға берісінен солтүстікке қарай не

бәрі 2 шақырым жерде орналасқан Қастек I қалашығының топографиясы мен қорғаныс құрылыс сипаты оның сол заманда аса бір маңызды шекаралық бақылау бекеті болғандығын аңғартады. Қалашықтың солтүстік және оңтүстік қабырғаларының қақ ортасында орналасқан қақпалары бір-біріне қарсы салынған. Айнала қоршаған биік қабырғаларының бойында 14 мұнарасы бар алып құрылысты әскери бақылау бекетінің орны деуге әбден болады. Бұл бекеттің негізгі міндеті Қастек асуы арқылы батысқа және батыстан шығысқа қарай өтетін сауда керуендерін бақылау, тіркеу міндетін атқарған десек қателеспейміз. Қазіргі Қытай мен Қазақстанның арасындағы шекаралық сауда қатынасы бекеттері Қарғос пен Достықтың жұмыс принциптері де дәл сондай. Яғни сауда көліктерін тіркеу, өтетін тауарлардың заңдылығын бақылау және арнайы бекітілген өлшем бойынша шекаралық салық жинау. Еларалық сауда қатынастары мен елшілік байланыстарды реттеп отыру бекеттері жақында пайда болған қызмет емес, сол заманнан келе жатқан тәжірибе. Тек Еуразия құрлығы тарихында болған саяси-экономикалық құбылу себептеріне байланысты Қазақстан шекарасындағы бақылау бекеттері уақытша қызметін тоқтатып, тарихи санада ұмыт бола бастаған.

Қазіргі кезде Қытай және Орталық Азия мен Батыс елдері арасындағы сауда-экономикалық байланыстың жедел қарқынмен дамып жатқан қарқыны сол баяғы Ұлы Жібек жолының қайта жаңғыруы деп түсінуіміз керек. Қастек қалашығында жүргізілген қазба барысында табылған археологиялық материалдардың ішінде сырттан келген заттар (шыны ыдыстар, сүйектен жасалған бұйымдар т.т.) да аз емес (сур. 3). Оларды осы жол арқылы өткен керуендермен келген тауарлар деп қабылдауға болады. Бекіністің орналасқан жерін, құрылыс жобасының ерекшеліктері мен қазба материалдарының сипатын сараптай келе оның бастапқы мақсаты шекаралық бақылау бекеті болған дер едім. Тіпті жай бекет емес, мемлекеттік аса маңызды кедендік бекет болған десек болады.

Қастек асуының солтүстігінде болған мекен жайлы В.В. Бартольд жазба деректерге сүйене отырып мынадай мәлімет айтады: «Түркілердің тағдырына ислам қаруының табысынан гөрі сауда қатынастары арқылы мұсылман мәдениетінің бейбіт жолмен таралуы көбірек көңіл аударады. Мауреннахрдың халқы әрдайым Орта Азияның әртүрлі аймақтарындағы сауда колонияларымен ерекшеленді; соғды колониялары тіпті Шығыс Түркістанның ең шалғай бөлігінде, тоғыз оғыз аймағында да болды. Соғдылардың Жетісуда қандай да бір рөл атқарғаны жайлы X ғ. парсы географының айтуы бойынша, Қастек асуының солтүстігінде орналасқан Беклілік немесе (басқа оқылуда) Беклиг мекені соғды тілінде Семекна деп аталғанынан көреміз. Саудагерлердің артынан, әдеттегідей, Мауреннахрда таралған әртүрлі діндердің миссионерлері жүрді, олардың арасында несториандық христиандар да болды. Мұсылман жазушыларының мәлімдеуінше Түркістанның көптеген қалаларында Христиан шіркеулері болған, Жетісудың көшпелі халықтарының бірі, атап айтқанда Ыстықкөл маңында өмір сүрген дикилдердің арасында христиандар да болған делінген» [Бартольд, 1963, 36].

Сур. 3. Шыны және сүйектен жасалған бұйымдар ([Нұржанов, 2014; 2017]: бойынша)

Кезінде академик К.М. Байпақов В.В. Бартольдтің «балыг» немесе «балиг» сөзі түрікше «кала» деген ұғым береді деген пікірін [Бартольд, т. 3, 362] негізге ала отырып, Беклиг этимологиялық тұрғыдан «балык» сөзімен сәйкес келеді дей келе Беклигті Баласағұнның орны болуы мүмкін деген болжам айтқан [Байпаков, 1986, 34]. Бірақ ол болжам шындыққа сәйкес келмейді деп ойлаймын. Өйткені деректе Беклиг Қастек асуының солтүстігінде деп көрсетілген Ол туралы Бартольд «<...> по словам персидского географа X в. (Худуд ал-алам) селение *Беклиг* или по (другому чтению) *Беклилиг* находившееся к северу от перевала Кастек, на согдийском языке носило название Сmekна» деп, жазған [Бартольд, 1963, 36]. Асудың солтүстік беті Шу өңіріне емес (ұзындығы 65 км болатын тау қыраты бөліп жатыр), Іле өңіріне жатады. Деректе айтылатын Беклиг (Семекна) Қастек асуының солтүстігіндегі Қастек I немесе Қастек II қалашығы болуы мүмкін. 2011 ж. қазба жүргізіліп келе жатқан Қастек I қалашығы сол Беклигтің орны деп тұжырым жасауға әлі ертерек. Өйткені одан өзеннің бойымен төмен қарай 6 км жерде Қастек II қалашығы жатыр. Оның топографиялық құрылымы да алғашқысына өте ұқсас. Бірақ, көлемі екі есе үлкен. Географиялық координаттары: N 43°03'047" E 75°59'118", т.д.б. 1301 м (сур. 4).

Қастек II қалашығы осы аттас ауылдан солтүстікке қарай 1,5 км жерде, өзеннің сол жағасынан 300 м қашықтықта жатыр. Айнала қорғаныс дуалымен қоршалған төрт бұрышты. Бұрыштары дүниенің төрт тарапынан сәл ғана ауытқи орналасқан. Көлемі 350×330 м. Сыртқы қабырғасының орнында қалған жалдың биіктігі 1,5–2 м, жалпақтығы 4–5 м. Өзеннің ағысымен бағыттас орналасқан солтүстік-батыс қабырғасының бойынан

Сур. 4. Қастек II қалашығының © Google-дан алынған суреті

8 мұнараның орны байқалады. Солтүстік-батыс бұрышындағы 9-шы мұнараның орны техникамен қазып, топырақ алу салдарынан бұзылып кеткен. Ескерткіштің оңтүстік-шығыс бұрышының 100 м жуық бөлігі де тоған салу кезінде бұзылған. Қалашықты солтүстік-батыс шетіне жақын тұстан оңтүстіктен солтүстікке қарай кішкене жылға жарып өтіп жатыр. Шамасы қала ол баста әдейі жылғаны ортаға алып салынған болса керек. Өйткені ауыл тұсында өзеннен бөлініп шыққан жылға арнасының бедері қала құрылысынан бұрын қалыптасқаны қарапайым көзге анық көрініп тұр. Мүмкін бұл қала салынған кезде оны сумен қамтамасыз ету үшін өзеннен арнайы бұрылған жылға болған. Қаланың солтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс қабырғаның бойында қарама-қарсы орналасқан 2 қақпасы солтүстік-батыс қабырғаға жақын тұста орналасқан. Солтүстік-батыс қабырғаның сыртынан ордың ізі байқалады. Оның ені 4–5 м, тереңдігі 1–1,5 м. Осы қабырғаның ішкі жағын жағалай орналасқан бірнеше төртбұрышты құрылыс бедерлері анық байқалады. Қаланың оңтүстік-батыс бұрышының сыртқы жағында едәуір көлемдегі зират жатыр. Оның қалаға қатыстылығын анық айту қиын. Ескерткішті қақ жарып өткен жылғаның шығыс бетіне (қаланың ішкі жағы) кезінде егін еккендіктен ол бөліктен ешқандай құрылыс бедерлері байқалмайды. Тек осы бөліктің орта тұсында сақ обаларына ұқсас сопақша төбе жатыр. Оның көлемі солтүстіктен оңтүстікке қарай 40 м, шығыстан батысқа қарай 30 м, биіктігі 6–7 м. Қалашықта қазба жұмыстары

жүргізілмегендіктен, оның мерзімделуін тап басып айту қиын. Дегенмен топографиялық ұқсастығына қарағанда Қастек І-мен замандас болуы мүмкін деп айтуға болады. Дәл осы қалашық (Қастек II) жазба деректе айтылатын Беклигтің (Семекна) орны болуы әбден мүмкін.

Қастек II қаланың орналасқан жері, фортификациялық құрылыс ерекшеліктері, көлемі және өмір сүрген уақытын ескере отырып, оны ортағасырлық Беклигтің орны деген болжам жасауға болады. Осы болжамды әрі қарай негіздеу, растау ескерткіште келешекте жүргізілетін қазба барысында дәлелденеді деген үлкен үмітіміз бар. Сондықтан да келешекте археологиялық зерттеу жұмыстарын Қастек I және Қастек II қалашықтары мен олардың зиратында қатар жүргізіп, қазбадан алынған материалдар мен мәліметтерді өзара салыстыра отырып зерттеу қажет.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования). Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 192 с.

Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья. Соч.: в 9 т. М: Наука, 1963. Т. 3, ч. 1. 1024 с.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей). Соч.: в 9 т. М: Наука, 1964. Т. 2, ч. 2. С. 265-303. (616 с.).

Бартольд В.В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Соч.: в 9 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. 713 с.

Байпаков К.М. Средневековые городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата. Наука, 1986. 252 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 216 с.

Гандзакеци Киракос. История Армении. Перев. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.Х. Ханларян. М.: [б/и], 1976. 357 с.

Зуев Ю.А. Ранние Тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с. + вкл. 12 с.

Нуржанов А.А. Средневековый Кастек // Марғұлан оқулары–2014: Академик Ә.Х. Марғұланның 110-жылдығына арналған халықар. ғыл.-практ. конф. м-ры. Алматы–Павлодар, 2014. С. 268-290.

Нуржанов А.А. Зубная щетка из городища Кастек // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 267–270. извлечено от <https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/article/view/160> (дата обращения 04.08.2021).

Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.–Л.: изд-во АН СССР, 1951. 412 с.

Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы: Ғылым, 1994. 299 с.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алматы: Наука, 1972. 218 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильом де Рубрука. Алматы: Ғылым, 1993. 248 с.

Талеев Д.А. Ұлы Жібек жолының ішкі тармақтарының бірі Қастек асуындағы шекаралық бекет // «XXI ғасырдың басындағы отандық археология және этнологияның мәселелері мен жетістіктері атты Ә.М. Оразбаевтің 90 жылдығына арналған «IV Оразбаев оқулары» республ. ғыл.-тәж. конф. м-ры. Алматы: Қазақ университеті, 2012. 92-95-бб.

Талеев Д.А. Ұлы Жібек жолының Іле өңірі арқылы өтетін тармағы // «Ұлы Даланың жеті қыры және Еуразия археологиясының өзекті мәселелері» атты «XI Оразбаев оқулары» халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 155-160-бб.

Умурзаков С.У. К исторической топонимике Киргизии // Ономастика Средней Азии / отв. ред. В.А. Никонов, А.М. Решетов. М.: Наука, 1978. С. 53-58.

Г. ЖҰМАЙ

Жұмай Гүлмира
«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі,
Есік қаласы, Қазақстан, jboti@mail.ru

ҰЛЫ ЖІБЕК ЖОЛЫНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАР

Аннотация. Мақала Ұлы Жібек жолында орналасқан Жетісу өңіріндегі ортағасырлық қалалар тарихы туралы. Шығыс пен Батысты байланыстыратын маңызды жолдың ерекшеліктері мен тарихи оқиғалар негізінде қалыптасқан даму тарихы, мәдени, саяси және сауда байланыстары туралы. Сонымен қатар ортағасырлық Талғар (Талхиз) қалашығына халықаралық байланыстың әсері баяндалады.

Түйін сөздер: Ұлы Жібек жолы, ортағасырлар, қала, сауда, байланыс

Жұмай Гүлмира,
Государственный историко-культурный
заповедник-музей «Иссык»,
г. Есик, Казахстан, jboti@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА на ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Аннотация. Статья об истории средневековых городов Жетысу, расположенных вдоль Великого Шелкового пути. История развития, культурных, политических и торговых связей, сформированных на основе исторических событий и особенностей важной дороги, соединяющей Восток и Запад. Также описывается влияние международных отношений на средневековое городище Талгар (Талхиз).

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, средневековье, городище, торговля, коммуникации

Gulmira Zhumay,
State Historical and Cultural Reserve-Museum «Issyk»,
Esik, Kazakhstan, jboti@mail.ru

MEDIEVAL CITIES on the GREAT SILK ROAD

Abstract. The article consider the medieval cities of Zhetysu, located on the Great Silk Road. It researches the history of cities along the Great Silk Road, the history of development and cultural, political and trade ties, formed basing on the history and characteristics of the important road connecting East and West in the history of humanity. It also describes the influence of international relations on the medieval city of Talgar (Talkhiz), located at the junction of the Great Silk Road.

Keywords: Great Silk Road, Middle Ages, city, trade, communication

Ұлы Жібек жолы – Жерорта теңізінен Қытайға дейін Еуразияны қамтитын керуен жолдарының тоғысқан торабы, сонау ерте кезден бастап орта ғасырларға дейін аталмыш аумақтарды сауда және мәдени тұрғыдан байланыстырған аса маңызды қатынас жолы. Жалпы адамзат тарихында Шығыс

пен Батыс арасында қалыптасқан қарым-қатынас сырын жан жақты зерттеп білу қазіргі таңда өзекті. Осы тұрғыдан алғанда Жібек жолымен өтетін керуендердің өзара байланысын, мәдени қарым-қатынасын орнатуға әсер ететін мәселелерді зерттеу негізгі өзек болып табылады.

Ұлы Жібек жолы атауының пайда болуы Қытайдан экспортталған жібектің атауымен байланысты, сол дәуірдегі айналымдағы тауарлардың ішіндегі кең таралған түрі – жібек еді.

629 ж. будда дінін ұстанушы Сюань-Цзян буддадан қалған қасиетті орындарды көруге және теологияны зерттеу мақсатында Үндістаннан Қытайға барады, керуен Қытайды Шығыспен байланыстыратын халықаралық жолмен жүреді. Суяб қаласына келген кезде, діндар түркі қағанымен кездеседі. Сюань-Цзян Суябқа келген түркі қағанын төмендегідей сипаттайды: «Келген шетелдіктердің аттары өте әдемі болды. Қаған жасыл жібектен тігілген шапан киген еді, оның басы шамамен 3,2 м болатын жібек чжанамен оралған ұшы артына қарай жіберілген. Оның қасында шамамен екі жүзге жуық тархан болды, парчадан шапан киген, шаштары өрілген. Қалған жауынгерлер жүнмен қапталған киімдер киген, бастарында жұмсақ бас киім, қолдарында садақтары бар. Түйе мен жылқыға мінгендердің көптігі сондай бір қарағанда жанарыңа сыйғыза алмайсың» деген. Сюань-Цзян қағанды қалай қабылдағанын осылай сипаттай отырып, сол кездегі ақсүйектер киімдеріндегі жібекті ерекше атап өтті. Сондай-ақ алған сыйлығы жайлы былай дейді: «күлгін түсті сатиннен тігілген киімдер және елу метр жібек матаның жыртындылары» [Копылов, Керекеша, 1993, 122]. Бұл эпизодта да жібек туралы бірнеше рет айтылады – демек, Шығыспен Батыс арасындағы сауданың негізгі өнімі, ежелгі дәуір мен орта ғасырлардың трансқұрлық жолындағы атауға негіз болғандығын көреміз. Демек, бұл жол қашан «іске қосылды» деген сұраққа түрлі жауаптар кездеседі.

Ұлы Жібек жолы терминін 1877 ж. неміс географы Фердинанд фон Рихтофен енгізген. Біздің дәуірімізге дейінгі II мыңжылдықтың басында қытайлар батыстан шығатын жолды бақылауға алды. Осы сәттен бастап Ұлы Жібек жолының қалыптасуы мен дамуы басталады. Шамамен 1,5 мың жыл өмір сүрді, ең ұзақ болған мерзім еді, осы кезде қалалар пайда болды, дамыды және кейбірі жойылып та кетті. К.М. Байпақов қалалардың пайда болуын шамамен VIII–IX ғасырлар кезінен басталғанын айтады.

Ұлы Жібек жолының басты магистралының бірі – Чаньянь Тянь-Шань дәлізі, Қытай мен Батыс арасындағы алғашқы сауда желісі, Жібек жолы ЮНЕСКО-ның Бүкіләлемдік мұралар тізіміне алғашқылардың бірі болып енгізілген. Жалпы ұзындығы Қытай, Қазақстан және Қырғызстан аумағында 5 мың шақырымды құрайды. Біздің заманымызға дейінгі XVI ғасырға дейін жалғасқан бұл жол қалалармен халықтарды байланыстырған және сауда керуендері бүкіл Азиядағы мәдени алмасуларға ықпал еткен жол. 2014 ж. маусымда Дохада (Катар) өткен Дүниежүзілік мұра комитетінің 38-сессиясы кезінде Жібек жолы 25 басқа нысандармен бірге тізімге енгізіліп, оның әлеуметтік, мәдени және тарихи маңыздылығы расталды.

Ұлы Жібек жолының бойында көптеген қалалар орналасқан. Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу ортағасырдағы қала мәдениетінің орталығы болды. Қалалардың гүлденуі VII–XIII ғғ., аталмыш кезеңде қала мәдениетін дамытудың бірнеше негізгі орталықтары болғандығын осы күнге жеткен жазба деректерден көруге болады. Зерттеушілердің мәлімдеуі бойынша Қазақстанның оңтүстігіндегі қалалар Орта Азияға ұқсас цитадель, шахристан және рабадан құралған. Қысқаша айта кететін болсақ, цитадель өзін-өзі қорғауға арналған қаланың немесе бекіністің ең ыңғайлы орталық бөлігі, шабуыл кезіндегі қорғаушылардың соңғы панасы. Ал шахристан қаланың негізгі өзегі, оның іші цитадельмен қоршалған. Рабад – шахристаннан тыс орналасқан қала маңындағы көлөнер орындары. [Бартольд, 1963, 122].

Осы күнге дейін жеткен деректерге назар аударсақ, ортағасырлық қалаларды сипаттағанда мешіт, базар, сауда ғимараттары, моншаның болғаны туралы айтылып жүр. X–XII ғғ. Оңтүстік Қазақстан қалаларында монша пайда болды делінген. Сол кезеңде қоғамдық ғимараттар ішінде

монша көрнекті орын алған. Қабырғалардың іргетасы тастан тұрғызылған. Көбінесе құрылысқа жергілікті жердің шикізаттары тас, қыш, күйдірілген қыш және ағаштар пайдаланған. Қала ұғымы түрлі кезеңдерде әр түрлі мазмұнға ие болған. Қала көбінесе елді мекен деп аталған, тұрғындары қолөнер және саудамен айналысқан. Қалалар «кент» терминімен де белгіленген. Сонымен қатар аталмыш кезеңде қала атауына «таш» тас, «шим» шым, «құм» құм сияқты терминдер қосылды, мұндай атаулар қандай материалдан салынғанын немесе қандай географиялық ортадан екендігін көрсеткен. Қалалар көбінесе тайпа немесе билеушілер атымен де аталды. Ортағасырлық қалаларда абаттандыру жүйесі болды, яғни ірі қалаларда қыш құбырлармен су ағатын туннельдер жер асты қоймаларына салынған. Сондай-ақ қалалар кварталға бөлінген, шаруашылық орындары маусымдық ауа райына икемделіп жасалғаны белгілі болған.

И.И. Копыловтың жеке архивін зерттеу барысында ортағасырлық Талғар қаласының ортасындағы арықтың жоғарғы жағынан қыштан жасалған құбырлар табылғанын, су ағызу жүйесі жергілікті жердің шикізаттарымен жасалғаны белгілі болғандығын байқадық.

Ұлы Жібек жолы бойындағы Іле Алатауының елді мекендері мен қалашықтары туралы алғашқылардың бірі болып көрсеткен А.Н. Бернштам. [Савельева, 1994, 17]. Зерттеуші Іле бойындағы жолдың бағытын екіге бөліп көрсеткен, бірінші бағыты Оңтүстік Іле арқылы Есік, Турген, Шелекке дейін ары қарай Кеген, Нарынқол. Екінші бағыты Солтүстік Іле арқылы Іле, Шенгелді, Мұқыр, Қаратал және Көксу алқабы, Қойлық қалашығы, Қапал Арасан, Сарқандқа дейін [Копылов, Керекеша, 1993, 126].

Ұлы Жібек жолы бойындағы Іле алқабында орналасқан елді мекендер, қалалар, керуен сарайлардың ішінде Талғар өзенін кесіп өтетін жолда екі елді мекен болған, кейін олар қалаларға айналған. «Әлемдер шекаралары» (Худуд-ал-Алем) жазбасында қарлұқтар мекен еткен «Тунк және Талхиз» елді мекендері көрсетілген дейді И.И. Копылов. Аталмыш елді мекендер тау бөктерінен Талғар өзені ағатын Өркештаудың яғни түйенің өркеші тәрізді таудың атауымен байланысты болуы мүмкін делінген. Елді мекеннің біреуі өзеннің солтүстігінде орналасқан. Желдің өтінен ықтасын, салқын, тыныш жер, ежелгі түркілерде «Тун», «Тунк» деген сөздер сабырлық, тыныштық, тыныштану дегенді білдірсе керек. Екінші елді мекен Талхиз өзенінің оңтүстігінде «Талкиғ» деп аталатын тау етегінде орналасқан. «Талкиғ» атауының негізінде Талхиз (Талғар) қалашығы атаулары туындаған. Тунк елді мекені 50-жылдары жерді игеру барысында жойылып, бау-бақшаның орны болып қалған.

«Тунк» және «Талхиз» елді мекендердің қабырғалары саз балшықтармен қаланған. И.И. Копыловтың мәлімдеуінше «Тунк» елді мекенінің көлемі шамамен 6 га жерді құрайды. Ал Талхиз қалашығы қабырғаларының қалыңдығы 6–8 м, солтүстік қабырға биіктігі 6 м. И.И. Копыловтың зерттеулері бойынша «Талхиз» ескерткішінің аумағынан археологиялық қазба барысында кейінгі неолит, энеолит, қола, сақ-үйсін және түркі мәдениетінің қалдықтары табылған [Копылов, Керекеша, 1993, 130].

Ұлы Жібек жолы бойындағы Талғар қаласын араб жаулап алушыларынан қашқан соғды шеберлері мекендей бастаған. Іле алқабындағы егін және мал шаруашылығымен айналысқан ортаға сауда және қолөнер бұйымдарын жасайтын адамдар орнықты. Осы кезден бастап қолөнер бұйымдарын жасау қарқынды дамыды. Зергерлер үйінде мыс, күміс және қола тиындар жасалды. Сондай-ақ қыш, шыны, торевтикалық қолөнер бұйымдары Самарканд, Ферғана, Мерва және Орта Азияның басқа қалаларында жасалған заттарға ұқсас жасалып отырған. Талғар II елді мекенінде дискі тәрізді терезе шынылары жасалған, Самаркандта тура осындай бұйым жасалған еді. Қыш жасаушылар тек қана глазурды қыш ыдыстар емес, сонымен қатар кашинге ұқсас нәзік массада жасалған ыдыстар да жасаған.

Ұлы Жібек жолының тоғысқан торабында орналасқан Талғар қалашығы жақын және алыс мемлекеттермен экономикалық және мәдени-әлеуметтік байланыста дамыды. Байланыс негізгі екі

бағытта жүзеге асқан, шығыс бағыттағы халықтарымен байланыс: Орталық Азия, Қытай, Қиыр Шығыс. Ал оңтүстік бағыттағы халықтармен байланыс: Орталық Азия, Үндістан және Иран. Демек, қазба барысында табылған импорттық заттар Талғар қалашығының халықаралық сауда және колөнердің орталығы болғандығын көрсетеді [Байпаков, 1998, 20].

Ұлы Жібек жолының оңтүстік-шығыс магистралына жақын елді мекендер Ыстықкөл, Узгенд, Ферғана, Мауренахр қалалары. Талғар қалашығымен тығыз байланыста болған қалалармен сәулет, құрылыс өнерінде, жылу жүйелерінде, сондай-ақ қыш ыдыстардағы өрнектер, тұрмыстық бұйымдарда ұқсастықтар кездеседі. И.И. Копыловтың мәлімдеуі бойынша мәселен, Узгенд қаласымен байланыстың болғандығын қазба барысында табылған күміс тиындардан көруге болады деген. Сонымен қатар Талғар қаласынан табылған зергерлерге арналған қола бұрғылау станогына ұқсас станок Қырғызстанда да табылған. Осындай станоктар Бишкек музейінде және Эрмитажда сақталуда [Байпаков и др., 2002, 28].

Талғар қалашығынан Үндістанда жасалған бұйымдар табылған, олар пілдің сүйегінен жасалған бұйымдар, соның ішінде тақта отырған будда мүсіні, алты шахмат фигуралары және бетінде будданың бейнесі бар үш қола қоңырауда піл сүйегімен өрнектелген ою-өрнектер бар. Қызғылт түске боялған түрлі өрнекті піл сүйектерінен жасалған сақиналар мен бұйымдар халықаралық қарым-қатынастың болғандығын дәлелдейді. Аталмыш бұйымдардың кейбірі ҚР Орталық музей қоры мен Алматы қаласы Халықаралық мәдениеттерді жақындастыру орталығының экспозициялық залында сақталуда [Савельева, 2009, 49].

Орта Азия, Үндістан және Ирандық импорттық заттардың Талғар қалашығынан табылуы кездейсоқ олжа емес. Басқа мемлекеттерге қарағанда Орта Азия, Үндістан, Ираннан келген импорттық заттың басым болуы Ұлы Жібек жолының оңтүстік-батыс бағыты Талғар қалашығымен сыртқы қатынаста басым болғандығын көрсетеді. Мұндай байланыстар Жетісу халықтарының мәдени дамуына тиімді әсер етті. Талхиздің колөнершілері мен шеберлері импорттық заттардың кейбірін үлгі ретінде қолданып, шебердің жұмысымен терең таныса отырып, өз өнерін жетілдірді. Талғар қалашығындағы Орта Азиядан әкелінетін тауарлар екі мақсатты көздеді: біріншісі тұрмыстық және мәдени қажеттіліктерді тікелей қанағаттандырса, ал екіншісі олардың көшірмесін үлгі ретінде пайдаланды және сол арқылы материалдық және рухани мәдениетті дамытты.

Талғар қалашығынан табылған қытайда жасалған импорттық бұйымдардың көлеміне қарап, Қытаймен қарым-қатынас Орта Азия, Үндістан және Иран халықтарындағыдай ауқымды болған жоқ деген ой айтады зерттеуші И.И. Копылов.

Жібек жолы бойында орналасқан қалалардың өзіндік «визит карталары» бар екендігін көрсетеді. Орта ғасырлардың бірінші жартысында аймақтар мен елдерді бейнелейтін төрт «әлем патшалығы» туралы түсінік Азияда таралды. Осы «әлем патшалықтарының» әрқайсысы тек өзіне ғана тән артықшылықтарға ие болды.

Ұлы Жібек жолы экономикалық және саяси байланыстарды ғана емес, сонымен қатар мәдениеттің маңызды арнасы ретінде де қызмет етті. Қалашыққа буддизм, христиан және ислам дінін таратқан іскер адамдар, саудагерлер мен миссионерлер келді. Қала тұрғындарынан идеологиялық өмір белгілері байқалды. Мәселен, піл сүйегінен жасалған будда статуэткасы, қола будда бейнесі бейнеленген қоңырау, сондай-ақ христиан дінінің іздері қола крест, қола цилиндрдегі крест бейнесі. Сонымен қатар қалашықтан ислам дініне қатысты араб жазулары бар тиындар, белдікте жазылған «Аллаға құлшылық», шырағдандағы «Аллаға ең жақын жол», сүйекке салынған өрнек табылған. Талхиз қалашығында көптеген эпиграфиялық материалдар араб графикасында орындалған. Идеологиялық өмірді бейнелейтін эпиграфиялық материалдар негізінен қаланың орталық бөлігінде, бай адамдар тұрған аумақта кездесетіні кездейсоқ емес, мұндай діни идеология ең алдымен қоғамдағы ауқатты адамдар арасында таралғандығын көрсетеді [Копылов, Керекеша, 1993, 133].

Қазақстан аумағындағы ерте ортағасырға тән өндірістік және рухани мәдениет саласындағы жетістіктерге ең алдымен, Ұлы Жібек жолында орналасқан қалалардың әсері ерекше болғандығы белгілі. Қала – бұл белгілі бір тарихи дәуірдегі қоғамның материалдық және рухани саласында адамдардың шығармашылық іс-әрекеттері шоғырланған және дамыған орталық. Барлық өнерлер, жаңалықтар, идеялар қай жерде пайда болмасын біртіндеп қалаға ауысады да сол жерде әр түрлі қызмет түрлері арқылы қоғамдық өмірде жүзеге асады. Сондай-ақ қала адам өркениетінің бесігі, мұнда адамдардың шығармашылық ойлары жүзеге асып, нағыз өмірде қолданысқа енеді. Осы тұрғыдан алғанда Ұлы Жібек жолындағы қалалар қоғамның өндірістік күштері мен өндірістік қатынастарын дамытудың белгілі бір қозғалыс күші болды. Ұлы Жібек жолындағы қалалар өздерінің әр тараптандырылған өндірістік қызметімен сол кезеңдерге арналған жоғары дамыған рухани мәдениетін тұтастай алғанда қоғамның даму дәрежесінің көрсеткіші болып табылады. Демек, қала – бұл барлық прогрестің шоғырланған шоғыры ғана емес, сонымен қатар қоғамның әлеуметтік-экономикалық және мәдени-саяси өмірінің ішкі мазмұнын бейнелейтін орталық. Сондықтан, археологтар мен басқа да зерттеушілер қала мәдениетінің өмірін, дамуын және өркендеуін неғұрлым тереңірек және жан-жақты зерттеген сайын, соғұрлым ерте қоғамның экономикалық, мәдени және саяси тарихы қайта құрылатын болады. Жібек жолының Ұлы деп аталуы кездейсоқ емес, өйткені бұл халықтарды жақындастырған, урбанизацияның стимуляторы, адамзат прогресінің негізгі магистральдық-саяси қатынастарына әсер етуші факторы болып табылды.

Қорытындылай келе, Қазақстандағы орта ғасырларлық қалалардың бірнеше негізгі ерекшеліктерін айта кететін болсақ: біріншіден, Қазақстандық қалалар сыртқы әлеммен тығыз қарым-қатынас қалыптастырып, байланыста болды; екіншіден, қала тұрғындарының бір бөлігі жазда қала аумағынан тыс жерлерде, алыс жайылымдарда мал өсірумен айналысты; үшіншіден, қалалар сауда және қолөнер орталықтары емес, әкімшілік және сауда орталықтары ретінде пайда болды. Қаланың көлемі мен маңыздылығы оның ыңғайлы орналасуымен ғана емес, сонымен бірге әкімшілік рөлімен де анықталды.

ӘДЕБИЕТ

Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья. Сочинения: в 9 т. / предс. ред. Е.Г. Гафуров. М.: изд-во Восточной литературы, 1963. Т. 2, ч. 1. 1020 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 212 с.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: ИА МОН РК, 2002. 201 с.

Копылов И.И., Керекеша Л.И. Талкир (Древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути: межвуз. науч. сб. Алматы, 1993. С. 122-136.

Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. (по материалам раскопок городища Талгар и памятников его периферии). Алматы: Ғылым. 1994. 299 с.

Н.Д. ОВЧАРОВ

Овчаров Николай Димитров,
Болгарская Академия наук,
Национальный археологический институт с музеем,
София, Болгария; naim@naim.bg

**ЮРТОВИДНЫЕ ЖИЛИЩА и ПОГРЕБЕНИЯ с КОНЕМ
у ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ XIV века на ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРИИ
и их СВЯЗЬ с ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о юртовидных жилищах и ритуальном погребении с конем древних кочевников, обнаруженном в средневековом городе Перперикон на территории Болгарии. Они остались после нашествия на Балканы в третьей четверти XIV в. тюрок-огузов, входивших в ряды османской армии.

Ключевые слова: Болгария, Перперикон, Византийская империя, Османская империя, Второе Болгарское царство, юртовидные жилища, погребения

Овчаров Николай Димитров,
Болгария Ғылым академиясы,
Ұлттық археологиялық институт музейімен,
София, Болгария; naim@naim.bg

**БОЛГАРИЯ АУМАҒЫНДАҒЫ XIV ғасырдың ЕЖЕЛГІ КӨШПЕЛІЛЕРІНДЕ КИІЗ
ҮЙ ТӘРІЗДІ ТҰРҒЫНЖАЙЛАР және ЖЫЛҚЫМЕН ЖЕРЛЕУ,
ОЛАРДЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ДӘСТҮРІМЕН БАЙЛАНЫСЫ**

Аннотация. Мақалада Болгария аумағындағы Перперикон ортағасырлық қаласында табылған ежелгі көшпенділердің киіз үй тәрізді тұрғын үйлер және жылқысымен жерлеу салты туралы мәселе қарастырылады. Олар XIV ғ. үшінші ширегінде Осман әскерінің қатарына кірген оғыз-түріктердің Балқанға шабуылынан кейін қалған.

Түйін сөздер: Болгария, Перперикон, Византия империясы, Осман империясы, Екінші Болгар патшалығы, киіз үйлер тәрізді тұрғын үйлер, жерлеу

Nikolay Dimitrov Ovcharov,
Bulgarian Academy of Sciences,
National Archaeological Institute with Museum,
Sofia, Bulgaria; naim@naim.bg

**LATE NOMADIC YURT-LIKE DWELLINGS and BURIALS with HORSES FROM
the 14th c. from BULGARIA and RELATIONS with the CENTRAL ASIAN TRADITION**

Abstract. The article examines yurt-like dwellings and a ritual burial with a horse of late nomads, found in the medieval town of Perperikon in Bulgaria. They were made during the conquest of the Balkans in the third quarter of the 14th c. by Turkmen Oghuz that participated in the Ottoman army.

Keywords: Bulgaria, Perperikon, Byzantine Empire, Ottoman Empire, Second Bulgarian Empire, yurt-like dwellings, interments

Четырнадцатое столетие стало судьбоносным для народов Юго-Восточной Европы. В 1354 г. нахлынувшие из Азии османские турки прочно вступили на Балканский полуостров и предприняли наступление во внутренние части Старого континента. В следующем веке последовательно были покорены Болгарское царство, Сербия и Византийская империя. Наступление восточных агрессоров было остановлено европейскими народами лишь в XVII в. у стен австрийской столицы Вены.

Турки-османы являются ветвью большой группы племен тюрков-огузов, которые веками передвигались с Востока на Запад. В указах сельджукских султанов XI–XII вв. их называли «жителями пустыни» или «степными народами» и, очевидно, они еще вели кочевой образ жизни. В XIII в. персидский историк Фахр ад-Дин Мубарак-шах Марварруди (Фахр-и Мудаббира) описывает нравы тюрков-огузов, которые «обитают в степи и разводят стада лошадей, верблюдов, овец, коров и быков». Он свидетельствует о «кочевниках, которые проживают в пустыне и степях в юртах и постоянно кочуют, передвигаясь с места на место» [Агаджанов, 1969, с. 87–88, 229].

Преследуемый масштабной монгольской инвазией, во второй четверти XIII в. вождь малочисленного племени кайи Ертугрул, располагая 400 юртами, оказался в восточной части Анатолии [Неشري, 1984, с. 24]. Наступление продолжил его сын Осман, давший имя будущей империи. После него пришла эпоха правления его приемника – Орхана (1324–1362 гг.), который со своей армией пересек пролив Дарданеллы и начал масштабное наступление во Фракию.

Среди первых захваченных христианских крепостей на Балканах – важный античный и средневековый город Перперикон, который находится в восточной части крупного горного массива Родопы (сегодня это территория между Болгарией и Грецией). С моим коллективом я изучаю этот объект на протяжении 20 лет (рис. 1–10). В ходе раскопок выяснилось, что древний город был захвачен османами после тяжелой осады в 1361–1362 гг. Оценивая значимость города, османы оставляют в нем свой гарнизон, пребывавший на его территории до конца XIV в. О присутствии гарнизона свидетельствуют найденные в разных местах серебряные монеты (акче) эмира Орхана, которые исключительно редки для Балканского полуострова, а на территории современной Болгарии почти не встречаются [Овчаров и др., 2021].

В ходе раскопок были раскрыты и остатки жилищ османских солдат. Они находятся во внутреннем замке городской крепости, которая не была разрушена после захвата. Это неприхотливые каменные строения, относящиеся к так называемым юртовидным жилищам, распространенным на обширной территории Восточной Европы еще с эпохи Раннего средневековья. Они расположены вокруг более сложного жилища, обозначенного № 2. Его основная часть состоит из двух плотно примыкающих друг к другу помещений в форме неправильной окружности. Диаметр обоих помещений приблизительно одинаков, а общая соединенная конструкция имеет следующие размеры: длина – 8,50 м, ширина – 4,40 м. В комнате с восточной стороны помещена печь круглой формы. Очевидно, в доме жил военный командир.

В развалинах юртовидных жилищ на Перпериконе было найдено множество раннеосманских монет, предназначенных для выплаты жалованья бойцам из османского гарнизона. В исторических источниках отмечено, что османские военные получали во время военных действий по одному акче в день [Матанов, 2003, с. 460–464].

Юртовидные жилища являются характерным признаком перехода кочевников к оседлому образу жизни [Флеров, 1996, с. 60]. Но у нас существуют синхронные и весьма точные аналогии жилищ на Перпериконе. Речь идет о юртовидных постройках из столицы Золотой Орды – Новый Сарай (Царевское городище), датированных второй половиной XIV в. Их строили буквально во дворах представительных дворцов и они считаются «реминисценцией кочевого быта – явления, характерного для кочевников, которые перешли к оседлому городскому образу жизни» [Федоров-Давыдов, 1970, с. 71].

Рис. 1. Перперикон. Локализация памятника

Традиция сооружения юртовидных жилищ оказалась довольно устойчивой среди кочевых народов и сохранилась до XIX в. Особый интерес вызывают примеры из Казахстана. Так, до этого столетия казахи строят стационарные юртовидные жилища с каменной основой, предназначенные для зимовья [Жолдасбаев, 1978, с. 206–207]. Прототипом круглого по своему плану казахского жилища «шошала», без сомнения, является юрта. Начало перехода от юртовидных к стационарным помещениям в Казахстане и Внутренней Монголии иллюстрируется юртами, которые не разбираются летом и обмазаны глиной, смешанной с соломой. «Это уже стационарное, но построенное в форме переносного, жилище как будто символизирует сам переходный полукочевой быт, соединяя в себе старый и новый способ жизни; традиционная и хорошо знакомая кочевнику форма юрты приспособлена к оседлой жизни» [Наумова, 2000, с. 127].

«Шошалу» сооружают из разных материалов – плетеных, соломенных, построенных из дерева, кирпича и камня. По всей вероятности и юртовидные жилища на Перпериконе были сооружены из легких материалов. Вероятнее всего, лишь дом командира был построен более стабильно, в виде каменной конструкции. Об этом свидетельствует солидная печь из камня. Крыши круглых построек явно были в форме конуса или имели примитивный округлый купол из деревянных балок или досок и, вероятно, были покрыты соломой или тростником.

Османские летописцы описывают жизнь пришедших в Европу тюркменов-огузов, их постоянные поиски пастбищ, переносные жилища-юрты [Нешри, 1984, с. 25, 30, 60, 78; Огуç, 2014, с. 5, 6, 24, 81]. Ведя такой образ жизни, они исполняли завет своего легендарного родоначальника Огуз-хана: «Кочуйте и нигде не оседайте, кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и по побережью рек!» [Агаджанов, 1969, с. 89]. Хотя еще при правлении Османа его народ принимает официально ислам, среди них многие сохраняют языческие суеверия.

Ибн Хальдун (1332–1406) сообщает, что османские беи были сильно привязаны к кочевой жизни. Так эмир Орхан приказывает возвести для него юрту во дворе его великолепного дворца в Бурсе. Эту склонность сына Османа подтверждает и Фессалоникийский архиепископ Григорий

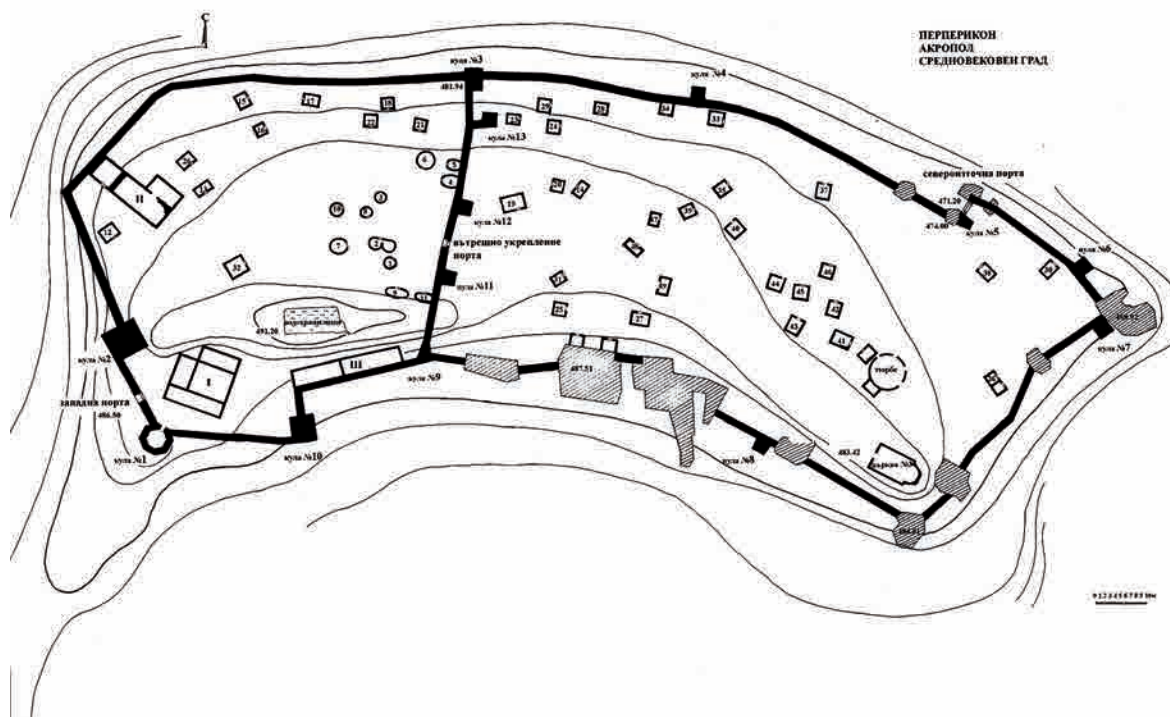

Рис. 2. Общий ситуационный план Акрополя на Перпериконе в средневековый период с османским тюрбе в восточной части

Палама: «Орхан любил степь и ненавидел находиться во дворце» [Divitçioğlu, 1997, с. 57]. Подобные традиции наблюдались и в более поздние времена, и нашли свое отражение в великолепно украшенных султанских шатрах дворца Топкапы в Стамбуле, воздвигнутых Мехмедом II Завоевателем в XV в. [Piacentini, 2009, с. 18].

В восточной части городской крепости Перперикона мы обнаружили уникальный погребальный комплекс из трех частей, так же связанный с жизнью османского гарнизона. В центре находится круглое помещение диаметром около 8,0 м. Помещение окружает каменная стена, сооруженная непосредственно на поверхности скал.

В окрестности было изучено интересное захоронение, которое весьма отличается от христианского некрополя XIII–XIV вв., развивающегося вокруг него. Покойный был положен в камеру, оформленную из обработанных камней, позаимствованных из античных зданий. Человек в камере находился в той же ориентации (север–юг), причем голова его была направлена на юг. Покойник уложен на спину, с небольшим отклонением на запад, ноги согнуты в коленях. Кости рук не сохранились, что не дает нам возможности определить их положение. Было обнаружено два ножа, положенных у черепа с обеих сторон.

С юго-запада от круга примыкает небольшое четырехугольное помещение со стенами из обработанного камня на сухой кладке, которое можно толковать как преддверие основного сооружения. Третье помещение примыкает к дуге окружности с северо-западной стороны. В центре находился скелет коня. Он лежал на сколоченной из досок платформе, о чем свидетельствуют многочисленные обугленные остатки гвоздей. Голова обращена направо и находится в непосредственной близости к тесному входу с северо-востока. Сбруя снята до захоронения. Были обнаружены только подковы с четырех копыт. Конь лежал на брюхе, а задние конечности размещены в неестественном положении – согнутыми в коленях и по обе стороны от тела.

Рис. 3. Юртовидные жилища османского периода в границах внутреннего замка Акрополя на Перпериконе. Фото Н. Овчарова

Речь идет о ритуальном захоронении коня, связанного с покойным в центральном помещении. Захоронение коня в гробу воина является отличительной чертой у кочевых и, прежде всего, тюркских народов [Трифонов, 1972, с. 351–357]. Ритуальное погребение коня среди народов Центральной Азии датируется второй половиной II тыс. до н.э. Оно символизирует переход умершего в потусторонний мир. Туша коня положена в непосредственной близости к человеку в позе отдыха. Передние и задние конечности сведены вместе, а голова сдвинута в сторону и находится на деревянной подстилке. Ритуальное убийство коня помогает его хозяину возродиться для новой и бессмертной жизни в потустороннем мире [Кубарев, 1980; Нестеров, 1990, с. 117–121].

В течении I тыс. н.э. погребальные сооружения представляют из себя в основном округлые конструкции с каменной насыпью и оградой в 1–2 ряда из вертикально установленных камней. Во внутренней части находится захоронение человека и коня, разделенных перемычкой из камня, дерева или земли. Животное располагается слева от покойного, который в большинстве случаев лежит на спине. Конь лежит на брюхе с разведенными в стороны ногами, таким же образом, как мы наблюдаем при захоронении на Перпериконе [Матренин, Серегин, 2016, с. 89, 116 и др.].

В IX в. появляются первые письменные данные о погребальных обычаях огузов. Ибн Фадлан сообщает, что они выкапывали для умершего большую яму, которая напоминает их дома, а

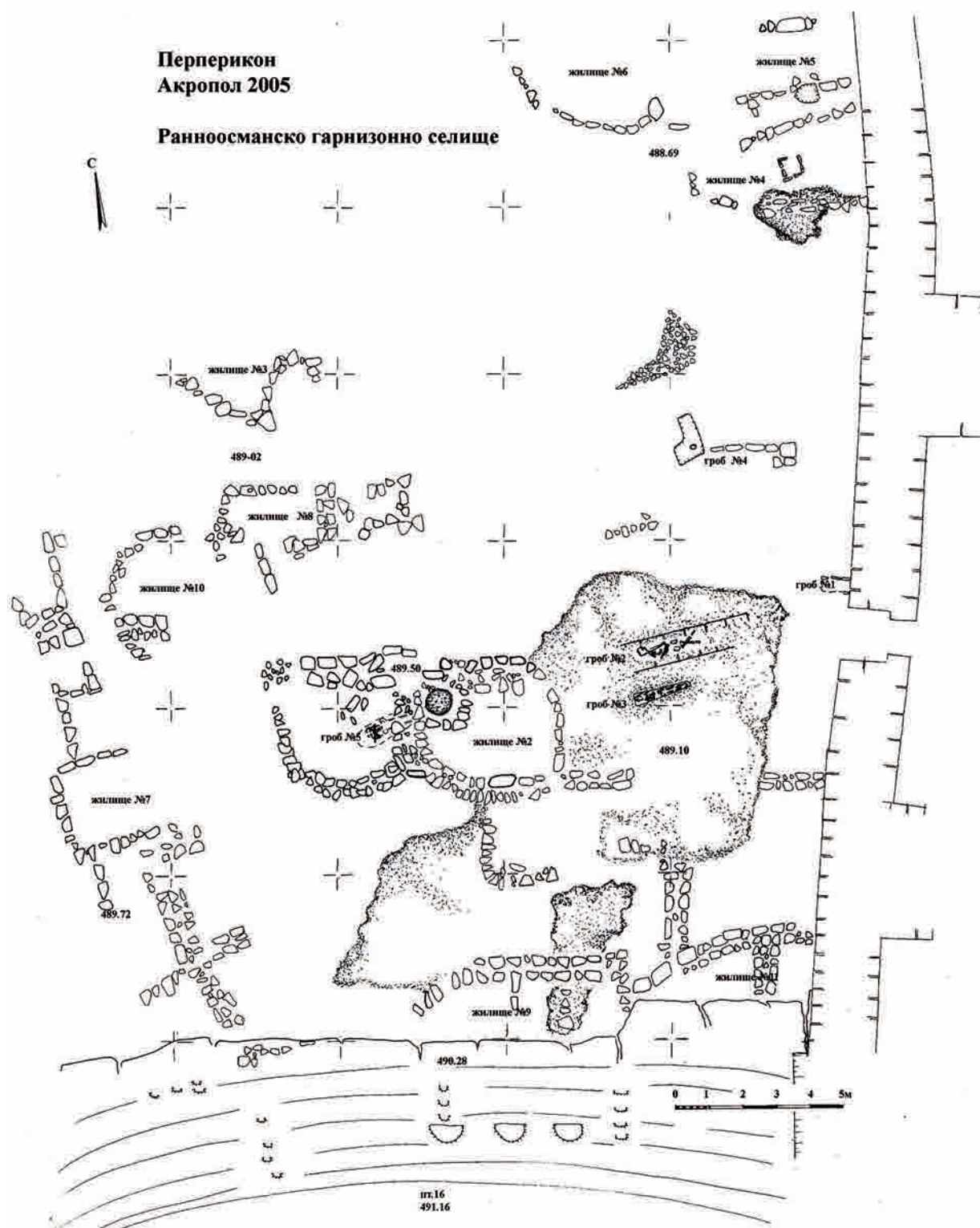

Рис. 4. Юртовидные жилища османского периода в пределах внутреннего замка Акрополя на Перпериконе (план). Фото К. Симеоновой

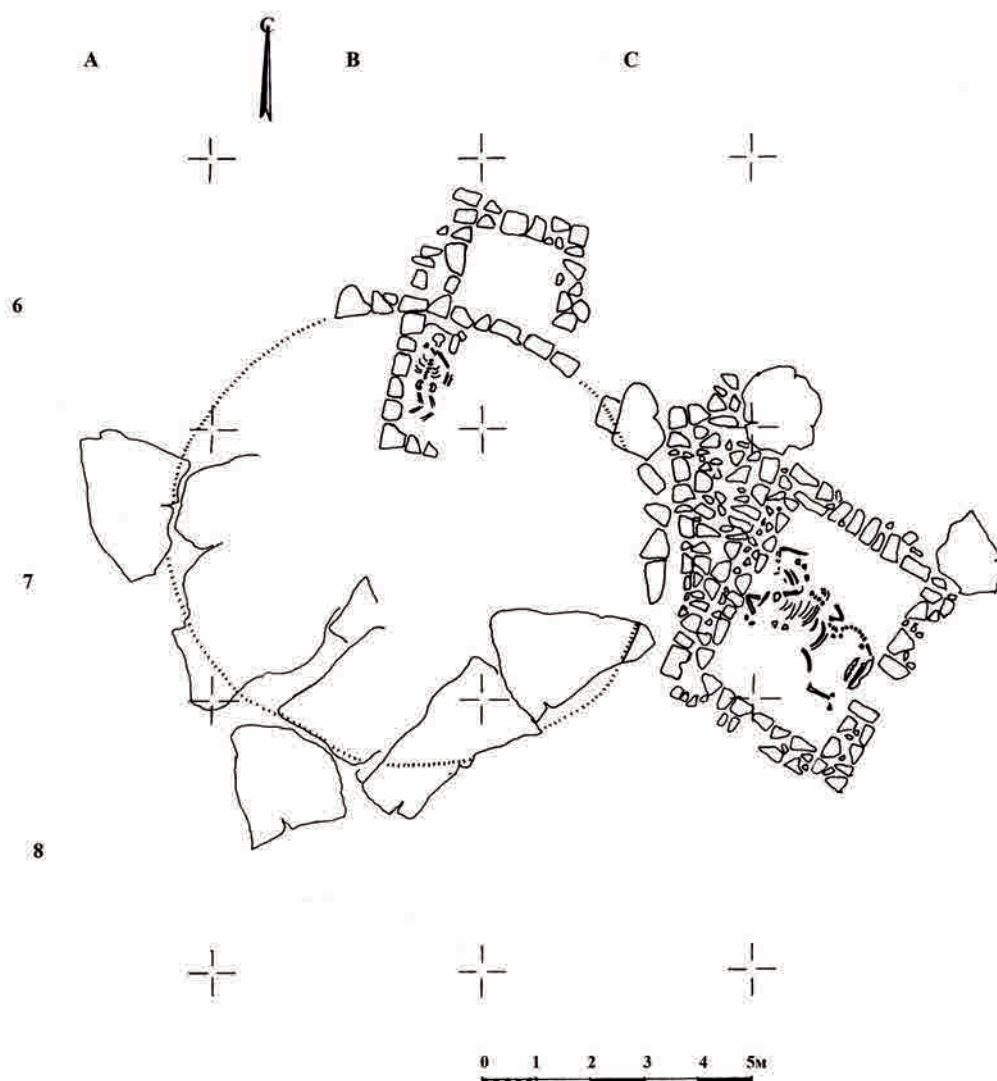

Рис. 5. Османский гроб № 97 и захоронение коня в рамках тюрбе.
Фото К. Симеоновой

сверху сооружают «нечто, подобное куполу из глины». После чего приносят в жертву лошадей и произносят: «Это его конь, на котором он поскачет в рай» [Плетнева, 1982, с. 77–127].

Археологические находки подтверждают аутентичность информации из источников. При раскопках поселений огузов IX–XI вв. в Северном Прикаспии вместе с покойными были обнаружены части туш коней. В большинстве случаев в гробу обнаруживают череп и конечности животного. Иногда делали чучело, при котором вместе с головой хоронили набитую соломой шкуру вместе с конечностями, ребрами и лопатками коня [Круглов, 2001].

В этом отношении очень важны наблюдения крупного исследователя тюрков Г. Федорова-Давыдова. Он пришел к выводу, что захоронение воина с конем является одной из характерных черт погребений на Алтае, в Хакасии, Монголии, Семиречье, в Центральной Азии и степях Восточной

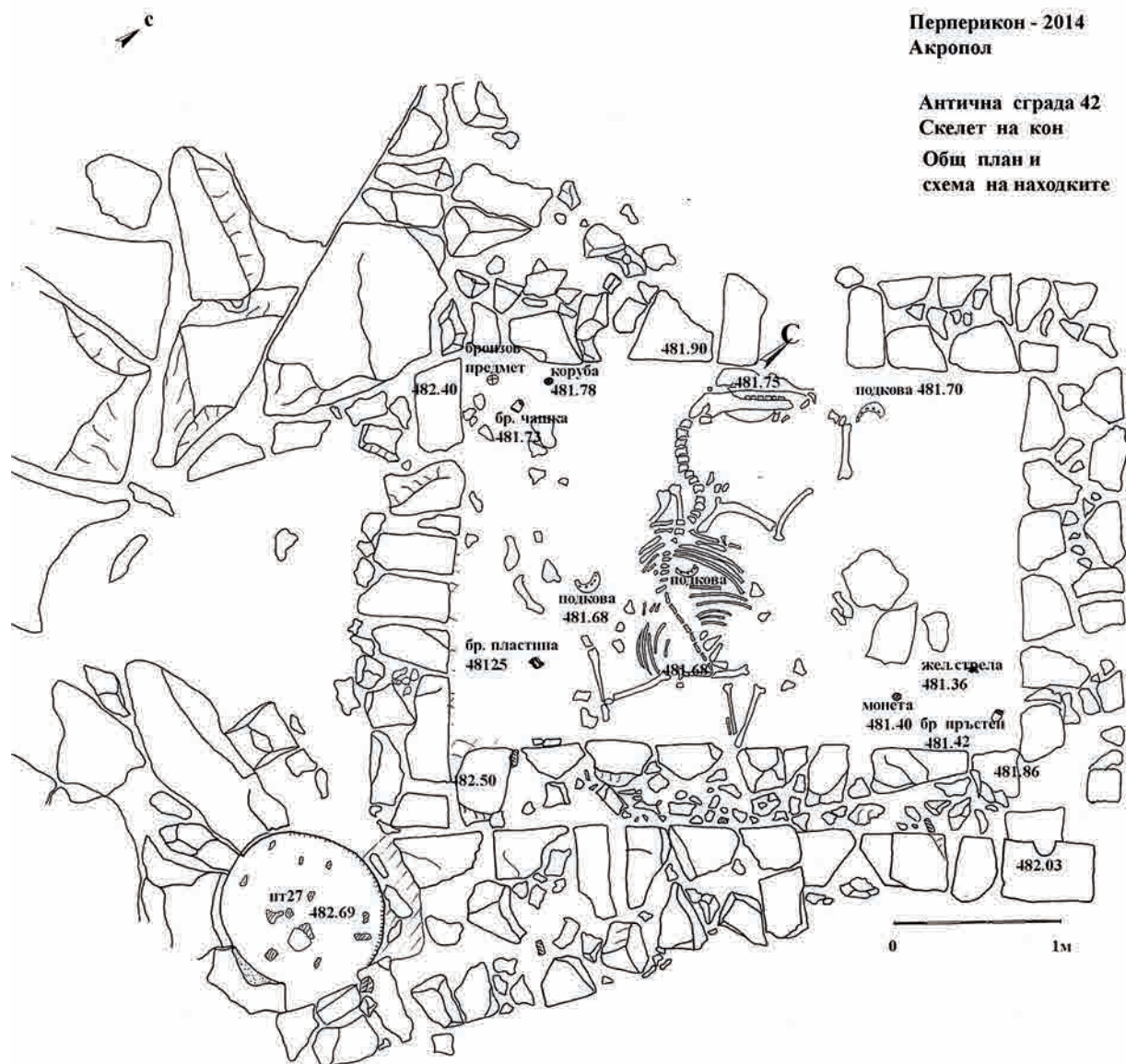

Рис. 6. Погребение коня на Перпериконе.
Фото Н. Овчарова

Европы. При более раннем варианте обряда захоронение в гробу только головы и конечностей животного преобладает над захоронением целого коня. С конца XII – начала XIII в. животных всегда хоронят целыми [Федоров-Давыдов, 1966, с. 133 и др.].

В течение этого отрезка времени туши животных вновь находятся слева от покойного. Часто над телами человека и животного сооружалась небольшая насыпь из камней, символизирующая сакральное пространство последнего дома. Подобные обряды часто засвидетельствованы в степях Восточной Европы у племен печенегов, торков (северная ветвь огузов) и половцев [Археология СССР, 1981, с. 213].

Рис. 7. Погребение с конем и находки из помещения.
Фото К. Симеоновой

О кочевниках XIII–XIV вв. появляются рассказы западных путешественников, которых удивлял этот ритуал. Так, францисканский монах Плато Карпини, путешествуя в монгольской империи в 1245–1246 гг., описывает как кочевники кладут рядом с умершим тушу убитой кобылы, чтобы у покойного был кумыс и он бы мог скакать верхом в потустороннем мире. Десять лет спустя другой францисканец, Вильгельм Рубрук, также упоминает о погребениях с лошадьми у половцев [Плетнева, 1982, с. 77–127]. В 1309 г. сенешаль Шампани Жан де Жунавиль сообщает эту интересную информацию рыцарю Филиппу де Тузи, который находился в то время у половцев. Тогда он присутствовал на погребении знатного вождя, вместе с которым был захоронен один из его лучших коней [Гугуев, 2009].

Весьма интересны археологические данные о погребальных обычаях на территории Золотой Орды в XIII–XIV вв. Довольно подробно они исследованы в районе Приуралья. В большинстве гробов обнаружено мало инвентаря, причем в мужских захоронениях встречаются чаще всего наконеч-

ники стрел, ножи и части конской амуниции. Часто слева от умершего положен скелет коня, который лежит на боку или на брюхе, с согнутыми конечностями и головой, направленной на запад. Люди, как правило, лежат на спине, головой ориентированы на юг или запад [Матюшко, 2011].

В эту эпоху появляются мавзолеи, которые, как считается, строились под влиянием ислама, который утвердился во время правления Узбек-хана в XIV в. Конечно же, речь идет о погребениях представителей золотоордынской знати, которые принадлежали к самой богатой прослойке общества [Матюшко, 2008]. Необходимо обратить особое внимание на их специфику, так как скелеты человека и коня на территории Перперикона находятся в едином погребальном комплексе. В настоящей работе мы не будем использовать более общий термин «мавзолей», а более конкретный – «тюрбе», что в переводе с арабского языка означает тоже самое. Это небольшого размера помещение, посередине которого размещался каменный или деревянный саркофаг с усыпальницей под ним.

О таких интересных сооружениях в 50-х годах XIII в. свидетельствует Гильом де Рубрук, находившийся с миссионерской целью у монголов. Когда он описывает захоронение с конем у

половцев, он упоминает, что над погребением знатных кочевников строят островерхие домики и высокие башни из кирпича, а иногда из камня [Рубрук, 1957].

Тюрбе с территории Золотой Орды весьма интересны, так как они многочисленны и иллюстрируют переход от язычества к исламу. В окрестностях Царевского городища встречаются как строго мусульманские захоронения, так и такие с чертами погребений кочевников, в которых находят характерное вооружение, стремена и т.д. Часто встречаются и языческие погребения с частью туши или целыми тушами коней вместе с вооружением – ножи, сабли или колчаны со стрелами [Блохин, Яворская, 2006, с. 88–89].

Не успев полностью искоренить язычество кочевников, исламские духовники пытаются приспособиться к их нравам и придать известный исламский дух погребальным обрядам. Практически во всех мавзолеях на огромной территории Золотой Орды в эпоху правления Узбек-хана наблюдаются отклонения от классического мусульманского погребального обряда. Специалисты

категоричны в своих выводах, что речь идет о погребениях представителей высшей знати, которые были тесно связаны со степной жизнью и были вынуждены принять ислам [Васильев, 2003].

В последние годы Э. Зиливинская составила типологию и классификацию этих мемориальных памятников [Зиливинская, 2016, с. 44–68]. Она рассматривает их проникновение на территорию Золотой Орды из Ирана, где был создан сам архитектурный тип этих сооружений. По своей форме тюрбе XIII–XV вв. делятся на несколько видов: круглые с видом башни (башенные), пирамидальные и кубические. Покрытие построек имеет купольное или шатровидные характеристики. Принявшим недавно ислам кочевым народам близки эти постройки, так как они напоминают их юрты и юртовидные жилища.

В уникальном поминальном комплексе на Перпериконе бесспорно прослеживаются традиции тюркских кочевников. Потверждением этому является ориентация тела покойного, которая явно не характерна для христианства. Небогатый инвентарь отправляет нас к синхронным захоронениям в некрополях Золотой Орды, подобные захоронениям в Царевском городище. Под влиянием ислама сопутствующий инвентарь покойного сводится к двум ножам. Самым важным знаком является захороненная туша коня. Перед тем как его захоронили в специально сооруженном для него помещении, он был положен на брюхо на деревянные носилки. Голова повернута вправо, а конечности

*Рис. 8. Аналогия погребению коня из Перперикона.
Средневековые погребения на Алтае.
Фото из Интернета*

Рис. 9. Аналогия погребению коня из Перперикона. Погребение раннего средневековья, комплекс Бирюзовая Катунь-1, Алтай. Раскопки и фото К.Ю. Кирюшина

разведены по обе стороны от тела. В духе тюркской традиции животное находится слева от покойника.

Один из вариантов реконструкции комплекса – это каменная ограда в виде круга, характерный для ранних тюркских захоронений. Однако в нашем случае существуют два других помещения, примыкающих к дуге. Несомненно, у захоронения с конем существовал вход, что предполагает наличие над ним архитектурной конструкции с покрытием. Вот почему, по нашему мнению, по всякой вероятности над этими основами возвышался построенный для покойника мавзолей (тюрбе). Согласно классификации Э. Зиливинской, усыпальницу можно отнести к группе круглых тюрбе-башен с преддверием. Его форма и размеры находят непосредственные аналогии в Казахстане, Азербайджане и Малой Азии.

Весьма близки аналогии с гробницами сельджукского султана Кылыч-Арслана из Коньи (XII в.) и Караманоглу Алэддин-бея в Карамане в Южной Турции (XIV в.). Может быть, самые близкие аналогии это круглые тюрбе в городе Барда (Центральный Азербайджан) и Карабагларе (область Нахичеван) XIV в. [Мамед-Заде, 1983, с. 39]. Преддверие погребального сооружения на Перпериконе можно сравнивать с тюрбе Али Кафэра XIII в. в Кайсери (Центральная Турция) [Зиливинская, 2016, с. 60–62].

Этот факт ставит мавзолей на Перпериконе в ряд самых ранних известных османских тюрбе. А самая близкая аналогия связана с командующим османской армией сыном эмира Орхана – Сюлейман-паши, при его нашествии в Европу. В 1357 г. он нелепо погиб во время охоты. Это случилось на Галлипольском полуострове, южнее Константинополя, где впервые завоеватели прочно проникли на Старый континент. Османский историк Ходжа-Садеддин описывает, что его воины хоронили тленные останки принца в мечети (месджид), которая была сооружена вблизи его дворца в Булаире (в 12 км севернее Галлиополи – Н.О.) [Ходжа-Садеддин, 2000, с. 83].

В то время историческая ситуация была весьма напряженной и исход войны был неясен. Вот почему борцы за правую веру «доверились Аллаху, закопали гроб Сулеймана под стеной, завалили камнями и сделали могилу неприметной, чтобы не смогли неверные, если победят, найти гроб и осквернить его <...>» [Die altosmanischen anonymen Chroniken, 1922, p. 17–18].

Тюрбе Сулеймана-паши сохранилось, хотя его часто переустраивали в течение веков. Нынешний вид тюрбе приобретает во время правления султана Абдул-Хаида II (1876–1909 гг.). В настоящее время в нем находится три мраморных саркофага. На одном из них высечено имя Сулейман-паши Гази, завоевателя Румелии. На втором видна надпись «Lâlası», что означает «его учитель». Третий саркофаг самый маленький и на нем высечено лишь одно слово «atı» или

*Рис. 10. Три погребения в тюрбе Сюлейман-паши в Булаире.
Фото из Интернета*

«его конь». Хотя Сулейман-паша был рьяным борцом за веру и праведным мусульманом, он был похоронен со своим боевым конем, который был героизирован наравне с хозяином! Если довериться цитированной раннеосманской хронике XV в., даже был исполнен древний тюркский ритуал и могила была заброшена камнями.

Реминисценции подобных огузских погребальных ритуалов наблюдаются в Османской империи и в более позднее время. Египетский историк Ибн-Ияс свидетельствует, что когда в 1513 г. в Каире умирает от чумы принц Сюлейман, сын султана Баязида I, в его гроб были положены отрезанные хвосты его любимых лошадей и сломанные луки [Lewis, 1974, p. 210].

Что же касается вопроса о форме тюрбе, то весьма интересными являются выводы турецкого историка Яшара Чорухлу, сделанные им в его докладе о переходе в османском государстве от могилы и юрты к конструкции тюрбе [Çoruhlu, 1999, p. 47–62]. По его мнению, силуэт юрты или шатра связан с формой могилы и является прямым отражением древнетюркских космологических и религиозных понятий. Оттуда идет и архитектура более поздних тюркских гробниц-тюрбе. Вот почему даже тело султана Сюлеймана I Великолепного (1520–1566 гг.) сначала находилось в шатре, а впоследствии было перенесено в сооруженное выдающимся архитектором Мимаром Синаном тюрбе.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. // Ашхабад: Ылым. 1969. 296 с.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Приволжья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2006, 250 с.

Васильев Д.В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации. // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань: изд-во Астраханского госуниверситета 2003. С. 110–119.

Гугуев Ю.К. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Туркологический сборник, 2007–2008. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2009. С. 124–146.

Жолдасбаев С.Ж. Жилища казахов Южного Казахстана // Археологические памятники Казахстана / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. С. 203–212.

Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Золотой Орды. Происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 44–67.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия IX–XI вв. // Степи Европы в эпоху Средневековья – II / гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2001. С. 395–446.

Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. К 50-летию ин-та «Урусувати»: мат-лы конф. Новосибирск, 1979. С. 58–70.

Мамед-Заде К.М. Строительное искусство Азербайджана. Баку: Издательство ЕЛМ, 1983, 336 с.

Матанов Хр. Институции и административна уредба на Османската империя (XIV–XVI в.) в българските земи // История на българите (от древността до края на XVI в.), I / отв. ред. Г. Бакалов. София: изд-во «Труд», 2003. С. 460–519.

Матренин С.С., Серегин Н.Н. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2016. 271 с.

Матюшко И.В. Особенности погребального обряда кочевников степного Приуралья XIII–XIV вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2001. XIII, № 3. С. 280–283.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX–XIV вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 369 с.

Наумова О.Б. Развитие жилища у казахов в процессе их перехода на землю (конец XIX – начало XX в.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Г.П. Васильева. М.: «Наука», 2000. С. 123–146.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племён Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 142 с.

- Неири М. Огледало на света. Перевод М. Калицин. София: «Отечествен фронт», 1984. 420 с.
- Овчаров Н., Димитров З., Коджаманова Д., Стоименов Д., Дочев К., Шаранков Н. Античный и средновековен град Перперикон, I. Акропол. София: «Уникарт», 2021, 555 с.
- Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
- Рубрук В. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1283. М.: Издательство «Географгиз», 1957. 270 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 304 с.
- Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М.: Издательство «Наука», 1972. С. 351-374.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издание Московского университета, 1966. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай)/ Материалы и исследования по археологии СССР (МИА СССР), № 164, М.: Издательство АН СССР, 1970. 164 с.
- Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1993. 100 с.
- Ходжа Садедин. Корона на историите. Перевод М. Калицин. Велико Тырново: Издательство «Абагар», 2000. 440 с.
- Çoruhlu Y. Kurgan ve Çadiz (Yurt)'dan Kümbet ve Türbeve Geçiş. Gemişten Günümüze Mezarlık Kültürü ve insane Hayatına Etkiler Sempozyumuq 18-20 Aralık, 1998. İstanbul: Mezarlıklar Vakfı , 1999. 435 с.
- Die altosmanischen anonymen Chroniken. Text und Übersetzung herausgeben von Dr Friedrich Giese, I. Leipzig, 1922. 456 с.
- Divitçioğlu S. Osmanli Beyliğnin Kurulaşı. İstanbul: Alpha Publishing, 1997. 160 с.
- Oruç beğ tarihi. Paris Biblioteque Nationale, supplement turc 1047. Hazirlayan prof. dr Neced-Öztürk. İstanbul, Kitabyurdu.com: 2014. 592 с.
- Piacentini V.F. New Global History. Turkis Identity and Tradition Versus Modernitation. Globalitation and Turkis Civiltation. Bishkek, 2009. 356 с.

И.В. КРУПКО

Крупко Игорь Владимирович,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; tengri95hismatulin@mail.ru

ДИАЛОГ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ в РАМКАХ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Материальная культура населения средневековых городов Золотой Орды развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как кочевых, так и оседлых, в процессе урбанизации в новых городах. Культура степных городов Золотой Орды не опиралась на локальные урбанистические традиции (исключая территорию Юго-Восточного Казахстана, которая, впрочем, не входила в орбиту ее влияния). И сам факт, что города возникали там, где - до и много после - их не существовало, говорит о мощи и организованности государства, а также о налаженном аппарате влияния на гетерогенный социум. И в этом заключался один из секретов успеха Золотой Орды как государства – ее социальная гетерогенность. Целью статьи является исследование и концептуализация ментальных структур и религиозных систем, зафиксированных в материальной культуре населения средневекового Казахстана, выяснение влияния средневековой урбанизации Казахстана на этнокультурные процессы и этногенез казахов по археологическим источникам.

Ключевые слова: города Золотой Орды, средневековая урбанизация, номадизм, социальная гетерогенность, государствогенез

Крупко Игорь Владимирович,
А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан; tengri95hismatulin@mail.ru

ДАЛА ӨРКЕНИЕТІ АЯСЫНДАҒЫ АЛТЫН ОРДАНЫҢ УРБАНИСТІК ДӘСТҮРЛЕРІНІҢ ДИАЛОГЫ

Аннотация. Алтын Орданың ортағасырлық қалалары тұрғындарының материалдық мәдениеті жаңа қалаларда урбанизация үрдісінде басқа көшпелі және отырықшы халықтардың мәдениеттерімен белсенді өзара әрекеттесу және өзара әсер ету арқылы дамыды. Алтын Орданың далалық қалаларының мәдениеті жергілікті урбандалу дәстүрлеріне сүйенбеді (оның әсер ету орбитасына кірмеген Оңтүстік-Шығыс Қазақстанның территориясын қоспағанда). Қалалардың бұрын және кейін болмаған жерде пайда болуының өзі мемлекеттің күші мен ұйымы туралы, сондай-ақ біртекті емес қоғамға әсер етудің жақсы орнатылған аппараты туралы айтады. Және бұл Алтын Орданың мемлекет ретіндегі табысының бір сыры – оның әлеуметтік әркелкілігі болды. Мақаланың мақсаты – ортағасырлық Қазақстан тұрғындарының материалдық мәдениетінде жазылған менталдық құрылым мен діни жүйелерді зерттеу және тұжырымдау, Қазақстанның ортағасырлық урбанизациясының этномәдени үрдістерге және қазақтардың этногенезіне археологиялық деректер бойынша әсерін анықтау.

Түйін сөздер: Алтын Орда қалалары, ортағасырлық урбанизация, көшпелілік, әлеуметтік гетерогендік, мемлекеттікгенез

Igor Krupko,
A.Kh. Margulan Archaeology Institute,
Almaty, Kazakhstan; tengri95hismatulin@mail.ru

DIALOGUE of URBANIST TRADITIONS of the GOLDEN HORDE in the FRAMEWORK of a STEPPE CIVILIZATION

Abstract. The material culture of the population of the medieval cities of the Golden Horde developed in active interaction and mutual influence with the cultures of other peoples, both nomadic and settled in the process of urbanization in new cities. The culture of the steppe cities of the Golden Horde was not based on local urban traditions (excluding the territory of South-East Kazakhstan, which, however, did not enter the orbit of its influence). And the very fact that cities arose where they did not exist before and much after, speaks of the power and organization of the state, as well as the well-established apparatus of influence on a heterogeneous society. And this was one of the secrets of the success of the Golden Horde as a state – its social heterogeneity. The purpose of the article is to study and conceptualize the mental structures and religious systems recorded in the material culture of the population of medieval Kazakhstan, to clarify the influence of the medieval urbanization of Kazakhstan on the ethnocultural processes and ethnogenesis of Kazakhs according to archaeological sources.

Keywords: cities of the Golden Horde, medieval urbanization, nomadism, social heterogeneity, state genesis

30 лет в Республике Казахстан продолжается процесс национального строительства, направленного на создание высокоинтеллектуальной нации, консолидированной общей исторической памятью. Одним из важнейших периодов в истории государствогенеза на территории Великой степи является эпоха Золотой Орды, на века вперед сформировавшей социокультурное пространство и геополитический ландшафт Евразийского континента. Именно в этот период сформировался культурный ландшафт и багаж, с которым Казахстан вышел в Новое время. В этот период на территории Казахстана происходят такие исторические процессы, как урбанизация и формирование кочевых и оседлых государств.

Как объект археологического исследования территория Золотой Орды представляется уникальной зоной со-существования гетерогенных культурообразующих сред: как кочевых, так и оседло-земледельческих. Исследование древних и средневековых культур на территории Казахстана является не только актуальным, но и представляет непреходящий интерес в контексте формирования фундаментальной базы историко-археологического знания в целях наиболее эффективной реализации программы «Рухани жаңғыру» в условиях модернизации общества и государства.

Специфика Золотой Орды, обусловленная ее вмещающим ландшафтом, заключалась в том, что поддержание взаимосвязей ее отдельных частей могло обеспечиваться подвижными социальными слоями населения и среди них, прежде всего, – кочевниками. Конечно, не все кочевники выполняли роль связующих элементов инфраструктуры государственной, политической и экономической системы, однако, в силу своей мобильности, со временем они заняли именно эту нишу.

Культура степных городов Золотой Орды не опиралась на локальные урбанистические традиции (исключая территорию Юго-Восточного Казахстана, которая, впрочем, не входила в орбиту ее влияния). На землях от Дуная до Иртыша археологически зафиксированы 110 городских центров с материальной культурой восточного облика, расцвет которых пришёлся на первую половину XIV в. Общее же число золотоордынских городов, по всей видимости, приближалось к 150. И сам факт, что города возникали там, где до и много после их не существовало, говорит о мощи и организованности государства, а также о налаженном аппарате влияния на гетерогенный социум. И в этом заключался один из секретов успеха Золотой Орды как государства – ее

социальная гетерогенность. Социальная страта, из состава которой формировались чиновники государственного аппарата – организующий принцип империи, была, вероятно, чрезвычайно пестрой. Известно, что советниками монгольских правителей были китайцы, имевшие тысячелетний опыт управления государством. Также доминирующими этническими группами в названной социальной страте были и тюрки, и персоязычные жители покоренных территорий. К сарайскому двору приглашались ученые из арабских стран. Наконец, местная аристократия стремилась породниться с новой знатью завоевателей и войти в круг, принимающий главные государственные решения, определяющий социально-экономическое развитие общества. Ясно также и то, что в стране, расположенной между Востоком и Западом, где торговля приносила один из главных доходов государства, купцы также играли важную роль.

В случае Золотой Орды мы видим, что государствогенез – это всегда процесс, в большей степени характерный для гетерогенного пространства (между степью и городом) в маргинальных зонах, ставших ареалами развития средневековых городов Золотой Орды, встречались разнонаправленные интересы гетерогенных социальных групп, порождая конфликты и необходимость в их разрешении нейтральным арбитром, что, в свою очередь, создавало административные институты, могущие разрешать эти противоречия, впоследствии эволюционировавшие в государство.

Появление степных городов сделало равновесие между природой и человеком менее устойчивым. Люди, заселявшие эти города, не всегда знали – как вести себя в новом социокультурном пространстве, ведь навыки, выработанные поколениями в открытом пространстве, не работали в урбанистическом ландшафте.

Говоря о концептуальном осмыслении феномена кочевой государственности и культуры, нельзя не отметить позитивные сдвиги в мировой науке, долгое время интерпретировавшей мобильные этнокультурные группы кочевников как стихийных «варваров», органически неспособных к социальному конструктивизму. Подобные идеологические воззрения мотивированы, прежде всего, ростом национального и имперского самосознания в самой Российской империи, а в европейских историографиях – отзвуком нашествия библейских кочевников в день Армагеддона и воспоминанием о гуннах в дни падения Рима. Однако, несмотря на это, еще в XIX в. существовала и обратная историографическая тенденция. Как писал Евгений Голубинский в 1893 г.: «В Яса, предписания которой должны были быть, безусловно, обязательными для преемников Чингисхана под страхом лишения престола и пожизненным заключением (что действительно бывало) и на которую монголы действительно смотрели как на своего рода Евангелие или Коран, сделано нарочитое указание о том, что все веры, без различия их самих и содержащих их народов должны быть терпимы и что служители всех вер, равно как врачи и нищие, ученые и подвижники, молитвосозыватели и гробохранители, должны быть освобождены от всяких податей и налогов. Преемники Чингисхана, побуждаемые политикой, не только оказывали полную терпимость всем верам, но старались вести себя так, чтобы последователи каждой веры считали их более наклонными именно к своему исповеданию...» [Цит. по: Кульпин, 2006].

Характерны в этом отношении коммеморативные практики современной исторической политики: например, в Кракове регулярно проводится театрализованное представление: трубач поднимается на главную башню города и подает сигнал о том, что идет татаро-монгольское войско. И каждый раз не доигрывает мелодию до конца, поскольку в него «вонзается» вражеская стрела.

За последние десятилетия отношение к Золотой Орде в науке изменилось, не в последнюю очередь благодаря археологам.

На рубеже XX и XXI вв. в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный необходимостью заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. Об успехах нового направления в научных поисках свидетельствует Всемирный интерконгресс антропологов

и этнологов, состоявшийся в Оттаве (Канада) в 2017 г., под тематическим титулом «Mo(u)vement» (Движение). В числе обсуждаемых тем и концепций выделяются приоритеты: мировоззренческие и теоретические основания статичного и динамичного мышления и восприятия; понятия и метафоры науки о движении; природные, социальные и персональные вариации мобильности; путь в системе движения и коммуникации; соотношение движения и познания; антропология и этнография кочевников как источник данных и драйвер концептуализации нomaдологии. Стало возможным ставить теоретические вопросы об уникальной и самобытной кочевой цивилизации, структурирующей пространство и время, эко-экономику и культуру в органическом единстве движения [Российская антропология..., 2017].

Столь же интересны были религиозные воззрения нomaдов. Мобильность и включенность в окружающую среду наделяет сакральным ландшафт, создавая «страну», обозначаемую сакральными местами и маршрутами между ними. В культуре каждого народа нашей планеты существуют сакральные объекты и пространства, обретающие этот статус веками и известные каждому представителю этой культуры. На онтологическом уровне знаковые явления истории, сакральные памятники существуют как символы национальной идентичности, места, где, по выражению выдающегося историка Марка Блока, происходит «встреча людей в веках». Не менее важна их значимость для науки: памятники – источник важнейшей информации о жизни социума, в котором он возник. Являясь одновременно памятниками и искусства, и строительной техники, они дают яркое представление о культурогенезе, идеях, развитии научно-производственного потенциала, эстетических критериях эпохи, кросс-культурных контактах народов и уровне социальной организации. Здесь и возникает взаимодействие и диалог культур – когда хозяйственно и экономически гетерогенные этнические группы, сосуществуя в едином степном пространстве, объединяются культурной памятью и местами сакральной географии.

В то же время миф о культурах «чистых кочевников» хоть еще и не изжит, но в последние десятилетия все больше теряет свою привлекательность. По расчетным данным, уже в империи азиатских гуннов (209 г. до н.э. – 48 г. н.э.) оседлое население примерно 20 городищ Монголии и Забайкалья было призвано обеспечить продуктами земледелия и ремесла от 350 до 800 тысяч кочевников [Крадин, 2002]. Традиция оседания кочевников, нередко вынужденного, на поселениях и в городах получила развитие у средневековых уйгуров, киданей, чжурчженей и, наконец, в городах Золотой Орды. В то же время для первого поколения кочевников город с его структурами повседневности поначалу воспринимался как ненужный для огромных пространств Великой степи. Характерен хрестоматийный разговор двух купцов – Иосафато Барбаро, проживавшего в Золотой Орде с 1436 по 1452 гг., и купца степного. Разговор состоялся у городских ворот Таны, где внимание собеседников привлекла красота надвратной башни: «-Не кажется ли тебе эта вещь замечательной? – спросил Барбаро своего случайного знакомого. – Ба! Кто боится, тот и строит башни, усмехнувшись, ответил тюрок» [Скржинская, 1971].

Археологические исследования последних десятилетий с очевидностью доказали исламский облик городов Золотой Орды от Сарайчика на правом берегу реки Урал в Западно-Казахстанском регионе до Солхата-Крыма в Восточном Крыму. В урбанизации Дешт-и Кыпчака, начавшейся в 50-е годы XIII в., выявлены другие закономерности. Новые золотоордынские города, где внешне преобладали исламские типы и формы общественных зданий, по планировочным структурам ничего общего не имели ни с городами Средней Азии, ни с городами Ближнего Востока. В Улусе Джучи нет городов с отдельно стоящей цитаделью – резиденцией правителя, шахристаном – городом вельмож и чиновников, и рабадом – торгово-ремесленным посадом с базарами. Из домонгольских городов Золотой Орды такая планировка характерна только для старого Дербента на Кавказе и для древней Бухары. Арк Бухары в виде неправильного прямоугольника площадью около 4 га, расположен в северо-западной части города на холме вне шахристана; его высота колеблется от

16 до 20 м от уровня площади Регистан, возле которой он расположен [Андреев, Чехович, 1972]. Кроме мусульман в городе продолжали жить иудеи и христиане.

Улица в больших и малых золотоордынских городах не была только исламской. В гуще столичного Сарая Ибн Баттута различал немусульман и среди них кыпчаков, черкесов, русских и даже византийцев. Еврейский и греческий кварталы известны для Азака-Таны (ханафиты более терпимо, чем последователи других мизхабов, относились к иудеям, христианам) [Егоров, 1985]. Поквартальная застройка на этно-конфессиональной основе не составляла специфики именно золотоордынских городов – для времени развитого средневековья это было распространенной практикой. Византиец Иоанн Китр (XII–XIII вв.) в ответе на вопрос о том, могут ли армяне свободно строить свои церкви в местах расселения на территории империи Ромеев, дал следующий ответ: «В христианских областях и городах изначально разрешается проживание людей иного языка и религии – иудеев, армян, исмаилитов (т.е. мусульман), агарян (тюрьков)» [Егоров, 1985].

В этом смысле Золотая Орда стала одним из импульсов к градостроительству и урбанизации на территории средневекового Казахстана, заняв особое место в истории развития международных отношений, обеспечивающих межкультурный коммуникативный диалог между различными странами и народами.

Приходы, состоящие из кварталов, группирующихся вокруг мечети, церкви, синагоги или кенасы, облегчали условия существования горожан в условиях этнической пестроты и религиозного многообразия Золотой Орды. Кроме того, они обеспечивали возможность выживания, занимаясь привычным ремеслом, способствовали структуризации внутригородской общественной жизни, преодолению этнической замкнутости и лингвистической немоты.

Таким образом, материальная культура населения средневековых городов Золотой Орды развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как кочевых, так и оседлых, в процессе урбанизации в новых городах. Массовое градостроительство в степной зоне, приведшее к возникновению не менее 140 вполне узнаваемых городских объектов [Базаров и др., 2004], говорит исследователям о наличии цивилизационного «культурного кода» Золотой Орды. Проблема взаимного дополнения, вызванная сосуществованием двух хозяйственно-культурных систем – мира кочевников-скотоводов и мира городской культуры, сформировавшейся на основе исламской доминанты, – одна из тех исторических задач, изучение которой, как показывает опыт археологов, связана с системным анализом каждого из компонентов культуры. Тем более такой сложной, уникальной и гетерогенной, как культура Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев М.С., Чехович О.Д. «Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в.» / отв. ред. А.К. Писарчик, О.Д. Чехович. Душанбе: АН ТаджССР, Ин-т истории им. А. Дониша, 1972. 163 с.
- Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. (ред.) Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 550 с.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: изд-во АН СССР, 1985. 480 с.
- Крамаровский М.Г., Валеев Р.М., Руденко К.А. Золотая Орда. История и культура. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005. 263 с.
- Кульпин Э.С. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 175 с.
- Российская антропология и “онтологический поворот” / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2017. 404 с.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: «Логос», 2002 (2-е изд., переработанное и доп.). 312 с.
- Скржинская Е.Ч. (сост.). Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей XV в. Л.: Наука, 1971. 275 с.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКК –	Археологическая карта Казахстана
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН РК –	Академия наук Республики Казахстан. Алматы
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АО –	Археологические открытия. Москва
БГПИ –	Башкирский государственный педагогический институт. Уфа
БФАН СССР –	Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ВКО –	Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана, Нур-Султан
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук СССР. Москва
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК. Алматы
ИАК –	Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАС –	История и археология Семиречья. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Алма-Ата
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КазГПУ им. Абая –	Казахский государственный педагогический университет им. Абая. Алма-Ата, Алматы
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
МАЭ –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
МИАР –	Материалы и исследования по археологии России
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд

НИИ им. К.А. Акишева ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Научно-исследовательский институт им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Астана, Нур-Султан
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦ –	Научно-исследовательский центр «Археология и этнография» Кызылординского университета имени Коркыт Ата. Кызылорда
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы- Тасмола». Алматы
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ППБ –	период поздней бронзы
ПТКЛА –	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РА –	Российская археология. Москва
РАН –	Российская академия наук
СКО –	Северо-Казахстанская область Республики Казахстан
СҚО –	Солтүстік-Қазақстан облысы
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТАКЭ –	Термезская комплексная археологическая экспедиция
ТОУАК –	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАВ –	Уфимский археологический вестник. Уфа
УАС –	Уральское археологическое совещание
УрО РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астане, г. Нур-Султане
ЦГА РК –	Центральный государственный архив Республики Казахстан. Алматы
ЮКАЭ –	Южно-Казахстанская археологическая экспедиция
ЮККАЭ –	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск

МАЗМҰНЫ

СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

ӨНЕР, ҚОЛӨНЕР ЖӘНЕ КОСТЮМДЕРДІ ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Вопросы изучения искусства, ремесла и костюма

Аққалиева А.Ш., Несіпбай А.Т.	
Шірікрабат мәдениетіне тән аң стиліндегі бейнелер	11
Железняков Б.А., Ступин О.Н., Железнякова В.Л.	
Петроглифы Кербулака (хребет Малайсары)	18
Сүйіндікова М.Қ.	
Бәбіш мола оазисі Егістік кесенесінен табылған ағаш ыдыстар	30
Жилина Н.В.	
Основные характеристики средневекового костюма и убора из украшений кочевников Евразии IX–XII веков	35
Пилипенко С.А., Камалеев Э.В.	
Реконструкция бокки из раскопок Н.А. Мажитова в Оренбуржье	52
Камалдинов И.Р.	
Чаша с подглазурной росписью из Отрара (раскопки 2018 г.)	58
Төлегенов А.К.	
Меркі, Құлан және Қастек қалаларынан табылған қыш бұйымдарына талдау	64

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ПӘНАРАЛЫҚ ЖӘНЕ ҚОЛДАНБАЛЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

Междисциплинарные и прикладные исследования в археологии

Ермолаева А.С., Курманкулов Ж., Дубягина Е.В.	
Технология изготовления и функциональное назначение в металлургии некоторых изделий из глины на поселении Талдысай	73
Ержанова А.Е., Ауезов К. Ж.	
Каменные орудия с поселения Соркудук (по результатам трасологического анализа)	104
Дашиковский П.К.	
Результаты радиоуглеродного датирования погребения эпохи энеолита из могильника Ханкаринский дол (Алтай)	109
Сараев В.В.	
К вопросу о способе трассировки акведуков в древности и средневековье на территории Жетысу	116
Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж.	
Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы	125
Петров П.Н.	
Некоторые тенденции в развитии джучидской нумизматики в XXI в.	132

Байтанаев Б.А., Антонов М.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х.	
Караултобе в контексте геоинформационных систем	142
Антонов М.А.	
Программное обеспечение для создания реконструкций в археологии, методом трехмерного моделирования	153

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕРДІ ТҮСІНДІРУ

Интерпретация археологических источников

Новожинов В.А.	
К вопросу об особенностях культурогенеза в степной Евразии в свете новых данных популяционной генетики (эпоха древности и раннего средневековья)	161
Поляков А.В.	
Миграционная концепция сложения карасукских памятников на Енисее	176
Пыслару И.	
Скотоводство или животноводство? Вопросы терминологии	186
Чернов М.А.	
К вопросу о специализации погребальной керамики эпохи бронзы по материалам могильника Тесик-I	199
Епимахов А.В.	
Коллективные погребения позднего бронзового века и их интерпретация: катастрофа или повседневная практика?	209
Жамбулатов К.	
Погребальный обряд населения Западного Казахстана в позднесарматское время	216
Rorov S.Y.	
War hammers – a part of the armament complex of the early medieval warrior in the Central and Eastern Europe (7 th –11 th c. AD)	224
Талеев Д.Ә.	
Ортағасырлық Қастек қалашығы мен Қастек асуы жазба деректерде	236
Жумай Г.	
Ұлы Жібек жолындағы ортағасырлық қалалар	244
Овчаров Н.Д.	
Юртовидные жилища и погребения с конем у древних кочевников (тюрков) XIV века на территории Болгарии и их связь с центральноазиатской традицией	249
Крупко И.В.	
Диалог урбанистических традиций Золотой Орды в рамках степной цивилизации	263
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	268

Ғылыми басылым

Марғұлан оқулары–2021:

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына
және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының 30 жылдығына арналған
«Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала»
атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.).
3 томдық. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. 3-том.

Научное издание

Маргулановские чтения–2021:

материалы международной научно-практической конференции
«Великая степь в контексте этнокультурных исследований»,
посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана
(г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.).
В 3-х томах. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 3.

Scientific publication

Margulan readings–2021:

proceedings of the International scientific and practical conference
“The Great Steppe in the Context of Ethnocultural Research”,
dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan
and the 30th anniversary of the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
(Almaty, October 26–27, 2021).
In 3 volumes. Almaty: A.Kh. Margulan Archaeology Institute, 2021. Vol. 3.

Компьютерлік беттеу және дизайн – О.В. Кузнецова
Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Computer layout and design – O.V. Kuznetsova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 01.11.2021 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б.т. 28,6. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 100 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 01.11.2021 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 28,6. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archaeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 01.11.2021. Format 84×108 1/16
Printed sheet 28,6. Times New Roman headset. Circulation 100 copies.

«Хикари» баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online